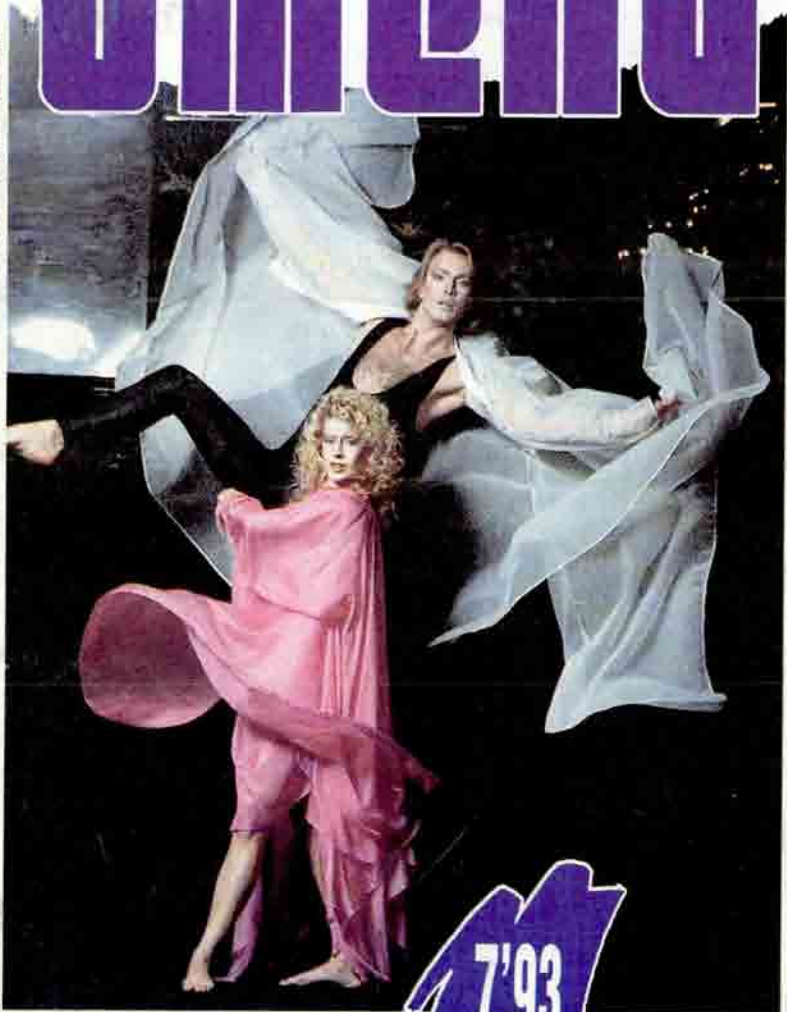

ISSN 0131-6656

СМОНА

СВЕТЛАНА СОЛОЖЕНКИНА • ПОРТРЕТ В РИФМОВАННОЙ РАМЕ

РАССКАЗЫ ИВАНА

7'93

ЛУКАША

Язычок Коломбины. 1913—1915.

Константин
СОМОВ
(Читайте стр. 72.)

7'93

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВЛАДИМИР ГРОШЕВ
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВИДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 21.04.93.
Подписано к печати 25.05.93.

Формат 84×108½.

Бумага «Газетная».

Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,54.

Усл. кр.-отт. 17,64.

Уч.-изд. л. 23,10.

Тираж 29 200

Заказ № 360.

Цена свободная.

101457, ГСП, Москва.

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

257-30-55 — отдел писем

и распространения.

Журнал зарегистрирован

в Министерстве печати

и массовой информации

Российской Федерации. Рег. №166.

250-49-98 — отдел рекламы.

Факс (095) 250-59-28.

Учредитель —

коллектив редакции

журнала «Смена».

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Типография издательства

«Пресса», 125865, ГСП, Москва,

А-137, ул. «Правды», 24.

7 (1545) ИЮЛЬ

© Издательство «Пресса».

© «Смена», 1993.

В НОМЕРЕ:

Проза

4

ИВАН ЛУКАШ. ДУРНОЙ АРАПЧОНОК ТРЕУГОЛКА
Рассказы

52

АЛЕКСАНДР БОРОДЫНЯ. ЗА ПЯТЬ МИНУТ ДО КОНЦА СВЕТА
Рассказ

92

МОРИС ЛЕБЛАН. ЧЕРНАЯ ЖЕМЧУЖИНА
Рассказ

170

ДЖОН ФАРРИС. КОГДА ЗВОНИТ МАЙКЛ
Детектив*Поэзия*

16

СЕРГЕЙ ГОНЧАРЕНКО

67

ГЕРМАН ГЕЦЕВИЧ

103

ВЯЧЕСЛАВ ВАСИН*Человек и общество*

26

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. УХОДЯЩАЯ КРАСОТА

38

ВИТАЛИЙ СВЕТОВ. ГАЛЕРЕЯ ДЛЯ СЫНА

138

АНДРЕЙ ЕФИМОВ. КАЗНЬ ГРУЗИНОВЫХ,
КЛЕЙМЕНАЯ ГРАФИНЯ
Исторические очерки

158

ЕЛЕНА МАСЛАКОВА. ШАНС ДЛЯ ПЬСОГО МИЛЛИОНЕРА*Культура, музыка, искусство*

42

СВЕТЛАНА СОЛОЖЕНКИНА.
ПОРТРЕТ В РИФМОВАННОЙ РАМЕ

На нашей
обложке
актриса
ИРИНА
МЕТЛИЦКАЯ.
(Читайте
стр. 88.)
Фото
ВАЛЕРИЯ
ПЛОТНИКОВА

68

ЕЛЕНА ЮРЬЕВА. «...ПО МОЕМУ ХОТЕНИЮ»

72

ЗЛЬВИРА ПОПОВА. МАСТЕР «ГАЛАНТНЫХ СЦЕН»

88

ИРИНА МЕТЛИЦКАЯ: «ПОПАСТЬ В СВОЕ ВРЕМЯ»

104

ПИТЕР БРАУН, СТИВЕН ГЕЙНЗ. ЛЮБОВЬ, КОТОРУЮ
ТЫ ОТДАЕШЬ

135

ВЛАДИМИР ПОЛУПАНОВ. «ПРИВЕТ С БОЛЬШОГО БОДУНА»

20

ВАШИ ПИСЬМА

280

ШАХМАТЫ, КРОССВОРДЫ

8-93

3

■ **АГАТА КРИСТИ.** «СМЕРТЬ МИССИС МАГИНТИ»

Англичанка Мэри Кларисса Миллер, в первом браке — жена полковника Арчибальда Кристи, известна нам под именем Агаты Кристи, крупнейшего мастера детектива двадцатого века. Вместе со своими героями — маленьким усатым бельгийцем Эркюлем Пуаро и шустрой старушкой Джейн Марпл — она появилась на арене детективной литературы в 1920 году. Ее перу принадлежит около 70 романов, 17 пьес и более сотни рассказов.

В предлагаемом читателю романе «Смерть миссис Магинти» место преступления и расследования — маленький английский городок Бродхинни.

Как и в других своих «романах-загадках», А. Кристи подбрасывает нам разнообразные версии, которые оказываются ложными. И когда Пуаро обнаруживает подлинного убийцу, читатель убеждается, что им мог стать любой из персонажей романа, живущих в обстановке погони за деньгами, выгодой и престижем...

■ **ЮРИЙ ПОЛЯКОВ.** «ДЕМГОРОДОК»

Жанр новой повести Юрия Полякова определить непросто. Это и едкая политическая сатира, и заставляющая задуматься антиутопия, и веселая литературная пародия, и захватывающий детектив, и нежно-печальная история любви. События повести разворачиваются в строго охраняемом садово-огородном товариществе, где после военного переворота собрали всех «бывших», начиная с низложенного президента и заканчивая нашедшим экстрасенсом...

АНОНС:

ИВАН ЛУКАШ

Дурной

АРАПЧОНОК

Туча стояла над Москвою.

Точно всеми четырьмя лапами раскинулась по небу громадная шкура медведя над самым Кремлем.

С вечера яблони побил крупный дождь. Перешел к ночи. Москва темная, пустынная, спящая, свинцово поблескивая шарами куполов, дышала влажной свежестью, чистотой дождя, сырым березняком...

Проблистав зеленым заревом в стеклах, пронеслась бесшумная молния — озарило чугунные фонари, заборы, колоннады, — сухой пальбой раскатился гром.

Будочник, запахнув полы овчинного тулупа, зашел в будку свою, и когда снова зеленоватым сиянием выблеснули стекла, только алебарда его, сверкая, торчала из будки.

Молнии выхватывали тени труб, сквозные пролеты колоколен. По заставам, у Камер-Коллежского вала, вокруг Москвы, толкались, разбегались чугунными кеглями громовые откаты.

Гремела сухая гроза без дождя. От сухих молний высох воздух, ночь стала душнее.

Громада спруженных куполов, чудовищные тени дворцов и строений, — словно вымерла темная Москва, отданная на потоки молний, на бег сухого грохота...

В приходе Богоявления, в приземистом доме о шести комнатах, что на Немецкой улице у Покровки, противу самого Немецкого рынка, порхает в темных окнах огонь.

В зальце шарахают отблески молний в круглое зеркало.

Босая простоволосая девка с опалелыми глазами, коса закружкой, в холщовой исподнице, мягко топчет на антресоли с тазом и полотенцами. У образов, в столовой, сухонькая старушка, стоя на креслах, теплит тонкую свечу, неверно тычется старушечья горсть.

Окна дымно голубеют, дымно гаснут.

— Гапа, Гапа...

Простоволосая девка присела:

— Нянюшка?

— Образа!

— В спальню барыне понесла, дохтур не приказал... Тамо, нянюшка, в уголку, на припечке, усталила, по-над стенью...

— Комоды помоги отпирать, чтобы двери отворены...

— Да отворены все...

Рисунки ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

Ударил гром, точно близко в саду лопнуло пушечное ядро, дрогнули стекла.

Гаша с нянюшкой пали на корточки у комода. Прыгает жидкая косица, мышиный Гашин хвостик.

— Никола Чудотворец, Спасы-угодники, спаси-помилуй. — Няня трясущейся рукой тянет неподатливый ящик.

Ящички скрипят, обдают домашним духом пересыпанных мехов, скатанных скатертей, мятными приправами, настоями, вишневыми, яблоками, сушенными запрошлый год...

— Ахти, барыня завуяла.

Девка стрелой метнулась на антресоли. Нянюшка крестится.

— Куды барин скрылся? Туточки в креслах сидел, а и нет... Куды побег?.. Сереженька... Батюшка... Сергей Львович.

В круглой зальце, у зеркала, няню выхватила молния из тьмы: морщинистая, бледная, в белой пелеринке, сухонькие пальцы согнуты на груди для креста...

Гаша пронеслась вниз стремглав.

— Нянюшка, дохтур! — Передохнула. — Дохтур младенчика вынес... Мокрехонький...

— Слава Те, Слава Те... Барин наш — куды... Батюшка, Сергей Львович...

А барин Сергей Львович стоит на дворе, на ступеньках крылец, без шляпы.

Пошумел внезапный ветер в сиренях, закачало тени деревьев на бульварах — редкие капли застучали по заборам, по крышам, — шумнее, шумнее... Точно отсырев, замигала молния, гром приглух, откатился, задрезжал далеко в дружном шуме вод.

Сбито кружевное жабо Сергея Львовича, расстегнут серый фрак.

По лысому лбу, по носу постукивали холодные капли. Не понимая, он слизывает их с губ.

— Батюшка, да куды убегли, ножки промочите, дождь полетел...

— Дождь? Точно... — озирается. — Надежда Осиповна, Надя... Кричит?

— А и нет вот ни столички. Вовсе справная... Родила.

— Родила? — слизнул каплю с носа, ступил к дверям и вдруг, закрыв руками лицо, всхлипнул шумно.

Няня, легонько подталкивая в спину, ведет барина с крылец в горницы.

— Без шапки убеги... Почивать ступай. Без шапки, пострел...

Стеклопанельная дверь зазвенела. Дождь смутным прохладным шумом ворвался в сенцы.

Будочник, тот самый, что спрятался в будку от сухих молний, теперь высунул голову и, сдвинув на затылок треух, поставил воде и ветру морщинистое лицо.

Ночь посерела, стала водянистой, мутной. Шумели дружные воды о мостовую, как мокрые шапки бесчисленных прохожих...

А наутро Москва, умытая, светлая, играла на солнце, в тумане теплых рос громадой влажных самоцветов, дымно вспыхивала вишневыми, зелеными огнями.

Полыми шарами плавают к ранней звон. Над самым Кремлем,

в зеленоватом, нежном небе, дремлют белые стайки утренних облаков.

У гауптвахты, мимо полосатых столбов, гремя барабанами, прошагали солдаты. Высоко поднимают все ногу, у всех белые гамаша до колен. Сияют белые ремни на синих кафтанах, лица красные, как из бани, букли белые. Широко плещут солнцем медные гранадерки. Пронесли солдаты медный блеск орлов, гул барабанов...

Чиркая мокрыми колесами, кренясь во грязь, поплыла коричневая карета у Иверской. Гайдук верхом на пристяжной, треуголка поперек лба, машет бичом, а долгие ноги, как жерди, волочатся с коня, и жижей обрызганы чулки.

В зеркальных стеклах кареты дрожь солнца, березняка, отражения голубых луж, бородатых мужиков, красных платков, гречивиков.

Над сияющими лужами дымит розовый пар.

От Иверской доплыла карета на Немецкую улицу. Барин в коричневом фраке, полный и круглый, проворно выпрыгнул на мокрые мостки.

Зальца залита солнцем. Дрожит свет на хрусталиках люстры, сечет косыми дорогами светлый воздух, до красных спинок диванов.

Девка Гаша взвизгнула, шарахнулась дико...

— Василий Львович приехали...

Коричневый барин замахнулся на нее треуголкой.

— Что с девкой случилось?

Няня в белой пелеринке, светлая, чинная, приняла треуголку из барских рук.

— Батюшка, Василий Львович, да когда радость в доме: Бог мальчика дал.

— Махонький вовсе младенец. — Гашина косица трясется, показывает девка на пальцах младенца не больше вершка. — И мокрехонькой...

Вошел в зало Сергей Львович, бледный, помятое лицо, рыжеватый кок на лбу спутан.

— Поздравляю, поздравляю, — улыбнулся коричневый барин. — Сказывал, будет благополучна.

Звучно поцеловались, жмурятся оба от солнца.

— Ах, намучился... Ночь без сна.

— Я тоже не спал: сочинительствова... Надя благополучна, дозволено к ней?

— Прошу...

Братья идут мимо окон под руку.

— Славный день, веселый день, — говорит круглый коричневый барин. Подмигивает у него глаз. — По ночи сочинял, а утром ведомости пришли... Старик-то наш Суворов... Ровно ветром сдунул с Италии мерзостный якубицкий колпак... Смотри, милый друг, вчерашние ведомости пишут: российскими войсками Милан взят... Да где они у меня?

Порылся в заднем кармане, на спине наморщился коричневый фрак:

— Фельдмаршал пишет в реляции своей: при вступлении

моем в столицу Пьемонта я с радостью зрел общий восторг жителей, освободившихся от бремени тяготевшего над ними притеснения. Ныне спокойствие, согласие и порядок в целом Пьемонте...

— Да, слава Богу, победа.— Сергей Львович быстро, косенько покрестился.— А какое имя мальчишке-то дать?

— Я тебе про Италию, ты мне про святцы... Александром его назови, во славу побед российских.

В спальне, в полусвете опущенных штор, сквозит солнце, зеленый туман берега. В шелковом белом чепце лежит на высоких перинах барыня Надежда Осиповна. Смуглые щеки горят румянцем. Без сил пали по одеялу желтоватые руки.

— Устала, ангел мой?... Брат поздравить пришел.

Надежда Осиповна повела бровью, пожевала горячими губами, улыбнулась едва.

— Благодарствую... Мне бы его посмотреть... Мальчика принесите, не видала еще...

На желтой подушке, в кружевах, несла его в барскую спальню нянюшка.

А за нянюшкой шла Гаша, за Гашей Дарья и кучер Антон в плисовом камзоле и дворецкий Кир, старец белоголовый и ветхий, в гродетуровом кафтане покроя старинного, и казачок Петька, и повар Андрон, тучный и грустный, во французском жилете, да еще девка Фенька, да квелая Нюша, да две старушки, Бог их имена веши, что с позадворья,— барские дворовые московского дома.

8 Шли они по залу по самой солнечной дорожке, чинные, благолепные, и жмурились все от солнца. Петька подсмаргивал носом, покуда ветхий Кир не дал казачку шелчка. Петька от внезапности открыл рот, да так с открытым ртом и остался...

Нянюшка вошла в спальню, а все другие, точно их качнуло волной, кинули руки до полу в низком поклоне, загудели недружно:

— На сыночке твоём поздравствование прими.

— Подите, подите,— едва подняла желтоватую кисть Надежда Осиповна.— Мальчик мой где?

Нянюшка, поджав запалые губы, поднесла к постели желтую подушку. Там шевелилось, выказывало ручки и ножки нечто темное, сморщенное.

Надежду Осиповну приподняли под локотки. Корчится на желтом шелке маленькое смугло-темное тельце, темная крошечная головка, старческая гримаска,— нос приплюснут, волос тусклый, курчавый, с рыжиной, как войлок, щелинки глаз...

— Арапчонок! — вскрикнула Надежда Осиповна.— Фу, какой дурной арапчонок.— И отвернулась к стене, закусив губу, заплакала: — Арапчонка родила... На всю Москву стыд... Арапчонок... Д-у-у-рой.

Сергей Львович, накручивая на палец рыжеватый кок, растерянно улыбался. Василий Львович утешал:

— У тебя первая материнская блажь... Изнемогла... Иманжинируешь... Обожди, красавцем покажется... А хотя бы и прямой арапчонок. Стало быть, в деда пошел, в Аннибала.

В детском покое, где лепечет у окон березник, за тафтиным сквозящим пологом шевелится нечто. И ворчит старая барская нянюшка:

— Арапчонок.. Кровинку свою, да оскаредить таким словом.. Не арапчонок он, а дворянский сын Пушкин.. Видано ли, чтобы у бар арапчата рожались.

И чуть пошевелится за пологом, толкнет нянюшка зыбку тощей рукой и тоненько запоет:

Жил-был кот воркун.

Жил без лиха коток..

В Москве, 29 мая 1799 года, родился Пушкин — в ночь на весеннюю грозу. А от купели нарекли его Александром — во славу лавров российских.

ТРЕУГОЛКА

9

В пятницу, в три без четверти пополудни, Пушкин отошел..

На другой день в Санкт-Петербурге дымила пасмурная оттепель. У дома княгини Волконской, что по набережной Мойки, за Певческим мостом, поживаясь под моросивом, дежурили в подворотне два квартальных надзирателя.

С утра разные люди приходили поклониться гробу усопшего. В покоях нижнего этажа, где квартировал Пушкин, под сводами, ходил хмурый дым, нанесенный дыханием и влажными шинелями проходящих.

В голубой и желтой гостиной многими следами были заслезены пашки паркета.

В тягостной суматохе похорон забыли на письменном столе рукописи покойного, стопку синеватых листков. Сквозняки тихо мели их под ноги, на пол. Один из пришедших, морской кадет, бледный мальчик с годубыми прожилками на висках, подобрал синие листики, уже придавленные мокрыми каблуками, точно коричневыми отпечатками подков, и подложил под бронзовую чернильницу с негром.

Гроб Пушкина стоял в кабинете, на козлах. Пушкин лежал головою к окну. Он был в черном фраке, руки в замшевых желтых перчатках скрещены на груди. На его крутом лбу тусклым пятном, как тонкий серебряный рубль, светились зыбкие сумерки.

Камердинер Пушкина, слуга Алексей, светлоглазый румяный парень во фризовой шинели, пробирался в тот час на задворках, по талому снегу к воротам.

В тот час слуга вынес за пазухой с задних крылец барскую шкатулку и треуголку. В погребцах баре хоронят столовое серебро, а то свои прихоти, граненые стаканчики и хрустальные фляжки, оплетенные в зеленый сафьян. А черная, с заерошенным ворсом, треуголка покойного барина попала заодно под руку.

До вечера со шкатулкой и треуголкой под шинелью ходил слуга по всем Подьяческим и Мецанским, из трактира в трактир.

Треуголку не брали: грош ей цена, молью проточена, а за барский погребец, хотя и потерта кожа, целовальник в «Трех Ягодах», что у Кукушкина моста, отсыпал камердинеру пригоршню медных пятак.

Была набита шкатулка писаной бумагой.

— Виду в ней нетути, — равнодушно почесал целовальник бритый затылок. — Не за что деньги платить... А бумагу, земляк, себе прибереги: нам не надобно.

— А ну!.. — мигнул белыми глазами слуга и смахнул под стойку листки...

Отошла вечерняя панихида в доме княгини Волконской.

Горький дух ладана плавал в нижних покоях.

В углу кабинета, на канаве, тиская в пальцах намокший платок, сидел старый Жуковский. Его обритое лицо, с мешками у глаз, было заплакано. В темноте едва светился серебряный рубль на высоком челе усопшего.

Монашка, черная, худенькая со спины, как девочка, часто крестилась и кланялась у аналая. Потом придвинула к себе аналой — точно пробуя, крепко ли он стоит, звонко щелкнула застежками Библии и откашлялась в кулачок...

Слуга Алексей на погребец поминал барина с чужими форейторами. Чей-то выездной кучер, борода в оклад, потянул от него треуголку, напялил поперек головы и ослабил. Потный нос кучера был в веснушках:

— Не скарденчай, душа, помянем как след барина... Он у тебя в каких ходил: енарал какой аль неслужащий помещик?

— А кто его знает... Барин добрый, не почаству гневался... Сочинитель... А чего сочинял, нам неведомо. Грамота нам не положена.

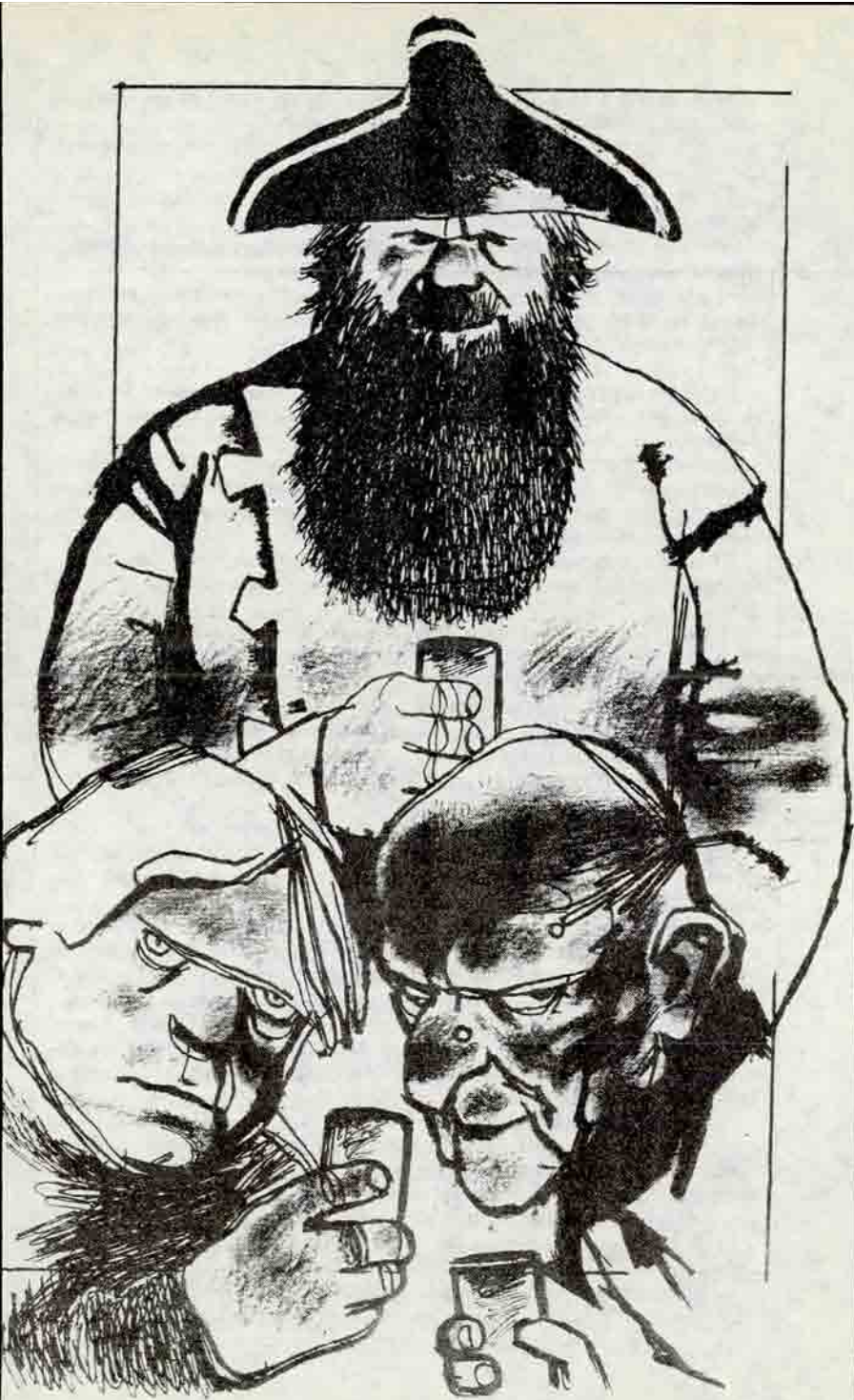
Гремят двери, кирпич визжит на блоке, крутит у притолки мочальную веревку — морозная мгла кидается с улицы.

Мутно галдит, машет руками, орет, бормочет постоялый двор.

— Который подходи, — зовет кучер. — Митрофаныч барина поминает.

И макает тут же в солонку луковицу, хрустит челюстями, чмокает, ласково щурится в дым. Слуга Алексей все хочет сказать, что Митрофанычем звать его понапрасну — Матвейч по батюшке, — но народ подходит, ему наливают, он наливает.

— Это который Пушкин, на Конюшенной который, в номере пятом? — сурово осведомляется кряжистый возчик, отчесывая пятерню иней с черной бороды.

— А и-и-и нет,— пьяно улыбается Алексей.— И не бывало того, чтобы мы на Конюшенной да стояли...

— То другой, в доме, вишь, пятом... А эфот важнеющий, братец мой, енарал.

Кучер подмигивает, двигает веснушчатый носом, смахивая капли пота.

— Этта барин евоный, весь, братец мой, как есть в регалиях, кавалериях. И добреющий, братец мой, енарал.

— Пушкин, на Конюшенной который, о прошлом годе мне спину наkostenял,— сухо и равнодушно, себе самому, говорит чернобородый возчик и опрокидывает в глотку вино.

— Царство ему небесное, когда так...

Барская треуголка качается на голове кучера черным челном. И тень огромного челна, мешаясь в тени рук, носов, бород, качается на балках, прометывая по лицу целовальника.

Целовальник, с одутловатым, маслянистым лицом, похожим на сальное колено, все подергивает выпущенную из плисового жилета полшаловую рубашку, все поплевывает в бок, чуть высовывая кончик языка.

Дымит прокуренный трактир «Три Ягоды» прелой вонью армяков, псиной, грязным снегом, тяжелым духом сивухи — свинцом.

Лакей в штопаном синем фраке, кадычное горло в три обхвата обвязано затасканным красным фуляром, голова как есть наголо брига,— тянется к Алексею.

— Налей, братец, за упокой... Да слышь, братец, налей.

— Кто такой, голая голова? — Кучер оправил треуголку.— Не давай ему, Митрофаныч... Без него спразднуем.

— Налей во помин души... Музыканту, братец... Иззяб.

— Цыц, ступай! — Кучер прикорнул.

— Да ништо, дай ему,— тянет жалобно Алексей.

Музыкант в синем фраке проглотил вино, пожевал запальными губами, выказав в черной дыре рта один коричневый зуб. Ухмыльнулся:

— Поминайте барина... Он, как говоритса,— добродетель и благодарственная слеза... А у меня барин шальный был, вздорный. И поминать его нечего: прямой дурак. На актерок разорился. Подох... Бывало, кликнет — Андрюшка, едем... И едем... Тридцать тысяч верст, во всякие заграницы... В как его — Штутгарт... Воли барской не ослушаешься... Царство ему небесное: хороший барин был, обходительный. А помер от вздору... Твоего как по имени-изотчеству?

— Александра Сергеич.

— За упокой души раба Божьего Александра. Аминь... Ишь, сука, ожгла. Цитварное семя в тутошнем трактире мешают, выжиги... Какую барин должность имел?

— А и-и-ине знаю,— пьяно улыбулся слуга.— Сочинитель.

И от этого слова улыбка расширилась, замигали мутные глаза, слуга потряс головой и, всхлипывая, заплакал.

— Сочинитель, Александра Сергеич.

Музыкант хмуро нацедил вина, хмуро выпил.

— У тебя сочинитель, чиновник, полагать надобно, у меня

корнет. Все одно — баре. Дворянство, как говорится, расейское. Моего из Гродненского полка выгнали — карту на глазах начальства передернул... А когда в заграницы ездили — Лондоны там аграмаднейшие, Парижи... И в том, как его — Штутгарте, — там все чисто, все тебе картуз ломают. Какая мамзель или кто из тамошнего дворянства — каждый тебе: «Здрасьте, мусью, прощайте, мусью». Вежливость. Там всякому вольность положена и рабов нет. А ты — скот, и я скот. Твой мордасы на что положены? Чтобы бить... Барин подох, ну и подох. А реवेशь. Сволочь ты, когда так... Мне мой шушерник скажет: Андриюшка, хамская морда, ты есть человек, я есмь человек — вольность, суть закона естества, как помру, я тебе, подлецу, отпускную дам... Помер, про отпускную забыл. Заимодавцы мне пашпорт на оброк выдали... А на кларнет-а-пистоне я дуть не могу: грудь отшиблена. Сволочь.

— Ты чего лаешься, арестант? — посмотрел кучер на музыканта пьяными строгими глазами.

— Я не арестант, — хмуро, без обиды, отозвался тот. — В госпитале голову оголили, когда в горячке лежал: еще щетина не вылезла... Известно, немецкие штуки русского человека морочить.

— А я, братицы, покрал, — вдруг широко, бессмысленно и лукаво улыбнулся Алексей. — Все покрал: погребец евоинный, бумаги тамошние, треуголку, как есть... А и-и-покрал, ей-Богу, все до остатнего, как ки-шпеечку...

В доме княгини Волконской, в полукруглых окнах, дымит петербургская мгла. Из кабинета слышен грудной бабий голос заупокойной чтицы-монашки.

— К Тебе взываю, ибо Ты услышишь мя, Боже. Преклони ухо Твое ко мне, услышь слова мои...

Жуковский, очень бледный, заплаканный, сидит в креслах, в столовой. Разбирает при свече бумаги покойного.

Перстень, о котором не раз говорил милый Пушкин — золотой, тяжелый перстень с желтоватым осьмигранным сердоликом, — нашелся на столе.

Бедный Александр, Сверчок, грустно шутил: «В нем мой магический кристалл».

Старик поднял перстень к свече. В желтом камне заскользили еврейские буквы, легкие крючки. Перстень пришелся на белый, старчески пухлый, мизинец. Шевеля мягкими губами, Жуковский пошептал молитву. Придвинул листки.

Черновики. Почерк без нажима, косой, — крылатые буквы летят, исчерченные строфы, волнистые длинные нитки переносов, и тут же профиль пером — головка гречанки в густо зачерненных буклях, скелет в ботфортах, шпага и крест.

Прищурясь, Жуковский поставил лист к свече, от себя. Читал, шевеля губами:

*А между тем за край одежды
Тихонько дергают его
Глушцы —*

Зачеркнуто дочерна. И новая строфа:

Таков поэт: как Аквилон,
Что хочет, то уносит он:
Увядший лист, прах площадной
Иль купол...

Зачеркнуто. Пером нарисована нога арабского скакуна. Лист с краю оборван...

— От людей рукою Твоею, Господи, от людей мира, которых чрево Ты наполняешь от сокровищниц Твоих...

Причитает робкая чтица.

Жуковский неслышно, в мягких, чуть скрипящих башмаках, идет к окну. Теперь он похож на большого седого кота в черном фраке.

Дымит петербургская ночь, холодная бездна, пустыня...

Бедный Сверчок — бедная Наташа. Сегодня ее гибкое тело изогнулось судорогой от рыданий, точно у цирковой девочки-акробатки.

Ее унесли. Александр звал Наташу «Косой Мадонной». Бедная Косая Мадонна...

— Увядший лист, прах площадной... Прах площадной...

Еще наемни Пушкин приезжал к нему в Царское Село. Сумрачный, смуглый, изыбший, сидел в стороне у камина и промолчал весь вечер, мешая пестом уголья за медной решеткой. Слушал метель...

— Александр, Александр, — бормочет Жуковский, прижимая лицо к ледяному стеклу. — Что же без тебя будет с нами, с Россией?.. Господи, свет погас... Тьма... Господи, исчезнет Россия.

— «Вошел во глубину вод и быстрое течение их увлекает меня», — слышен псалом.

Жуковский заплакал. Слезы бежали обильно, горячили рыхлую шею, осевшую на плюшевую сорочку...

В ночь на 30 января хватило суровым ветром со Взморья, и поднялась колючая метель.

Снег швырял копыя в закрытые ставни, в заборы, в полосатые будки кордегардий. Погасли редкие фонари.

Слуга Алексей, господский кучер и музыкант — втроем шли от Кукушкина моста впотьмах, против ветра. Скрежетало железо на крышах.

Закручивало жгутом обмерзлые полы фризовой шинели Алексея, кучер поддернул поддевку под кушак, музыкант во фрачишке своим подпрыгивал на одной ноге...

— Стой! А баринов картуз куда подевался? — опомнился слуга. — Треуголку мне подавай.

— А, картуз.. Митрофаныч, беда... За картуз отвечать будешь... На Съезжую... Найти надоть.

И оба сели в сугроб. Ползали на карачках, дышали друг на друга горячо, тошно прокисшей сивухой.

— Митрофаныч, — дико и ободряюще шептал кучер. — Сюды залазь... Поспособнее, ежели в сугроб. Митрофаныч, сюды... Без картуза никак невозможно: на Съезжую.

А музыкант размахивал руками и что-то кричал, захлебываясь студеными ударами ветра.

— Ты чего лаешься? — опираясь на руки, поднялся из сугроба кучер, огромный, черный медведь.

Музыкант хлопал ладонями по бокам, как петух, визжал. Слуга и кучер видели в косом снегу только морщинистую щеку музыканта, нос крючком, выкаченный его глаз, мигающий от снежной крупы.

— Харя, харя, — силло вопил, перегибаясь от смеха, музыкант. — Вот она, треуголка... На мужике... Мужик в треуголке.

— Ты чего прыгаешь? — Кучер передохнул, точно в нем сдвинулось что-то сильное, темной громадой шагнул к музыканту в сугроб. Размахнулся.

Музыкант застонал. Слуга ударил так же, как кучер, силло передохнув.

Они били молча, как железными балками, не видя, кого бьют, и шатались от невидимых ударов. Три темных, громадных звери дрались на сугробе, без звука, сами не ведая за что.

Музыкант осел. Слуга и кучер затоптались над ним, гакая и сопя, точно рубили дрова...

— Не замай, Митрофаньч, — перевел дух кучер. — Никак вовсе зашибли.

В сугробе молчало темное, распростертое. Кучер пошарил и наткнулся на холодный сапог.

— Зашибли как есть, Спасе Сусе, — сунул поддевку под кушак, шагнул через сугроб. Побежал.

Храпя, как дикие лошади, бежали они по набережной. И с разбега оба шарахнулись у переезда на будочника, который как раз грел над костром костлявые ладони.

Со Съезжей в дом княгини Волконской заходил на другой день квартальный надзиратель оповестить ее светлость, что на слугу покойного камер-юнкера господина Пушкина, дворового человека Алексея, надели колодку, а барская шкатулка отобрана у ценовальника.

Треуголка исчезла. Затоптали, надо думать, треуголку покойного в сугроб, или с набережной сдул ее ветер на льды в Неву, понес в метель...

А через два дня на почтовом дворе под Петербургом трое жандармов суетились у телеги, где стоял чей-то гроб под рогожами, в мокрой соломе.

Жандармы торопливо перепрягали лошадей. Узлы намокнушей шлеи не слушались пальцев.

У ворот, в сырых армяках, толпились дорожные мужики. Жидкие бороды трепало по ветру, домотканые порты вздувало пузырем над черными, насосавшимися дождя и грязи лаптями.

— Сказывают, Пушкиным барина звали, — говорил один. — Не наших местов. Таких бар в наших местах не водилось.

— Точно был, бригадер, — шамкает старик, — да уж померши...

— Сказывают, из ружжа убило. Как его сгануло, так и везут по начальству.

— Не его, он самый из ружжа стрелил. Убивец.

— Убивец, а — грех Господень... И видать, что убивец... Вишь, его мчат на почтовых в рогожке, прости Господи, словно собаку...

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Меж двух стеклянных пузырей
струя песчаная сочится.
Ни медленнее, ни скорей
беде и счастью не случиться.

Перетекающий песок,
чья меряющая сыпучесть
не столько серебрит висок,
сколь причащает Бездне участь.

Что Бездна? Сия и свет без дна.
Струится луч песка отвесно...
На небесах у нас одна
звезда... Но сколько прячет Бездна?

≡

Все вылеплено, как из воска:
холмы, хребты, туман летучий...
В Железноводск из Пятигорска
вползает грозовая туча.
Все тоньше, чем клинок у сабли...
С тенгинским теньканием льдинок,
созревши, замирают капли,
не прозревая поединок.
Все так замедлено на грани
меж пропастью и гордой кручей,
что так и кажется: не грянет
тот пистолет в тебя, поручик...

≡

Вечерний взлет горы Железной
и скал налитые сосцы,
и луч свободы бесполезной,
которой не свести концы
с концами меж луной и синью,
и тучею пороховой...
И все ж не взять того трясины,
что в сердце и — над головой...

≡

Ах, страбургские страсти по Морфею!
Добраться до кровати и упасть...
Эльзас — среди фей и эльфов суховею
над илом Иллы властвовать ли влать?
Но все ж — не Вы ли тенью просквозили
по лестнице ли, сквозь ли жалюзи

гостиницы? Не Вы ли? Или в Илле
все сто дорог — залог одной стези?

==
Белый снег здесь не совсем и белый,
а как будто пополам с травой.
Луг альпийский, что Господь ни делай,
все равно останется собой.
Снег идет. Еще не облетели
клены, а пороша — о стекло.
Боже мой, здесь даже от метели
не тревожно в сердце, а — светло.

==
Над облаками тек корабль,
но иногда мелькали все же
внизу кораллы ли, кора ль
земной и водной скорбной кожи.
Казалось, близко до небес,
далеких столь от наших улиц,
но различить, где Бог, где бес,
я мог все так же — лишь ссутулясь.

==
Ах, что же все ж мы натворили!
Не те, что сволочи, а — мы!
Мы открыли дверь горилле,
врата — нашествию чумы.
Ах, как мы трудно прозревали...
Благими помыслами — в ад?
Да, в геноциде геноцвали
любой из наших виноват.
Еврей, грузин ли или русский —
один и тот же монастырь.
Никто не выдержал нагрузки,
но каждый нес в себе Сибирь.
Гляжу в упор на наши рожки:
пшеница горше редкой ржи...
С Кубани — мать. Дед — с Запорожья.
А я — с огрызка ржавой лжи.

==
(из Мигеля де Унамуно)
Кристаллы, кристаллы, соцветья
во мглу погруженной земли.
Когда расцвели вы, на свете
другие цветы не цвели.
Нацежен был мало-помалу
из мрака лучистый хрусталь,

чтоб стало под силу кристаллу
вместить невместимую даль.
Тускла на свету, но как факел
кристалла живая свеча
пылает во мраке...
Во мраке —
начало любого луча.

ЭСКОРИАЛ

Ах, сколько скорби ты, Эскориал,
в себя вобрал... Но — королевской скорби.
Скупые слезы... Сколь себя ни горби,
ты все равно — король, а не коралл.

Смотрю сквозь монастырское окно
на купола и трепетные башни...
Твои каштаны выцвели давно,
но видит завтра, а не день вчерашний.

Скорее бы, скорей, Эскориал!
Не ты ли учишь скорби и терпенью?
Эскориал, я женщину узнал
такую, что я стал твоей ступенью...

ЭСКОРИАЛ-2

Эскориала светлые кресты
на фоне столь вечнозеленых сосен...
Характер у Филиппа был неспосен —
все говорят... А жажда высоты?

А эти камни под ступней и в небе?
А чешуя бегущих в небо крыш?
Холмы вокруг не думают о хлебе
и не считают бары и барыш.

В одном порыве сосны и каштаны
зеленым пламенем объяли высь...
Филипп, я здесь,
быть может, гость нежданный.
Но Россинант расседлан.
Не гневись.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Свет ли сыплет белой тенью
или падает листва?
Новый снег, как наважденье
накануне Рождества,
то есть в самый день рожденья
всеобъятного родства.
Заматаются зигзаги

просверлившей тьму стрелы.
Припадем и мы ко флаге
снежной браги белой мглы.
Не сыскать врага в овраге:
все вокруг белым-белы.
Все размазаны по кругу,
по руладе соловья,
возвращающего вьюгу
прямо на круги своя.
Это ворог или морок,
заморочивший меня?
Это порох или ворох
сучьев посреди огня?
Белым пламенем метели
разгорается костер,
но на пламенной постели
красных искр никто не стер.
Лед не в лед.
Но в лет не бейте
сердце горе — кораблю.
Я поверю только флейте
то, как я тебя люблю.

ПЕССИМИСТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

Свисток востока в гавани Стокгольма
всверлился в тишь, и белый пароход
стекло воды взрезает столь окольно
вчерашней памятью...

А русский флот
горит на горизонте парусами:
петровским белым пламенем горит...
Какого черта!
Сами мы с усами,
и сам Сусанин нас не укорит
уже ни в чем. Кончается держава.

Орет народ.
Корячатся князья.
И жало у клинка настолько ржаво,
что ради чести обнажать нельзя!

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

- Почему у свекрови душа болит
- «Не торопись жаловаться на жизнь»
- Наши колдобины — лучшие в мире

20

Растила я сына одна, без мужа — разошлись, как только поняла, что водка для него важнее семьи. Надо сказать, в моей жизни был один момент везения — моя замечательная мама, простая, неграмотная, но удивительно мудрая, тактичная, терпеливая женщина. Конечно, сын практически был на ее руках — ни в садик, ни на продленку, ни мне бюллетеней. Правда, и я с друзьями-подругами не гуляла, в выходные — всегда дома, в отпуск — только с сыном. Мы с мамой буквально тряслись над ним: в спецшколу провожала его я, встречала бабушка. Сослуживцы иногда подкалывали меня за такую опеку, но я не обижалась, усилия наши даром не пропали: сын рос добрым, ласковым, послушным, и на душе было то, что и называется, наверно, счастьем. Учился он хорошо, школу окончил на одни пятерки, да и институт — с красным дипломом. Мама к тому времени умерла. Жили мы на мою среднюю по тому времени зарплату и повышенную стипендию сына. Правда, сын подрабатывал — полставки (рублей тридцать, кажется) на кафедре, да технические переводы с английского за копейки. Не богато жили, но хорошо — без ссор, без каких-то проблем переходного «трудного» возраста: никогда он ни джиг-

сов, ни «магов» не просил, не курил, не пил, как другие подростки. Зато мне самой хотелось его порадовать: покупала хорошие книги, марки начал собирать серьезно — ради Бога, на море отдыхать каждый год ездили (без шика, конечно, денег с собой было из расчета пять рублей на двоих в день). И не важно, что многие годы у меня не было второй пары колготок, а зимнее пальто носила пятнадцать лет (с его первого класса до окончания института), главное, на душе было тепло и спокойно. Родители меня поймут: если и есть счастье в жизни, то оно в хороших детях.

Сразу после окончания института сын женился, и хотя в душе я была против — «благословила». Жить они стали отдельно, и вот уж семь лет прошло, а я успокоиться не могу. Не приняло невестку мое сердце: неузная, эгоистичная, наглая. Разговоры только о деньгах. Конечно, известно, какие у инженеров зарплаты, но все эти годы я сына одевала-обувала, и ее родители тоже помогали. При этом Света отдыхать могла только в южных санаториях, пользоваться только французскими духами, ну и все прочее хотелось ей иметь по высокому разряду. Ничего в этом плохого, конечно, нет, да и кому в моло-

дости не хочется нарядиться и покрасоваться? Только вот почему-то моя невестка убеждена, что все это ей должны преподнести на блюдечке с золотой каемочкой, все должны на нее работать, дарить дорогие подарки. Она, с восемнадцатилетия имея золотые колечки, сережки, цепочку, могла сказать за столом своей маме, что такую железную брошку, как у нее, она бы никогда не надела.

Конечно, мой сын уже бросил аспирантуру, работу на кафедре и со знанием английского, компьютеров устроился на побегушках в какую-то фирму. Светлана сейчас без работы (в их НИИ прошли сокращения), а запросы барские остались, да зависть берет на тех друзей, кому удалось устроиться в коммерции, вот и пилит она сына. Осунулся он, глаза провалились, бегает уже на двух работах с утра до ночи, без выходных, два года без отпуска, — ни поест толком некогда, ни почитать, ни подумать.

Я сейчас на пенсии, сижу вечерами одна и думаю: зачем надо было мне стараться, отказывать себе во всем, из кожи лезть — вырастить умного, деловитого, порядочного человека, чтобы бегал он ради тряпок да побрякушек для алчной, ненасытной мецанки. Переубедить я невестку ни в чем не смогу, думаю только: вот будут свои дети, может, поймет, если достанется ее сыну такая жена... А моя жизнь прахом пошла, пропала!

К. И. ФОМЕНКО,
Московская область

Я коренной петербуржец, но сейчас нахожусь в колонии строгого режима на севере Мурманской области. Зовут меня

Кирилл, мне 26 лет. Я очень люблю «Смену», но, к сожалению, сюда очень редко попадают номера вашего журнала, а то, что есть, зачитывается до дыр. Особенно трогает раздел «Читатель — «Смена» — читатель». Вот где действительно подтверждается выражение «сколько людей, столько мнений» — в письмах люди выплескивают все наболевшее. Я долго думал, прежде чем написать эти строки, — подтолкнуло меня письмо моего земляка Ярослава (в № 3 этого года). Дело в том, что я уже пережил все, что он испытывает сейчас, и хочу дать совет, хотя нужен ли совет из колонии? Но все же...

Ярослав, в свое время я тоже пережил сильное потрясение: мне изменила любимая девушка, вышла замуж за моего друга. Я, как и ты, потерял веру в любовь, в людей, наделал массу ошибок, за которые расплачиваюсь и по сей день. Чуть было не покончил с собой, но вовремя остановился, одумался. И знаешь, что меня остановило? Попал мне в руки роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Читая книгу, я анализировал свои поступки, сопоставляя жизнь и действия героев Чернышевского со своими. Я многое понял, прочитав книгу, а главное, ужаснулся себе. Разве я мужчина, думалось мне, ведь я тлюпик, слюнтяй. И что я дал любимой девушке, что мог дать в будущем, если сам был ничтожеством? Ведь если взглянуть внимательно на историю человечества, ясно, что всегда, во все времена, настоящие мужчины жили и боролись ради самого прекрасного на свете — ради женщины. И зря ты, Ярослав, плохо думаешь о всех женщинах. Зря. Не важно, в какие штотки ты одет, какой

слушаешь магнитофон, если ты мужчина, ты никогда не станешь нытиком. Первое, что сделал я, — это бросил курить, занялся собой, работал как вол. Конечно, трудно забыть то, чем жил совсем недавно. Но ведь мы, мужчины, существа сильные и должны уметь сдерживать свои чувства, а не плакать в подушку. Подумай об этом, Ярослав, оглянись вокруг — мир прекрасен, а жизнь — это самое дорогое, что дала нам Матушка-природа, и нужно уметь или научиться любить и ценить ее.

КИРИЛЛ ЧЕВАЧИН

Меня глубоко задело письмо Ярослава из Санкт-Петербурга. Ярослав, как ты можешь оскорблять всех женщин и свою любимую в частности? Ты ведь тоже предаешь своим письмом ту, которую любил. Можно понять твою боль и отчаяние, но зачем обвинять во всем девушку? Она ушла от тебя — задумайся, может, просто не сумел ты стать для нее единственным.

А теперь о главном — о большем, светлом чувстве. К тебе оно пришло, хотя и неразделенное. И тебе оно очень нужно. Точно так же любовь нужна и женщинам: каждое существо тянется к ласке, ищет надежности и понимания. Вот твоя девушка и нашла все это в другом.

Сколько раз случались у меня разные знакомства, и каждый парень в первый же день предлагает постель. Так что же, теперь обвинять всех мужчин, всех презирать? Я, кстати, тоже учусь в училище, и пацаны наши частенько собираются у кого-нибудь на квартире и по очереди спят с общими девочками. Им — и тем, и другим — не

нужна любовь, они представления не имеют о верности, глубоких чувствах (их можно лишь пожелать, что дано им чувствовать только телом). Но ведь есть же и другие (и женщины, и мужчины), которые хранят в своей душе прекрасное, чистое желание настоящей любви. Они ищут друг друга и готовы отдать другому свою душу, свою жизнь. Конечно, может, и не каждый найдет свою «половинку», но нельзя озлобляться. Жизнь длинна и непредсказуема. Ты способен любить — это уже счастье. И женщин, способных любить, много. Значит, надо добрым взглядом посмотреть вокруг... А вот когда встретишь свою новую любовь, станет тебе неловко за оскорбительные слова в наш адрес — о предательстве, лживости, тряпичных болезнях. Словом, не озлобляйся и не переходи на сторону предающих.

**ОЛЬГА,
г. Березники**

Читаю письма, напечатанные в «Смене», регулярно — очень интересно. Особенно когда мужчины пишут, что их бросили любимые женщины, обвиняют нас всех в неверности, жалуются на жизнь. Прямо-таки поразило меня письмо Ярослава из Санкт-Петербурга, который понял, что женщины лживы, не способны любить, ценить дружбу. Вот это вывод! Разве все женщины одинаковы? Может, вам, Ярослав, попалась такая, а может, вы сами виноваты? Впрочем, не мне судить... Иное хочу сказать. Вы же мужчина — не падайте духом, проявите волю, терпение, наконец. Обязательно проявите то, что поймет вас, поможет забыть прои-

лые обиды. Правда, такого счастья обычно приходится ждать долго. Я, женщина, по природе слабее духом, но никогда не жаловалась на свою судьбу, хотя жизнь у меня была не сахар. Родилась в деревне, после школы поехала учиться в ПТУ, училась неплохо, но, когда вернулась в село, работы по специальности не нашлось. Росла я без отца, мама растила нас троих. Я старшая. Жили тяжело, бедно, даже в школе я была одета хуже всех. Но меня не интересовали ни одежда, ни «проблемы» моих ровесников. Я выбрала одну цель — учиться, встать на ноги и помочь маме вырастить младших. Не то что парня любимого, подруги ни одной у меня не было. Но я не отчаивалась. Теперь у меня есть все: и модная одежда, и магнитофон, и дома все в порядке. Добилась всего своим трудом, ни на кого не обижаясь, никого не ругая. Мне двадцать лет, и я хочу сказать своим сверстникам: не торопитесь жаловаться на жизнь, не нойте, не просите помощи — только своим трудом можно добиться благополучия, душевного равновесия, счастья. Если мне напишет кто-нибудь, буду рада и обязательно отвечу.

ВЕРНИКА,
Оренбургская область

Я алкоголик, пью запоями. Мне тридцать три года, но я так измучил сам себя, что, кажется, триста лет прожил. Впрочем, что это за жизнь, если вся семья в постоянном напряжении, а в глазах матери жуткий страх: сорвусь — не сорвусь, приду вечером домой — не приду и что устрою, напившись. Ужас моего положения как раз в том, что в пьяном виде я становлюсь

таким буйным чудовищем, на меня нападает такая жажда крушить, громить, бить, что, думаю, лишь молитвы матери уберегли меня от тюрьмы. Как же я отправил родителям жизнь: уже много лет они с отцом ни в отпуск не ездят, ни в гости не ходят, здоровье я им угробил полностью. Да и у самого — ни жены, ни детей. Так — мотаюсь по женщинам, поживу — уйду. Впрочем, кому захочется связывать жизнь с буйным алкашом? Вообще-то я инженер-механик, соображаю в своем деле неплохо, но из-за загулов часто менял места работы. Уходя очередной раз, зла на начальство не держал — спасибо, всегда давали возможность написать заявление «по собственному желанию».

Несколько раз я лечился — сейчас много всяких центров, снимающих тягу к выпивке, выводящих из запоев, вшивающих «торпеды». Конечно, стоит это таких денег, что бедные мои родители скоро голыми останутся, а, главное, держался я после таких сеансов лечения самое большее полгода, потом все по старому кругу. Где бы ни работал, везде мужики пьют по-черному, всегда уговаряют, как ни отбивайся. Правда, у всех по-разному организм выпивку воспринимает, такого буйства, как у меня, ни разу ни у кого не встречал. Один я такой несчастный. А ведь трезвый мучи не обижу, родителям помогаю, детей женщин, с которыми жил, любил, как своих, да и они меня... Если бы не эта страшная напасть. Я хочу избавиться от пьяных кошмаров, хочу вылететь по-настоящему, навсегда. Недавно снова «сдавался» врачам, и перед выпиской провели мне компьютерное диагностирование — все мои давние бо-

лячки компьютер подтвердил точно, подтвердил и то, что много лет говорила моя мать: кто-то на меня порчу навел, сглазил. Прямо как громом меня поразило, когда врач сказал, показывая на компьютерную распечатку: порча головы, ищите бабу, которая ее снимет.

Вот и пишу я это письмо в надежде, что кто-нибудь подскажет человека, который может снять эту проклятую порчу. Поеду хоть на край света — не могу смотреть, как мучаются родители, да и самому нелегко.

Адрес в редакции есть.

СЕРГЕЙ

«Смену» выписываю много лет. С особым интересом читаю письма. Они любопытны как искренний, живой показатель уровня жизни и культуры сограждан. И вот что я заметил: обижаются ваши читатели, жалуются, просят чего-нибудь, исходя из принципа «своя рубашка ближе к телу», только «для меня», «мне». И никто ни разу не подумал «о нас», обо всех. Да, жэки и собесы отвратительно работают, милиционеров видно только по телевизору, заводу сгореть — запросто, как свечке, поезда с рельсов сходят, в иных городах помойки выше головы, крыс считают тысячами. Короче, живем, как в войну: каждый день в газетах и по телевидению прямо фронтальные сводки катастроф, пожаров, убийств. И все это на фоне бурной деятельности руководителей страны, депутатов, правительства — их мудрых распоряжений, указов, законов.

Так вот простите мне резкий тон, ни хрена нам не будет от их бумажек и лозунгов хорошего, пока сами, именно мы сами, не

поймем, что лучше всем и каждому будет только тогда, когда он, этот каждый, будет думать и что-то делать не только для себя, но и для других. Мысль не моя, мысль давняя, христианская, но почему-то в нашем отечестве не приживается: каждый ждет, требует качественной работы, порядочности от других, но не от себя. А ведь все, дорогие мои, элементарно просто в нашей жизни: вы меня обсчитали и обвесили, а я шел в свой вуз экзамены принимать и в раздражении — тоже человек — поставил абитуриенту тройку, из-за чего он не прошел в институт. А абитуриент — как раз ваш сын.

Я не преподаватель, я на простых примерах хочу показать, как все мы в этой жизни взаимосвязаны, зависим друг от друга. И нечего милиционеру рвать на себе волосы, когда его дочку изнасилуют, потому что он получал мзду от этих (или других таких же) молодцов, поощряя их к вседозволенности и безнаказанности.

Поймите, я не учу жить, просто больно, что никакие беды, никакие мучения нас не учат. Все говорим, говорим, пора бы работать начинать, честно, по-настоящему, как работает весь мир. Сколько ни нагапай — будешь по загаженным улицам в шикарном ходить, по колдобинам в иномарке трястись, без горячей воды от сантехника зависеть. Ей-Богу, даже стыдно — в конце двадцатого века, в великой, как мы считаем, стране говорить о том, что брошенная на улице бумажка станет помойкой, равнодушное молчание при виде детских шалостей обернется искореженными вагонами электричек.

И еще одна мысль не покида-

ет. За последние годы сотни депутатов, руководителей, деловых людей и вроде толковых профессионалов ездили за границу «за опытом», но что-то никакой ценный опыт у нас не внедряется: мусор если и сжигается, то под окнами жилых домов, свет в подъездах горит круглосуточно (электричества не жаль — богатые). А в других странах дома запираются и свет включается в подъезде на определенное время, пока проходишь, батареи отопления с терморегуляторами, да куда ни кинь — никакой опыт устройства приличной, человеческой жизни мы не принимаем. Все что-то глобальное, масштабное решаем, друг другу

глотки рвем «за правду» и «светлую долю», а сами дикарями и тапугами рассчитываем войти в цивилизованное общество. Можно подумать, что это удастся. Как не удалось нам построить социализма с человеческим лицом, так и капитализм с человеческим лицом не построим. Опять соригинальничаем, а скорее всего еще несколько поколений в руинах и грязи будут копаться, если только каждый, каждый не поймет, что в жизни главное — не урвать, а честно дело делать и детей своим этому научить.

Извините за раздраженный тон — «за державу обидно».

ВАЛЕРИЙ АЛЕКСЕЕВ,
Новосибирск

Биржа труда инвалидов

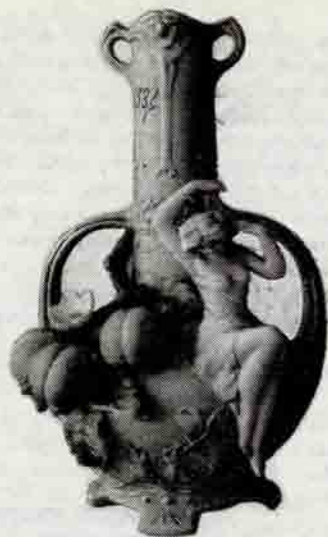

Мико

Поиск мест
трудоустройства для
инвалидов-москвичей.

Предлагает

338-34-35 различных специалистов
из числа инвалидов.
10-15 час.

УЖОДОЯВШАЯ КРАСОТА

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ

Фото
ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Владелец фаянсовой фабрики купец Андрей Гребенщиков сидел в долговой тюрьме и ждал решения по челобитной на высочайшее имя. Неизвестно, что у него там приключилось, но не смог он вовремя вернуть 3103 рубля 73 с одной третью копейки казенных денег — громадная сумма для 1766 года.

Рассмотрев 25 мая прошение Гребенщикова, Мануфактур-коллегия постановила: «...платеж

отсрочить до 29 мая и до этого времени отдать его на поруки». Найти богатого поручителя, добыть целое состояние — и все за четыре дня! На что, на кого рассчитывал Андрей? Скорее всего на Франца Гарднера. Но с какой стати англичанин-лесоторговец должен был платить долги русского купца? И как Андрей надеялся рассчитаться впоследствии?..

Даже богатые бояре ели-пили из металлической посуды. Фарфор имелся лишь в Кремле. Но — импортный. Делать фарфор в России не умели. Мог ли терпеть такое Петр I?

Для начала он выписал из-за границы мастера Элгебрехта. Голландец пробыл в России год, но никаких следов своей деятельности не оставил. В то же время «агентура» Петра пыталась вывести тайну изготовления фарфора в Германии. Но там ее хранили почिще военной...

Казалось, повезло сибирскому купцу Курсину: некий китайский мастер продал ему фарфоровый секрет. Но первые же производственные опыты в Санкт-Петербурге обнаружили чистое надувательство — китаец утаил кое-какие «мелочи» в описании технологии. А без этих мелочей все шло прахом.

Но Петр был упрям и не собирался забросить свои планы. Намереваясь «курьезные хозяйства в империю российскую вводить», он отдал соответствующее указание Мануфактур-коллегии, а та уж распорядилась о том, чтобы с бараным боем возвещать о выдаче привилегий тому, кто пожелает делать из белой глины ценнинную (т. е. фаянсовую с оловянной поливой) посуду и табачные трубки.

Пожелал купец Афанасий Гребенщиков — отец Андрея, знаток гжельских глин, имевший опыт из-

готовления фаянса. Он и открыл в Москве первую в России фаянсовую фабрику. Но до фарфора было еще далеко...

Без иностранца, как водится, не обошлось, но роль его сильно преувеличена. Когда двадцать лет спустя в Санкт-Петербурге основали первый в России и третий в Европе фарфоровый завод, названный Императорским, то для организации пригласили из-за границы Конрада Гунгера. По специальности Гунгер был... алхимиком и в фарфоре не слишком разбирался. Кто знает, как долго он искал бы «философский камень», способный обращать глину в фарфор, если б не молодой ученый Дмитрий Виноградов.

Сын суздальского протопopa, Дмитрий учился в Славяно-греко-латинской Академии вместе с Ломоносовым. Потом в числе двенадцати лучших студентов направлен в Академию наук. Изучал химию и металлургию в германских университетах.

Вернувшись в Москву, получил назначение в Берг-коллегию как специалист по рудному и плавильному делу. Но уже через полгода был отозван в Петербург в распоряжение Ее величества для выполнения «некоторого дела».

Дмитрия прикомандировали к алхимику. Весь год подбирали сырье, готовил оборудование, строил печи для обжига. Его записи наблюдений и опытов, дневник работ тщательно засекречивались. Только несколько лет спустя, когда Императорский завод полностью освоил производство, Виноградову разрешили ознакомиться с тонкостями технологии заводского мастера Никиту Войнова...

Да, а что же с Гребенщиковым и Гарднером? Дело в том, что Императорский завод выпускал продукцию только для двора, и то не полностью удовлетворял потреб-

ности императрицы. А тем временем и прочей аристократии захотелось гонять чай из фарфора. Словом, намечалось расширение спроса и возникла почва для строительства частных заводов. Вот тут и возникает Франц Гарднер. Торговец, что он понимал в фарфоре и почему рискнул взяться за неизвестное производство? Специального образования англичанин не имел, а позаимствовать технологию не мог — она держалась в строжайшей тайне. Кто ему помогал?

Андрей Гребенщиков тем временем продолжал фаянсовое дело своего отца Афанасия. С большой долей уверенности можно сказать, что он самостоятельно открыл секрет приготовления фарфора из гжельских глин. Не исключено также, что Андрей имел деловые связи с Гарднером. А последний и дал деньги в обмен на помощь в организации производства. Тогда становится понятным, почему Гребенщиков был всю жизнь благодарен «благодетелю» и работал у него, как бы мы сейчас сказали, главным инженером.

Гарднер купил землю под Москвой вместе с деревней Вербилки и двадцатью двумя душами мужского пола; немедленно приступил к строительству завода. Почему так далеко? А тогда правительство запрещало строить заводы и фабрики ближе ста верст от древней столицы. Берегло леса: ведь единственным видом топлива тогда были дрова. (Интересно, что и по сей день вокруг Вербилки стеной стоит могучий лес...)

Поначалу Гарднер занялся массовым выпуском дешевых изделий. Впрочем, массовость XVIII века — это максимум сотня экземпляров. Расписывали посуду только цветами. Причем роспись и украшала, и одновременно скрывала дефекты.

Но уже через девять лет после пуска завода, в 1775 году, здесь сумели сделать сервиз в подарок самой Екатерине II. В Русском музее хранятся четыре предмета из того сервиза — поднос, чайник, молочник и чашка с блюдцем. А посвящен был подарок — о чем свидетельствует роспись — победе русских войск над турками...

Всю славу организатора фарфорового производства в Вербилках «благодетель» присвоил себе. До сих пор говорят: «гарднеровский завод», «гарднеровская посуда»... На всякий случай я зашел в отдел кадров — а вдруг на заводе остались потомки истинного создателя русского фарфора? Оказалось, работает в живописном цехе пенсионерка Гребенщикова. Но она попросила не писать о ней... Сказала только, что родители ее работали на заводе; ну, а что раньше было, является ли прямым потомком Андрея Афанасьевича — трудно сказать...

Нынче в Вербилках около девяти тысяч душ обоего пола; из них 1700 работают на фарфоровом. По утрам их будит заводской гудок — единственный, наверное, оставшийся в России...

За два с лишним века в Вербилках не появилось иной промышленности. Это хорошо для экологии — но... плохо для мужчин. Фарфоровое производство (так же, как, к примеру, и ткацкое) «монополизировали» женщины. Что в общем-то понятно: роспись по фарфору, да и работа на конвейере, где на посуду наклеивают цветные картинки — деколи — требуют немужского терпения, усидчивости, дисциплинированности. И руки у женщин после полочки не дрожат... А через эти руки за год проходит миллионов тридцать чашек, чайников, тарелок, скульптурных композиций,

Куда податься мужику? Есть еще в Вербилках строительная организация, но многие ездят на работу в райцентр Талдом, в Дмитров — за десятки километров. Посочувствовал я им, а они спрашивают: «А вы в Москве сколько времени на дорогу тратите? Час? Ну так и мы столько же». Да, но я еду на работу в теплом метро, а не в забитом автобусе и не на электричке с выбитыми стеклами и напрочь содранными сиденьями.

Из старых русских традиций сохранились в Вербилках кулачные бои. Ну, вы знаете: улица на улицу, двор на двор. Если танцы без драки прошли — считай, день пропал... «Разборки» устраивают обычно перед Домом культуры, под памятником Ленину, указывающему куда-то рукой с обломанной кистью. А то и прямо в дискотеке.

Недавно вербилковская молодежь объединилась против общего «неприятеля». Как-то на дискотеке двоих местных парней слегка порезали (чтоб неудобно тем было сидеть) афганцы. Нет, это не воины-интернационалисты, о которых вы наверняка подумали. Это натуральные беженцы из Афганистана — в основном работники бывшего МГБ, спасающиеся от нового режима. 161 человек, включая грудных детей. Шестеро, кстати, родились уже на подмосковной земле... Дети и подростки очень вежливые: когда мы входили в комнаты — непременно вставляли и здоровались по-русски. Малыши, конечно, еще не понимают трагизма своего положения — веселы, общительны, очень любят фотографироваться. Все им интересно: необычная обстановка, масса новых впечатлений.

Разместили афганцев в доме отдыха на окраине поселка. Места здесь изумительные: сосновый бор, тихая речка Дубна... Но что

молодым, которые постарше, красоты природы?

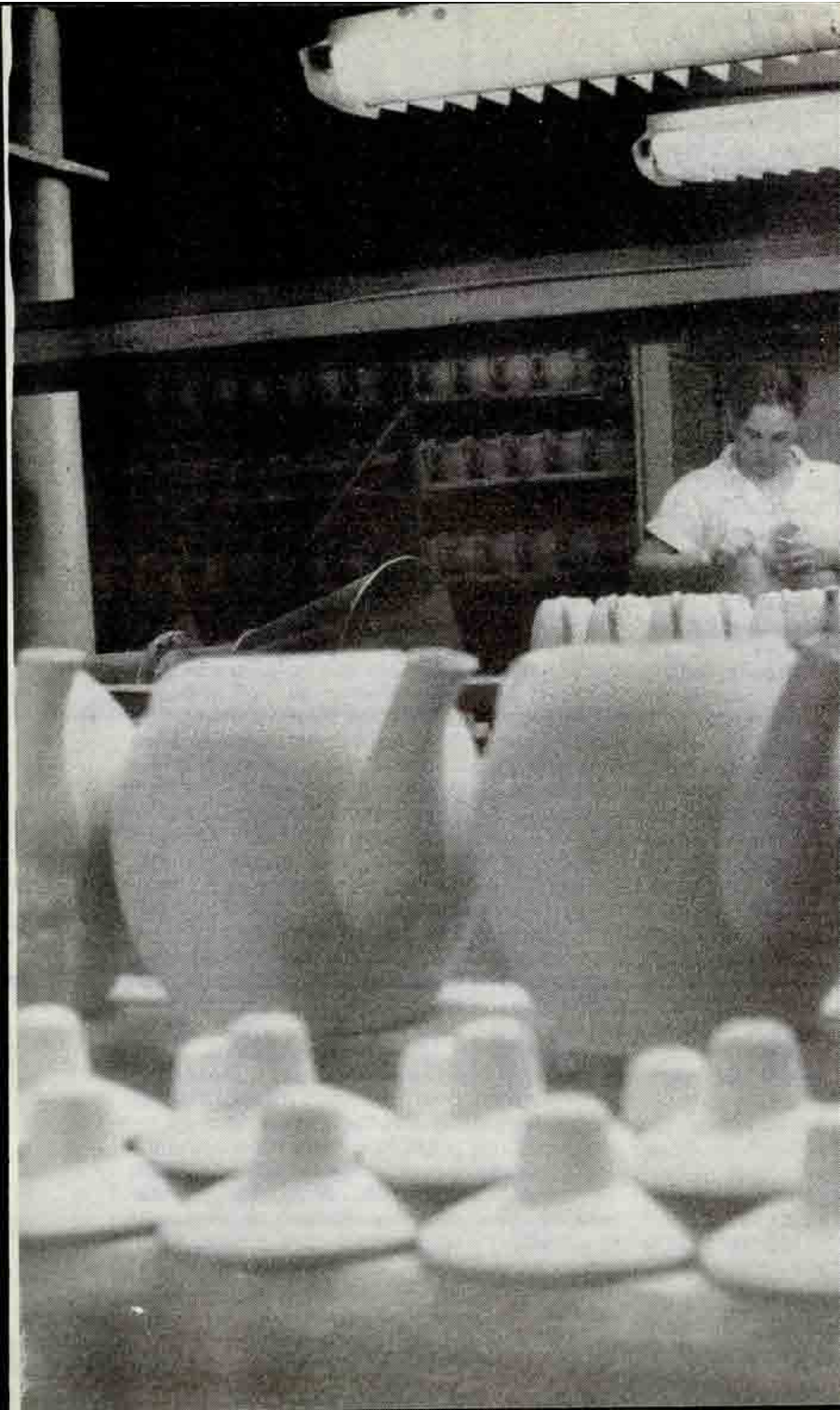
Работы в поселке для них нет — стало быть, нет и заработка. А ведь многие бежали из Кабула в чем были... Правда, жильем и питанием афганцы пока обеспечены. Что будет дальше — одному Аллаху известно.

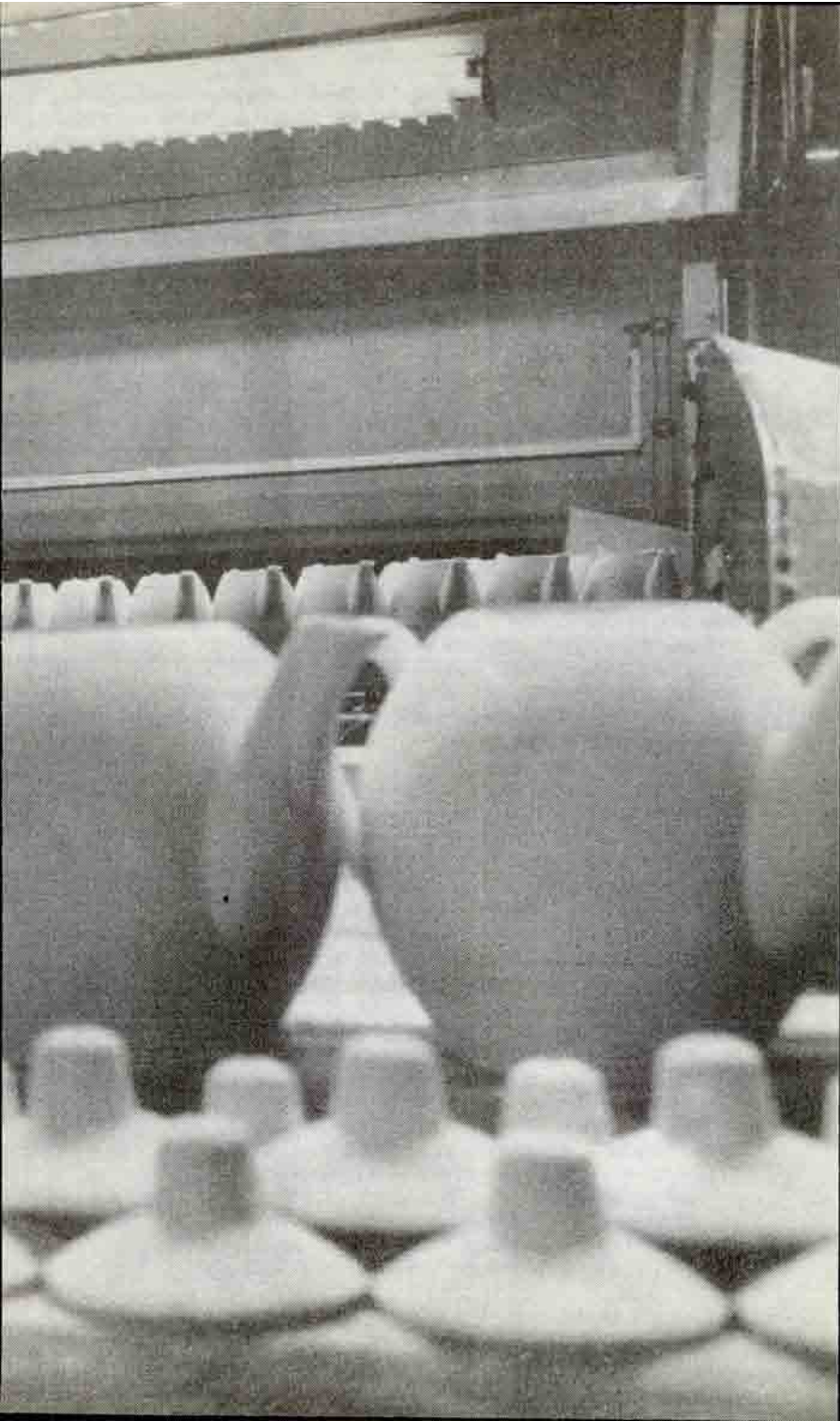
С самого начала их просили не выходить без нужды за пределы дома отдыха. Но разве заставишь молодежь изо дня в день слоняться без дела на тесном пятачке? Они и отправились на дискотеку...

Вот какие проблемы свалились на голову Александра Гинглинга чуть ли не в день назначения его главой администрации поселка.

— Какую работу я могу предложить афганцам? Пока ничего не придумаешь, кроме озеленения Вербилков. Но сезонная работа — разве это выход из положения? И не вечно же им здесь оставаться! Тут нам должна помочь Москва. А вот навести порядок в поселке — полностью в наших силах. Во-первых, создать опорный пункт милиции. Во-вторых вспомнить забытое старое: народные дружины, оперативные отряды. Зря их упразднили — ведь какую-то пользу они приносили, верно? Сам вид парней с повязками на многих действовал успокаивающе. Вот соберу молодых, как я, офицеров-отставников...

Не подумайте, впрочем, будто в Вербилках только и делают, что пьют и дерутся. Жизнь здесь как раз спокойней, чем в больших городах. Без профессионально-мафиозных группировок, стрельбы на улицах, облав... Без «крутой» политики, наконец. В Вербилках не бастовали даже в период всеобщей эпидемии забастовок по любому поводу; не стаскивали с пьедестала вождя; демократы

с коммунистами не шли стенка на стенку... Все последние беспокойные годы поселок работал уверенно, без паники перед завтрашним днем.

— Честно говоря, я даже не знаю, какие у нас проблемы, — отвечал на наш вопрос директор завода Вадим Лунев. — Производственные? Выпуск продукции примерно на уровне прошлого года. Спрос на нее стабильный, есть контракты и с другими странами — Швецией, Германией. Цены — самые низкие в отрасли. Долгов нет, кредиты не берем — стало быть, не тратимся на проценты; зарплату выдаем вовремя, да и на расчетном счету деньги имеются. Большую часть сырья мы получаем из-за рубежа — с Украины, но и тут особых проблем нет, поддерживаем с поставщиками нормальные отношения. Просто мы раньше других поняли, что самостоятельность надо понимать буквально. А то ведь как бывает? Требуют у государства — ты нас спасай, а мы будем самостоятельными! Социальные проблемы? Безработицей и не пахнет. Наоборот, не хватает около двухсот рабочих. Наверное, мы единственное предприятие в отрасли, где есть вакансии. Половина заводов в кризисном положении; многие останавливались из-за отсутствия сырья. Что еще? Продуктами стараемся снабжать подешевле — получаем по бартеру. Постоянно на заводе что-то продают — сахар, колбасу, крупы. По ценам в два — два с половиной раза ниже магазинных... Впрочем, вот проблема — жилищная. В прошлом году 180 человек получили квартиры, а очередь еще немалая. Но строить продолжаем. Намечена программа, заключены договора. Кроме того, появились интересные предложения от предприятий Крайнего Севера: они участвуют

в финансировании строительства, а мы отдаем им часть квартир...

Отчитываясь на собрании о годовой работе, директор не начал с привычного: «Уважаемые товарищи!» Но и господ, по последней моде, здесь нет. А есть — «Уважаемые акционеры, владельцы акционерного общества «Фарфор Вербилкок!»»

— Все акции были проданы работникам завода. С каждой идут, по отдельной ведомости, дивиденды — 165 процентов годовых. А если раздумал быть совладельцем — можно акции продать. Акционерное общество покупает их и выставляет на аукцион. Только желающих продать немного...

Совру, изображая безоблачную жизнь заводчан. Тут, как и повсюду сейчас, две главные темы разговоров, споров: цены и зарплата. Нормы таковы, что труд живописца, расписывающего сложную скульптуру, оценивается ниже, чем конвейерная штамповка чашек, наклейка картинок на чайники.

К дешевым продуктам отношение двоякое. В одном работники сходятся: ничего дешевого не бывает, за все приходится платить полной мерой. Платить прямо, наличными — или косвенным образом.

— Что с того, что сахар на заводе по девяносто рублей? — говорила нам пожилая женщина, не отрываясь от наклейки картинок. — Зато зарплата у меня — десять тысяч. Меньше ста рублей «по-старому». Не платил бы завод за продукты, а отдал бы эти деньги нам, зарплату платил нормальную — я лучше в магазине куплю, как все. А так получается — подачка... Или давали по три килограмма колбасы. Зачем мне столько на семью из двух человек? Но взяла, раз дают...

У администрации свои резоны. Отдать продуктовые деньги на

зарплату в принципе можно. Но... выйдет это дороже. У нас такое налогообложение, что за превышение четырехкратного минимума зарплаты надо крупно платить государству, то есть эти деньги попросту пропадут. В прошлом году при средней зарплате менее десяти тысяч завод заплатил 6 миллионов рублей налога при общем фонде зарплаты в 78 миллионов. Правда, теперь минимальный уровень зарплаты повышен, но куда ей угнаться за инфляцией!

Ищут все возможные пути, чтобы смягчить удары экономических реформ. Так, ввели трехтысячную компенсацию на удорожание продуктов. Совместно с администрациями района и поселка учредили благотворительный фонд, в который уже поступило несколько миллионов. Вот из этого фонда и идут дотации на продукты, поступающие на завод по бартеру. Не забыты и пенсионеры Вербилка, они также пользуются поддержкой фонда. Ежемесячно фонд позволяет каждому сэкономить три — три с половиной тысячи. Споры нет, хорошо бы получать нормальную зарплату, а не дотации-компенсации и быть полностью независимым от завода. Но налоги же все съедят!..

«При социализме» рабочих всех заводов убеждали: вы — хозяева предприятия! Но в чем конкретно это выражается — никто толком объяснить не мог. Да никто и не спрашивал... Теперь форма хозяйствования вроде определена — акционирование. Но дело это для нас абсолютно новое и понимается подчас своеобразно: раз я совладелец — могу делать все, что хочу. Не понравилось работать в этом цехе — пойду в другой! А почему нельзя? Нет, трудно в одночасье, выложив тысячу за акцию, стать хозяином...

Жалуюсь на тяготы сегодняшне-

го бытия, мы невольно начинаем идеализировать прошлое: ах, как хорошо жилось народу при отцах родных помещиках и фабрикантах! Но вот что писал в 1869 году автор книги «Положение рабочего класса в России» Н. Флярковский: «Только теперь мы взялись за ум и подумали о том, чтобы пригладеться ближе к положению нашего рабочего народа — это положение оказывается ужасным».

В 1882 году санитарный земский врач А. В. Погожев обследовал фарфоровый завод. Из его отчета узнаем: рабочий день длится с 5—6 утра до 8 вечера. Чистое рабочее время — 10—11 часов. В мастерских полы пыльные, грязные, жара и духота, пагубно сказывающаяся на здоровье людей. В особенности детей и подростков. А малолеток на заводе — десятая часть работающих. Подростков от 14 до 18 — пятая часть... Акции и дотаций на питание хозяин никому не давал...

Через речку Яכותь, напротив завода — ПТУ, готовящее молодых мастеров. В рекламе не нуждается: последний конкурс — три человека на место.

Лет ...надцать назад сюда по «комсомольскому призыву» свозили молодежь из южных республик — готовили кадры для тамошней промышленности. Директор ПТУ Галина Журкина работала в то время преподавателем.

— Тогда мы гордились, — с легкой улыбкой вспоминает она, — что мы — интернационалисты, учим детей из далеких республик. А теперь гордимся тем, что учим своих, из района. Живем независимо от завода. За три года, что я директором, не взяли у них ни копейки. Сырье — фарфоровые заготовки — покупаем. За свой счет оборудовали компьютерный класс, швейную, художе-

ственную мастерские — словом, построили материальную базу. За какие деньги? Все тот же бартер. Мы ведь немало посуды делаем сами. Меняем, продаем. Поэтому смогли сохранить все блага, что были: стипендия, питание, обмундирование... И зарабатывают дети неплохо — до 30 тысяч в месяц. Чему вы удивляетесь? Я плачу за сервиз 700—1200 рублей. А иной сервиз можно за день расписать. Иная ситуация у педагогов. Тут по-прежнему процветает уравниловка: платят не за талант — за стаж, учебные часы... И уж никак не учитывается огромная психологическая нагрузка. После трех-четырех лет работы нервная система так изнашивается, что, по идее, педагогу нужен годичный отпуск. Но нашей системе образования до этого, видимо, еще очень далеко...

По залам заводского музея идешь, как по эпохам. Восемнадцатый, девятнадцатый века — это тончайшая ажурная работа, великолепное многообразие изделий, которое невозможно описать словами. Двадцатый век резко изменил тематику скульптуры, живописи.

— Вещи, которые делает человек, — это философия времени, — заметил главный художник Борис Калита. — Все 70 лет советской власти можно проследить по фарфору.

И впрямь... В двадцатые годы появляются чашки и тарелки с надписями: «Против эксплуатации», «Все в культпоход», «Учись по радио», «За заем тракторизации». Представляю, сколько бы они сейчас стоили на Арбате...

В тридцатые годы Российская ассоциация пролетарских художников потребовала: оформление художественных изделий должно служить целям пропаганды соци-

ализма. А отвлеченный, «несоциальный» декор враждебен пролетариату.

Вербилковские мастера не вняли требованиям начальников от искусств. Тогда ВХУТЕИН командировал сюда бригаду художников, которые «создали» 30 образцов росписи чайной посуды. На чашках появились работницы в платочках, рабочие с молотами, трактора и станки...

Наконец, попадаем в ассортиментный кабинет, где представлена современная продукция. Грустно становится... Путешествие по эпохам шло как бы по нисходящей — все бедней ассортимент, все примитивней роспись. И ведь проблема не в том, что художники, мастера стали менее талантливыми. Они и сейчас делают прекрасные выставочные вещи. Но в серию идет немного: давит план, выгодней сделать, что попроще — но побольше, в миллионах штук. От неудовлетворенности работой, насколько я понял, и ушел на вольные хлеба главный художник Петр Смирнов.

— А что вы хотите? — говорил он нам не жалуясь, но констатируя факт. — Если вам сегодня нужны деньги — вы будете делать то же самое. Всей нашей жизнью управляет сиюминутная выгода... Все ориентировано на массовый выпуск или на показ. Уже лет тридцать завод поставлен в такие условия: будешь делать красоту — нечем будет платить зарплату. Вот и уходит красота... Фарфор — самый консервативный из всех художественных материалов. В стеклянном производстве, скажем, многое проще — сиди и дуй в трубочку. А чтобы осуществить хорошую задумку из фарфора — год нужен. Создать модель, изготовить форму... Сделал вещь — а в печи она вдруг «садится». Почему? Непонятно... Многое в фар-

форовом процессе необъяснимо. А современное производство требует: скорей, скорей... Немало, вы правы, безвкусных наклеек на хороших по форме изделиях. Но тут вступает в действие преискурантный бандитизм: белый чайник — рубль, с наклейкой — сто! Заводу, чтобы выжить и не дать пропасть людям, нужны деньги, деньги...

С февраля нормативы образования фонда оплаты труда возросли

в среднем в полтора раза. Но от чего они зависят? Опять-таки от выполнения плана в штуках, производительности труда...

Нам показали первые образцы отличных чашек, скопированных со старинных — надеемся, это только начало возвращения красоты. Значит, выстоит уникальный завод против натиска рыночной стихии, не утратит свое лицо и вековые традиции... Тем более что долговая яма ему не грозит.

Пока мы ходили по мастерской станковой графики и Семен Никулин показывал уникальные станки и литографские камни, редкие эстампы и линогравюры, он производил впечатление если не профессионального искусствоведа, то, во всяком случае, человека, разбирающегося и любящего изобразительное искусство. Но я-то уже знал: он предприниматель, вложивший в мастерские «Эстамп» собственные деньги — около сорока миллионов рублей...

38

Никулин показывает фотографии, как выглядели мастерские совсем недавно: нечто среднее между заброшенным складом и подвалом — облезлые стены, протекающий потолок, горы мусора и голая лампочка на шнуре...

Все это настолько контрастировало с нынешней почти музейной атмосферой, что я недоверчиво переспросил: неужели фотографиям всего полгода? Да, подтвердил Никулин, мои рабочие совсем недавно закончили ремонт.

Никулин — президент ассоциации «Кром», в которую входят несколько малых предприятий и товариществ с ограниченной ответственностью, а также фермерское хозяйство. («Кром» — древнерусское слово, означающее достаток, прибыль; от него пошло, в частности, «закрома».) А начиналась ассоциация с кооператива, который Никулин создал еще в 1988-м.

ВИТАЛИЙ СВЕТОВ

ГАЛЕРИ

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

... ДЛЯ СЫНА

До того Семен Андреевич (ему нынче минуло сорок) пятнадцать лет проработал в строительстве. Выше прораба не поднимался. Мешал, по его словам, длинный язык — не щадил ни порядков на стройках, ни развитого социализма, ни лично генерального секретаря.

«Перестройку многие ругают, — говорит Никулин, — за раздрай, что она принесла в страну, за коррупцию и воровство... Все это так, однако именно перестройка развязала руки людям, которые умеют и любят работать. Впервые появилась возможность делать то дело, которое хочешь, и так, как хочешь...»

Под первый кооператив он взял в кредит 50 тысяч рублей и на них ухитрился купить (сейчас это кажется невероятным!) три самосвала, автокран, трактор, «рафик», «Москвич» с кузовом... В рабочие принимал только тех, с кем уже когда-то трудился бок о бок и кто зарекомендовал себя как мастер. Практиковал аккордную систему оплаты. Инженеров «посадил» на процент от прибыли. (В марте нынешнего года строители зарабатывали у Никулина от сорока до ста тысяч рублей ежемесячно.) Бригады делали все — от фундамента до кровли, — несколько поликлиник в Люблинском районе уже построили.

«Строительство всегда выгодно, — утверждает Семен. — Мы же видим в кино, что даже итальянская мафия борется за строительные подряды. Если строить грамотно, не тратьте лишних материалов, не составлять многоотомные проекты, а работать «с карандаша», непременно окажешься в выигрыше».

Позже у Никулина появились цех по выпуску стройматериалов, полиграфическое производство, мебельный цех (мебель из красно-

го дерева по индивидуальным заказам...) Идей, как расширить производство, много: сделан, в частности, землеотвод в Калужской области, где залегают прекрасные огнеупорные глины... Но... «Нужны долгосрочные инвестиции. А в производственную сферу никто не хочет вкладывать деньги. Сегодня в ней задействовано от силы пять процентов предпринимателей России. Остальные крутятся в купле-продаже: берут краткосрочный кредит, покупают дерьмо какое-нибудь в Сирии или Турции, а сами везут на Запад ценные металлы...»

Коммерческие банки дают ссуды от силы на три месяца, под двести процентов. Мне же нужны вложения на два-три года...»

Никулин и сам вынужден заниматься столь нелюбимым им «купи-продай». «Постоянно требуются наличные, — объясняет он. — Вот поймали мы самосвал, чтобы вывез мусор со двора мастерских, — надо платить за езду две тысячи. Со счета предприятия я не могу их снять — деньги вроде бы мои, а банковские правила не позволяют... Хотели торговать в палатках мясом и зеленью из подмосковных совхозов и с подворья фермера, что входит в нашу ассоциацию. Невыгодно. Нужно специальное оборудование. СЭС вымогает взятки. Получить разрешение на продажу спиртного и сигарет куда проще, чем мяса. Вот и приходится торговать джентльменским набором: шоколадками, жвачками, ликерами... Однако торговлей занято не более пяти процентов работающих в ассоциации».

Мастерские станковой графики Никулин приобрел не для того, чтобы оказаться сейчас ли, со временем ли в барыше. «Какая уж тут выгода, если я трачу около миллиона ежемесячно на зарплату со-

трудникам, на аренду помещения, на свет и телефон... Дай Бог, чтобы со временем мастерские оправдывали хотя бы зарплату...» Тогда зачем Никулин совершил столь невыгодное приобретение?

— У меня пятеро детей — трое сыновей и две дочери. И мне далеко не безразлично, какими они вырастут, что у них останется в голове. У нас так мало сегодня очагов культуры в Москве! Подходит воскресенье, и я не знаю, куда их повести... Мой отец был простым инженером, работал на заводе. Каждый выходной мы с ним где-то проводили: в Третьяковке, Пушкинском музее, или в Кусковской усадьбе, или в Поленове, или в домике Васнецова... Очень любили Третьяковку и через выходной ходили туда. На передвижниках я вырос, они мне нравятся до сих пор... Теперь Третьяковка закрыта, и мне, уже самому в роли отца, все сложнее куда-то водить детей... А воспитание детей на прекрасном самому дает какое-то богатство... Вот сейчас спрашивают: откуда такая бездуховность, почему дети вырастают такими? Да потому, что мы ничего не вкладываем в культуру! Насоздавали благотворительных фондов — кто-то купит детям-сиротам на сто рублей подарков, на весь мир прокричит об этом, а от налогов спрячет десятки миллионов!.. А мне безразлично, в какой стране, в какой среде будет жить мой сын!

Сюда, в эти мастерские, — продолжает свой рассказ Семен, — меня привел Демьян Михайлович Утенков, художник с мировым именем, бессребреник, человек удивительной души, ходячая энциклопедия... Это было три года назад, и я просто ужаснулся здешнему развалу. И, оказывается, эта мастерская — монополист в области станковой графики, других-то нету. Здесь удивительное собра-

ние станков, потрясающая коллекция камней — можно делать графику в любой технике: офорт, литографию, линогравюру...

Все наши знаменитые художники когда-то мальчиками начинали работать здесь: Никиреев, Константинов, Бибииков, Моторин, Соколов... Я считаю большой честью для себя сохранить эти мастерские, поддержать их.

Я никогда не ставил целью личное обогащение. Куда большее удовлетворение, чем от денег, я получаю от общения с прекрасным, с людьми творческими. Вот Федор Константинов, ученик Фаворского. Мне так интересно с ним разговаривать! Видеть его, слышать...

То, что я хоть что-то вкладываю в культуру России, считаю для себя самым важным. Может быть, это и есть моя главная цель жизни...

ИРИНА ОДОЕВЦЕВА

ПОРТРЕТ

РАМЕ

СВЕТЛАНА
СОЛОЖЕНКИНА

Воспоминаниях Ирины Одоевцевой «На берегах Сены» есть такой эпизод. После случайной встречи в одной поэтической компании Марина Цветаева и Ирина Одоевцева идут по ночному Парижу к метро. Марина Ивановна говорит: «С вами удобно ходить. Вы хорошо держите шаг. А мне казалось, что вы на своих высоких каблучках должны ходить неровно, с прискоком, по-дамски. По походке узнаешь человека не меньше, чем по рукопожатию».

Вроде бы незначительный штрих. А на самом деле это ключ к пониманию Ирины Одоевцевой, внешний облик которой разительно расходился с ее внутренней сутью.

Что мы знаем об Ирине Владимировне Одоевцевой?

Во-первых, — не Ирина, а Ираида, во-вторых, — не Владимировна, а Густавовна и, в-третьих, — не Одоевцева, а Гейнике. Литературный псевдоним был выбран по имени матери. С той поры Ираида Гейнике прочно ушла в тень, а вот об Ирине Одоевцевой со временем узнал свет.

Подмена имени неотделима и от подмены судьбы. Что было на роду написано Ираиде Гейнике? Она родилась в состоятельной семье, rispetабельно-буржуазной, получила соответственное воспитание и образование. Не без юмора рассказывает она в своих воспоминаниях «На берегах Невы», как изумился «товарищ в кожаной куртке», записывающий всех желающих в ноябре 1918 года в Институт живого слова (каких только институтов и студий тогда не возникало!), что «товарищ поступающая» знает три иностранных языка — французский, немецкий и английский. «Он прищуривает левый глаз. — Здорово! А вы не заливаете? Действительно знаете? Впрочем, значения не имеет».

Во времена пришествия Великого Хама это действительно никакого значения не имело, а если имело, то скорее отрицательное. (Логика проста: раз языки знает, значит, буржуйка!) Не имели теперь значения и роскошные бальные платья покойной матери, которые юная Ирина кое-как переделывала на себя — правда, балы в холодном и голодном Петербурге все-таки еще случались, но... что это за «бал», когда на него идешь пешком и в валенках! Что до солидного состояния отца-адвоката, то все обернулось чертовыми черепками. Правда, он сумел сохранить доходный дом в Риге, куда в конце концов и эмигрировал, постоянно помогая затем своей замужней дочери, уехавшей с Георгием Ивановым в Париж. После смерти отца в 1932 году Ирина Одоевцева, получив наследство, сможет некоторое время жить в роскошном районе Парижа, рядом с Булонским лесом, обставиться стильной мебелью, закупить золота... И все это, с началом войны, вновь обернется чертовыми черепками. Золото украдут, дом разбомбят, придут сначала «позолоченная бедность», а потом и просто нищета, болезни, в конце концов — старческий дом в Йере, на юге Франции... И странно будет вспоминать «прелести сытной рижской жизни», когда она гостила у отца, щебет светских дам: «Ах, вчера у таких-то был чудесный обед: устрицы, специально выписанные из Остенде, седло дикой козы, спаржа, пломбир, шампанское и четыре посланника! А вот на прошлой неделе у таких-то обед был совсем

плохонький — бульон с пирожками, ростбиф, бордо и сливочный крем. И только один французский консул!»

...Но это все потом, потом. А пока... «Зима 1919—1920 годов. Очень холодная, очень голодная, очень черная зима. Я каждый день возвращаюсь поздно вечером из Института живого слова одна. По совершенно безлюдным, темным — «хоть глаз выколи», — страшным улицам. Грабежи стали бытовым явлением. С наступлением сумерек грабили всюду. В полной тишине, в полной темноте иногда доносились шаги шедшего впереди. Я старалась приблизиться к ним. Мне и в голову не приходило, что сейчас может вспыхнуть свет и раздастся грозное: «Скидай шубу!», мою котиковую шубку с горностаевым воротничком. Я ее очень любила. Не как вещь, а как живое существо, и называла ее Мурзик».

Казалось бы, такая резкая «перемена декораций» — от обеспеченной и беспечной жизни к черноте, холоду и голоду — могла бы хоть кого обескуражить, не только юную «буржуазную барышню». А вот и нет! Барышня оказалась поэтом, и именно это — а не революция! — переначило всю ее жизнь. Намеченный судьбой сценарий полетел в корзину. Ведь это свойство — любить вещь «не как вещь, а как живое существо» — и есть первое и несомненное отличие поэта от всех других. Не странно ли, что с первоначальных дней своих живя в среде, где ценились именно вещи как таковые, девочка в отличие от взрослых, окружающих ее, во всем провидела прежде всего душу? Возможно, какая-нибудь фея, мимоходом пролетая над ее колыбелью, с улыбкой положила ребенку руку на лоб, прошептав: «Ты будешь поэтом»... Как знать! Дух веет, где хочет. Так и поэзия... По сценарию задумывалась светская женщина, любящая меха, бриллианты, лесь... Судьба ошиблась — вместо «королевы гостиной» в послереволюционном Петербурге появилась «маленькая поэтесса с огромным бантом».

Этот бант! Он-то и вводил в заблуждение всех, начиная от «товарища в кожаной куртке», который, глядя на хорошенькую барышню, посоветовал было ей записаться не на литературное отделение Института, а на... театральное. В самом деле, что-то театральное в Одоевцевой было, проявилось очень рано, да так и не ушло — ведь многие ее стихи откровенно театральны: маленькие сценки, где героиня играет подряд все роли, кроме, может быть... своей собственной. Ну, вот хотя бы такая мелодрама, а если хотите — трагедия:

*В этот вечер парижский, взволнованно-синий,
чтобы встречи дожидаться и время убить,
от витрины к витрине в большом магазине,
помодней, подешевле, получше купить.
С неудачной любовью... Другой не бывает —
у красивых, жестоких и праздных, как ты.
В зеркалах электрический свет расцветает
фантастически-нежно, как ночью цветы.
И зачем накупаешь ты шарфы и шляпки,
кружева и перчатки? Конечно, тебе
не помогут ничем эти модные тряпки
в гениально-бессмысленной женской судьбе.*

Заметим, что и здесь все эти шарфы, кружева, перчатки и шляпки — т. е. вещи как таковые — не имеют никакого значения при отсутствии души. Это лишь атрибутика, реквизит, помогающий «вжиться в образ», не более.

Бант Одоевцовой — совсем другое дело. Он — как и шубка Мурзик — был живым. Не просто одушевленным, а душой! Вспомним: Психея, в греческой мифологии олицетворение человеческой души, изображалась именно в образе бабочки или девушки. А тут даже «или» было не нужно: перед аудиторией предстала девушка-бабочка в одном лице!

Впрочем, Николай Гумилев, который иначе Ирину Одоевцеву не называл, как «моя лучшая ученица», склонен был сравнивать этот бант не с бабочкой, а скорее со стрекозой, и даже вписал однажды в альбом галантные шуточные строки: «И на черный бант, что словно стрекоза, И на ваши лунно-звездные глаза, Я, кланусь, всю жизнь смотреть готов. Николай Степаныч Гумилев». Так или иначе, бант производил впечатление чего-то хрупкого, эфемерного...

И... обманывал.

Поэты вообще редко бывают похожи на... самих себя. Точнее, на тот образ, который создает читательское воображение. Лучше всего об этом сказала сама Одоевцева, которая, впервые увидев знаменитого Гумилева, испытала поначалу «острое разочарование»:

«Я по наивности думала, что поэта всегда можно узнать. Я растерянно гляжу на Гумилева.

Острое разочарование — Гумилев первый поэт, первый живой поэт, которого я вижу и слышу, и до чего же он непохож на поэта... Трудно представить себе более некрасивого, более особенного человека».

Таким учитель впервые явился своей «лучшей ученице»... Ну а уж к ней-то эпитет «некрасивая» был совершенно неприменим! Напротив, только и твердили: «Какая хорошенькая!» И склонны были снисходительно относиться к ней именно как к существу обаятельному, слабому, стрекозиному-бабочкиному-хрупкому... Стихи? Что же, очень мило... Пусть себе порхает, лепечет, щебечет!

Но... Юная студийка неожиданно для всех — и прежде всего для своего учителя — с неженской хваткой принялась осваивать один из наиболее энергичных и строгих жанров в поэзии, а именно — балладу. Причем добро бы это были подражания хрестоматийным образцам. Нет, Одоевцева взялась за самое трудное — за создание современной баллады. Она смело ввела в компанию извечно-романтических воронов обыкновенных городских ворон, коней не побоялась заменить тощими клячами, «ездок запоздалый» уступил место обычнейшему петроградскому «ваньке»-извозчику, у которого одна мечта — вернуться в чайную, да и та не сбывается, поскольку чайная оказывается закрытой «по случаю дров»... Устрашающих, но привычных разбойников далеко позади оставил с виду совсем не страшный солдат, который, однако, бездумно совершил самое что ни на есть черное злодейство — подмешал в соль толченое

стекло, чем увеличил свой барыш и свел в могилу сразу семерых покупателей. Сделал он это на редкость буднично, а потом...

*Поел и в чайную пошел,
Что прежде звали «Рай».
О коммунизме речь повел
И пил советский чай.*

Злодейство, однако, не сошло ему с рук: в полночь явились семь ворон, неся стеклянный гроб, — и пришлось солдату последовать за погубленными им душами.

*И отнесли его в овраг,
И бросили туда,
В гнилую топь, в зловонный мрак —
До Страшного суда.*

Как видим, все происходит по извечным законам балладного жанра, но вместе с тем, если бы даже под этой балладой не был обозначен год — 1919, ошибиться в определении времени написания было бы невозможно — настолько характерные и узнаваемые выбраны здесь детали...

То же можно сказать и о другой фантастически-бытовой истории 1921 года — понурый извозчик каждый день возил в секретариат и обратно домой комиссара Зона. У райских врат на вопрос апостола «А много вы сделали в жизни добра?» — извозчик смиренно ответил:

— Мы возили в комиссариат
Каждый день комиссара туда и назад,
Голодали мы тысячу триста семь дней —
Сжальтесь над лошадью бедной моей!
Тепло и сытно у вас в раю,
Впустите меня и лошадь мою!
И что же? Мольба была услышана:
Апостол Петр отпер дверь,
На лошадь взглянул: «Ишь, тощий зверь!
Ну, так и быть — полезай!»
И вошли они в Божий рай.

Можно с уверенностью сказать, что, если бы Ирина Одоевцева написала за свою долгую жизнь только две баллады — «Балладу о толченом стекле» и «Балладу об извозчике», — их было бы достаточно, чтобы ее имя осталось в истории литературы. Именно эти баллады сразу и чудесно сделали ее знаменитой, принесли ей шумный успех. Трудно было поверить, что автор энергичных, мрачно-выразительных строк — совсем юная «барышня» с наивным и трогательным бантом... «Баллады скорость голая» оказалась ей подвластна, как редко кому.

Интересно, что именно сейчас, когда бесповоротно рухнул давно обветшавший фасад коммунистического «рая», до которого мы так и не добрались «по случаю дров», когда наконец-то в полный голос можно говорить о бесчеловечности тоталитарного режима комиссаров Зонов, и все чаще вспоминают о необходимости спасти и сохранить «меньших братьев» наших, всех «то-

пих зверей» и саму природу, баллады Ирины Одоевцевой приобрели особую остроту.

...Но вернемся к тем далеким трагическим и все-таки неповторимо-прекрасным дням, когда «поэты веселились и смеялись в умирающем Петрополе». Сколько уже говорили и писали о зеленой траве, которая росла тогда между торцов на Невском. Символ разрушения, запустения? Но и символ торжествующей жизни, пробивающейся сквозь любые преграды.

Сейчас, когда всем нам в общем-то очень нелегко живется, мы как-то разучились радоваться, душевно потускнели... Никому — даже поэтам! — что-то не хочется «веселиться и смеяться»... Ну что ж... Не дано — так не дано. Готовность к счастью, вопреки всему, — это ведь тоже редкий дар. И все-таки, как важно, как нужно именно сейчас перечитать хотя бы вот эти строки из воспоминаний Ирины Одоевцевой:

«В те дни я, как и многие, научилась «попирать скудные законы бытия». В те дни я, как и многие, стала более духовным, чем физическим существом. «Дух торжествует над плотью» — дух действительно торжествовал над моей плотью. Мне было так интересно жить, что я просто не обращала внимания на голод и прочие неудобства.

Ведь все это было ничтожно, не существовало по сравнению с великим предчувствием счастья, которым я дышала. Ахматова писала:

*И так близко подходит чудесное
К покосившимся грязным домам,
Никому, никому неизвестное.
Но от века желанное нам».*

47

И не случайно, конечно же, первая и единственная книга стихов Ирины Одоевцевой, которую она успела издать на родине до отъезда за границу, называлась «Двор Чудес» (Петроград, 1922).

Эта книга упрочила ее известность, уже завоеванную двумя балладами. Особенно запомнилось стихотворение «Он сказал: — Прощайте, дорогая!» — о том, как героиня, оставленная любимым, соглашается поменяться судьбой с мраморной статуей в Летнем саду — ведь «мраморное сердце не болит». Но...

*Господи! И вдруг мне стало ясно: —
Я его не в силах разлюбить.
Мраморною стала я напрасно —
Мрамор будет дольше сердца жить.*

*А она уходит, напевая,
В рыжем, клетчатом пальто моем.
Я стою, холодная, нагая
Под осенним ветром и дождем.*

В любовной лирике трудно сказать что-то новое. Ирина Одоевцева свое слово и здесь сказала... И опять-таки — стихотворение написано опытной, мастерской рукой — ничего «студийного», стрекозино-бабочкиного, скорее усталая, много пережившая женщина, а никак не «юная барышня».

Любопытная особенность: в стихах Ирины Одоевцевой есть какая-то непонятная «обратная перспектива». По мере того как она выросла, если угодно — старела, проходя все круги эмиграции, стихи ее... молодели. Чтобы убедиться в этом, достаточно перелистать ее сборники, вышедшие в Париже в издательстве «Рифма»: «Контрапункт» — 1950, «Стихи, написанные во время болезни» — 1951, «Десять лет» — 1961, «Одиночество» — 1965, «Златая цепь» — 1975, «Портрет в рифмованной раме» — 1976, а также стихи, рассыпанные по периодике, в частности, в парижской газете «Русская мысль». Они становились все более грациозно-небрежными, капризно-избирательными, очаровательно-легкомысленными:

- *В этом мире любила ли что-нибудь ты?*
- *Ты, должно быть, смеешься? Конечно, любила.*
- *Что?*
- *Постой... Дай подумать... Духи и цветы.*
- И еще зеркала... Остальное забыла.*

Ранние баллады были написаны юной, но мужской рукой. Здесь же, в стихах, удаленных от юности, — почерк, несомненно, женский. Как будто Одоевцева, повзрослев и сняв бант в жизни, в стихах снять его забыла. Она — сознательно или бессознательно? — уходит от прежней своей строгой простоты. Умение пользоваться прозаизмом вытесняется порой целым фейерверком красотостей. «И роса на бархатные мхи капает жемчужинами слез», — что бы сказал на это ее строгий учитель Николай Степанович Гумилев?!

48

Но не верьте, не верьте первому впечатлению. Помните: перед вами — Одоевцева, от которой можно ожидать любых неожиданностей, поэт с двойным дном, при обманчиво-ясной стилистике. Да, она может начать с откровенного нагромождения поэтизмов:

*Ключья света, обрывки тепла,
золотая листва фалбала.
Сад в муаровой шумной одежде...*

Но дальше сквозь этот «перегной трюизмов» начинает вдруг зеленой травинкой пробиваться что-то иное:

*...легкомысленно верит надежде,
что не будет от осени зла,
что она, как весна, весела.*

А вот и заключительные строки — это уже не поэтизмы, это поэзия:

*Вспоминаю, насколько я прежде
рассудительней, старше была,
и насколько печальней жила!*

Да, это Одоевцева — с ее неодолимой ненавистью к «сожалению о прошлом и угрызениям совести», с ее неистовой, неистребимой жаждой счастья «во сне и наяву». Жить с наслаждением, при этом не меньше, чем сто лет «с хвостиком»! На меньшее она не согласна.

Замечу, впрочем, все эти «вторжения дамскости» — хотя бы и вышние! — никак не относятся к прозе Ирины Одоевцевой

и к ее мемуарам. Есть поэты, которым проза совершенно противопоказана, это чуждая, запредельная для них стихия. Ирина Одоевцева сразу почувствовала себя в прозе, как рыба в воде! Первый же ее напечатанный рассказ привлек доброжелательное внимание «Ивана Великого» — Бунина, а он на похвалу был куда как скуп. И уж, конечно, никаких бы «муаров» и «золотой фалбалы» в прозе не вынес... Случайная удача? Да нет! За рассказом последовали романы, целых шесть, и все они имели успех, особенно последний — «Оставь надежду навсегда».

В прозе — как и в мемуарах — та же неженская хватка, которая так поражала в балладах Одоевцевой. Никаких побрякушек, излишеств — прямая, строгая лепка характеров, умение драматургически выстроить каждый эпизод, высветить каждую деталь. Каждый, кто читал воспоминания Одоевцевой — а они после ее возвращения на родину были изданы и вызвали горячий читательский интерес, — не может не быть ей благодарен за возвращенную Атлантиду. Под ее талантливым пером оживило неповторимое время, заговорили и задвигались совершенно живые атланты: Николай Гумилев, Осип Мандельштам, Михаил Кузмин, Федор Сологуб, да всех не перечислить, даже если говорить только о главных, а не о второстепенных, но порою — не менее интересных персонажах. Никто не рассказал бы нам столь подробно и впечатляюще о Георгии Адамовиче, например. Что до глав о Георгии Иванове — это просто книга в книге, она неповторима и неоценима. А Мережковский, а Гиппиус, — что знали мы о них, кроме того, что о таких «контрреволюционных монстрах» и знать ничего не положено? Но нет смысла пересказывать эти замечательные мемуары — теперь они доступны читателям, и при желании каждый может к ним обратиться.

Ирину Одоевцеву как поэта знают у нас гораздо меньше — то, что она успела издать на родине, давно библиографическая редкость, а сборники, вышедшие очень небольшими тиражами в эмиграции, конечно же, были недоступны.

Я никогда не предполагала, что смогу встретиться с Ириной Одоевцевой здесь, в нашем переделкинском Доме творчества! А это случилось...

Напоминаю: когда Ирина Владимировна решилась — с такой героической и безудержной решимостью — на возвращение, ей было уже за девяносто! Но... Было в ней что-то обаятельное, порывистое, нелогичное и неповторимое.

На память об этой короткой встрече осталась у меня книга «На берегах Невы» с трогательной надписью, в которой Ирина Владимировна благодарит «за чудесный, чудесный дар». Пояню, что этим «чудесным даром» оказалось позолоченное с чернью колечко с изображением льва, — оно в тот день было на моей руке и очень понравилось Одоевцевой. «Ведь я Лев по гороскопу!» — оживилась она. Я тут же протянула ей колечко, а она долго благодарила меня и по-детски радовалась.

...А по сути, это мы должны быть ей благодарны. Она сама — то живое звено, которое вновь чудесным образом соединило два насильственно разрозненных мира — русских поэтов там и здесь.

Далеко, за арктическим кругом,
распластав поудобней хвосты,
рассуждали тюлени друг с другом,
называли друг друга на «ть».

Согласились разумно тюлени:
жизнь спокойна, сытна, весела
и полна восхитительной лени.
Много холода, мало тепла,
ни надежд, ни пустых сожалений.

А про ландыши, вешнее таянье,
исступленное счастье, отчаянье
сумасшедшая чайка врала
перед тем, как на льду умерла.

По набережной ночью мы идем.
Как хорошо — идем, молчим вдвоем.
И видим Сену, дерево, собор
и облака...

А этот разговор
на завтра мы отложим, на потом,
на послезавтра... На когда умрем.

Банальнее банального,
печальнее печального,
умильнее умильного,
под гром оркестра бального...

А дальше право сильного,
без разговора дальнего.
А там — совсем банальщина,
шампанское, цыганищина.

Банальнее банального
«Прости» свистка вокзального,
печальнее печального
в купе вагона спального
с цветами подвенечными
железа бормотание:
«В Ис-панию... В Ис-панию...»

Я не только в стихах живу,
Я живу и впрямь, наяву,

И меня нетрудно увидеть,
Разглядеть, по статьям разобрать,
Чтобы после другим рассказать
Обо мне, какой я была
В те года, что я здесь жила
Вместе с вами
На этой земле.
Но, конечно, как все очевидцы,
Не запомните вы ничего.

Вот я шлю вам привет из Ниццы
И подарок на Рождество —
Мой портрет в рифмованной раме,—
Сохраните на счастье его.

≡
Я всегда была такой:
Ни с другими, ни с судьбой —
Временами очень злой —
Не вступала в пререкания —
Это ведь напрасный труд.

А в саду прозрачный пруд,
И живет в нем золотая рыбка,
Та, что исполняет все желания.
Да, я вижу — рыбка тут,
Вот ее волшебный след
В глубине жемчужно-зыбкой
Лунною блеснул улыбкой.

Наклоняясь над водой,
С чувством радостной беспечности,
Я прошу у рыбки золотой:
— Рыбочка, дружочек мой,
Дай дожить мне до ста лет
И прибавь еще кусочек вечности!

≡
Скользит слеза из-под усталых век,
Звенят монеты на церковном блюде...

О чем бы не молился человек,
Он непременно молится о чуде:
Чтоб дважды два вдруг оказалось пять
И розами вдруг расцвела солома.
И чтоб к себе домой прийти опять.
Хотя и нет ни у себя, ни дома.

Чтоб из-под холмика с могильною травой
Ты вышел вдруг веселый и живой.

АЛЕКСАНДР БОРОДЬИНА

За пять минут до конца света

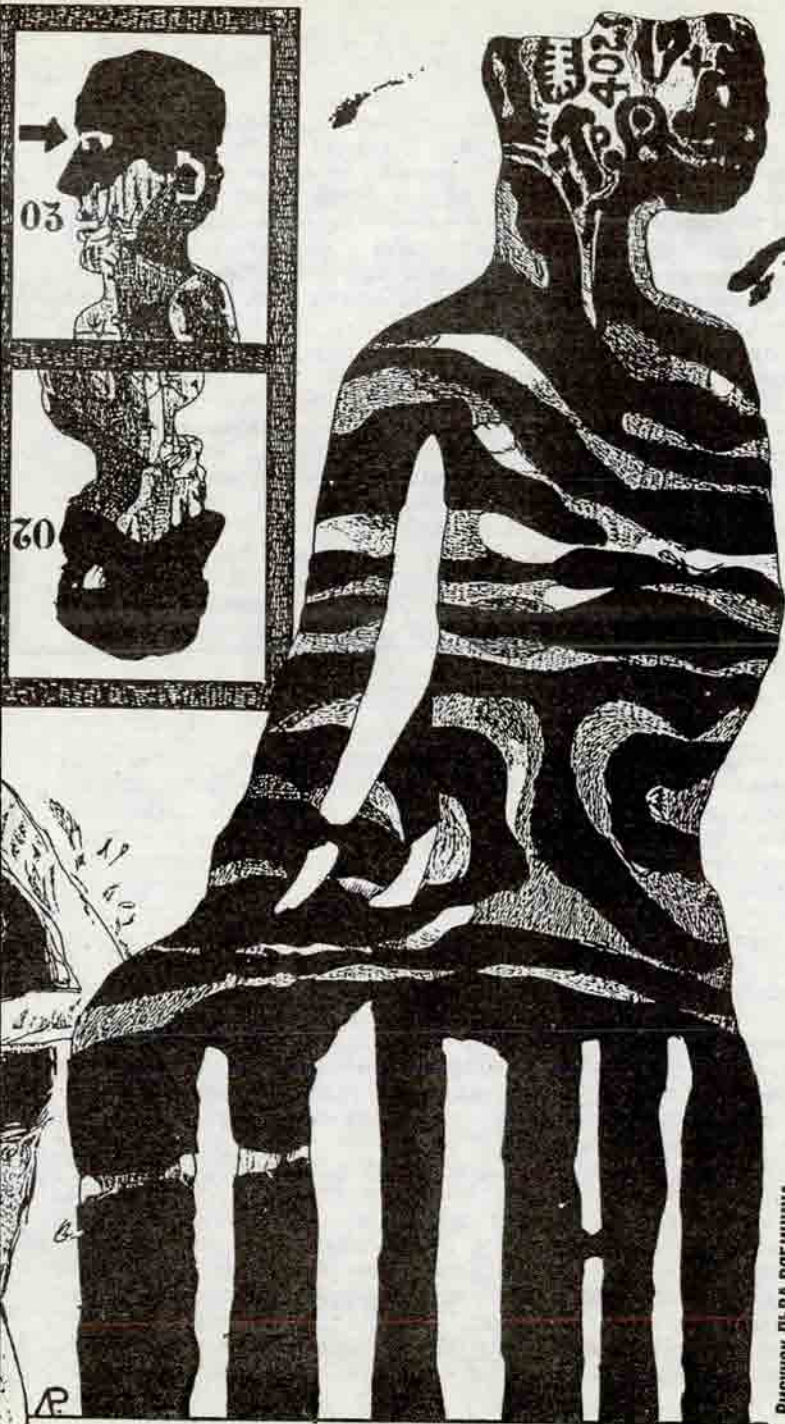
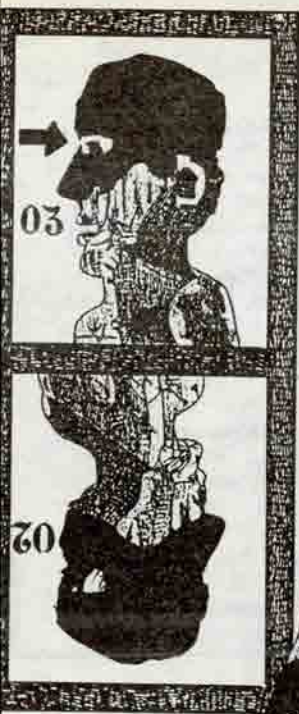

Рисунок ЛЬВА РЯБИНИНА

В самой глубине Выставки достижений, зажатая между звонком и стеной Ботанического сада, над небольшим искусственным прудом повисла на ржавых железных тросах и бутфорских якорных цепях грубая стеклянная птица-ресторан. Кабак невелик, стенки его из голубого и зеленого толстого стекла затенены обильно развешанными темно-синими сетями. В укрепленных к потолкам снастях запутались пара штурвалов, бронзовый компас, кривая карта звездного неба, металлическая эстрадка, черные квадраты динамиков, столики под белыми скатертями и мягкие зеленые стулья с высокими резными спинками, больше с улицы ничего не видно.

Минуя загончик для волков, через двойную будочку утепленной военизированной проходной я ровно в девять часов вхожу на территорию Выставки. Мохнатые рыжие лисы скалят острые морды, смотрят сквозь решетчатую сетку черными хитрыми глазами. Милиционер рукой в мокрой перчатке разворачивает мой пропуск с золотой эмблемой. Скользящие норки мечутся в своих клетках. Мимо, мимо, я уже практически опоздал. Но все опаздывают, когда идет этот противный дождь. Автобус застревает в разбитом гусеницами асфальте, в липком глиноземе, и половина Выставки является на работу на пятнадцать минут позже.

Стою я к кафельной стене лицом, мокрую куртку сдираю, и зло меня берет на весь Божий мир и особо на Каина. Затащил-таки вчера, зараза, меня к себе, напились. И результат: идешь на дрожащих ножках, как по батуту, шаг в сторону — и кажется, поскользнешься и стукнешься в стенку с сердечным приступом. Кафель сырой, крупный такой, блестящий. Стою и смотрю, как бежит прозрачная маленькая капелька по его молочной глади, и горло судорога схватывает. Изжога, страшно водички хочется. А Исиди, морда волчья, устроился между шкафчиками на бежевой банкетке, прямо здесь, в раздевалке, что-то уже в свою книжечку пишет, и непонятно по нему, донос сочиняет или стишок родит. Так бы и припечатал на его розовый череп свой перстенец с русалкой. А настроение — пакость. Не нужно было вчера к Каину в гости ходить, категорически себе запретить следовало бы! Сердце слегка так схватывает, одним толчком, но ничего, сразу и отпустило.

У Каина, у Сережки Марченко, выпить всегда имеется, там полное море всегда. У него отец — капитан, из загранки коньяки возит, а Сережка коньяки продает, а водку приобретает, хоть утопись в ней, в сивухе. А предполагалась, как я догадался, обширная коньячная коллекция, марочное пойло, этикеточка к этикеточке. Пьян Каин с утра до вечера, и это при том, что он вообще один пить не может. Но на работу ему ходить не надо, можно себе позволить, он у нас сумасшедший со справкой. От звонка до звонка отбыл, а вышел — с ума сошел. И после

освобождения не просыхает. Мучается ужасно или делает вид, что мучается, не для меня — для себя вид делает. Если бы ему срок больше дали, скажем, на всю катушку — пятнадцать лет, то, вполне вероятно, с ума бы не сошел и пить бы не стал. Но как может без водки прожить человек, который родного брата убил и получил только два года за это? Но все равно, ходить к нему вчера мне не следовало. А ведь чем, сволочь, купил! «Ты, — говорит, — не зови меня больше Серегой. У меня кличка есть. — По груди себя, по сердцу вроде похлопывает. — Ты не стесняйся, человеческую вещь нужно своим именем называть».

Джинсы между двумя сменами просохли вроде, натянул их на этот раз без особого отвращения, рубашку надел, застегнулся на все оставшиеся пуговицы, поверх — свежая куртка, приятно, аж захрустела крахмальная. Хорошо, позавчера сам о себе позабылся: зашел в кастилянскую и переменял всю спецовку на чистую. Колпак узковат немного, но не дырявый, свежий фартучек поверх куртки повязал не без удовольствия. Вот только ногам плохо. Огромные эти, неприятные ботинки, как у идиотаклоуна, задирают круглые носки. Они насквозь уже прогнили, в истрепанный кожзаменитель въелась розовая и белая прозрачная рыба чешуя. Немудрено, случается, по цикалотку в каше с отходами ступаешь. А на кафеле, на молочной стеночке лучик солнечный дрожит. Окошко высоко, но я обернулся, смотрю, под самым потолком нашей раздевалки кусочек синевы торчит.

Вчера была драка, в коридоре обе лампочки раскололи. Свет только из туалета падает. Окон нет, мало света, но все равно видно, что кирпичную стенку с правой стороны топором немножко разворотили. Генка осетрам головы рубит топором, он у него всегда в руке. Утром хохот в цехе стоит, анекдотики, шуточки, производственная гимнастика, а ближе к вечеру обязательно драка получается. Какой-нибудь пустячок, и уже один за другим несутся по коридору с орудием производства в руках. Здесь Генка Попова догнал и со злости, что зарубить боится, на кирпичках отыгрался.

В ресторане вообще темновато, только в зале светлая карусель на сто персон, красиво. Пальмы в кадках, как говорится, и у директора в кабинете человеческое око с якорем. В остальном — глухой бетон, магический полумрак, так уж построили. Тесно, сыро и темно, не рассчитывали здесь кабак устроить. Но место уединенное, тихое, посетители редко забредут, прудик опять же с утками. Вот товарищ министр и устроил себе личную «едальню». Посадил своего директора и не от общепита оформил заведение, а при рыбной фирме «Океан». Когда министра сняли, то и ресторан закрыли. Кроме зала и директорского кабинета, имеется официантская раздевалка под самой крышей, лесенка винтовая, ноги ломаешь, сама кухня, холодный цех, цех заготовки, туалет на два очка, его никто не моет, стеклянная будочка шефа, бухгалтерия — дверь напротив холодильной камеры, там и калькуляторы, и кадры, и вообще все к делу не относящиеся товарищи ютятся и трудятся в адской тесноте. И наша поварская раздевалка, в ней есть оконце под потолком, в цехе заготовки тоже окна во двор, без решеток, нормальные, и над

кухней часть крыши — квадратное стекло, но его последние тридцать лет не мыли.

Шагнул я пару раз в темноте, за сердечко схватился. Слышу, шмыгнула, проклятая. Я вообще с детства крыс ненавижу: отец в морге работал, мать в столовке, и там, и там их прорва. Где она, при таком дивном освещении не видно. Но звук четкий, она! Тихонечко я кирпич с пола подобрал и на звук шарахнул. Хорошо, вчера стену разворотили, а то бы нечем. Слышу, пискнула. Заорала во весь свой крысячий писк. «Может, я пришиб тебя, роднуля, — думаю, — хорошо бы, коли так». Присел на корточках, изучаю кафель на полу. Ан нет, только от гражданочки след кровавый остался, в дыру ушла. Маленькая такая, черная дырка у самого пола.

3

Впечатление, что смотришь неплохой фильм, к сожалению, в десятичный раз. Тружусь я через день. Одинаковое количество шагов — от сих до сих, почти одинаковые в голове мысли. Все удовольствие в неуловленных ранее коротких моментах.

В следующую смену крысы никакой в коридорчике не было. Стену разбитую зашпаклевали, и мне только припомнилось, как я ее позавчера кирпичом здорово на слух шарахнул. Жаль только, не пришиб.

Точно по расписанию вхожу в цех.

56 Заготовка состоит из трех помещений: две небольшие комнатки с окнами во двор и огромная холодильная камера. Ресторан рыбный, и когда министр не едет, подолгу в холодильнике только рыба одна. Всей «амунии» — три железных стола, огромный чурбан-плаха, круглый верх присыпан солью или содой, и пара весов. Попов поворачивается ко мне, как раз в этот миг перебирает свои сверкающие острые инструменты: ножи. Попов — тучный, большого роста, веселый человек. Все хорошо знают: он ведет правильную скучную жизнь. Всегда можно спросить, что он любит, и он ответит: « Обожаю скуку! Пойми, дурачок, только повседневность — суть человеческая. Остальное — или от животного, или от машины. Остальное — извращение. Маленькие радости, жена, газета, пара пацанят, все! Точка!» И никогда не знаешь, шутит или вправду так думает, хотя известно, что вправду так и живет: по воскресеньям кино, работа через день, скандал с женой три раза в неделю, по телевизору один фильм в 19-30, второй — в 21-45, с разницей в минутах и с заменой на футбол, две газеты в день и половина детектива в месяц.

— Вот так, вот так, — говорит он, нарезая порционную осетрину. Он снимает тонким лезвием от желтого мокрого бруска пласт деликатеса, кидает на весы. Стрелочка двухсотграммовых весов беситса, но через какое-то время точно встает на нужную отметку. — Вот я и опять молодец, — говорит он сам себе. И это действительно так: отрезал с аптечной точностью, до миллиграмма.

— А где Генка? — спрашиваю я, поддвигаю табуретку, сажусь на нее, закуриваю. До одиннадцати часов мне лично

никакая работа не светит, да и после одиннадцати тоже вряд ли.
— Где Генка, где Генка,— поет Попов.— А нету его... Почему я знаю, где Генка!

— Крысу в коридоре кирпичом пришиб,— говорю я.— Позавчера! А сегодня уже и следа не видно. Замуровали стеночку.

— Ну и молодец! А где она? Крыса-то где? — Он, улыбаясь, смотрит на меня, и я чувствую, он мне не верит.

Семеныч, подкатив тележку, отпирает замок на холодильной камере и с грохотом переставляет лотки с колес туда, внутрь, в белое сияние. Он в черном халате, от нас отличается.

— Доброго утра всем! — говорит Семеныч и кивает, кивает. Больше всего в жизни он любит кивать.— Одиннадцать дней осталось,— сообщает он, сгружая последний алюминиевый лоток, похожий на цинковый гроб.

— А потом что? — спрашивает Попов.

— А потом все! Конец всему. Сперва — светопреставление, потом — конец света.

— Через десять дней, значит, говоришь.

— А как же, через десять...

«А для гроба лоток, пожалуй, маловат,— думаю я.— Если только детский гроб. А что, нормально, хороший анекдот, детский цинковый гроб».

— Слышь, анекдот вспомнил.

— Валяй!

— Загадка: что легче разгрузить — вагон с кирпичом или вагон с детскими трупиками...

— Их вилами можно,— бурчит Семеныч.— Богохульники, никакого стыда! Ну ничего человеческого, мерзость одна!

Семеныч, человек несчастный, на войне раненный. Причем до ранения не убил ни одного фашиста, боялся. После ранения — четыреста двадцать двух, по крайней мере он так утверждает, вернее утверждал, даже хвастал после пары стаканов, веры заслуживает, потому что цифру никогда не путал, теперь молчит об этом. Теперь наш подсобник ходит в молельный дом. Сперва он женился. В ресторан на работу устроилась старушка, девушка лет пятидесяти, пришла пенсию зарабатывать, до того она всю свою сознательную жизнь пол в этом самом божьем доме драила, а там пенсионера не назначают. Вот они и сговорились. Идеальная пара. Она ему стирает, жратву готовит, и вроде как не одна в старости, а он как-никак — мужичок в доме.

— А ты как с женой-то сегодня?! — подковыривает Попов. Первые дни после свадьбы Семеныч в подробностях рассказывал крепкими матюками про всю свою любовь, теперь он на такие вопросы сразу лицом темнеет и замыкается.

— Ладно, чего... — извиняется Попов, бросая на весы порцию осетрины.— Не обижайся, дело оно такое, житейское, с кем не бывает.

на табуретке и покуривал), Попов с громким вздохом посмотрел на часы и сказал:

— Ну, слава тебе, Господи, Москва проснулась.

— Что?

— Я говорю, одиннадцать часов, Москва проснулась!

Поднявшись, я затушил сигаретку на подоконнике и стал смотреть в окно. Долго-долго так стоял и смотрел. Томительная разрослась тень по внутреннему дворику, накрыла рассыхающиеся бочки из-под винограда. И очень захотелось мне, чтобы двигалась она, тень, побыстрее как-нибудь. «Конец света, — думаю. — А что, он человек верующий, ему на эту тему в принципе виднее. Только непонятно, он, этот конец, только у баптистов или вообще у всех?»

Над каменным заборчиком солнышко. В голубой сухой перспективе неба сверкает металлический куполок. Железные мачты над павильонами Выставки достижений. Искрит по свежескрашенной голубой стене невидимый мне отсюда пруд. Шевелятся непонятно каким образом (никакого ветра близко нет) свисающие куда-то в воду сиреневые кусты. По микроскопическим волнам плывут листья — выжженные до желтизны мини-лодочки с коричневыми рулями черенков, их мне тоже не видно, но они тоже существуют.

Третьего дня все лил дождь, а теперь жарница. Под солнцем мир будто сохся и сделался в своих размерах меньше. На кубическом одноэтажном здании напротив меня, точнее на его крыше, лежит полоса, режущая глаза.

Грамошук, наш дворник, стоит, сгибаясь пополам, припадая грудью, утянутой грязным халатом, к острому краю бочки. Со дна бочки он пригоршнями черпает перебродивший гнилой виноград и пихает коричнево-желтое месиво себе в рот. Он хрипит, стонет, плюет кровавой слюной с косточками, и мне очень хочется никогда этого не видеть.

Я уже слышу, как где-то в глубине нашего кабака застрекотали один за другим несколько кассовых аппаратов, закричали официанты, диктуя заказы поварам. Загремели дверцы холодильников. Кто-то, наверное, просунувшись в дверь цеха, сказал подчеркнуто сухо: «Две порционки... и еще две порционки!»

— А мы не спим с Трезором на границе! — сказал за моей спиной Генка. — Трудовой ритм! Не посраим, не запятнаем, не уроним в грязь!

— Не гадь в компот, там ягоды, — сказал Попов. И я, не поворачиваясь, точно знал, что вот сейчас он сделает две порционки, а потом еще две, потом еще две, а Генка вытащит обмороженный полтораметровый рыбий труп, положит его головой на чурбан и возьмется махать топором, отсекает голову для рыбного супа, сдирать с осетра шкуру, отрезать большой хвост. Я понимал, что пора рассказать первый за сегодня анекдот. Работать я не могу физически, во-первых, для топора рука слабовата и сердце шалит, а, во-вторых, на точных весах моя работа не просчитывается, и вместо нее я рассказываю ребятам анекдотки, от одиннадцати часов утра до восьми вечера. Я рассказываю, а они трудятся.

В следующую смену, то есть за шесть дней до конца света по подсчетам баптистов, я был напипигован анекдотами вдвое обычного. Болела печень и удалось не нажраться. У Каина было много народа, и все сыпали анекдотами, запомнил я в лучшем случае четверть, но и это больше нормы. После третьего анекдота Попов сказал:

— Что-то холодновато!.. — Он прищурился, посмотрел на свой острый сверкающий нож, на невыносимо белое солнце в распахнутом окне и добавил: — Не слышишь, что ли, холодать стало!

— Я не пойду, — сказал я. — Ко мне Грамматика приставать опять станет.

— А я не пойду, потому что не станет, — как-то по-кошачьи, потягиваясь с топором в руках, промурлыкал Генка. — Иди, иди, не кокетничай.

Любка Грамматика, наша буфетчица, готова была поить меня портвейном бесплатно, только бы я не уворачивался от ее липких поцелуйчиков, но я это плоховато переносил.

Я вздохнул, посмотрел с тоской в окно на пылающую крышу флигеля и движущуюся тень. Бочки из-под винограда убрали, тяжёлые железные ворота померкли, перестали блестеть, они только чуть-чуть покачивались беззвучно. Казалось, что пустые брезентовые мешки, коричневой кучей сваленные у стеночки, задвигались, как живые.

— Ну, ты пошел уже? — спросил Попов. — А то я замерз.

И я пошел в буфет. Через кухню, залитую искусственным светом и жаром электроплит, в мареве запахов через деревянно-клеенчатую стойку раздачи, за которой скакали официанты, напрямиком к Любке в лапы.

По ресторану ходить мне лень, не люблю. За пять лет трудотерапии поваров даже по имени как следует не запомнил, не люблю из цеха выходить — микроколлектив, анекдоты, бездумная скука, но сюда, в буфет, каждую смену наведываться приходится.

Как всегда, оглядываюсь на стеклянную будочку, восемь отмытых до полной прозрачности толстенных стекол. В ней, как в граненом стакане, медленно движется в отутюженной белой спецовке и картинном колпаке — он на нем, как в кино, торчит раструбом — шеф-повар зверюга, Николай Васильевич. Если он меня у буфета заметит, хорошего ничего не будет, будто в армии в самоволке поймали, но он обычно замечать меня не хочет. Если бы Попов пошел, то обязательно бы заметил, а меня замечать за греховными перемещениями — вроде как ниже собственного достоинства.

Грамошук с Семенычем как раз подкатили тележку с какими-то большими картонными коробками. Любка принимала товар. Я закурил, спрятав сигарету в кулаке. Стою, рискуя быть замеченным, и смотрю, как они работают.

На вид Любке лет тридцать — пятьдесят, это точно не скажешь, красится она грубо, но сама не толстая и ноги не прячет, неряшливая только. Всем известно, у нее дочка в детском доме

живет, отобрали родительские права за пьянку. Говорили, комиссия явилась, а ребенок в коляске живет — ни кровати, ни соски, ни погремушки, одна коляска без колес в середине комнаты. Любка иногда спяну рыдала: «Ну, зачем ей соска, она же сиську мою сосет! Молока-то вона сколько, мужика накормить можно здорового».

— Это что? — спрашиваю.

— Печенье «Заря»! — оскалился Грамошук.

А Семеньч тихо так добавляет, хватая очередную коробку:

— Все равно уже не съедим, не продается... Не успеем мы.

Я слышу, как он бормочет, но делаю вид, что не обращаю внимания, а Грамошук, он уже с утра, кажется, одеколону напился, покачавшись на худых длинных ногах, что-то медленно сообразил и вдруг ни с того ни с сего коробку на пол бросил, Семеньча за грудки ухватил и орет:

— Врешь, врешь, собака! Не будет конца, не может быть нам никакого конца! — ну и все остальное по матери, только еще громче.

Грамошука увели. Семеньч смотрит на меня, улыбается, дескать, вот дубина, не верит, ему же говорят по-человечески: «Конец света», а он не верит.

Получилось, что коробки таскать некому, а Грамматика меня уговорила. Пришлось, а то бы при всей любви ни хрена не дала бы бутылку.

Поставил я в кладовке последнюю коробку на пол, смотрю, а она уже дверь прикрыла. Я повернулся, а она стоит и смотрит на меня злыми глазами. Грудь дышит все сильнее, сильнее, костяные пуговицы на халате раскачались. И вдруг она лижет кончиком языка свои сухие потресканные губы, хватая меня за руку горячей рукой, насаждает всем телом, всем своим дыханием, ни слова не говоря лепит сырой кошмарный поцелуй в щеку, что-то с истерической скукой шепчет, хватая мокрым своим ртом меня за нижнюю губу, сцепливает замком пальцы на моей спине, рывками задирая куртку.

— Пусти! — хрипит она, насадая все больше. — Пусти, гадина!

— Ты что, Грамматика? — спрашиваю тихо я, отступая мелкими шагами под давлением этого соскучившегося по ласке тела. — Они войти, между прочим, могут!..

Я, конечно, понимаю, что наша буфетчица с утра как следует наливалась, ей одеколон пить не обязательно, у нее коньяки под рукой. Делать нечего, пришлось ее как следует стукнуть. Она присела на коробку с печеньем «Заря» и плачет, и шепчет. Из ее пьяного лепета я понимаю, что вчера приходил участковый, и ее собираются выселять за пьянку, что товарищеский суд передаст обязательно дело в народный, а сидеть в сырой тюремной камере ей очень не хочется.

— Портвейну дай бутылочку! — когда она успокоилась, попросил я. — А то мужики замерзли.

— Ну что? За что-нибудь или так, для души? — спрашиваю я, наливая в бульонную чашку портвейн и ставя ее на подокон-

ник. — А то можно за конец света, Семеныч говорит, это то ли завтра, то ли послезавтра!

— Давай за конец! — кивает Попов.

Я глотаю свою порцию, икаю, закуриваю, смотрю, как они пьют, как они промывают чашки, и думаю, думаю, а о чем думаю, сам не пойму. Реальное чувствуется чем-то нереальным, шатким, то только слова слышишь, то движется все, как в черно-белом фильме, то вдруг выплывает объемный яркий кусок — какой-нибудь грязный ящик, и звук в нем, и цвет, и запах острый.

Генка выпил и взялся за топор. На его узкой спине, утянутой грязно-белой тряпкой куртки, шевелятся острые лопатки. Генка уникум. Тихоня со здоровым чувством юмора. В восемнадцать лет женился, жена — ровесница, теще — сорок, тоже в соку женщина. Однажды теща в отсутствии жены стала Генку уговаривать в шутку, мол, чего там, аль плоха баба... и диван рядом, хочешь водку из холодильника принесу. И он в шутку согласился. С тех пор уже два года утром с женою, вечером — с тещей. Теща в утро работает, жена — в вечер, жена — в утро, теща — в вечер. А он через день. Иногда жалуется: «Плоховато, нужно в больницу уходить. Тоже белый халат и белая шапочка, но, во-первых, сутки тружусь, трое суток с тещей, а, во-вторых, сколько там, в этих медицинских сутках, прекрасных женских минут спрятано».

Сию я, значит, на табуреточке, покуриваю и, как машина, анекдоты методично без всякого вкуса загибаю один за другим. В антракте немножко выпью, сделаю десяток приседаний, в окно посмотрю на солнце, на мешки, на сияющую крышу флигеля. Вбегает Исиди, лысиной своей трясет, кричит шепотом:

— Ребята, пошли, пошли, скоренько... Товарищ министр приезжает, побежали, руки помыли и побежали...

— Куда? — спрашивает Попов.

— Как? — Исиди смотрит на него, не мигая, трет маленькой красной ладошкой свой голый череп. — Как куда! Ковер нужно постелить, вазы с цветочками поставить...

— А почему мы? Почему не официанты? Официантов попросить нужно! — возмущается Генка.

— Думаешь, так! — В кричащем голосе повизгивание и испуг. — Думаешь, у них дела нет. Ты что, хочешь, чтобы министр по полу ногами ходил. Он грязный, пол, истоптанный. Счас пошли ковры стелить.

Втроем мы достали из кладовых четыре новеньких ковра и потащили их, задевая посетителей, через зал в холл, накрывать квадратные метры грязного пола. Только развернули, как опять Исиди кричит, но уже не шепотом, уже во весь голос:

— Что делаете, скоты! Не нужно уже ничего. Сворачивай ковры, министр не придет.

За заборчиком, в кусте у самой воды, неделю уже грелась на солнце пищевая шестидесятилитровая фляга. Белое солнце в вы-

пуклом боку. Разгорелась, почти что накалилась. В виде экономии мы всем коллективом ставили раз в две недели бражку. Сахар казенный, дрожжи даровые, почему нет. Бидон-флягу для безопасности прятали за пределами ресторана над прудом. А тот, кто анекдоты травит, тот и саночки возит. Приходилось мне скакать через каменный заборчик, обдираясь об ветки, три раза в день с двумя чайниками. Приносишь полный чайничек, ставишь на видном месте, кто догадается — не бутылка, не стакан. Хлебали прямо из носика. Гадкое теплое месиво. Пока один чайничек оприходуем, два других в холодильнике подмерзают, ледок нарастает на шесть восьмых, гущу снимаешь, а остальное чистый спирт.

Отглотнул я из носика тепленького гадкого пойла, сел на стул, закурил и вдруг думаю: «А интересно, чего это я пять лет вот так, каждые вторые сутки, с утра до вечера анекдотики рассказываю? Кто я на самом-то деле? Что со мною за двадцать семь лет случилось? Чего хотел, чего хочу?» И понимаю, ничего путного ответить себе не могу, помню только, что в армии обухом топора череп проломили, а вроде больше в жизни ничего и не было.

Попов тоже выпил и говорит:

— Закусить, братцы, надо! Хочется ведь чего-нибудь... — Пошелкал в воздухе блестящей от рыбьей слизи рукой. — Этакого неординарного.

Он сказал, а делать пришлось мне. Неординарное — это либо красная икра, ворованная из форели, из трех лотков как раз миска выходит, только несоленая получается, либо живая рыба прямо из пруда. Один раз даже уток казенных ловили и жарили, ничего не вышло, трех селезней сгубили. Красоты стало на пруду меньше на трех водоплавающих, и самим обидно.

Тихонечко сетью рыболовной из пруда вынул я полведра живой рыбы, ее тут разводят для рыболовов-любителей. Удочки напрокат дают, а мы со своего берега, значит, сеткой. Поджарили рыбки, поели. Работы как раз никакой, ну Генка и разлагольствует, аж свистит от удовольствия:

— Дрянь мы, а не люди, — говорит, — Максим Горький написал, что мы дрянь, а мы прочитали и не поняли.

— Он писал, что еще и другие есть! — возразил в шутку Попов.

Генка отхлебнул из чайника и продолжил свою мысль:

— Есть, да не здесь. Здесь вроде как гнилая кровь на центрифуге — плазма в одну сторону, все остальное — в другую. Вот нас, всю гнилятину, вместе и сносит. В одну кучу.

— Да уж недолго осталось! Семечки говорит, в следующую смену точно копец света будет... — Он не договорил, показывая рукой на дверь.

Все кинулись на свои рабочие места, даже я топор схватил. Хочешь не хочешь, а когда появляется в цехе начальство, по этикету следует изображать трудовой подъем и пыл в глазах. Шефа нашего Николая Васильевича в ресторане все ненавидели. Он знал, как мы работали, но не дай бог в его присутствии присесть или закурить. Ненавидели его за то, что каждый день

он уносил в портфеле домой краденую икру не меньше трехкилограммовой банки. Он крал икру, а за месяц до конца света за ту же икру, за три грамма, посадили на год девочку-повариху, а было Любке всего ничего — восемнадцать лет. Из трех порций три грамма умножили на сто пятьдесят рабочих дней, что Любочка проработала. Получилось четыреста пятьдесят граммов, это где-то рублей на тридцать, вполне вышел год тюрьмы общего режима. А крала девка для шефа, безо всякой выгоды для себя, просто от рвения и административного обожания или страха.

— Чего скукожились-то, чего скукожились. — Толстенский, очень чисто одетый, в высоком колпачке, Николай Васильевич прошелся между нами, поддал Попова в бок, а Генку по заду стукнул. — Думаете, все! Ан нет, не все, сегодня вечером ответственный банкет.

— Что, министр все-таки? — спросил Попов.

— Нет! Литературный деятель Евтушенко, читал? Известный. У меня книжка дома стоит, вот такая толстая, в коже. Грешен, стихов не люблю. На всю ночь банкет. Неволить не стану. Кто хочет, может остаться добровольно за отдельную плату и вознаграждение...

— Можно мне остаться? — спросил я. — Без вознаграждения...

— Задаром, если хочешь, сиди. Может, пригодишься. Все равно электричество во всех зеркалах до утра жеч.

8

В половине одиннадцатого в ресторане осталось всего восемь человек: директор, шеф, три официанта со знанием иностранного языка, два нормальных повара и я. Работы никакой не было. Под вой какого-то мотора в глубине Выставки (и пришло же им в голову демонстрировать моторы по ночам) мы во дворе били осколками кирпича по затравленной в углу крысе. Между металлическим забором и стеной только гладенький асфальт, никакого зазора, некуда ей было деться. Били, пока не убили. А тут, слышу, машины подъезжают к ресторану, к главному входу с якорем, хорошо слышно. И шеф орет:

— На место, все на место!

Стыдно сказать, а остался-то я посмотреть на этих людей. Они для меня — недоступное из другого мира. Хоть издали взглядом прикоснуться. Министров видел, даже одному на ногу наступил, капитана дальнего плавания видел, даже водку пил вместе с ним, а вот Евтушенко!

Шеф велел перенести несколько лотков, и на этом моя работа закончилась. Встал, завернувшись в занавеску, отделяющую зал от раздачи, смотрю, разинув рот. Директор наш, как гость, за столиком сидит, грудь в орденах, спина как на параде. Плышет в полумраке сквозь музыку и запахи на серебряном блюде коричневатый поджаренный поросенок с веселой мордочкой. Я стою как во сне, не двигаюсь. А струны так и рокочут, звенят цыганские голоса...

Но, к сожалению, мечта моя рассыпалась. Банкет ничем не отличался от банкета, недавно устроенного министром. Обыкновенно...

венная пьянка, только шикарная. Конца я не дождался. Мне почему-то вспомнилась песня Владимира Высоцкого, и я мурлыкал ее себе под нос до самого дома. Наверное, и был уж очень пьян в ту ночь:

*«Я не люблю любое время года,
Когда веселых песен не пою...»*

9

С утра пришел в цех Семеныч, напомнил, что конец света сегодня будет, и рекомендовал молиться, кто как умеет.

— А в котором часу? — спросил Генка.

— Может, и прямо сейчас случится, — совершенно серьезно объяснил Семеныч. — День был указан, и на том спасибо. Точный час, вишь чего захотел.

— А мы, по-моему, так и живем все время, будто через пять минут конец света настанет. Сколько себя помню, и только так себя и ощущаю. Вот прямо отсчитывая от этой минуты. Ведь чего, бомбу бросят, и конец, вот поскользнусь я сейчас на этом кафельном полу, расшибу голову о кафельную стеночку, и конец, мой личный конец света.

Все посмеялись, но как-то получилось натянуто. Напились против обыкновения прямо с утра, задолго до одиннадцати часов. Выпили всю флягу...

Когда открылся буфет, я пошел к Грамматике. Она вино продавать отказывается. Тоже мне, буфетчица-алкоголичка. Я ее спрашиваю спьяну:

— Слушай, Грамматика, а разве бывают буфетчицы-алкоголички? Тебя в тот же день посадить должны. — Спрашиваю и вижу, Грамоцук-то, несмотря на ранний час, уже спит пьяный в темном углу кладовки. И жутко мне от этого стало. Постепенно трезвею и начинаю понимать, не мне одному, всем жутко. Ничего в голову больше не идет, кроме дурацкого этого конца света.

Часов в двенадцать зачем-то приперся в ресторан Каин. Тоже пьяный, заплаканный, ничего не сказал, постоял у нашего окна и ушел.

Я ничего лучше не придумал, как рассказать всем, как Каин, Сережка Марченко, брата родного случайно убил. Они ножи в дверь кидали пьяные. А ножи втыкались плохо. Тогда решили, что если человек живой будет у двери рядом с мишенью стоять, то смогут сосредоточиться, ощутить ответственность. Действительно, один раз Сережка точно в самую нарисованную десятку нож воткнул, а во второй раз со всей ему присущей силой всадил нож в глаз родному брату.

— Ты зачем нам это рассказываешь? — спросил Генка и содрал с себя осклизлый кожаный фартук, другой рукой протянул мне топор:

— На-ка, поруби рыбе голову, а я покурю.

— Давай, чего уж... — согласился я.

Генка сел на стул, сморщился, закурил:

— А то, хочешь, анекдот расскажу. Ты теперь будешь работать, а я буду анекдоты рассказывать.

— Про тещу! — хохотнул Попов.

Но Генка не ответил, только закурил и глаза закрыл.

Я стал рубить осетрине голову и через полчаса был весь в рыбьей слизи с ног до головы. А еще минут через пятнадцать нас из цеха выгнали. Опять приехали снимать из Рекламкино, какая вкусная в ресторане «Океан» бывает рыба. Отвратительные мальчишки и девочки, похожие на манекенов, и веселые евреи с кинокамерами и осветительной техникой. Нас загнали в холодный цех, здесь никто не работал, все, как в праздник, пили сухое вино. И меня тоже угостили.

Вероятно, вино сильно воздействовало на мой организм, потому что в памяти получился провал, а обнаружил я себя посыпавшим рыбью плаху солью. Я ее посыпал, достал из кармана принесенную, вероятно, из того же холодного цеха, петушиную голову с красным гребешком и положил ее в середину белого круга. Потом пошел в ярко освещенное пространство. Слава Богу, в эту минуту ничего не снимали. Подошел к молодому человеку с сильно накрашенными губами и голубыми глазами, шелковая полупрозрачная курточка на нем, манжетки отутюжены, вот только что перед съемкой серебряные запонки вынул, брючки белые... повара играет, взял за чистую ручку и сказал, увлекая за собой:

— Пойдем, чо покажу-то!

Я подвел его к рыбьей гильотине с петушиной головой и спросил:

— Ну как, понял?

— Понял,— приятным баритоном отозвался он.

И тут я почему-то заорал, замахиваясь окровавленным большим своим топором:

— Зарублю! Зарублю!.. Чего, чего ты можешь в нашей жизни, крыса, понимать!..

Всю сцену отсняли на цветную пленку, двести метров «Свемы», понравилось.

Пьяный повар в окровавленной слизистой спецовке, в выгнутых, как у клоуна, башмаках, усеянных розовыми и прозрачными рыбьими чешуйками, как цветными стеклышками, гонялся по всему ресторану за манекеном, одетым в отутюженную поварскую робу и голубой колпак.

10

К семи часам вечера произошло два события — одно внешнее и одно внутреннее. Внутреннее событие было такое: когда пропикало семь часов по центральному радио, я неожиданно для себя понял, что абсолютно трезв, внешним событием были три барабана красной рыбы, которые нас обязали почистить до конца рабочего дня. Три барабана — это примерно двухнедельный объем нормальной работы для двух человек.

Настроение хоть застрелись, протрезветь-то я протрезвел, но заболело сердце, руки дрожат.

— Водички попей! — предлагает Генка. Я на него смотрю, тоже трясется, но не с похмелья, боится, вижу, у него организм может пять литров спирта в день переработать без ущерба для общества.

Красная рыба в длину — от тридцати до семидесяти сантиметров. Иссиня-черная шкура. Когда тонкую кожу эту сдираешь, под ней светло-красная соленая мякоть. Нужно отрезать оскаленную голову ножом, отрезать хвост и, когда шкурка, сверкая, полетит в корзину для мусора, разделить рыбину тем же ножом вдоль до низу на две части.

Генка точит ножи, летят во все стороны искры. Попов похрюкивает от злости, а на меня какое-то остервенение напало, вошел в работу. Деру кожу. Подсовываю пальцы, подрезаю, тяну, режу головы. И спиной я к ресторану, ко всему спиной оказался, лицом к железному рабочему столу, чувствую, напряжение во всем, механический идиотизм, и от него удовольствие.

К восьми часам остался один барабан. Попов просит:

— Ну хоть пару анекдотиков загни, невозможно же так жить.

А я молчу, сосредоточенно рву рыбу. До конца рабочего дня остался час, нужно успеть. Почему-то очень хочется успеть добить, доделать, дорезать этот идиотский барабан до конца рабочего дня. Ни о чем уже не думаю, только: «Подрезать, а вот здесь мы пальцем перехватим, ах ты, зубастенькая!..»

И вдруг через какое-то большое время я понимаю, что работаю один. Ни Попова, ни Генки рядом нет. А в глубине ресторана ненормальный какой-то начался шум. Бабы тихо-тихо так повизгивают, плиты шипят, по звуку нетрудно определить — их из котлов заливает. Но я продолжаю работать, в такой раж вошел: подрезаю, отсекаю зубастые головы, разбираю красную мякоть на две неравные части. И тут слышу, Генка шепчет каким-то не своим голосом:

— Ты хватит, хватит!.. В окно, в окно посмотри!

Оторвался на секундочку от работы, взглянул в окно. Странная картинка: небо, как при закате, красное, только еще краснее, и все красное: стена, цеха, дрова, кучка мешков шевелится красная. И будто мелкие трещинки разбегаются по всему, по всему, что я вижу, как по старой иссохшейся картине, написанной маслом. Я смотрю на часы. Без пяти минут девять. Отмечаю про себя: «Ясное дело, значит, конец света на двадцать один час назначили». И гул, тихий такой подземный гул, и трещинки в красках мира. Только перед глазами трещинок этих нет, нет их в моей работе. Смотрю на барабан: «Ничего, успеху, можно успеть, если подналечь. Главное — работу закончить».

Слышу, как орут, то ли молятся, то ли песни кричат за моей спиной, слышу Генкины мягкие шаги, догадываюсь, к Грамматике в последнюю минуту кинулся, думаю: «Попов плачет, захлебывается, сидя на стуле. Не жаль, не жаль всю мразь эту. Только бы работу закончить».

Гул усиливается. Осталось пять минут. А я рву черные блестящие шкуры, и под моими усталыми руками вспухают одна за другой рыбы светло-красные соленые тушки. Успеху, нужно успеть закончить работу!

Петрушки, Матрешки, Снегурочки и Колобки...
 Ни серого волка, ни черного сверхчеловека...
 Москва — барахолка: лотки, носовые платки...
 Разменян последний червонец двадцатого века.
 Валютные Золушки ловят на «плешке» такси,
 И Красные Шапочки, синий чулок поправляя,
 Берут в «Океане» по три килограмма трески
 (За рыбой мороженой очередь вьется живая).
 В джинсовых обносках Дюймовочка ждет у метро
 Прыщавого Принца, дрожа от предчувствий соитъя,
 Могли ли представить Ганс Андерсен, Гримм и Перро,
 Что сказочный образ получит такое развитие?
 Альфонс — мальчик с пальчик — на легкую падох дензгу,
 Фригидную барышню Снежной назвав Королевой...
 Наказан Кощей, и зловещую Бабу Ягу
 Судьба справедливо оставила старою девой.

КУХОННЫЙ РОМАНС

Скрипят распахнутые створки.
 И прячутся от сквозняка
 Четыре газовых конфорки,
 Четыре синих мотылька.
 От этих маленьких, но сильных
 Крылатых отпрысков огня
 Четыре песни темно-синих
 Цветут в сознании у меня.
 Их звуки трепетны и мелки,
 И неразборчивы слова:
 Четыре газовых горелки,
 Четыре синих божества.
 Они судят мне состраданье
 В комфорте кухонной глуши:
 Четыре синих мирозданья,
 Четыре пламенных души.
 Погашен свет в ночной квартире,
 И ходит кругом голова,
 Когда порхают все четыре
 Газообразных существа.

ИМПРОВИЗАЦИЯ

По тротуарам ветер, прикидываясь пьяным,
 Идет походкой валкой, размашистой и шаткой...
 Луна играет в прятки... И за рябым туманом
 Побрякивают звезды, как мелочь за подкладкой.
 Пространство неподвижно. А осень бьет посуду.
 Улыбчива сегодня лишь в Лувре Мона Лиза.
 И мириады листьев разбросаны повсюду,
 Как яркие осколки арабского сервиза,
 И пузырится ветра ночная пепси-кола,
 И маленького неба большая ягодица
 Трепещет в ожидании снотворного укола
 Над телеминаретом останкинского шприца.

В детстве он хотел стать дрессировщиком. По образованию — инженер городского электрического транспорта. Работал как актер и композитор в Ленинградском музыкальном театре-клубе «Суббота». И писал песни — всегда, с тех пор как взял в руки гитару. Первый же мультфильм — «Пластилиновая ворона», — к которому он написал музыку, принес ему известность.

Так на музыкальном Олимпе появилось новое имя — ГРИГОРИЙ ГЛАДКОВ.

— Мне говорили: возьми псевдоним! Дело в том, что я однофамилец талантливого композитора Геннадия Гладкова, прогремевшего на всю страну «Бременскими музыкантами». Чтобы не возникала путаница, друзья и знакомые настоятельно рекомендовали как-то размежеваться, хотя бы путем какой-нибудь приставки к фамилии — типа Гладков-Седой, Гладков-Второй или Гладков-Черный. Но мне почему-то это не

казалось таким уж важным. Помоему, нужно стараться писать так, чтоб тебя, твой стиль узнавали даже без объявления фамилии — по музыке. Это в спорте важно быть первым, а в искусстве — ярким. Но, признаться, хлопот мне фамилия все-таки доставила: случалось, музыкальные редакторы, сотрудничавшие с Геннадием Гладковым, отказывались работать со мной. После одного из моих выступлений по «Радио Рос-

ПО
МОДЕ
ПЛУ
ЖУСТЕ
ИЩЮ

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

сии» в редакции раздался анонимный звонок, и «доброжелатель» посоветовал журналистам не приглашать меня больше в их программы, потому что есть только один композитор Гладков — Геннадий... Честно говоря, мне это не понятно. Никогда не думал, что кому-то может помешать любить музыку своего кумира существование его однофамильца...

— Судя по вашему упорству, вы не очень-то идёте на компромиссы?

— Иду, иду, еще как! — Гладков поуютнее устраивается в кресле, аккуратно пристраивая у себя на коленях огромного кота. — Так вот насчет компромиссов, — продолжает Григорий Васильевич. — Когда мы делали мультфильм «По щучьему велению», я решил похулиганить и написал музыку для Емели в стиле кантри. Песню Емели блестяще спел Михаил Боярский. Нам казалось, что получилось смешно и юмор наш поймут. Но на телевидении разразился страшный скандал: «Герой русской народной сказки поет, как американский фермер?!» Последовал безоговорочный приказ — всего Боярского вырезать, а чуждые Руси саксофон и скрипку из записи убрать. И вот мы вместе с музыкантами начали замазывать эти инструменты. Сели перед микрофоном и изо всех сил пытались заглушить их балалайкой. Но ничего не получалось. Струна на балалайке лопнула. Я не выдержал и говорю: «Может, бросим этот маразм?» Но старейший музыкальный редактор Иосиф Аронович Орлов, из уважения к которому, пожалуй, я и согласился проделать все это издевательство, сказал мне: «Гриша! Один раз я уже сидел, при Сталине. Знаете, за что? В обвинении было записано: пытался перепилить рельсу смычком! Что вы смеетесь? Я был

скрипачом...» И тогда вместо балалайки мы взяли расческу и добросовестно трещали ею, пока не забили злополучную скрипку.

Гладков любит веселых людей. Не случайно он дружит и сотрудничает с Эдуардом Успенским, с которым они сделали вместе несколько мультфильмов, выпустили пять серий радиоспектакля «Следствие ведут Колобки».

— Мне очень повезло, что я встретил в жизни такого человека, как Эдуард Николаевич, — рассказывает Гладков. — С него-то, собственно, все и началось. Нас познакомил Александр Татарский, который создал «Пластилиновую ворону», взяв за основу стихи Успенского. А с Сашей мы, в свою очередь, познакомились на пляже в Крыму, во время отпуска. Он приехал туда из Киева, я — из Ленинграда. И если бы не эта цепь случайностей, неизвестно, как бы сложилась моя жизнь. Я ведь никогда всерьез не собирался становиться профессиональным музыкантом, композитором, хотя и закончил музыкальную школу по классу баяна, Ленинградское музыкальное училище и Институт культуры. И даже теперь, имея немало собственных пластинок, я по-прежнему неловко себя чувствую, когда меня называют композитором. Бах, Чайковский, Рахманинов — да... А я... я скорее бродячий музыкант. Меня всегда тянуло к музыке, люблю петь, путешествовать. Может, это и прозвучит нахально, но я рад, что избежал академического музыкального образования, которое, мне кажется, нередко убивает любовь к предмету. Для меня музыка всегда была и остается отдушиной, приятным времяпрепровождением, мне интересно писать песни, сочинять музыку к детским спектаклям, передачам. Кроме того, музыка помогает находить

друзей, близких по духу, по жизненным ориентирам. А в таком большом городе, как Москва, очень важно попасть в свое течение, иначе легко можно сломаться, потерять себя. Если же удалось найти или создать свой круг, тогда тебе хорошо, вне зависимости от наличия или отсутствия колбасы в магазинах.

Гладкову в этом плане повезло. Сначала, когда он переехал в столицу из Ленинграда, а Татарский — из Киева, они сплотились вокруг Успенского. Всех их сроднило тяготение к гротеску, юмору, сказке. А еще, что немаловажно, — отношение к делу. Не в их принципах подводить людей и бросать слова на ветер.

Потом Гладков взялся расширить круг своих единомышленников и принялся объединять музыкантов, увлеченных акустической музыкой, современным фольклором, песнями под гитару. И подтолкнуло его то, что с наступлением рынка все некоммерческое в искусстве стало вытесняться и хорошие музыканты один за другим вылетали с орбиты. Ну как можно было спокойно относиться к тому, например, что гитарист, который прекрасно играл музыку фламенко и который удостоился похвалы самого Пако де Люсия, пошел травить тараканов в кооператив? Гладкова это задевало, и он создал «Кантри-клуб». Потом сделал с друзьями передачу на радио «Мелодии кантри». И в довершение всего замахнулся на организацию ежегодного «всеэсэнгэшного» музыкального фестиваля «Фермер». Все это здорово всколыхнуло, подняло музыкантов, играющих фолк и кантри, вселило в них уверенность, что они могут собирать аудиторию не меньше, чем модные ныне поп- или рок-певцы.

— Но и недругов я нажил себе

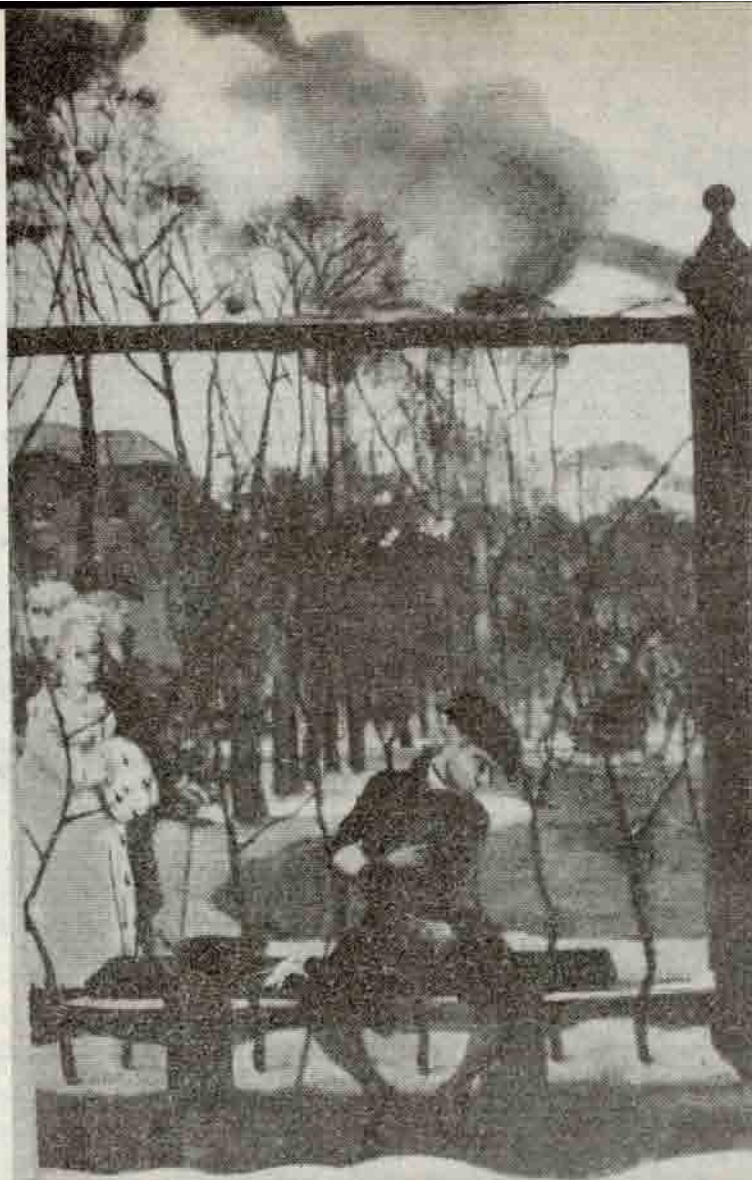
именно этой деятельностью, — признается Григорий. — Потому что, когда влезает в шкуру администратора, поневоле становишься жестким. Интересы дела требуют кому-то отказывать, что-то требовать, «пробовать». А это друзей не прибавляет. Но зато потом не стыдно за результат.

Вот это качество, когда все, за что бы ни взялся, делаешь добросовестно, Гладков старается сохранить в себе, несмотря ни на что. А работает он много. В его творческом багаже музыка к популярной в недавнем прошлом детской передаче «Будильник», мультфильмам «Падал прошлогодний снег»; трем сериям «Про Веру и Анфису» по Успенскому, «Молочный Нептун», «Кубик» и двухсерийному художественному фильму «Сказки старого волшебника». Шесть пластинок из серии «Песни для детей и их родителей» («А может быть, ворона», «Чудетство», «Полный вперед», «Пой, Вася!», «Будильник», «День открытых дверей»), пять — из серии «Следствие ведут Колобки». А в скольких кукольных театрах страны идут сказки с его музыкой! Это и «Винни-Пух», и «Кошкин дом», и «Веселый зоопарк», и «Моя бабушка — ведьма»... Да все и не перечислишь.

Большая часть песен Гладкова — веселые, озорные, шуточные. Вероятно, быстрый темп, четкий танцевальный ритм и смешные стихи под стать характеру автора.

— Как ни странно, я человек грустный, — опровергает это предположение Григорий Васильевич. — И если уж подбирать наиболее близкий моему характеру музыкальный жанр или ритм, то это русский романс, изящно сотканый из пауз...

ЕЛЕНА ЮРЬЕВА

ЭЛЬВИРА ПОПОВА

МАСТЕР «ГАЛА

Зима. Каток. 1915.

ТНЫХ СЛЕН»

В 1902 году Александр Бенуа завершил свой труд «История русской живописи в XIX веке». Заключительные слова он посвятил Константину Сомову, отметив, что именно он «за последние десять лет — самое яркое, отрадное и типичное явление» и что «в начале века историю русской живописи иначе не кончить, как Сомовым, ибо за ним последнее слово».

Чем интересен этот художник, если изысканнейший и эрудированнейший из знатоков живописи сказал о нем такие обязывающие слова? Сомов воплотил одну из граней блистательного времени «рубежа веков» — «серебряного века». Создал свою особенную «сомовскую страну». Пейзажи, портреты, книжные виньетки, иллюстрации, заставки и тончайшие рисунки, выполненные акварелью, маслом, гуашью, карандашом. Во всех его работах — острый и точный вкус, неповторимость его внутренней жизни. Известный вопрос «Что важно в искусстве — как или что?» и ответ на него: «Самое важное — кто». Вот это «кто» царит в изысканном, придуманном и правдивом, завораживающем сомовском творчестве.

Сомов начал рисовать вроде бы случайно. Учившийся в частной гимназии Мая — «старомоднейшем и уютнейшем заведении (ничего казенного в себе не имевшем)» — в одном классе с Сомовым, Александр Бенуа вспоминал о друге: «Будучи влюблен или думая, что был влюблен в красивую актрису французского театра, испещрял рисунками ее тонкого профиля все бруйоны (черновики. — Э. П.) и все обложки учебников. Признаюсь, я на эти беспритязательные и беспомощные опыты поглядывал свысока... И вот после одного летнего перерыва уз-

наю, что Костя Сомов уже больше не с нами, что он... поступил в Академию художеств». Из-за сомовской сдержанности (а скорее скрытности) друг не знал, что Константин с десяти лет учился рисовать, вначале под руководством гувернантки, а затем начал посещать вечерние классы рисовальной школы Общества поощрения художеств.

В доме Сомовых царил атмосфера искусства. Мать, Надежда Константиновна, была «отличной музыкантшей», имела красивый сильный голос. Отец, Андрей Иванович, математик по образованию, уже в зрелом возрасте собрал богатую коллекцию живописи и графики. Так что сомовская изысканность «взращивалась» с малых лет на высочайших образцах, преклонение перед которыми сохранил он до конца дней.

Занятия Константина Сомова в Академии художеств пришлись на время ее реформирования, когда воспитанники по окончании первых обязательных классов сами выбирали себе профессора для дальнейшего обучения. Сомов «приписался» к мастерской Репина, чей талант и своеобразный характер сказались на таком, казалось бы, несопоставимом с религиозным творчестве Сомова. На предложенную Репиным свободную тему Сомов написал работу, впервые показав зрителям будущую «сомовскую страну». Картина называлась «Дама у пруда», на ней была изображена молодая женщина в высоком напудренном парике и пышном розовом платье с фижмами. Всех поразило пренебрежение к обязательной фабуле. А это уже было первое проявление того нового в искусстве, что несли молодые художники, которые восславят русское искусство и начертят на своем знамени слово красота. Они заявят о себе как об-

щество «Мир искусства», объединившее людей изысканной культуры нового времени. «Нас инстинктивно тянуло,— рассказывал А. Бенуа,— уйти от отсталости российской художественной жизни, избавиться от провинциализма и приблизиться к культурному Западу, к чисто художественным исканиям иностранных школ, подалее от литературщины, от тенденциозности передвижников... подалее от нашего упадочного академизма».

Следующая картина Сомова «Письмо» была более программной в утверждении нового направления в живописи. Здесь нет действия, но есть загадочность, интрига. Кто эта изящная дама, поднявшаяся со скамьи навстречу пажу, несущему письмо? На этот вопрос не ответить. Сомов не думает о конкретных исторических личностях, и вообще суть происходящего между персонажами ему не важна. А важно передать дух забытого времени. В облике действующих лиц, в костюмах, которые мастерски выписывает, и даже в пейзаже. «Письмо», картина не историческая, «исторический» только пейзаж: классический парк XVIII столетия с боскетами, подстриженными деревьями, мраморными скульптурами и скамьями. Поблескивание водной ряби и вечернее небо с редкими облаками придают картине тонкую лиричность. Лиризмом будут пронизаны все обращенные в прошлое работы Сомова. Но и в условных сценах, и в портретах особая роль отведена пейзажу. Он заставит, часто с тоской и какой-то пронзительностью, ощутить, что все изображенное, «придуманное» художником некогда было живым...

Скорее всего Сомова увлек XVIII веком Александр Бенуа, который любил и много изображал это время. Лето 1896 года художники

провели в Мартышкине под Петербургом. Там Сомов написал портрет супруги Александра Николаевича Анны Карловны Бенуа в костюме начала XIX века. Кстати, этим периодом для мирискусников заканчивался интерес к русской живописи, да, наверное, и к русской истории. Жизнерадостную и деятельную Анну Карловну Сомов изобразил грустной и мечтательной. Во время работы над портретом перед Сомовым словно бы витал тот образ женщины, который будет жить в его творчестве до конца дней. Отрешенное, замкнутое лицо, печальные глаза...

Свой идеал он воплотил в картине «Дама в голубом». Это портрет художницы Е. М. Мартыновой, с которой Сомов был дружен. Страдающие глаза, горестно сомкнутые губы. А старинный наряд с кружевным воротником-пелериной, с глубоким декольте словно подчеркивают изысканность образа, его поэтическую возвышенность.

«Даму в голубом» Сомов писал три года. За это же время художник создал несколько «пассеистских» (*passé* (фр.) — прошлое) произведений... В них словно бы восстановлено давно ушедшее время. То время, которое гналось прочь из русской памяти самоуверенным и самоуспокоенным XIX веком, пригнувшим искусство напористой тенденциозностью и отказавшимся от красоты в жизни, а художнику отказав в свободе фантазии и праве на самостоятельность. Написанные с мягкой иронией акварели — «Две дамы на террасе», «Летом», «Прогулка после дождя», «Прогулка зимой», «Радуга», «В боскете» — завершили первый период сомовского творчества. (Который, кстати, художник начинал «непридуманнами» вещами.) Это были традицион-

ные, исполненные маслом жанровые портреты: матери, жены скульптора А. Л. Обера... Последней попыткой писать портреты в широкой, живописной манере станет портрет отца, где заметно влияние шведского, очень модного тогда художника-портретиста Андерса Цорна, которым в ту пору в России увлекались многие портретисты и даже сам Репин.

Эти работы объединились в цикл «Времена года», где на первом месте — природа. Но она уже изображается «из головы», как, впрочем, и весь сюжет. Здесь все вымысел, все сочинение. Во многих работах стилизация под XVIII век почти навязчива, персонажи похожи на кукол в дорогих нарядах, хотя красиво и безупречно точно переданных.

Так суховато завершился первый период сомовского «пассеизма». Художник никогда больше не вернется к умиротворенным идиллиям. Жизнь заставит забыть о самом этом понятии. Появится другое настроение, так точно подмеченное А. Бенуа: «Прошрое, встающее как живое перед ним, все же безнадежно мертво, навеки схоронено. Поэтому ему если и мила, нежно, сердечно мила, жизненная возня этих людишек, их страсти, их увлечения, которые он так понимает и разделяет, то все же одновременно все это ему и смешно, потому что не нужно, сметено, пропало зря».

Но и живая действительность Сомова пугала и отталкивала. «Сомов, — писал Андрей Белый, — знаток изображаемой эпохи: множеством незаметных подробностей воскрешает он образ жизни минувшей. Он идет от поверхности изображаемого к вечно поющей душе его, от быта к музыке».

1897 год был для художника годом удач. Он работает увлеченно, но как всегда кропотливо,

медлительно. Много пишет маслом, что редко у «мирискусников», акварелью, гуашью, совершенствует рисунок графитным карандашом, с блеском использует и смешанную технику. Истинной же манерой Сомова было гладкое, тщательное письмо. «Когда на какой-нибудь части акварели получалась случайная неровная поверхность, — записал племянник Сомова С. А. Михайлов, — то дядя поправлял эти места мельчайшими точками. Эту работу он называл «пуповать» и чрезвычайно не любил, как чисто техническую. Акварели он, случилось, «купал» до семи раз, иногда даже в горячей воде с мылом(!), делал им «кумпот»! Отчего они не только не теряли свежести колорита, но становились нежнее, прозрачнее».

Сомов вообще любил находить новую технику, разгадывать технические способы старых мастеров. И оттого точечно-ювелирный Сомов умел работать пастозно, даже употреблял мастихин (специальные лопаточки), но чаще всего в пейзаже.

В 1899 году Сомов уехал в Париж. Там он увлекся модным в то время стилем — рококо. Домой вернулся уже сложившимся мастером и сразу же стал одним из ведущих представителей «Мира искусства». И если на первой выставке этого объединения Сомов представлен был скромно, то на второй — 1900 года — он показал несколько своих прекрасных работ: «Конфиденции», «Купальщиц»...

Сомов полностью принял лозунг организатора общества Дягилева: «Искусство самоцельно, самополезно и, главное, свободно». Рядом с этим кредо значится: «Красота в искусстве есть темперамент, выраженный в образах, причем нам совершенно безразлично, откуда почерпнуты эти образы, так

как произведение искусства важно не само по себе, а лишь как выражение личности творца... Все возможные рамки должны быть удалены. Природа, воображение, правда, содержание, форма, колоритность, национализм — на все это должно смотреть лишь сквозь призму личности».

Словно сказано о самом Сомове. Этот дальний потомок татарских царевичей поражал своеобразием личности. Он был последовательным и непоследовательным, изысканным и изощренным. И еще — вялость темперамента и постоянное недовольство собой, прирожденная лень и бесконечная усталость, а наряду с этим, словно не зависящая от воли художника, вечная способность придумывать сюжеты и образы при почти насильственной тяге к натуре. Видимо, он утомлялся и от постоянной раздвоенности: влечение к страшному, отталкивающему и в то же время ненасытность в наслаждении прекрасным в искусстве. Сомов собрал такую изысканную и богатую коллекцию раритетов и фарфора, что уже советское правительство взяло ее под охрану, объявив народным достоянием.

Но, преодолевая самого себя, свою лень, странно соседствующую с кропотливым терпением, он рвется к натуре, тому состоянию, которое Бенуа точно назвал «поединком с натурой».

Сомов твердит себе: «Надо бы вернуться к работе с природы»; «У Бенуа... С двух до 4 часов рисовали модель»; «Рисовал модель. Очень скверно, но все же на йоту лучше прежнего воскресенья»; «Рисовал у Бенуа модель...». Сомов не только теоретически понимает необходимость тренировки в студиях эловеческой фигуры, но сознает это чутьем истинного мастера. И постоянно сомневается в себе. «Так уж, верно, мне нико-

гда не суждено радоваться и гордиться взаправду. Главное — хлеб. Теперь это все». Он использует любую возможность «побороться» с натурой, чтобы хоть меньше страдать от вечной неудовлетворенности.

Когда грянула революция 1905 года, «мирискусники», творившие для избранных и принципиально пренебрегавшие вкусами «толпы», стали мечтать о своем творческом воздействии на общество. В статье «Голос художника» (журнал «Русь»), подписанной Бенуа, Добужинским, Сомовым и Лансере, прозвучал призыв установить связь и взаимное понимание между художником и уже не «обществом», а «народом».

Поражение революции раздавило эти мечты и порывы. Сомов в отличие от своих друзей и единомышленников не создал тогда ни одного сатирического рисунка для журнала «Жупел». Он остался в кругу своих привычных тем и образов. Создал две изысканные фарфоровые статуэтки «Дама, снимающая маску» и «Влюбленные», рисовал виньетки, орнаменты для ювелиров, но свое слово о времени он высказал позже — на страницах нового символистского журнала «Золотое руно», издававшегося «миллионщиком» Н. П. Рябушинским. Высказался портретами творческой интеллигенции.

Продолжить начатое ему удалось в журнале «Аполлон». Так родилась редкая по тонкости психологизма портретная галерея. Исследователи считают ее зачинном сомовские автопортреты 1902—1903 годов. Вообще-то художник писал автопортреты с юности и едва не до смертного часа, но именно портреты русской элиты очень тонко и точно передают внутреннюю жизнь творческой личности в сложное время. В ав-

топортретах, да и во всей серии, художник все внимание уделяет изображению лица, внутренней характеристике человека. Вот как описала внешность художника А. П. Остроумова-Лебедева: «Я увидела небольшого роста, широкоплечего, полного юношу с бледным одутловатым лицом... Производил он впечатление своеобразного, оригинального человека. Много внимания тратил на свою наружность. Носил сюртуки особого покроя, чрезвычайно изысканные галстуки. Печать утонченности... Но при всех причудах и странностях он внушал товарищам уважение и поклонение своему большому таланту».

На сомовских рисунках-портретах предстанут М. Кузмин, А. Блок, Ф. Сологуб, М. Добужинский. И в каждом нечто общее, что их соединяло,— отрешенность от окружающего, обособленность, утонченность, духовный аристократизм. И — само Время на его взлете.

В 1905 году в Петербурге открылась выставка русского парадного портрета, организованная Дягилевым, после чего портрет снова вошел в моду. Для Сомова оказалось не просто сделать шаг от рисунка к парадному изображению! Обычная сомовская скромность и требовательное отношение к создаваемому, кажется, в полную силу сказались именно в этом жанре. Когда-то для лирически-интимного портрета А. П. Остроумовой-Лебедевой ему понадобилось более семи десятков сеансов. И тогда его модель записала: «Он не растерял то художественное чувство, с которым начал так давно портрет. Велик был его художественный темперамент, который дал ему такой заряд».

В работе над портретами светских дам, аристократок каждый сеанс был пыткой. Но художник

в славе, его одолевали заказами, и, лишенный внутренней жесткости, Сомов не мог этому противостоять. Хотя дело иметь приходилось с теми, о ком он говорил: «противные аристократки», «Ненавижу beau monde, такая скука с ними и так неуютно». Писал Бенуа: «Вообще я никогда не любил «князей» и никогда не понимал твоей к ним слабости».

Категорически отказывался писать видных деятелей и не согласился на портреты императрицы и наследника. Даже Собинова его уговаривали писать несколько раз, но до портрета дело не дошло.

Ему вообще было присуще упрямое и неожиданно резкое для его характера стремление к независимости, нежелание связывать себя какой-либо служебной деятельностью. 11 октября 1915 года в дневнике он записал: «Приезжал Ф. Г. Бернштам, просил меня согласиться на выборы меня в действительные члены Академии. Я, конечно, категорически отказался». В январе 1914 года Сомов все же получил диплом Академии живописи.

Частные заказы на портреты давали материальную независимость. С сочувствием читаешь запись в дневнике от июня 1914 года: «Говорил... об отсутствии у меня любви и интереса к людям, о большой грусти от этого отсутствия». Какого же душевного напряжения стоил ему каждый заказной портрет... Из Москвы, куда приехал для написания обещанных заказных портретов, писал сестре: «Я уже, конечно, в муках, почти уверен, что провалюсь со своей работой,— что знал прежде, тому разучился, а нового умения и знания не приобрел!»

Наряду с портретами Сомов работает над изысканными ретроспекциями. Но теперь эти фанта-

зии лишились лиризма. Вот круг тем Сомова по определению М. Кузмина: «Ретроспективность у него — не только исторические иллюстрации любимой эпохи, а необходимый метафизический элемент его творчества, улыбающаяся скука вечного повторения... Беспокойство, ирония, кукольная театральность мира, комедия эротизма, пестрота маскарадных уродцев, неверный свет свечей, фейерверков, радуг и вдруг мрачные провалы в смерть, колдовство — череп, скрытый под тряпками и цветами, автоматичность любовных поз и жуткость любезных улыбок (не у «противных ли аристократок» он на них нагледелся?! — Э. П.)... О, как невесел этот галантный Сомов!»

«Не слушайте нашего смеха, слушайте ту соль, которая за ним», — это уже блоковские слова. Лучшая из вещей этого времени «Осмеянный поцелуй» (1908 год). Сомов лишает своих героев, застигнутых на «месте преступления», и намека на светскость. Кавалер не по этикету грубоват. Такая пара была бы немыслима в ранних пейзажах Сомова. Здесь весь пейзаж выстроен человеческими руками: увитый плющом боскет, сквозь зелень которого просунулись две подсматривающие головки, посыпанные гравием дорожки, причесанная лужайка... Не лирики искал художник — добивался блеска живописи: такого великолепия зелени у Сомова еще не было. Бенуа увидел в этой картине целый «заколдованный мир» и назвал ее «драгоценной жемчиной». В «театральном мире» Сомова-пассеиста пейзаж откровенно играет роль декорации. Сомовские друзья, работавшие для театра, многое могли почерпнуть у него.

Но сам он, кроме эскиза занавеса для Московского свободного театра и одного костюмного эскиза, ничего для театра не сделал. Его кропотливое, медлительное творчество было далеко от размаха и масштаба декорационной живописи.

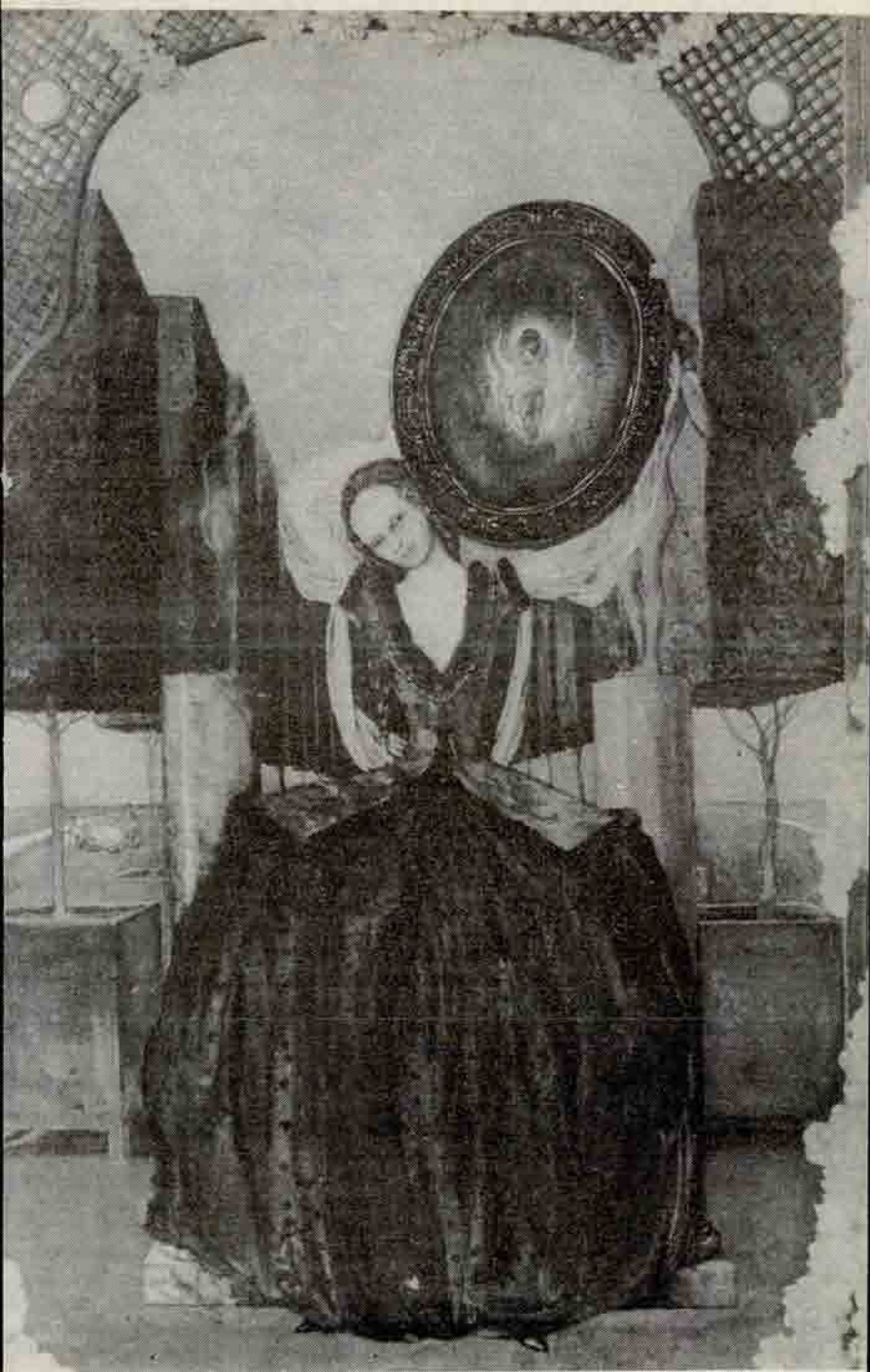
Октябрь Сомов принял и пережил лояльно. При покровительстве Луначарского художнику был выделен особый паек, богатая коллекция взята под охрану государства. К нему не врывались с обысками вооруженные матросы, прокалывавшие и раздражавшие штыками все подряд в квартирах «буржуазной интеллигенции». Но Сомов по-прежнему отказывается от предлагаемой ему преподавательской деятельности, оформления чужих книг, работы в незнакомых журналах, обрекая себя на моральное одиночество, на продажу ради заработка картин случайным людям, покупающим «Сомовых» для выгодной, нещадной спекуляции. Но когда «страшное», чреватое «расстрелами и фанарным столбом» время войны и революции осталось позади, Сомова впервые подвигают на общественную деятельность, предложив ему принять участие в организации и проведении художественной выставки в Европе и Америке.

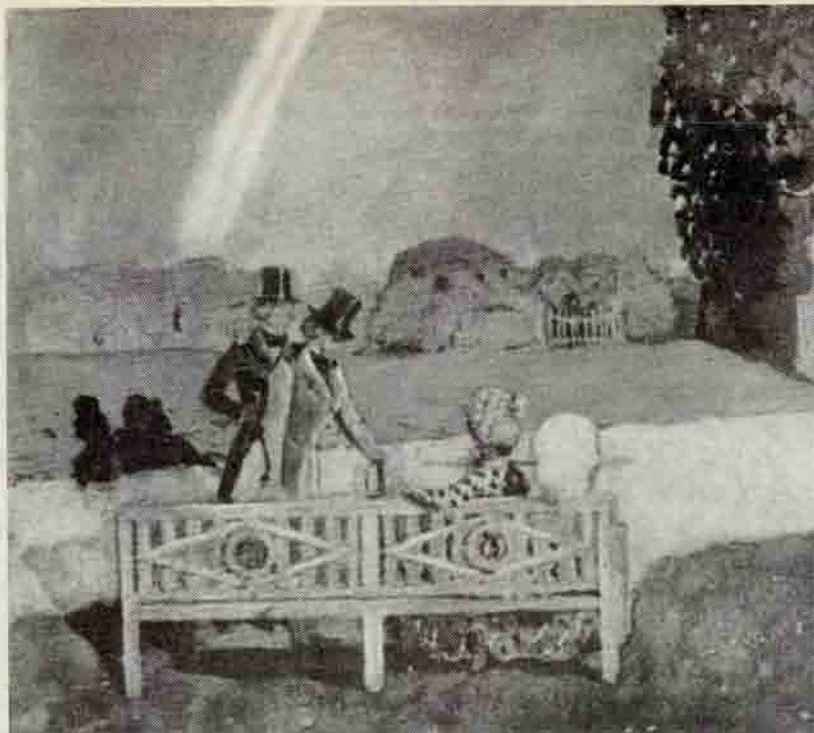
За время работы выставки Сомов дважды побывал в Нью-Йорке, откуда уезжал в Париж, а затем снова возвращался в Штаты. В конце концов он «укоренился» в Париже, где жили его родственники, друзья, эмигрировавшие из Совдепии. Но там Сомов не пользовался популярностью: «У меня никого нет, если не считать двух, трех ярых поклонников», — писал он сестре. Истинным подарком

Портрет А. А. Блока. 1907.

Волшебство. 1902

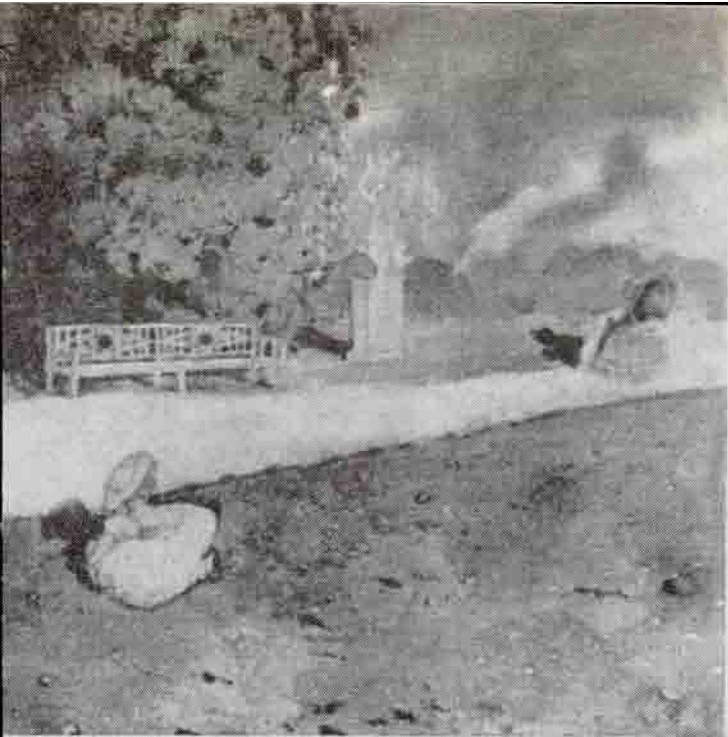

После дождя. 1896.

*Заставка из книги
«Le livre de la marguise». 1918.*

Портрет А. К. Бенуа. 1896.

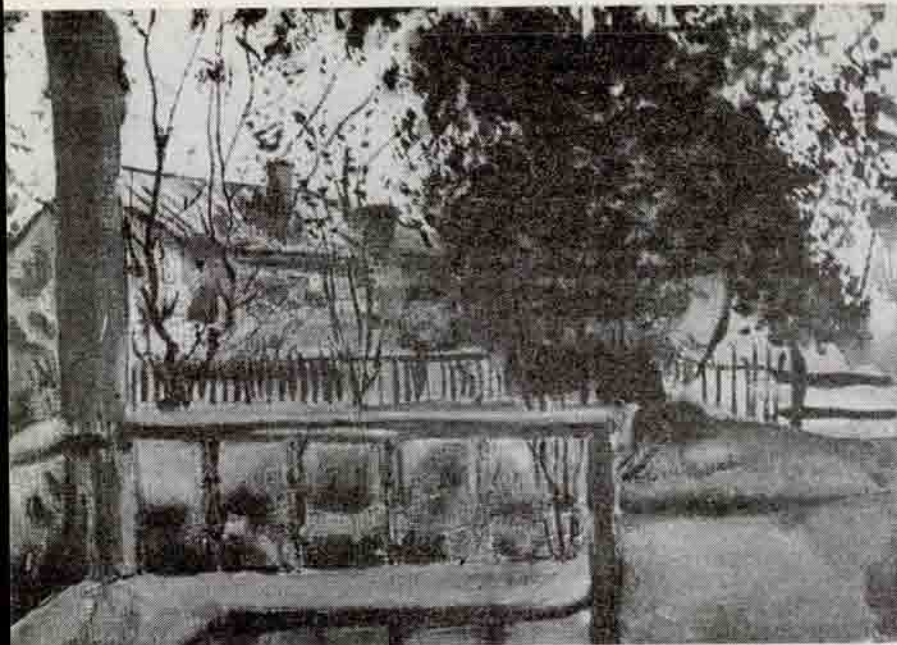

Отдых на прогулке. 1896.

Портрет Н. Г. Высоцкой. 1917 (этюд).

Беседка. 1897.

К. А. Сомов в интерьере. 1900-е гг.

судьбы для Сомова оказалось знакомство с Рахманиновым. Сомов написал довольно удачный, композиционно сложный портрет — в овале — дочери композитора Татьяны Сергеевны. Живя у Рахманиновых во время работы над портретом, Сомов начал по вечерам «для себя, а не по заказу» рисовать самого Сергея Васильевича. Этим рисунком он продолжил ту, далекую, галерею графических портретов русской творческой элиты. Новая работа стала достойным пополнением для замечательных «головок на лоскутках», как пошутил некогда Александр Бенуа. В этом портрете — драма человека, покинувшего родину. (Однажды при очередном обыске в квартире Рахманинова матросы выбросили из окна его рояль... и это стало для великого композитора правдой о революции!) Сомов писал сестре: «Рахманинов блестяще устроился, у него свой собственный дом и большие средства, но он очень много тратит на благотворительность русским». И добавляет: «Вышел он у меня грустным демоном, сходство внешнее не разительное, моему, но все говорят, что я изобразил его душу. Сделан он в два тона и не в силу, а бледно-серебристо». Рахманинову портрет понравился, и он помог Сомову получить заказ на большой живописный портрет композитора для фирмы роялей Стейнвей в Нью-Йорке. Предназначался портрет для холла нового концертного зала, а репродукции его печатались на афишах и программах с целью рекламы.

Дружба с великим композитором, сдержанная, исполненная взаимного уважения и приязни, продолжалась и впредь. Лето

1929 года Сомов гостил у Рахманиновых в Клерфонте под Парижем: «...пруды с квакающими лягушками, соловьи, глушь, аромат полей и лесов, цветущие липы». Письма к сестре сообщают, как не хватало художнику Родины: «Второй день сочиняю композицию "carnaval des payzan russ"... меня повело на «сюже рюс». В деревне ряженные перед крыльцом трактира. Ночь, звезды и освещение фонариками. Это — вариант другой, который всем чрезвычайно нравился, но там вместо ряженных были мальчики со звездой под Рождество».

Еще в России он попробовал такой «сюже», где изобразил купальщиц на фоне русского пейзажа с коровами, а на первом плане — русская Венера на самом краю речного бережка под высящейся рядом березой.

В Париже у Сомова было не много заказов, точно неизвестно, сколько его работ разошлось по неведомым коллекциям. Горечь разлуки с Родиной словно удесятерила недовольство собою: «Когда я вижу снимки с моих старинных вещей — конец прошлого века и начало этого, — мне делается смешно, что это считалось хорошим, все эти дамы в кринолинах, «человечки без костей», как раз напечатал обо мне Репин, вся эта отсебятина и дилетанство, ужасающие, мертвые, безвкусные московские портреты... Если бы с плеч свалить 30 или даже 20 лет! Ведь годами я ленился рисовать с натуры и совершенствоваться... Вот, дитя мое, грустные мысли о загубленных годах и неисполненном долге».

Бенуа в «Истории русской живо-

«Попасть в свое время»

Несомненная удача актера, если зритель ходит именно «на него». Сегодня ходят «на Метлицкую». Встреча с ней — всегда событие, радостная сенсация, праздник. И неудивительно. Ирина — незаурядная актриса, сумевшая в наше трудное время сохранить свою индивидуальность и независимость. Каждой новой работой Метлицкая с блеском доказывает, что она, одна из самых популярных и ярких актрис театра и кино.

— Ирина, каким качеством, на ваш взгляд, должен обладать актер, какой заряд должен нести в себе, чтобы его заметили и режиссеры, и зрители?

— Для актера очень важно быть Личностью, незаурядной и привлекательной, и очаровывать нас своим обаянием...

— Но иногда актер попадает

в ситуацию, когда по тем или иным обстоятельствам он может оказаться за бортом любви, признания и почитания публики...

— Трудно объяснить подобное. Действительно, жизнь, как лотерея, слишком много пустых билетов. Скорее всего мне просто повезло. Когда я поступила в Щукинское училище, режиссеры сразу заметили меня: студенткой играла в самых «аншлаговых» спектаклях в театре «Современник».

— Ранний успех не развил в вас самоуверенность?

— Думаю, не успел. На одну удачу обычно приходится десяток неприятностей, которые нас приземляют, не дают побыть в блаженном состоянии покоя и довольства. Во время учебы в «Щуке» всего хватало. Помню, однажды меня обвинили в вульгарности. Чудовищно! Никогда не любила

это слово, оно вызывало во мне ужас, всегда чуралась всего, что определяло это понятие. И вдруг — вульгарная! Я настолько выбилась из колеи, что страшно стало выходить на сцену. Пере-стала ощущать себя уютно и свободно. Спас меня наш педагог Катин-Ярцев. Он сказал всего несколько слов, и все прошло, как рукой сняло... Открытые, человеческие отношения с преподавателями много мне дали. Удивительные люди!

— Вы, наверно, с детства мечтали стать актрисой?..

— Когда училась в школе, к нам пришли с киностудии, чтобы отобрать детей для съемок в картине «Расписание на послезавтра». Мне предложили одну из главных ролей. Передо мной открылся совершенно иной мир, очаровавший меня. Видела игру Олега Даля, Маргариты Тереховой, других знаменитых актеров. Казалось, сама судьба послала свой знак, подарила общение со старшими «братьями по ремеслу». И тогда я почувствовала, что это мой мир, мне приятно сниматься и совсем не страшно перед камерой. Но, к сожалению, моя мама хотела видеть дочь «серьезным», положительным человеком, и ни о каких дальнейших съемках в кино (а приглашений поступало множество после успеха картины) не могло быть и речи. Мама «устроила» меня в школу с углубленным изучением физики. Я решила — физика так физика. Жили мы тогда в Минске, и я поступила на физический факультет Белорусского университета. Надо же было успокоить маму. Но актрисой я все-таки стала, скорее всего благодаря моему упрямому характеру. Прочувствовала год, но бессовестно прогуливала лекции, почти все время проводя в библиотеке —

готовилась к поступлению в театральное училище: читала, выбирала отрывки для декламирования...

— Ваша профессиональная актерская работа началась в 82-м, в театре «Современник»...

— Да, Галина Волчек поставила меня почти во все спектакли театра. Тогда же началось интересная работа с Виктюком по пьесе «Мелкий бес». До сих пор считаю эту работу самой важной для себя. Режиссер открыл для меня новые горизонты. Наши взгляды совпали в главном — в мировосприятии. А это, мне кажется, важнее мировоззрения. По той причине, что оно первичней. Вначале надо принять, воспринять мир, а потом уже стараться его ощутить, выразить. Общение с Виктюком много дало мне. Его позиция уникальна: делать прекрасное, несмотря на всю мерзость и грязь, и не забывать, что искусство — область идеального и возвышенного. Конечно, такая позиция сейчас, когда все рушится, кажется старомодной, но она спасительная.

Затем последовала «М. Баттерфляй» — спектакль, на мой взгляд, пиковый в творчестве Виктюка. Пьеса втягивает актера в работу независимо от его состояния, сама атмосфера спектакля — как воронка, и почти непрерывно на сцене испытываешь экстаз от того, что тобой водит как будто некая высшая сила, актер не принадлежит уже себе, его тело исполняет танец независимо от его разума.

— Неужели все роли, сыгранные вами у Виктюка, вас так завораживают?

— Увы, не все. Хотя многие считают, что «Лолита» — очередная удача режиссера, но мне это так не кажется...

— Как сложились ваши взаимоотношения с «Современником»?

— С театром пришлось расстаться. Нет интересных предложений...

— *А в кино?*

— Здесь, напротив, «материала» много, но, к сожалению, нет режиссеров, с которыми было бы такое же взаимопонимание, как с Виктюком. Хотя две работы в кино мне дороги. Это фильмы «Куколка» и «Палач». В первом я увидела возможности авторского кино. И. Фридберг снимал все так, что ничего не было случайного. Он не шел ни на какие компромиссы, выверял каждый свой шаг, каждый кадр. Казалось бы, в этой жесткой власти режиссера я должна была ощущать его диктат, зависимость от его воли. Но, удивительно, ничего этого не произошло. Наоборот, чувствовала себя на месте, чувствовала себя свободной. Но это была не та свобода, которая исходит от непонимания режиссером существа своей работы, когда он не вмешивается в съемки, пуская все на самотек — «пусть все катится как катится»...

«Палач» дорог другим. Очень сильный сценарий, который невозможно испортить. На съемках картины мне пришлось тяжело, я была не во всем согласна с режиссером В. Сергеевым, но фильм оказался «в фаворе» кинорынка. Благодаря этому я впервые заняла в иерархии актрис аж второе место, пропустив вперед Лию Ахеджакову. Конечно, были еще призы на международных фестивалях, были и новые картины — «Танцующие призраки», «Мелодрама с покушениями на убийство», «Сотворение Адама», но они меня не вдохновляют...

— *Как складывается ваша личная жизнь?*

— Муж тоже актер — Сергей Газаров. При кочевой жизни труд-

но быть женой и матерью одновременно. Выручает мама. Она наконец-то поверила в мое призвание и всем пожертвовала. Оставила родной для нее Минск и переехала ко мне нянчить внуков. Без ее помощи не было бы ни фильмов, ни актерских удач...

Ирине Метлицкой нужны персонажи и режиссеры, которые могли бы «высветить» ее независимость и покладистость, разумность и эмоциональность. В ее личности нуждаются зрители, в ней они видят героиню современной жизни — грациозную, статную и... наивную, по-детски открытую миру...

**Беседу вел
ЮРИЙ НЕЧИПОРЕНКО.**

Окультурная **А**кадемия
магии и целительства
бесплатно
вышлет свой журнал.

Для ответа пришлите конверт с обратным адресом.

Наш адрес:
630105, Новосибирск, а/я 491.

ЧЕРНАЯ Ж

Консержку дома 9 по улице Ош разбудил звонок. Она потянула за веревку и проворчала:

— Я думала, все вернулись. Сейчас не меньше трех часов.

— Может быть, это к доктору? — пробормотал ее муж.

И действительно чей-то голос спросил:

— Доктор Арель... Какой этаж?

— Четвертый этаж налево. Но доктор просит не беспокоить его по ночам.

— На сей раз ему придется побеспокоиться.

Какой-то мужчина прошел через вестибюль и, даже не остановившись перед квартирой доктора Ареля, поднялся на шестой этаж. Там он достал связку ключей. Первый ключ подошел к замку, второй к задвижке.

92 — Прекрасно, — тихо произнес он. — Дело значительно упрощается. Но перед тем, как действовать, нужно обеспечить себе отступление. Итак... сколько времени мне понадобится бы, чтобы позвонить в квартиру доктора? Еще немного... немного терпения...

Через десять минут он спустился и постучал в окошко прихватчицей, ругая при этом доктора. Ему открыли, а потом захлопнули дверь. Но мужчина успел вложить кусок железа в гнездо замка, чтобы задвижка не могла встать на место.

После этого он спокойно поднялся снова на шестой этаж. В прихожей при свете электрической лампы снял пальто и шляпу, положил их на стул, сам сел на другой и надел поверх ботинок мягкие войлочные туфли.

— Уф! Прекрасно... И как легко! Почему не многие выбирают столь приятную профессию грабителя? Профессия для лентяев... Профессия для отцов семейства... Даже слишком хорошо. Это становится скучным.

Он развернул детальный план квартиры.

— Для начала ориентируемся. Так, я нахожусь в прямоугольнике прихожей. Со стороны улицы — гостиная, будуар и столовая. Не стоит тратить там время, у графини, кажется, ужасный вкус... Ни одной ценной безделушки! Итак, прямо к цели... Вот! Это коридор, который ведет в комнаты. В трех метрах отсюда должна находиться дверь гардеробной, сообщающейся с комнатой графини.

Он сложил план, погасил фонарь и пошел по коридору, считая:

ЧЕРНАЯ ЖЕМЧУЖИНА

— Один метр... два метра... три метра... Вот дверь. Боже мой, как все прекрасно устраивается! Маленькая простенькая задвижка отделяет меня от комнаты. Сделав небольшую круговую насечку, мы избавимся от нее...

Он вынул из кармана необходимые инструменты, но тут в голову ему пришла другая мысль.

— А если по случайности эта задвижка закрыта?.. Попробуем... Будь что будет!

Он повернул ручку, и дверь неожиданно открылась.

— Дорогой Люпен, счастье, несомненно, на твоей стороне. Что теперь нужно? Ты знаешь топографию места, где будешь действовать, ты знаешь, где графиня прячет черную жемчужину... Следовательно, для того, чтобы черная жемчужина стала твоей, нужно всего-навсего быть тише воды и ниже травы.

Арсен Люпен затратил целых полчаса, чтобы открыть вторую дверь, ведущую в комнату. Он делал это с особенными предосторожностями, чтобы никакие подозрительные звуки не побеспокоили бы графиню.

В соответствии с планом ему нужно было подойти к столику, стоящему около кровати. На столе лежал футляр для почтовой бумаги, а в этом футляре — черная жемчужина.

Люпен вытянулся на ковре и пополз к столу. Однако вскоре он был вынужден остановиться, чтобы унять стук своего сердца. Хотя он не испытывал страха, но не мог победить ощутимую нервную тревогу. Это удивило его. Ведь ему не угрожала никакая опасность. Почему же тогда сердце билось, как обезумевший колокол? Может быть, он думал о спящей женщине, находящейся так близко от него?

Правая рука Люпена нащупала ножку стола. Наконец-то! Ему оставалось только встать, взять жемчужину и уйти. Давно пора! Но в тот момент, когда он хотел приподняться, его левая рука наткнулась на предмет, который он сразу же узнал. Это был опрокинутый подсвечник. Затем в руки попался еще один предмет — часы для поездок с футляром из кожи.

Что же произошло? Он ничего не понимал. Подсвечник, часы... Почему эти вещи не лежали на своих обычных местах? Что же случилось в этой непроницаемой тьме?

Внезапно у него вырвался крик. Он коснулся... О! Люпен стоял неподвижно, со вспотевшими от ужаса висками. Сделав неверо-

Рисунок ВЛАДИМИРА ПЛЕВИНА

ятное усилие, он вновь вытянул руку, и она коснулась чего-то странного и чудовищного. Наконец он понял, что это такое. Волосы, лицо...

Сколь ужасной ни была бы действительность, человек, подобный Арсену Люпену, всегда господствует над ней. Он быстро привел в движение пружину своего фонаря. Перед ним, утопая в крови, лежала женщина. Ужасные раны покрывали шею и плечи. Он наклонился и внимательно рассмотрел ее, повторяя в оценении:

— Мертва, мертва...

Приподнявшись, Люпен повернул выключатель, и комната наполнилась светом, позволяющим разглядеть следы ожесточенной борьбы. Постель была полностью разворошена, покрывала и простыни разодраны, на полу валялись подсвечник, часы — стрелки показывали одиннадцать двадцать. И повсюду лужи крови.

— А черная жемчужина? — пробормотал Люпен.

Коробка для почтовой бумаги находилась на обычном месте, но лежащий в ней футляр был пуст.

— Черт побери, — прошептал он. — Ты рановато хвастался своим счастьем, друг мой Арсен Люпен... Графиня убита, черная жемчужина исчезла... Ситуация не из блестящих! Что ж, покинем это место, потому что иначе ты рискуешь навлечь на себя крупные неприятности. — Но он не двинулся с места. — Уйти? Да, всякий другой ушел бы. Но Арсен Люпен? Разве нельзя сделать ничего лучшего? Начнем по порядку. Главное, моя совесть чиста... Предположим, что ты комиссар полиции и должен вести расследование. Да, но для этого нужен более ясный ум. Мой же в таком состоянии...

Он упал в кресло, прижав руки к горящему лбу.

Я бы не стал писать об убийстве на улице Ош, хотя именно это дело больше всего заинтересовало публику. Но участие Арсена Люпена осветило его особым светом, хотя об этом участии знали немногие.

Всей Европе была известна Леонтина Залти, бывшая певица, супруга и вдова графа д'Андию Залти, роскошный образ которой ослеплял Париж. О ней говорили, что на своих плечах она носит содержимое сейфов нескольких банков и австралийских компаний по добыче золота. Величайшие ювелиры работали на Залти, как когда-то работали на королей и королев.

И все знают о катастрофе, поглотившей эти богатства. Из чудесной коллекции, распроданной на аукционе, осталась лишь знаменитая черная жемчужина. Черная жемчужина! Если бы Леонтина захотела расстаться с ней, то могла бы выручить целое состояние.

Но она не хотела. Она предпочитала ограничивать себя и переехала в скромную квартиру, где жила вместе с компаньонкой, кухаркой и слугой, лишь бы не продавать бесценное сокровище. И на то у нее были причины, о которых она не стыдилась говорить: черная жемчужина была подарком императора!

— Пока я жива, не расстанусь с ней, — говорила Леонтина.

С утра до вечера она носила жемчужину на шее, а вечером прятала в место, известное ей одной.

Все эти факты, собранные газетами, способствовали росту любопытства вокруг совершенного преступления. Арест предполагаемого убийцы сделал тайну еще более непроницаемой и подогрел этот интерес. Через день в газетах была опубликована статья следующего содержания:

«Нам сообщили об аресте Виктора Данегра, слуги графини д'Андийо. Выдвинутые против него обвинения сокрушительны. На люстриновом рукаве ливреи, обнаруженной начальником сыскной полиции господином Дюуи в его мансарде, между волосяным матрасом и тюфяком, были найдены пятна крови. Кроме того, на ливрее не было одной из обшитых тканью пуговиц. Однако эта пуговица еще в самом начале поисков валялась под кроватью жертвы.

Вполне вероятно, что после ужина Данегр не поднялся в мансарду, а проскользнул в платяной шкаф и через застекленную дверь увидел, как графиня прячет черную жемчужину.

Мы должны отметить, что до сего времени это предположение не было подкреплено никакими доказательствами. В любом случае остается неясным еще один пункт. В семь часов утра Данегр спустился в табачную лавку на бульваре Курсель, это утверждают консьержка и продавец лавки. Однако кухарка и компаньонка графини, которые спят в конце коридора, говорят, что в восемь часов, когда они встали, двери прихожей и кухни были закрыты на два оборота. Эти женщины, находившиеся в услужении у графини двадцать лет, вне всяких подозрений. Возникает вопрос, как Данегр вышел из квартиры? Воспользовался ли он другим ключом, который изготовил сам? Расследование, несомненно, позволит прояснить все эти моменты».

Расследование не прояснило абсолютно ничего, совсем наоборот. Выяснилось, что Виктор Данегр был опасным рецидивистом, алкоголиком и дебоширом, не боявшимся ножа. Но по мере того, как дело продвигалось вперед, оно заволакивалось все более густым покровом тайны и пронизывалось все более необъяснимыми противоречиями.

Прежде всего мадемуазель де Синклев, кузина и единственная наследница жертвы, заявила, что за месяц до смерти в одном из своих писем графиня сообщала ей о том, где она прячет черную жемчужину. На следующий день письмо пропало. Кто украл его?

Кроме того, консьержи рассказали, что открывали дверь какому-то мужчине, который поднялся к доктору Арелю. Опросили доктора. В его дверь никто не звонил. Кто был этот человек? Преступник или сообщник?

Предположение о наличии сообщника подхватили газеты и публика. Его отстаивал также главный инспектор Ганимар, приводя довольно веские доводы в пользу своей позиции.

— За этим стоит Люпен,— говорил он следователю.

— Ба! — возражал тот. — Вы видите его повсюду, вашего Люпена.

— Я вижу его повсюду потому, что он и есть повсюду.

— Скажите лучше, что вы видите его каждый раз, когда что-

то вам кажется неясным. Кстати, отметьте: преступление было совершено в двадцать три двадцать, о чем свидетельствуют стрелки часов, а ночной посетитель, о котором говорят консьержи, появился в три часа утра.

С правосудием часто случается так, что факты подгоняются под первое же данное им объяснение. Достойное сожаления прошлое Виктора Данегра — рецидивиста, пьяницы и дебошира — произвело на следователя впечатление, и ничто не могло поколебать его убежденности. Через несколько недель начался суд.

Председатель вел заседание без особого рвения. Обвинения прокуратуры были слабы. В этих условиях адвокат Данегра развернулся вовсю. Он продемонстрировал пробелы в обвинениях: не было никаких материальных доказательств, неизвестно, кто изготовил ключ, тот самый незаменимый ключ, без которого Данегр, выйдя из квартиры, не смог бы закрыть на два оборота ее двери. А нож убийцы? Кто видел его и где он теперь?

— Как бы то ни было, — завершил адвокат свою речь, — вам придется доказать, что убил именно мой клиент. Докажите, что грабитель и убийца — это не тот таинственный незнакомец, который вошел в дом в три часа утра. Вы можете сказать, что часы показывали одиннадцать. Что из того? Разве стрелки часов нельзя поставить на любое нужное время?

Виктор Данегр был оправдан.

Он вышел из тюрьмы в пятницу к концу дня, похудевший и подавленный шестимесячным арестом. Ход следствия, одиночество, споры в суде, совещание присяжных — все это наполняло его болезненным страхом. Ночью его преследовали ужасные кошмары, предчувствие эшафота. Он дрожал от лихорадки и тревоги.

Под именем Анатолия Дюфуа он снял комнатку на Монмартре и жил без всякой цели, берясь за любую работу. Жалкая жизнь! Он трижды нанимался на работу, но вскоре хозяева его увольняли и увольняли.

Часто ему казалось, что его преследуют полицейские агенты. Он не сомневался, что они не отказались от мысли заманить его в западню, и заранее ощущал тяжесть руки, берущей за воротник.

Однажды вечером, когда он ужинал в трактире неподалеку от своего дома, к нему подсел человек, одетый в редингот сомнительной чистоты, и заказал суп, овощи и литр вина.

Поглощая суп, он поднял глаза на Данегра и посмотрел на него долгим взглядом. Тот поблел. Несомненно, это был один из тех, кто уже несколько недель следил за ним. Чего они от него добивались? Данегр попытался встать, но не смог. Ноги не держали его.

Человек налил вина себе и Данегру.

— Чокнемся, приятель?

— Да, да... За ваше здоровье, — пробормотал Виктор.

— Ваше здоровье, Виктор Данегр.

Тот вздрогнул.

- Я... Нет же... Я клянусь вам...
- Вы клянетесь? В чем? Что вы это не вы? Не слуга графини?
- Какой слуга? Мое имя Дюфур. Спросите хозяина.
- Для хозяина вы Анатоль Дюфур, но для правосудия —

Виктор Данегр.

- Это неправда! Вас обманули!

Собеседник Виктора вытащил визитную карточку и протянул ее так, чтобы Данегр смог прочитать:

«Гримодан, бывший инспектор сыскной полиции. Конфиденциальная информация».

Данегр задрожал.

- Вы из полиции?

— Нет, я уже там не работаю, но это дело нравится мне, и я продолжаю им заниматься... только с большей прибылью. Иногда попадают золотые дела... вроде вашего.

- Моего?

— Да, ваше — исключительное, и нужно, чтобы вы немного помогли нам.

- А если я этого не сделаю?

- Вы в таком положении, что не сможете отказать мне.

Виктор почувствовал смутное опасение.

- А в чем дело? — спросил он. — Говорите же.

— Хорошо. В двух словах. Меня послала мадемуазель де Синклев.

- Де Синклев?

- Наследница графини д'Андейо.

- Ну и что?

— Мадемуазель де Синклев поручила потребовать у вас черную жемчужину.

- Черную жемчужину?

- Ту, которую вы украли.

- Но ее у меня нет.

- Она у вас.

- Если она у меня, значит, я убийца.

- Вы и есть убийца.

Данегр жалко улыбнулся.

— К счастью, уважаемый, суд присяжных был другого мнения. Все присяжные, вы слышите, все признали меня невиновным. А когда твоя совесть спокойна и в твою пользу говорят двенадцать уважаемых людей...

Бывший инспектор схватил его за руку:

— Не надо красивых слов, малыш. Послушайте меня внимательно и хорошенько взвесьте, что я скажу. Оно стоит того. За три недели до убийства вы украли на кухне ключ, открывающий служебную дверь, и заказали такой же у слесаря Утара на улице Оберкампф, 244.

— Неправда, — запротестовал Виктор. — Этого ключа никто не видел. Его нет в природе.

— Вот он. Вы убили графиню ножом с кольцом на рукоятке, который купили на рынке в тот же день, когда заказали ключ. Лезвие ножа трехгранное и имеет желобок.

- Это блеф, вы говорите наобум.

— Вот он. На нем пятна ржавчины. Нужно объяснять их происхождение?

— Ну и что? У вас есть ключ и нож. Кто подтвердит, что они принадлежали мне?

— Прежде всего слесарь, а затем торговец, у которого вы купили нож. Я уже освежил их память. Они вас сразу узнают.

— И это все ваши доказательства?!

— Остается еще одно. После убийства вы возвращались тем же путем. Однако, проходя через гардеробную, в приступе страха вы были вынуждены опереться на стену, чтобы сохранить равновесие.

— Откуда вы знаете? — простонал Виктор. — Это невозможно.

— Никому из господ, занимающихся расследованием, не пришло в голову зажечь свечу и осмотреть стены. Но если бы они сделали это, то увидели бы на белой штукатурке легкий красный след, достаточно четкий, чтобы различить отпечаток вашего влажного от крови пальца, приложенного к стене. Вы, вероятно, знаете, что в антропометрии это один из главных способов идентификации личности.

Виктор Данегр побледнел. Капли пота выступили на его лбу. Глазами сумасшедшего следил он за странным человеком, рассказывавшем о его преступлении так, как будто он был его невидимым свидетелем.

Почувствовав себя побежденным и обессиленным, Виктор опустил голову. Уже несколько месяцев он боролся со всеми. Теперь же ему казалось, что против этого человека он ничего не может сделать.

— Если я отдам вам жемчужину, сколько вы мне дадите? — спросил он.

— Ничего.

— Как?! Вы смеетесь надо мной? Я отдам вам вещь, которая стоит тысячи, сотни тысяч, а взамен не получу ничего?

— Получите. Жизнь. Подумайте, Данегр, ведь для вас эта жемчужина не имеет никакой ценности. Вы не сможете продать ее. Зачем она вам?

— У меня есть знакомые скупщики... и когда-нибудь, все равно по какой цене...

— Когда-нибудь — это слишком поздно.

— Почему?

— Да потому, что правосудие, располагая доказательствами, которые представлю я — ножом, ключом и отпечатком вашего пальца, — не выпустит вас, дорогой мой.

Виктор обхватил голову руками и задумался. Он чувствовал себя окончательно проигравшим, и страшная усталость охватила его.

— Когда она вам нужна? — дрожащим голосом спросил он.

— Сегодня вечером, не позже часа. В противном случае я опускаю в почтовый ящик письмо, в котором мадемуазель де Синклев сообщает прокурору Республики об имеющихся у нее доказательствах против вас.

Данегр залпом выпил два стакана вина и, вставая, произнес:

— Заплатите по счету и поедем... Я сыт по горло этим проклятым делом.

Два человека прошли по улице Лепик и по внешним бульварам направились к площади Этуаль. Данегр шагал устало, опустив плечи. Когда они миновали парк Монсо, он глухо проговорил:

— Мы уже пришли.

Они остановились в нескольких шагах от табачной лавки.

— Это здесь.

— Здесь?! Что вы несете!

— Это здесь, перед вами.

— Перед нами! Скажите, Данегр, может быть, нужно...

— Я повторяю, что она здесь.

— Где?

— Между двух камней.

— Каких?

— Поищите.

— Каких? — повторил Гримодан.

Виктор не отвечал.

— Прекрасно, дорогой, ты хочешь, чтобы я нагнулся!

— Нет... Но ведь я подохну с голоду.

— И поэтому колеблешься? Хорошо, я поступлю по-княжески.

Сколько тебе надо?

— На билет до Америки.

— Идет.

— И сто франков на первые расходы.

— Ты получишь два раза по сто франков. Говори.

— Считайте камни справа от водостока. Между двенадцатым и тринадцатым.

— В канаве?

— Да, рядом с тротуаром.

Гримодан раскрыл свой нож и просунул лезвие между двенадцатым и тринадцатым камнями.

— А если ее там нет?

— Если никто не заметил, как я наклонюсь и спрячу ее, она еще там.

Черная жемчужина, брошенная в воду, отданная в распоряжение первого встречного! Черная жемчужина... Целое состояние!

— На какой глубине?

— Около десяти сантиметров.

Гримодан соскоблил мокрый песок. Острие ножа на что-то наткнулось. Пальцами он расширил отверстие и увидел черную жемчужину.

— Держи, вот твои двести франков. Билет в Америку я тебе пришлю.

На следующий день «Эко де Франс» опубликовала следующую заметку, перепечатанную газетами всего мира:

«Со вчерашнего дня знаменитая черная жемчужина находится в руках Арсена Люпена, который забрал ее у убийцы графини»

д'Андейо. В скором времени факсимиле этой жемчужины будут выставлены в Лондоне, Санкт-Петербурге, Калькутте, Буэнос-Айресе и Нью-Йорке.

Арсен Люпен ожидает предложений от своих корреспондентов».

— Вот как наказывается порок и вознаграждается добродетель, — подвел итог Арсен Люпен, рассказав мне об этом деле.

— И вот как под именем бывшего инспектора сыскальной полиции Гримодана вы явились как перст судьбы, чтобы лишить преступника плодов его черного дела.

— Конечно. Сознаюсь, что это одно из тех дел, которым я горжусь более всего. Те сорок минут, которые я провел в квартире графини, узнав о ее смерти, были, возможно, самыми удивительными в моей жизни. В течение сорока минут, находясь в безвыходном положении, я воссоздал картину преступления и пришел к выводу, что убийцей может быть только слуга графини. Я понял, что для получения жемчужины мне необходимо, во-первых, чтобы этот слуга был арестован — и я подкинул пуговицу; а во-вторых, чтобы неопровержимых доказательств его вины у правосудия не было — и я подобрал нож, забытый им на ковре, унес с собой ключ, оставленный в замочной скважине, закрыл дверь на два оборота и стер следы пальцев со штукатурки гардеробной. Мне кажется, это было одним из озарений...

— Гения, — перебил я.

102 — Да, если вам угодно, гения. Не каждый способен на такое. Задумать в течение одной секунды и организовать арест, и оправдательный приговор, использовать огромный аппарат правосудия для того, чтобы расстроить нервы моего подопечного, чтобы, оказавшись на свободе, он неизбежно попался бы в расставленную мною несколько грубоватую западню...

— Несколько? Скажите лучше, весьма грубую. Ведь он не подвергался никакой опасности.

— Ни малейшей, потому что оправдание в суде всегда имеет окончательный характер.

— Бедняга...

— Да, бедняга... А вы не подумали о том, что Виктор Данегр — убийца? Если бы жемчужина осталась у него, это было бы вопреки всем нормам нравственности. Ведь он жив, подумайте об этом.

— А черная жемчужина у вас.

Арсен Люпен достал жемчужину из секретного отделения своего бумажника, внимательно рассмотрел ее, погладил и вздохнул:

— Интересно, какой боярин или глупый и тщеславный раджа станет владельцем этого сокровища? Какому американскому миллиардеру предназначен этот маленький кусочек красоты и роскоши, некогда украшавший плечи Леонтины Залти, графини д'Андейо?

ОДУХОТВОРЕНЬЕ

От песен — вчера, до бессонниц — сегодня
 сплетением мыслей — я болен, я — ваш...
 И вдруг разрешение:
 станция Сходня
 и этот возвышенно-русский пейзаж.
 Над бездной оврага,
 где сосен вращенье,
 где близкого неба воздушная грань,
 рождественский шепот и слезы крещения —
 как новый цветок — луговая герань.
 И с блеском берез от всего Подмосковья
 теряется в красках ваш строгий наряд.
 И лучший из рыцарей
 средневековья
 на нас устремляет восторженный взгляд.

СОБЕСЕДНИЦЕ

Вам важно знать:
 что — сталь? что — золото? —
 все испытать бы на огне...
 А может, мысли Герострата
 в такой красивой голове?

А может, мысли прокурора,
 а заодно и палача —
 увлечь доверчивого вора
 и выжечь розу вдоль плеча.

Изящно тлеет сигарета —
 на завтра дом горит дотла...
 А вдруг вам просто мало света
 и недостаточно тепла.

ДО ВСТРЕЧИ

«До встречи!» — Как тепла твоя рука...
 Да кто сказал, что я тебе не пара?
 Шекспира в переводах Маршака,
 и в переводах Левика Ронсара

я заучил. Не сходят с языка
 слова любви, им вторила б гитара,
 чтоб я напоминал тебе слегка
 любовника эпохи Фрагонара.

Ты скажешь ли: — Тут выдумка одна!
 Благодарю, что хоть не холодна
 и не бесплодны все твои страданья...

А потому начну издали:
 отвечу не бессмысленным «пока»,
 а вежливым и жарким: «До свиданья!»

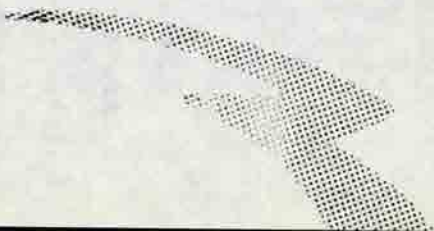
любобо,

ПИТЕР БРАУН,
СТИВЕН ГЕЙНС

которую ты

отдаешь

Четверка битлов вернулась в Лондон физически и эмоционально вымотанная, они хотели лишь одного — отдыха. Но в их распоряжении оставалось всего восемнадцать дней до следующего турне — 5-недельные гастроли по Великобритании. Предполагалось, что по возвращении они начнут работу в студии над своим четвертым альбомом. Альбом «Продаются «Битлз» вышел как раз к Рождеству, и это было на самом деле чудом, хотя в него и входило всего восемь композиций Леннона — Маккартни, а все остальное — лишь вариации на темы любимых песен группы в стиле рок-н-ролл. Две самые запоминающиеся песни для альбома написал Джон. Первая — лирическая композиция в ритме вальса — называлась «Беби в черном». В отличие от остальных песен альбома «Беби в черном» представляла собой удручающе меланхолическую композицию о молодой девушке, которая отказывается прекратить скорбные рыдания о погибшем возлюбленном. Вторая песня была еще более любопытной. Называлась она «Я неудачник» и звучала как элегия.

И хоть я смеюсь словно клоун, и пусть

Под маской веселой скрываю я грусть,

И слезы из глаз моих льются дождем,

О ней, о себе ли я плачу, о ком?

Неудачник... неудачник,

А вы видите меня другим...

Все, кто хорошо знал Джона, понимали, как он несчастлив. Он чувствовал, что раздваивается, успех угодливо создавал ему образ образованного, но весьма покладистого и мягкого битла. Его семейная жизнь являла собой первый пример лицемерия. Он женился на женщине, которую, наверное, и не любил никогда понастоящему, воспитывал ребенка, который родился «однажды вечером в субботу от бутылки». Даже огромный загородный дом обернулся для него больше головной болью, чем радостью. Джон с Синтией и мальшом жили в комнате для прислуги на чердаке, а дом заполнили водопроводчики и электрики, топтавшие здесь с утра до ночи. Однажды Джон отдал свою старую гитару плотнику, и с этого момента началась жестокая борьба между плотником и прорабом, требовавшим отдать гитару для его детей. Спор закончился увольнением плотника, и особняк огласился рыданиями. После этого Джон заперся в своей комнате и старался больше ни во что не вникать.

В довершение всех сложностей мать Синтии, Лилиан Пауэл, решила переехать в Уэйбридж, и для нее сняли маленький домик в нескольких милях от Кенвуда. Миссис Пауэл была архитипичной тещей, хозяйственной и вездесущей. Она ежедневно приезжала в Кенвуд с рабочими и помогала присматривать за строительством и отделочными работами, а также за воспитанием Джулиана.

Джон запрещал Синтии приглашать ниню для Джулиана. Он

Окончание. Начало в №№ 4—6.

упорно повторял, что «не допустит, чтобы его сына воспитывал чужой человек», и Синтия была при сыне большую часть времени. К счастью для нее, бывшие владельцы дома оставили экономку Дороти Джарлет. Сердечная и доброжелательная Дот, как ее называли, приходила по утрам и помогала убирать и гладить. Когда стало ясно, что этой помощи недостаточно, Джон сдался и разрешил Синтии нанять супружескую пару, чтобы они готовили еду и делали всякую работу по дому. Муж приставал ко всем женщинам в доме, а жена в отсутствие Джона кормила Синтию и Джулиана гамбургерами. Их недавно разведенная дочь приехала к родителям и стала строить глазки Джону. Дот ненавидела кухарку и обвиняла в нечестности и мелких кражах. Довершал эту компанию грубоватый небритый шофер Джок, его вечно мятая одежда пахла сигарным дымом. Однажды сосед сообщил Синтии, что Джок ночует на заднем сиденье «роллс-ройса», припаркованного в квартале от Кенвуда. В конце концов повара, рабочий и шофер были официально уволены через контору НЕМЗ.

Дом под руководством Партриджа начал приобретать должный вид, но Синтия так и не перестала верить в то, что она бы справилась лучше. «Партридж, превратив наш особняк в шикарный современный дом, получил, я уверена, весьма кругленькую сумму в банке. Он был очень красивым, но мама не могла противостоять соблазну покупать для нас всякую хозяйственную утварь, и по мере того, как шли месяцы, вещи создавали все более домашнюю атмосферу». В столовой стоял массивный белый деревянный резной стол с дюжиной антикварных стульев. Джон считал, что они выглядят так, будто их обгрызла злая собака. Главную спальню, которую Синтия считала слишком большой, чтобы чувствовать себя в ней уютно, перестроили из трех комнат меньшего размера. Оборудование для кухни было ультрасовременным и сложным, и пришлось пригласить специалиста, чтобы он прочитал Синтии и экономке лекцию о том, как им пользоваться. Но даже после этого Синтия ничего не поняла, единственное, что ей удалось освоить, это вафельницу. Джон как-то велел Кену Партриджу доставить еще какое-нибудь простое приспособление, потому что он по горло сыт вафлями.

Всего в нескольких милях от Кенвуда находился отель, где давно пропавший отец Джона Фреди Леннон работал мойщиком посуды. Джон ежедневно проезжал мимо этого отеля по дороге в Лондон и обратно. Фредди так бы и не узнал о том, что его сын стал национальным достоянием, если бы не уборщица, работавшая с ним вместе в отеле. Однажды она принесла фотографию Джона из газеты и сказала: «Если это не твой сын, Фредди, тогда я не знаю». На следующий день маленький человечек, похожий на бродягу, с редкими седеющими волосами появился у парадного входа в Кенвуд и представился как папа Джона.

Джон и Фредди вежливо побеседовали 20 минут, за это время Фредди успел раскритиковать стиль жизни Джона, его музыку и дом. Потом потребовал денег. Фредди прогнали, и он отправился в ближайшую редакцию газеты на Флит-стрит, став на один вечер звездой, радостно давая интервью о своем сыне за

пониюшку табака. Фреду даже удалось продать за 40 фунтов историю своей жизни в журнал «Тит Битс» и записать сингл со своей повестью «Такова моя жизнь». Маленькая компания звукозаписи, купившая сингл, посоветовала Фреду поставить коронки на зубы, если он хочет выступать публично. В конце концов он заплатил дантисту больше, чем заработал на карьере в сфере звукозаписи. После этого Фредди вновь ушел в небытие.

2

Зима 1965 года ознаменовалась тем, что Ринго стал последним битлом, нашедшим свою единственную девушку. Ринго вступал в роскошную жизнь с трепетом, присущим водителю-новичку, только что получившему водительские права. Если остальные битлы по крайней мере научились заказывать в барах напитки с шикарными названиями или хорошие вина в ресторанах, Ринго все еще питался яйцами и чипсами в обед. Со своими ценящими глазами и неуверенностью в себе он казался легкой добычей для любой секс-бомбы-блондинки, приближавшейся к нему. Какое-то время он встречался с модной моделью Вики Ходж, но друзья видели, что он выезжает с ней только под нажимом, и они вряд ли смогут поладить.

Девушка, с которой Ринго поладил, осталась в Ливерпуле. Маурин Кокс тщательно следила за всеми приключениями Ринго, решив, что не отдаст Ритчи так легко. 1 декабря 1964 года, когда у Ринго обострился хронический тонзиллит и его положили в университетский госпиталь, Маурин села в поезд и привезла ему мороженое. Она оставалась там до тех пор, пока он не поправился, и провела с ним в Лондоне Рождество. Вики Ходж отправилась отдыхать в Швецию.

108 Как всякая девушка-северянка, Маурин захомутила своего возлюбленного на северный манер — к середине января она забеременела. Ринго, как всякий добропорядочный северянин, сделал то, чего от него ждали. Однажды в три часа утра, ласковый и пьяный, он опустился на одно колено и сделал Маурин предложение под добродушные насмешки друзей. Они поженились 11 февраля и провели короткий медовый месяц в доме Дэвида Джекобса в Брайтоне, а затем вернулись в маленькую квартирку на первом этаже, которую сняли в северной части Оксфорд-стрит. Через несколько дней вход со стороны улицы осадил фанаты. Поэтому Ринго приходилось вскарабкиваться на раковину и вылезать через маленькое окошко на другую сторону. Так долго не могло продолжаться. Он попросил Кена Партриджа найти для них квартиру, а сам уехал сниматься в новом фильме о «Битлз». У Кена было всего четыре недели на поиск и оформление новой квартиры.

Маурин проявила больше снисходительности к работе Партриджа, чем Синтия. Приехав из своего временного пристанища со старым плюшевым медведем и дорожной сумкой в руках, она перешла из комнаты в комнату, растерявшись от вида роскошной квартиры, которая теперь должна была стать ее новым домом.

В конце зимы 1965 года битлы начали работу над своим вторым фильмом под рабочим названием «Восемь рук обнимают тебя». Его съемки обошлись втрое дороже, чем съемки «Тяжелого дня», и заняли вдвое больше времени, но фильм получил лишь треть откликов в прессе. Сюжет оказался слабо разработанным, прослеживалась тщетная попытка повторить первый успех. Окончательный сценарий был написан Марком Беймом и Чарльзом Вудом и назывался «Помогите!». Глупейший сюжет вращался вокруг сумасшедшего ученого и секты индуистов, охотящейся за ценным кольцом, которое почему-то оказывается на пальце у Ринго.

Все, кто был занят в фильме «Помогите!», замечали, что с ребятами что-то не то. Их продолжительные хихиканья и перюдические отлучки в костюмерную не оставляли сомнений в том, что происходит. Семена, посеянные Бобом Диланом прошлым летом, теперь расцвели в четырех насквозь пропитанных зельем головах. Эффект от марихуаны и самого Дилана очевиден в песнях, написанных для фильма «Помогите!». Две песни представляли особый интерес. Одна из них, сочиненная Полом, стала откровением для публики. Это произошло летом 1965 года, когда заканчивались съемки фильма. Как-то утром Пол, встав с постели, направился к пианино и написал песню в один присест. Он сочинил музыку под «Шалтая-болтая», подобрал нужные слова и назвал песню «Вчера». Пол любит говорить, что это чудесное творение, оно, как яйцо — без швов и изъянов. Песня понравилась не только фанатам «Битлз», но и пришлось по вкусу людям всех возрастов и склонностей.

Другая песня на стихи Джона была названа так же, как и фильм. Никто не обратил внимания на весьма примечательные стихи — жалобный крик одиночества и отчаяния, звучащий громче, чем в предыдущей песне «Я неудачник».

*Когда-то много лет назад я молод был,
Ни у кого ни в чем я помощь не просил.
Теперь прошли те дни, и я не так самоуверен,
Я изменился. Распахнул я настежь двери.*

*Все в моей жизни очень сильно изменилось,
И независимость, похоже, испарилась.
По временам я беззащитен, и тогда
Я знаю, что ты мне нужна, как никогда.
Помогите! Кто-нибудь!
Помогите!.. Помогите!..*

Как-то Джордж Харрисон познакомился с дантистом Эриком Казинсом. Постановка коронок и косметические процедуры, связанные с зубами, стали отнимать у битлов очень много времени с тех пор, как их стали часто фотографировать. Казинс обслуживал всю четверку и их жен. Он жил в красивой квартире на

Бейзуотер-роуд вместе со своей подружкой Эни, кудрявой блондинкой. Битлам дантист казался несколько скользким, и они подозрительно отнеслись к его попыткам завести с ними дружбу. Но он проявлял сильную настойчивость, и наконец Джон с Джорджем приняли его приглашение прийти к нему домой на обед.

Все четверо помнят, что, войдя в дом, они сразу заметили кубики сахара, аккуратно разложенные на каминной доске. Разговор за обедом крутился вокруг секса и американца Тимоти Леари, которого никто не знал, кроме Джона, краем уха слышавшем о новом всемогущем наркотике ЛСД. Когда обед закончился, дантист положил по кусочку сахара в каждую чашечку кофе. Патти хотела отодвинуть недопитый кофе, но Казинс настоял на том, чтобы она допила все до капли. «Давай, давай, допей до конца».

После того, как кофе был выпит, все вернулись в гостиную, и только тогда Казинс объяснил свои действия. Синтия и Патти похолодели от ужаса, и не потому, что знали, какое действие оказывает ЛСД, просто у них создалось впечатление, что замышляется оргия. Они извинились и собрались уходить.

Казинс, беспокоясь за их безопасность, вместе со своей подружкой последовал за ними. Джордж, Джон и девушки забились в малолитражку Джорджа, специально не оставив места Казинсу и его подруге. Дантист сказал, что поедет за ними на своей машине, куда бы они ни последовали, и Джордж помчался по улицам Лондона на бешеной скорости, пытаясь оторваться от него. Казинсу удалось, держась у них на хвосте, добраться до популярного ночного клуба «Пиквик», куда они решили заглянуть, чтобы послушать восходящее рок-трио: Пэдди, Клауса и Джибсона. Больше раздраженные, чем обеспокоенные, битлы вошли в переполненный клуб вместе с Казинсом, шедшим за ними.

В «Пиквике» и начали происходить странные вещи. Помещение увеличилось в размерах, вытянулось, вокруг замелькали искры. Они почувствовали себя неуютно и через несколько минут решили уйти. Казинс все еще плелся за ними, уговаривая вернуться к нему домой. Две пары направились в «Ад Либ», надеясь, что знакомое окружение поможет им прийти в себя. Всю дорогу Патти боролась с необъяснимым желанием перебить витрины на улице. Они припарковались за углом у входа в «Ад Либ».

«Когда мы наконец сели в лифт, — рассказывал Джон, — нам всем показалось, что начался пожар. Мы начали вопить, и все были возбуждены и истеричны. Когда лифт остановился и двери открылись, мы орали».

Они пробыли в «Ад Либ» всего несколько минут, оставив там дантиста с подружкой. Джордж повез всех в Эшер. Сорокаминутный путь занял несколько часов. Синтия сидела сзади, держась пальцами за горло и пытаясь выплюнуть сахарный кубик. Джон болтал не переставая. У перепуганной Патти началась клаустрофобия в тесном салоне машины, она умоляла остановиться и посидеть где-нибудь у дороги. Джон продолжал смеяться и все время повторял: «А ведь в футбол ты сейчас не сыграешь, Патти».

Наконец они добрались до дома Джорджа, заперли ворота, дверь и закрыли все окна. Джордж взял гитару и стал играть, удивляясь, что из инструмента выходят ноты, похожие на пластмассовые пластинки. Джон занялся рисованием. На одном рисунке он изобразил лица всех четверых, а внизу написал: «Мы все с тобой согласны». «В ту ночь я много рисовал, — рассказывал Джон. — А потом дом Джорджа стал похож на большую подводную лодку. Я ею управлял, а все отправились спать. Казалось, дом плывет выше стен, а я веду его».

Но Патти и Синтия не отправились спать и не видели счастливых видений. Патти обняла свою кошку на полу в спальне, уверенная в том, что изменилась навсегда, и разум никогда не вернется к ней. Синтия легла на постель и попыталась логически обдумать, что же с ними происходит, соединив тайну сахарного кубика и Тимоти Леари в единое целое. Она не спала почти всю ночь, до тех пор, пока медленно-медленно все не стало затихать, краски поблекли, и Синтия провалилась в сон.

5

В начале 1965 года Бриан попросил меня (Питера Брауна) приехать в Лондон, чтобы помочь ему в работе с Джоном, Полом, Джорджем и Ринго. В течение следующих пяти лет мы с битлами жили параллельными жизнями. Я осуществлял надзор и вел все их дела, в том числе и личные, — от заключения контрактов до вызволения из тюрьмы. Помогал им жениться и разводиться. На моем столе стоял красный телефон, номер которого знали только они, а в ящике моего стола были заперты их паспорта.

Контора НЕМЗ в Лондоне превратилась в мини-конгломерат с полдюжиной новых департаментов, в том числе департамента путешествий и брони, и двадцатью новыми сотрудниками. Клайв, брат Briana, согласился помочь Бриану с финансовым администрированием, заодно присматривая за семейным магазином в Ливерпуле. Для ведения общего администрирования в компании Бриан нанял давнего ливерпульского приятеля и надежного человека Джоффри Эллиса. Выпускник Оксфорда, Джоффри работал в нью-йоркской конторе Государственной страховой компании. Хотя у него не было опыта в ведении развлекательного бизнеса, он был очень педантичным и честным, и его любовь к мелочам помогла ему впоследствии в работе главным администратором НЕМЗ. Администратора телевидения Редифьюжен Вивбен Майнихан пригласили на работу в НЕМЗ для создания телепрограмм и помощи в театральных постановках.

Бриан купил агентство по ангажементам, директором которого стал маленький кругленький джентльмен с тоненькими усиками Вик Левис. Левис принадлежал к тому типу чиновников, которые не собираются держать свое мнение при себе. Вскоре Бриан понял, что испытывает к нему сильнейшую неприязнь. Напыщенный, с чувством собственного превосходства, Левис любил давать советы, а Бриан был сверхчувствительным и упрямым.

Для ведения дел с прессой пригласили Тони Барроу.

В 1966 году бухгалтерию расширили и взяли Мартина Вессона, прежде работавшего помощником президента «Рэнк Органайзейшн». И еще одна контора на Монмаут-стрит со штатом из шести человек издавала ежемесячный журнал «Битлз Фан Клуб» — очень прибыльное дело, каждый месяц продавалось по 300 000 журналов. По мере расширения НЕМЗ разрасталась и сфера их деятельности. Она стала настолько большой, и в ней столько всего перемешалось, что ливерпульские группы чувствовали себя несчастными, потому что их карьере перепоручили третьеразрядным чиновникам. В течение первого успешного для НЕМЗ года Бриан честно уделял им максимальную долю внимания, но потребовалось немного времени, чтобы понять, что их талант несравним с «Битлз» и все они, один за одним, ушли в тень, зачахнув от невнимания — невостребованный багаж в поезде Битлз: Билли Дж. Крамер, Джерри энд зе Пейсмейкерз, Зе Биг Три, Томми Куикли.

Похоже, лишь звездный блеск Силлы Блэк не мерк в глазах Бриана. Хотя ее профессиональный успех к этому времени был ограниченным и базировался исключительно на версиях чужих песен, например, песни Пола «Любовь влюбленных», ее дружба с Брианом и битлами создавала ей твердую почву под ногами в бизнесе звукозаписи, а Бриан все еще верил в ее будущее звезды. Для всех, кто видел Бриана и Силлу вместе, было очевидно, что его вера в нее не имела никакого отношения к ее таланту. Бриан просто любил Силлу, добрую, забавную и покладистую. Каким-то образом с Силлой Бриану удалось преодолеть барьер, существовавший между ним и большинством женщин. Как бы там ни было, Силла оставалась одной из немногих, с кем Бриан чувствовал себя уютно, и он продолжал преданно заниматься ее карьерой.

В тот год Бриан разработал новую схему — создание агентства по продаже автомобилей. В течение прошлого года Бриан, битлы и другие артисты НЕМЗ потратили целые состояния на дорогие машины, и Бриан подумал, что, если у него будет собственное агентство по продаже автомобилей, они смогут приобретать экзотические автомобили по оптовой цене, а сам Бриан сможет получить громадную прибыль от продажи машин другим рок-звездам, которые непременно воспользуются услугами фирмы просто потому, что ее владельцем является Бриан. Как бы там ни было, эта сомнительная гипотеза с блеском подтвердилась, и фирма «Брайдор» стала процветать. Возглавил агентство Терри Доран. Он продавал автомобили в Ливерпуле и завоевал себе доброе имя «торговца машинами».

Через «Брайдор» Бриан приобрел в дополнение к своему красному «роллс-ройсу» серебряный разборный «бентли» и черный «мини-купер». Ринго купил два «мини», «лендровер» и «фасел-вегу», которую, как он признался журналистам, он мог себе позволить купить, но которой не пользовался. Джордж Харрисон ездил сначала на «ягуаре», затем на белом «мазерати», как Джеймс Бонд. Джон наконец-то сдал экзамен по вождению и купил, шутки ради, зеленый «феррари» и «мини-майнор», которые поставил в гараж в Кенвуде рядом со своим «роллсом».

Нилу Аспинолу в качестве рождественского подарка ребята преподнесли серый «ягуар».

Бриан чувствовал потребность расширить недвижимость, и 5 апреля 1965 года взял в аренду театр «Савиль» с плюшевыми красными креслами, ложами в форме раковин и позолоченными балюстрадами. Он лично стал директором театра. В его финансовый план входило делать ставку на лучшую рок-музыку в ущерб драматическим постановкам. Центром внимания была «королевская ложа», из которой Бриан и битлы смотрели спектакли. В этой большой позолоченной ложе, нависавшей над зрителями, стояли длинные современные диваны, обитые шокирующе экстравагантной тканью под шкуру леопарда. За бархатной портьерой скрывалась маленькая прихожая с живыми цветами. Вдоль одной стены располагался бар с тщательно отобранными напитками и холодильник, забитый шампанским. В ложу вел отдельный вход с улицы, чтобы не толкаться вместе со всеми в дверях. Публика с интересом взирала на ложу, ожидая появления Пола с Джейн Ашер или Джона, или Джорджа, или, как часто бывало, преуспевающего молодого антрепренера и самого «творца звезд».

Но теперь, когда слава и богатство превратились в реальность, Бриану этого оказалось недостаточно. Он чувствовал себя разочарованным и начал скучать. Никакие театры и автомобильные агентства в мире не могли заглушить его боль. Даже любовь к Джону Леннону, поддерживавшая его в самые тяжелые периоды, стала более спокойной и трансформировалась в отеческое покровительство.

По вечерам, когда битлы уходили к своим женам или девушкам, а друзья и сотрудники расходились по домам, Бриан оставался наедине с самим собой. Наглотавшись разноцветных таблеток биамфетаминов, он читал ночи напролет, страдая от бессонницы, унаследованной от Куини. Доктор, Норман Кауан, с которым Бриана познакомили в Лондоне, прописал ему секонал. Одна-две красные капсулы этого препарата обычно выключали его к рассвету, а просыпался он днем, пьяный и несчастный. Новая горсть таблеток биамфетаминов вновь приводила его в то же состояние. Д-р Кауан, женатый практикующий врач средних лет с солидной репутацией, взявшись за лечение, и понятия не имел, что Бриан принимает амфетамины. Когда же Бриан признался ему в этом, д-р Кауан настоятельно посоветовал ему прекратить принимать таблетки, представлявшие серьезную угрозу для его здоровья. Бриан никогда больше не принимал ни одной таблетки, но, естественно, стал принимать все большие дозы наркотиков, потому что толерантность к ним повысилась. По вечерам он был в состоянии такого сильного наркотического возбуждения, что садился за руль своего серебряного «бентли» и ехал в клуб «Клермонт» на Беркли-сквер. Привратник присматривал за машиной, а Бриан проводил всю ночь, играя в «железную дорогу» или «баккара»*, попивая холодное бренди, куря сигару и периодически глотая таблетки в веч-

* Карточные игры.

ном усилили подобрать нужную дозу, чтобы не быть ни слишком возбужденным, ни вялым. Во время таких развлечений можно легко проиграться в рулетку, и он проигрывал. В среднем убытки составляли 5000 фунтов в неделю, но иногда достигали и 17 000 за одну ночь.

Чтобы удовлетворить свой игровой азарт, Бриан стал часто снимать деньги со своего лицевого счета в НЕМЗ, но уже через несколько месяцев это стало беспокоить бухгалтеров, и ему пришлось обратиться к другому, менее заметному источнику. У него вошло в привычку звонить Терри Дорану в «Брайдор» и узнавать, были ли проданы какие-либо машины и заплатили ли за них. Если там была подходящая сумма, Бриан приезжал лично и забирал чеки или наличные деньги. Периодически брат Бриана Клайв заезжал в «Брайдор» проверить расходные книги, но Доран никогда не упоминал о десятках тысяч фунтов, которые забирал Бриан и записей о которых не было в книгах.

Несмотря на успех, деньги и приобретенную славу, Бриан все еще находился в плену самой опасной и несбыточной любовной связи, которая, как он знал, погубит его. Это случилось весной 1965 года. Бриан познакомился и влюбился в молодого американца, проживающего в Лондоне. Звали его Дизз Джиллескай. Двадцатилетний актер и певец говорил с придыханием, у него были темные волосы, насмешливые глаза и вздернутый нос. Бриан настолько им увлекся, что взялся за призрачную артистическую карьеру Дизза и купил ему новый гардероб. Пользуясь предложением, что Дизз является артистом НЕМЗ, Бриан оплатил многие из его долгов и стал выплачивать ему небольшое содержание из собственного кармана. Разумеется, друзья Бриана предостерегали его, на что он отвечал: «Может быть, он и использует меня, но он отличается от большинства. В нем есть что-то особенное, что-то чему я не могу найти названия».

Возможно, это была склонность Дизза к жестокости. Дизз с Брианом проводили много вечеров в квартире Бриана, где принимали наркотики и пили коньяк. Чаще всего эти пьяные наркотические вечера заканчивались какими-нибудь злополучными ссорами. Они начинались с простого спора и переходили в кулачный бой и битье зеркал. Как-то раз, чувствуя себя несчастным из-за щедрости Бриана, Дизз довел себя до ярости. Когда Бриан велел ему убраться из дома, Дизз бросился на кухню, схватил самый огромный нож, какой только смог найти, и воткнул Бриану в вену, вытащив к тому же деньги из его кошелька.

Бриан перестал видаться с Диззом после инцидента с ножом, но все было бесполезно, он тосковал по юноше, изнемогал от любви к нему. Однажды вечером я приехал к Бриану и застал там Куини и Гарри Эшштейнов. Они приехали из Ливерпуля, потому что им показалось из телефонного разговора с Брианом, что у него депрессия, и пришли в ужас от того, что увидели. В похмелье, после наркотиков и попойки прошлой ночи, Бриан признался им в своей любви к Диззу Джиллескаю. Куини уговорила его уехать на время во Францию. Вечером мы с Брианом

упаковали вещи и направились в Кап д'Антиб, оставив Лондон и Дизза Джиллеская.

По возвращении в Лондон Бриан решил избавиться от квартиры на Уэдхэм-стрит, где был так несчастлив с Диззом. В течение нескольких недель он приобрел прелестное пятиэтажное здание с частным гаражом, комнатами для прислуги, официальной обеденной комнатой и садом на крыше. Чтобы занять себя и отвлечь мысли от Дизза, Бриан бросился заново оформлять дом, следуя советам обладающего прекрасным вкусом Кеннета Партриджа.

6

15 июня 1965 года битлов включили в список на присуждение почетных титулов и награждение орденами и медалями по случаю дня рождения Ее Величества королевы Елизаветы. Они должны были принять акколаду Члена Британской Империи — самый низкий ранг рыцарского ордена, обычно этой награды удостоиваются филантропы.

Пола, Джона и Ринго потрясла оказанная им величайшая честь, чего нельзя сказать о Джоне Ленноне. Королевская семья и классовая структура Англии всегда были его излюбленной мишенью, и то, что он вступит в их ряды, наполняло его чувством вины. Когда ему впервые сообщили о награждении в личном письме, написанном представителем королевы, он почувствовал такое отвращение, что выбросил письмо в кипу писем от своих фанатов, и так и не ответил на него. Несколько недель спустя, после того, как обеспокоенный Букингемский Дворец спросил Бриана, как Джон отнесся к этому событию, Бриан настоял на том, чтобы галантное письмо от имени Джона было отправлено.

Еще больше Джона возмутило сообщение о том, что вступление «Битлз» в титулованное общество члены Британской Империи восприняли отрицательно. Артур Ричард Пейп вернул свою медаль в Букингемский Дворец, также поступил и гвардейский офицер, сообщивший прессе, что делает это потому, что не желает делить награду с «вульгарными придурками». Гектор Дюпиус, член Канадской Палаты Общин, тоже вызвался вернуть медаль. Джордж сказал репортерам в интервью: «Если ему медаль не нужна, пусть он лучше отдаст ее нам, мы бы вручили ее нашему менеджеру Бриану Эпштейну».

Джон был менее дипломатичен: «Гвардейские офицеры получают свои награды за то, что убивают людей. Мы получили свои за то, что развлекаем... Я бы сказал, что мы их больше заслужили».

Следующей осенью самая большая и самая молодая толпа окружила Букингемский Дворец в день награждения битлов. Они кричали: «Господи, храни «Битлз»! Перед самой церемонией битлы зашли в маленький туалет и выкурили по сигарете с травкой, выпуская дым в маленькое окошечко. Джон достал еще одну сигарету в надежде встретить принца Чарльза, которому было тогда шестнадцать лет. Чарльза не смогли найти,

и история так никогда и не узнает, что могло бы случиться, если бы эти двое в тот день встретились.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

«Ничто, в самом деле, ничто не шло для кого-либо из нас вновь нормально».

Нил Аспинол

1

В августе 1965 года тетушка Джона Мими совершила одну из своих редких поездок в Лондон ради премьеры фильма «Помогите!» и остановилась у Джона в Уэйбридже. Мими узнавала об успехах Джона с ворчливой гордостью, но давала ему понять, что его известность не заставит ее держать свое мнение при себе. Она помалкивала о том, что принесла ей слава Джона. Одинокая Мими все еще жила в своем аккуратном домике на Менлав-авеню. Ее дом стал обязательным объектом для ливерпульских туристов, а саму Мими доносили журналисты и фанаты, звонившие в дверь в любое время дня и ночи, требуя подтверждения тому, что это действительно дом Джона, а она его тетьа.

Джон много раз умолял ее переехать, предлагал купить любой дом, который ей понравится, или по крайней мере заново переделать Мендицс, но Мими только улыбалась: «Зачем? Глупенький, нет смысла вытаскивать меня из болота».

Наутро после премьеры «Помогите!» Джон с Мими позавтракали, и Джон сказал: «О'кей, я собираюсь подыскать для тебя дом. Где ты хочешь?»

Мими, не придумав ничего лучшего, назвала Бурнемаут, живописный город на берегу моря. Джон вызвал шофера и велел ему принести карту Бурнемаута. Через полчаса они выехали. Румсейз, местное агентство по торговле недвижимостью, было счастливо предложить им несколько домов. Наконец Мими выбрала то, что ей понравилось, белый дом с видом на Пулский залив. Когда хозяин дома и его жена увидели за дверью Джона Леннона, они не знали, как его улажить. Мими с Джоном обошли дом. Ей больше всего понравилась терраса и задний дворик, откуда она могла любоваться океанскими лайнерами, плывшими по заливу.

«Тебе нравится, Мими? — спросил ее Джон. — Если нет, я куплю его для себя». Он позвонил своему бухгалтеру в Брайс-Хамнер, и тот сразу же оформил покупку. Дом на Менлав-авеню Мими впоследствии продала за 6000. Она так и не истратила эти деньги, словно собиралась когда-нибудь вновь вернуться туда. Но она не вернулась, потому что назад дороги не было.

2

Лето всегда возвращало Бриану бодрость духа. Лето было временем гастролей. Каждый новый день приносил новую цель. Если «Витлз» отстранили его от работы в студиях и от съемок,

гастроли были специальностью Бриана. Он обихаживал свою паству в то время, когда они колесили по всему миру. Они начали с турне по Европе, где с триумфом выступили в спортивном дворце в Париже, их концерт транслировали по всей Франции. Оттуда отправились в Лион, Милан, Геную и Рим, где Бриан исчез и не успел к самолету, на котором «Битлз» улетели назад во Францию. Они успели выступить в Коте д'Азуре, Ницце, Мадриде, когда появился Бриан с синяком под глазом и рассказом о том, как он ударился о дверь шкафа.

Жарким, душным днем 13 августа битлы со своей свитой прибыли в Нью-Йорк, чтобы совершить третьи гастроли по Соединенным Штатам. График этого турне предоставлял им много свободного времени. У них было всего тринадцать концертов в девяти городах, так что оставалось больше недели для отдыха в Лос-Анджелесе.

15 августа «Битлз» совершили, возможно, самое потрясающее в своей жизни путешествие. Вертолет поднял их с площадки на Ист-Ривер и отвез к стадиону «Шеа», где их ожидала толпа из 56 000 человек. Этот концерт под открытым небом до сих пор является величайшим в истории; сырая погода способствовала обморокам, и уже через десять минут все пункты «скорой помощи» были забыты до отказа.

«Битлз» выступили в Торонто семнадцатого, в Атланте восемнадцатого, затем в Хьюстоне, Чикаго и Миннеаполисе, стремительно сменявших друг друга. И только в Калифорнии, где по графику у них было два вечерних концерта в «Голливуд Баул» и один концерт в Сан-Диего, они смогли сделать передышку на 6 дней. Бриан снял для них большой дом на Беверли-Хиллз, ставший местом паломничества сотен фанатов «Битлз». Они приезжали на машинах и создавали пробки по всей дороге до Сансет-Бульвар. Специальные полицейские подразделения Беверли-Хиллз охраняли дом от вторжения. Наиболее оголтелые поклонники брали в аренду вертолеты и летали над домом, фотографируя битлов, загорающих на заднем дворе.

Актёр Питер Фонда приехал навестить ребят на своем «ягуаре», который тут же окружила толпа фанатов. Они облепили машину, как пчелиный рой, и всю ее помяли. Фонда показал нам рассказ, написанный для журнала «Роллинг Стоун», где он вспоминает об этом событии:

«Наконец-то я пробился сквозь толпу подростков и охранников. Пол с Джорджем находились на заднем дворе, а над их головами патрулировали вертолеты. Они сидели за столом под зонтиком в несколько комичной попытке уединиться.

Вскоре мы приняли кислоту и провалились, как потом выяснилось, на всю ночь и большую часть следующего дня. Очнувшись мы в большой пустой глубокой ванне, лепеча все, что приходило в голову.

Я имел счастье слушать, как они вчетвером пели, играли и сочиняли музыку.

Атмосфера весьма способствовала нашему наркотическому путешествию, потому что они всюду находили девушек, которые прятались под столами. Одна проникла в комнату для игры

в пул* через окно, пока невменяемый Ринго пытался загнать шар в лузу, держа кий другим концом. «Другой конец? — говорил он. — А какая, к черту, разница?»

Когда кто-то вспомнил, что они не ели целый день, все отправились на кухню в поисках какой-нибудь пищи. Джон никак не мог справиться с ножом и вилкой, еда все время скользила по тарелке, и он все время опрокидывал ее на пол.

Этот эксперимент с ЛСД стал началом новой необъявленной эры для «Битлз». Эффект от ЛСД не проявился с очевидностью в течение первых нескольких месяцев, но пройдет не очень много времени, и его влияние сильно скажется и на их музыке, и на их мыслях.

Как только группа прибыла в Лос-Анджелес, многие из голливудского братства попытались познакомиться с ними. Список приглашений впечатлял, но только не битлов, которых совершенно не интересовали эти «зануды»-киноактеры. Однако Бриан понимал важность популярности среди голливудской знати и предложил компании «Капитол Рекордз» устроить для них гала-концерт. Вечер был организован в саду дома исполнительного директора «Капитол Рекордз» на Беверли-Хиллз. Ребята усадили на четыре стула, установленных в ряд. Голливудские знаменитости выстроились в очередь, чтобы позвать им руки и поговорить с ними. Среди светил были Гручо Маркс, Тони Беннет, Ричард Чемберлен, Джим Бэрри, Рок Хадсон, Дин Мартин, Джеймс Стюарт, Грегори Пек и Кирк Дуглас. Некоторых знаменитостей битлы настолько очаровали, что они встали в очередь по второму разу.

Единственная знаменитость, с которой битлы хотели познакомиться, был Элвис. Бриан давно уже пытался устроить встречу с Элвисом, но «Король», теперь уже на закате славы, был неуловим — громадная популярность «Битлз» представляла для него тайную угрозу. Вместо встречи полковник Паркер прислал для каждого битла по прекрасному ковбойскому костюму с кобурой и настоящим шестизарядным револьвером. В то время Элвис тоже находился в Лос-Анджелесе, участвуя в съемках фильма «Парадиз, гавайский стиль». Полковник Паркер уговорил его встретиться с битлами, пока они в городе. Элвис согласился при условии, что они приедут к нему.

Встреча «Битлз» с Элвисом в его доме на Перуджиа-Уэй очень забавно описана Альбертом Гудменом в его книге «Элвис». Полицейские отряды ВВС, приведенные в боеготовность по случаю этого «космического» события, окружили дом Элвиса. «Битлз» прибыли вместе с Брианом, Нилом и английским журналистом Фредериком Джеймсом. Элвис сам открыл дверь, из нем была красная рубашка и узкие серые брюки. Он был в окружении мемфисской мафии из друзей-музыкантов и телохранителей. Прошло уже несколько лет с тех пор, как одно лишь присутствие Элвиса провоцировало беспорядки, и почти столько же лет ни одна из его песен не занимала первого места в десятке, но битлы все еще благоговели перед ним. Пять минут они сидели

* разновидность бильярда.

молча и смотрели на Элвиса во все глаза. Наконец Элвис взорвался: «Слушайте, парни, черт вас подери, если вы собираетесь тут сидеть и глазеть на меня всю ночь, я лучше пойду спать!»

Полковник Паркер, к восторгу Бриана, поднял крышку и достал рулетку, спрятанную внутри кофейного столика. В Бриане полковник нашел очень азартного игрока. «творцы Королей» играли с леди Удачей на большие ставки. Позднее «Битлз» и Элвис импровизировали. Элвис сыграл басовую партию Пола в песне «Мне прекрасно», и Пол бодро заметил: «Ты подаешь надежды в игре на бас-гитаре, Элвис». Когда лед был сломан, битлы и Элвис поделились друг с другом своими бедами и переживаниями, сравнивая невзгоды, выпадающие на долю знаменитостей. Перед уходом битлы пригласили Элвиса к себе, а полковник подарил им в качестве сувениров маленькие крытые вагончики.

С большой неохотой ребята покидали Бенедикт-Каньон, чтобы отбыть в Сан-Франциско, где они должны были дать последний концерт, завершая турне по Америке.

3

По мере того, как приближался последний день гастролей, настроение Бриана падало, как барометр в пустыне. Август был долгим и трудным, и Нат, проведя почти весь месяц с Брианом, начал за него беспокоиться. Бриан зарезервировал номер в «Уалдорф Тауэрз», где жил постоянно, и Нат с наслаждением наблюдал за его работой. Бриан был сгустком энергии все двадцать четыре часа в сутки. Телефон не замолкал, звонили из самых экзотических мест земного шара. Это мог быть кто-то из клуба фанатов, или организатор концерта, или фоторепортер, или радиостанция, предлагающая «Битлз» «кадиллак» в обмен на какие-нибудь услуги. Бриан обычно смеялся над такими предложениями и говорил: «Только за золото». Иногда телефон звонил так часто, что Бриан уезжал в маленькую двухкомнатную квартиру Ната, чтобы хоть чуть-чуть передохнуть и успокоиться.

Нат не переставал удивляться тому, как Бриан мог всю ночь разговаривать и слушать записи «Битлз», а утром выглядеть бодрым и свежим. Однажды за ленчем Нат был таким усталым и так страдал с похмелья, что не мог есть. Бриан полез в пиджак за ручкой, и Нат заметил, что в его костюме прошит целый ряд маленьких карманчиков. Бриан весело объяснил, что это «карманчики для таблеток» — в каждом из них он хранил биамфетамины разной силы действия или транквилизаторы.

Только тогда Нат окончательно убедился, что Бриан поддерживает себя искусственно. Таблетки усыпляли его, будили и заставляли двигаться. Это объясняло, по крайней мере отчасти, странное по временам поведение Бриана и его срывы. Нат считал, что самой большой проблемой Бриана все еще оставалась личная жизнь. Все его романтические увлечения, похоже, становились все более убогими. Когда он приехал в Нью-Йорк на два дня раньше «Битлз», перед ним встала страшная дилемма:

Дизз Джиллеспай тоже находился в Нью-Йорке. Бриан рассказал Нату всю историю с Диззом, начиная с первой встречи и до расставания, когда в ход пошел нож. Теперь Дизз нашел Бриана и хотел с ним встретиться. Бриан нервничал. Он опасался, что Дизз сделает что-нибудь такое, что скомпрометирует битлов, и просил Ната помочь ему держать Дизза на расстоянии.

Нат согласился. Ему не потребовалось много времени, чтобы разыскать Дизза и пригласить его в офис для разговора. Нат оценил молодого человека с первого взгляда. «Я встречал тысячи таких типов. Это садовая разновидность дельца. Если вам нужно охладить пиво, приложите кружку к его сердцу».

«Я люблю Бриана, — сказал Дизз Нату. — Мне от него ничего не нужно. Я просто хочу его видеть». «Ладно, — ответил Нат. — Поскольку вам от него ничего не нужно, то и видеть его вам ни к чему. Я хочу, чтобы вы держались от него подальше».

«Ну, тогда так, — объяснил Дизз. — У Бриана полно денег. Если он не хочет, чтобы я появлялся... ну, если у меня будет машина, я смогу уехать».

Нат Вейс передал этот разговор Бриану, и Бриан стал настаивать на том, чтобы выплатить Диззу 3000 долларов на машину. Нат возражал: если дать ему деньги, он вернется и потребует еще. Но Бриан настаивал, и Нат заключил с юношей сделку. В обмен на 3000 долларов Дизз согласился оставаться в номере отеля под присмотром охранника, которого нанял Нат, до тех пор, пока «Битлз» и Бриан не уедут из города. После этого Дизз, кажется, исчез. Но никто не знал, надолго ли.

4

История «пленников славы» стара, как мир, но никто еще не играл этот спектакль с таким трагизмом, как «Битлз». Были моменты, когда, несмотря на славу, богатство и успех, я жалел их. Если у обычных людей жизненные вехи отмечаются рожденьями, получениями ученых степеней и новыми назначениями по службе, дни жизни битлов таяли в нескончаемой череде гастролей и концертов, прерываемых лишь на короткое время для записи очередного альбома. И лишь зимой 1965—1966 года битлам удалось впервые провести несколько месяцев дома и извлечь кое-какую выгоду из своего успеха.

А извлечь было что. «Северные Песни» — фирма, издававшая песни «Битлз», стала муниципальной компанией и разместила заем на Лондонской товарной бирже. Стало очевидно, что, поскольку нет обычных средств сократить налоги, Джон и Пол могли бы по крайней мере сохранить большую часть денег, обратив облагаемый большим налогом доход в капитал, дающий прибыль. «Северные Песни» были подходящим средством для этого, но никто пока не продавал в виде акции то, что являлось партнерством в создании песен. Хотя песенники давно сделали издателей миллионерами, права на пятьдесят девять мелодий, изданных к тому времени компанией «Северные Песни», принадлежали прежде всего эфемерным лондонским финансистам. Человеком, заслужившим огромное доверие и убедившим го-

род в том, что «Северные Песни» — выгоднейший товар, был Дик Джеймс, музыкальный издатель «Битлз». Дик Джеймс хорошо знал цену «Северным Песням», потому что музыка «Битлз» сделала его самого мультимиллионером. Бриан познакомился с Джеймсом на заре успеха «Битлз», когда песня «Люби меня» впервые заняла первое место по популярности. «Люби меня» напечатал один местный издатель, но Бриану не повезло с продажами. Джордж Мартин порекомендовал Дика Джеймса, владевшего небольшой, но очень пробивной компанией, которая впоследствии сыграла большую роль в судьбе «Битлз».

Дик Джеймс стал символом музыкального бизнеса. В глазах ребят это был лысеющий еврейский дядюшка, с большой сигарой и хитрой улыбкой, преподавший Джону и Полу один из самых главных уроков в их жизни.

Дик Джеймс, урожденный Ричард Леон Вапник, был сыном мясника. В четырнадцать лет он бросил школу и стал певцом Ли Шериданом, который превратился в Дика Джеймса, пока переходил из одного оркестра в другой. В конце пятидесятых он исполнил песню, идущую основной темой в английском телесериале «Робин Гуд». Песня стала международным хитом, но Джеймсу платили всего 17 фунтов за серию. К тому времени, как ему исполнилось тридцать два года, он уже прекрасно знал, как можно разбогатеть в музыкальном бизнесе. В 1962 году, когда Бриан с ним познакомился, у него был маленький обшарпанный офис из двух комнат на Чearing-Кросс-Роуд.

Джеймс безошибочно распознал в Ленноне и Маккартни потенциальных сочинителей песен и предложил Бриану толковую сделку. Джон с Полом образуют партнерскую компанию под названием «Северные Песни». Каждый из них станет владельцем 20% акций компании, а Бриан вместо 25% жалованья менеджера получит 10% акций. Дик Джеймс за работу в качестве музыкального издателя получит 50% собственности.

Бриан буквально отписал Дик Джеймсу 50% дохода от изданий Леннона—Маккартни, что сделало его через восемнадцать месяцев невообразимо богатым.

Три года спустя 5 миллионов акций «Северных Песен» выбросили на рынок. Джон и Пол получили по 15% акций каждый, что составило в то время 640 000 долларов. НЕМЗ получили 7,5%, а Джорджу Харрисону и Ринго Старру в порыве великодушия кинули 1,6% на двоих. Дик Джеймс и его компаньон Чарльз Сильвер получили 37,5%, что составило 1 687 000 долларов.

Хотя такой оборот принес Джону и Полу некоторый капитал, большую его часть они истратили на оплату предыдущих налогов. Джордж и Ринго из-за собственных проблем с налогами испытывали финансовые затруднения, о чем невозможно было догадаться, судя по их расходам.

У Ринго родился сын Зак. В ожидании ребенка Ринго съехал из своей маленькой квартиры и купил дом в Уэйбридже за 37 000 фунтов. «Солнечные высоты» обошлись в 40 000 фунтов. Ринго попросил Кена Партриджа оформить дом, но Бриан сказал, что Партридж так слишком занят, так что Старры нашли другого дизайнера, чтобы он реализовал их творческие фанта-

зни. Ринго тратил деньги, как бедняк, выигравший на скачках, отчасти так оно и было. В квартире установили 6 телевизоров, стереосистемы, больше двадцати телефонных аппаратов, по два в каждой комнате, включая прямой телефон, соединяющий дом с офисом Бриана, а также множество всевозможных электронных новинок, появляющихся на рынке.

Джордж оказался более практичным. Наконец-то он сделал предложение Патти Бойд, и 21 января 1966 года они поженились. Для Джорджа это было самое счастливое время за многие годы. Он был влюблен, и его еще не очень сильно притесняли Джон и Пол. Молодая пара вызывала всеобщее восхищение. Патти оказалась одной из самых прелестных молодых женщин Лондона. За шикарной великосветской внешностью скрывалась ласковая, заботливая девушка с добрым сердцем и хорошим вкусом. Ее карьера манекенщицы стремительно пошла в гору благодаря браку с Джорджем, но она отказывалась почти от всех контрактов, чтобы быть с мужем, уделяя все свое время оформлению загородного дома, который он купил для нее. Несмотря на то, что Джон и Ринго потратили кучу денег на свои дома, дом Джорджа и Патти был, наверно, самым восхитительным из всех.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

«Что я буду делать, если они перестанут гастролировать? Что мне останется?»

Бриан Эшштейн

123

1

«Битлз» практически владели студиями «Эбби Роуд». Только за последние два года на «Эбби Роуд» они записали девятнадцать золотых альбомов, из них восемнадцать заняли первые места по популярности. Если «Битлз» говорили, что хотят записать пластинку, это действовало как звонок гигантского кассового аппарата, и все студии освобождались для них. Все их приходы исполнялись, как капризы королей, каковыми они и стали, и когда Ринго пожаловался, что в туалете И-Эм-Ай грубая туалетная бумага, об этом написало сразу несколько газет на первой полосе. (Авторы были на аукционе студий «Эбби Роуд» в 1981 году, где развернулась яростная борьба за рулон туалетной бумаги с держателем, на которую жаловался Ринго. Какой-то счастливчик купил его за 65 фунтов.) «Битлз» провели большую часть зимы и весну, записывая свои два самых главных альбома «Резиновая Душа» и «Револьвер». Эти альбомы стали первыми из шедевров, созданных группой. Битловед Николас Шаффнер сравнивает этот момент в их музыкальном росте с тем переходом в фильме «Волшебник Изумрудного Города», когда из черно-белого все становится цветным. Простенькие любовные песни стали сменяться ошеломляющим спектром предметов и диковинных образов — от банальных до эфемерных. Даже сама музыка изменилась, она стала богаче, мелодичнее, неуго-

вмее. И теперь вместо того, чтобы записывать на альбом не связанные между собой хиты, композиции альбома сливались в единое целое, настроение и звук объединяли песни.

И все же в то время «Резиновая Душа» вызвала некоторое разочарование критиков. Хотя альбом и входил в десятку лучших в течение семи месяцев, он явился неожиданностью и сбил с толку подростков, ожидавших молодежных песен в стиле «ей-ей-ей». Это был самый мощный из всех вызовов, брошенных «Битлз» своим фанатам. Мало кто из фанатов мог знать, что новое музыкальное направление явилось прямым следствием ставшего привычным курения марихуаны. Особенно в песнях Джона, как бы пропущенных сквозь дурмящий дым марихуаны, эта перемена была особенно ощутима. Элегическая песня «Норвежский лес» первой заставила нас задуматься о том, что мы слышим в музыке. Именно в этом альбоме пышным цветом расцвел самоанализ. «В моей жизни» стала первым гениальным шедевром, это автобиографический экскурс — короткая, обманчиво простая песня, великолепная как по своей лаконичности, так и по живым образам. Джон исполнял ее нежнейшим гипнотизирующим голосом.

Самый большой коммерческий успех альбом «Резиновая Душа» принес Полу Маккартни благодаря песне «Мишель» — еще одной сладчайшей любовной песне, в которой он сознательно сбивается на французский припев.

К концу работы над «Резиновой Душой» опыты битлов с ЛСД приобрели довольно регулярный характер. И вновь музыка заметно изменилась, на сей раз появился тяжелый электрический звук. «Автор брошюр» с пульсирующим хором, написанный Полом, возвестил начало того, что пойдется впоследствии. В аудиоделическом «Дожде» Джона, усиленном инструментальной аранжировкой Джорджа в индийском стиле, впервые были использованы «обратные» записи. Этот простой фокус проигрывания магнитофонной записи задом наперед с последующей перезаписью никогда прежде не рассматривался как серьезная музыкальная техника. Джон впервые обнаружил, что ему нравятся эти несколько неземные звуки, когда он как-то находился под действием наркотиков. Работая поздно вечером в маленькой студии на чердаке дома в Кенвуде, он поставил магнитофонную запись черного варианта «Дождя» наоборот. В последующих альбомах «Битлз» есть фрагменты, звучащие задом наперед.

Причудливо-дурманная «Желтая Подводная Лодка», где Ринго солирует речитативом, также явилась результатом наркотических грез, как и «Элеонора Ригби» — мрачный собирательный портрет одиноких покинутых людей. Альбом «Револьвер» содержал сочиненную под воздействием наркотиков песню «Доктор Роберт» — о реальном нью-йоркском враче, дававшем «витамины» богатым и знаменитым, а также миленькую песню «Ни для кого», очередная выжимающая слезу композиция Маккартни. Джорджу позволили представить две песни: непримечательные «Я тоже люблю» и «Я хочу тебе сказать», но ему еще разрешили записать песню «Налогоплательщик», которая имела в Америке огромный успех.

«Битлз» сумели перевести опыт ЛСД и все, что он за собой повлек — одежду, прически, сексуальную революцию — на язык коммерции. Альбомы «Резиновая Душа» и «Револьвер» — ранние примеры могущества группы, их умения повести за собой. Потенциально смертоносная демонстрация этого могущества вскоре должна была проявиться.

2

Когда мир взорвался и его кусочки сложились вокруг них в мандариновые деревья и мармеладные небеса, когда Лондон стал для них лучшим местом на земле, а сами они стали лучшими людьми, какие только могут быть, им пришлось сделать то, что им меньше всего хотелось, — им пришлось уехать. Было лето, а «евангелие от Бриана» гласило, что летом они гастролируют. Бриан не видел причин менять ежегодный ритуал, который ему так нравился, хотя было очевидно, что гастроли, по рекламным или финансовым соображениям, ребятам больше не нужны. Возможно, это был первый серьезный знак того, что Бриан перестал видеть перспективу и уже не понимал, чем стали «Битлз». Музыка настолько усложнилась, что ее невозможно было воспроизводить на сцене.

Но машина была приведена в движение: 23 июня битлы вылетели в Мюнхен, Эссен и Гамбург. На сей раз Бриан настоял на том, чтобы я поехал с ними и занимался администрированием и личными проблемами «Битлз». Мне очень не хотелось надолго покидать свой лондонский офис, и я с неохотой думал об изматывающих гастролях в летнюю жару. Но поведение Бриана и периоды его работоспособности в последние месяцы стали еще более непредсказуемыми, так что я знал, что могу понадобиться.

Гамбург был выбран исключительно по ностальгическим соображениям. Мы добирались на самолете и на частном поезде, и битлы всю дорогу с воодушевлением вспоминали старые времена в Рипербане. Но, как и многое другое, Гамбург для них потерял свое очарование. Они больше не могли неузнанными прогуляться по городу, заглянуть в секс-шопы и полюбоваться на проституток в витринах. Больше не могло быть ночных вакханалий и встречи рассвета, занимающегося над крышами Герберштрассе. Бары и клубы, где они выступали всего четыре года назад, были закрыты. То, что когда-то казалось соблазнительным и экзотическим в ночном мраке, теперь, при дневном свете, выглядело убого. Астрид Кирхнер, красивая молодая подруга Сту Сутклиффа, так театралью изменившая внешность битлов, работала барменшей в баре для трансвеститов. Она так и не получила ни цента за ее всемирно известные фотографии ребят в кожаных костюмах и ковбойских шляпах, и ей ничего не заплатили за созданную ею знаменитую прическу. В ее маленькой квартирке одна комната была затянута черным бархатом, и там всегда горели свечи под фотографией покойного Сту Сутклиффа.

Из Гамбурга через Северный полюс мы летели в Токио, но нас

среди ночи посадили в Анкоридже из-за тайфуна, свирепствовавшего в Китайском море. Было морозно, падали хлопья снега, и Бриан с «Битлз» так расстроились, когда их разместили в маленькой гостинице, словно тайфун оскорбил их лично.

Мы добрались до Токио только к вечеру следующего дня. В аэропорту нам сообщили о крайне неприятном сюрпризе. Невысокий, официальный, но вежливый комиссар полиции в штатском усадил нас в кресло для важных гостей и объяснил, что один камикадзе из правого крыла воинствующих студентов поклялся, что «Битлз» не покинут Японию живыми. Студенты особенно возмущались потому, что «Битлз» должны были дать три вечерних концерта в Будокане, а это национальная святыня, памятник павшим на войне героям. Комиссар объяснил, что не следует легкомысленно относиться к угрозам студентов-фанатиков. Битлы много раз бывали в опасных ситуациях, но никогда еще они не были так напуганы. Полиция проводила нас в зону выдачи багажа, где уже ждали доброжелательные японские организаторы концертов. Должно быть, тысяч десять фанатов выстроились по всему пути до города, но мы не могли не заметить среди них воинственных студентов с плакатами «Битлз», убирайтесь домой!».

126 ОТЕЛЬ «Хилтон» в Токио был превращен в вооруженный лагерь. Весь верхний этаж заняли вооруженные отряды, лифт отладили так, что он останавливался только на нижнем этаже, где военные с пистолетами круглосуточно проверяли каждого, пропуская наверх по единственной лестнице. «Битлз» удобно устроились в президентском номере, где было шесть или семь комнат, а мы с Брианом поселились в меньшем по размеру, но не менее великолепном императорском номере в другом конце холла. Как только мы разместились в отеле, администрация информировала нас, что в целях безопасности «Битлз» не должны выходить из номера, за исключением поездок в Будокан на концерты. Недовольные тем, что они считали излишними предосторожностями, битлы уселись в своем номере в церемониальных шелковых кимоно и, подобно четырем римским императорам, принимали посетителей, предоставивших им все богатства страны.

Директора крупнейших компаний Японии лично прибыли в отель, чтобы предложить им свои товары, и за несколько часов ребята истратили сотни тысяч фунтов на фотоаппараты, одежду, часы, ювелирные изделия и прочее.

Ребята были паиньками и не выходили из номера вплоть до концерта. В Будокан нас доставили с «ветерком», на дороге перекрыли все движение, ничего подобного город еще не переживал. В вежливости японской публики было что-то сверхъестественное. Аккуратные мальчики и девочки скромно сидели на своих местах и аплодировали после каждого номера.

Без тени сожаления мы покинули Японию и двинулись к Филиппинским островам. Манила, с ее теплым солнцем и экзотической природой, обещала благоприятную перемену в настроении после напряженных дней в огромном Токио. «Битлз» пользовались особой популярностью у филиппинцев, и билеты на 2 кон-

перта в «Арапета Колизеум» были сразу распроданы. В аэропорту собралась огромная толпа — больше 50 000 человек. Армейский эскорт привел нас к лимузинам, любезно предоставленным местными организаторами.

А затем произошло нечто, о чем здесь упоминается впервые: вместо того, чтобы отправить в отель, нас отвезли к пристани и посадили в лодку. Мы отплыли в море на милю или две, а потом вернулись обратно. Таким образом, нас на полчаса просто оторвали от нашего багажа. Мы страшно волновались, поскольку знали, что битлы возят в футлярах для инструментов несколько фунтов марихуаны. Обычно их чемоданы просматривали на таможене очень формально, если вообще просматривали, с ними обращались, как с дипломатами. Мы получили наш багаж без вопросов и объяснений. Никто не хотел быть втянутым в международный инцидент, но именно это и произошло.

На следующий день с поддвожины военных в формах из президентского дворца предстали перед дверью номера Вика Левиса. Левис был агентом по ангажементам, улаживал дела, связанные с международными гастролями, и присоединился к нам в Японии. Полиция желала знать, когда «Битлз» придут на «торжество».

«Какое еще торжество? — спросил обалдевший Левис. — Не знаю ни про какое торжество». Он отправил офицеров к Бриану. Мы с ним завтракали в буфете отеля. У полицейских в формах цвета хаки был очень неприятный тон. От них нам удалось узнать, что Имельда Маркос, жена президента Фердинанда Маркоса, устраивает ленч в честь «Битлз», и их немедленно ждут в президентской крепости Малачанг. Во многом Имельду Маркос боялись больше, чем ее мужа-диктатора. Бриан заявил, что впервые слышит о приглашении. Позднее он выяснил, что Тони Бэрроу, ответственный за протокольные мероприятия, получил приглашение, но оно почему-то так и осталось без ответа. Кто бы ни был виноват — Бриан, Бэрроу или Вик Левис, битлы не собирались никуда ехать.

Они крепко спали в своих номерах, а Бриан и не собирался их будить.

Через несколько минут Бриану позвонил посол Великобритании и заявил, что не считает хорошей идеей игнорирование торжества, устраиваемого миссис Маркос в честь «Битлз». Бриан ответил, что сожалеет, но помочь ничем не может. Даже если бы битлы получили приглашение вовремя, они бы все равно отказались, как отказывались от любых официальных приглашений, будь то дипломаты, королевская семья или диктатор.

Ребята тем временем мирно спали и проспали все торжество. В полдень их разбудили Нил и Мэл, принешие завтрак, а после этого они поехали на футбольный стадион Аранета. 100 000 человек толпились на стадионе и вокруг него, чтобы послушать часовой концерт в двух отделениях. Как обычно, все визжали от счастья и бились в истерике. Тем временем мы с Брианом смотрели в номере телевизор. Передавали вечерние новости. На экране убитая горем Имельда Маркос бродила по своему дворцу, страдая от оскорбления, нанесенного «Битлз». Комментатор сооб-

щил, что музыканты так и не пришли на торжество, устроенное в их честь, и просто «плюнули в глаза нации».

Как только передача закончилась, Бриан связался с менеджером телепрограммы, передающей правительственные сообщения, намереваясь дать разъяснения филиппинскому народу. Мы с ним помчались на телестудию, где, к нашему удивлению, его сразу приняли и усадили перед камерой. Трансляцию передачи прервали, и Бриан вышел в эфир, обращаясь ко всей стране. Не успел он принести извинения, как пришло указание из крепости Малачанг немедленно выключить звук. Ни объяснений Бриана, ни его извинений так никто и не услышал.

А «Битлз» даже не подозревали о случившемся. После концерта их доставили обратно в отель. Вечер прошел нормально. Они играли в карты, пили шотландское виски и кока-колу и курили травку. Ребята решили лечь спать пораньше, поскольку утром они должны были быть в аэропорту, чтобы вылететь в Нью-Дели, где мы собирались отдохнуть несколько дней.

Среди ночи Вика Левиса выгнали из его номера трое полицейских и доставили в полицейский участок. Там его почти всю ночь допрашивали два похожих на гестаповцев офицера, задававшие один и тот же вопрос: «Почему вы не явились на торжество?»

128
Рано утром Нил заказал завтрак на шестерых и ждал, когда его принесут. Ребята принимали душ и одевались. Поскольку завтрак все не подавали, Мэл несколько раз звонил по телефону, но, похоже, дежурного не было на месте. Тогда Мэл спустился в вестибюль узнать, что случилось. В вестибюле было подозрительно тихо. Полицейская охрана, обычно дежурящая в вестибюле, куда-то исчезла. Не было охраны и у лимузинов, не было никакого сопровождения, кроме двух одиноких шоферов. Когда Мэл наконец отыскал какого-то служащего у стола дежурного, тот грубо ответил, что «Битлз» больше не обслуживаются. Мэла это крайне поразило, но тут его взгляд упал на газету, лежащую в вестибюле. Он прочел заголовок: «БИТЛЗ» ОСКОРБИЛИ ПРЕЗИДЕНТА».

К тому времени, как Мэл с газетой вернулся в номер «Битлз», они, включив телевизор, уже и сами узнали, чем так взволнована вся страна. Мы решили, что самое лучшее — поскорее убраться отсюда. Тони Эрроу, Мэл и Вик Левис начали выносить багаж к арендованному фургону, понимая, что без посторонней помощи они к самолету не успеют. Бриан позвонил в агентство КЛМ и попросил связать его с пилотом по рации. Он обратился с личной просьбой не оставлять их во враждебной стране и объяснил, что мы уже мчимся в сторону аэропорта. Пилот согласился ждать сколько возможно, до тех пор, пока не заправят самолет, а затем он вылетит из Манилы с «Битлз» или без них.

Начались гонки. Без полицейского эскорта мы добирались, наверное, несколько часов по перегруженным в утренний час пик дорогам. Шоферы дважды сбивались с пути. Когда же впереди показался аэропорт, мы пришли в ужас — некогда гражданский аэропорт превратился в вооруженный лагерь. Помимо нескольких тысяч вооруженных солдат, здесь собралась

толпа из сотен рассерженных горожан, поджидавших нас. Машины остановились у здания аэропорта, и толпа расступилась, образовав коридор, по которому нам предстояло пройти, чтобы добраться до входа.

Оказавшись в здании аэропорта, мы обнаружили, что эскалаторы, лифты и табло с информацией о полетах отключены. Шли драгоценные минуты, а мы бегали вокруг, пытаясь выяснить, где находится самолет КЛИМ. Офицер коротко скомандовал нашей группе следовать за ним и провел нас к таможене. Пока он медленно и дотошно изучал наши паспорта и визы, на площадку для обозрения выпустили рассвирепевшую толпу. За несколько секунд они облепили стекло и стали орать, требуя крови. Внизу солдаты гоняли нас от одной стойки к другой, тыча прикладами, а крики на балконе становились все громче. В какой-то момент Мэл храбро попытался вмешаться и встал между солдатами и битлами, и тогда на Мэла набросилось сразу шесть солдат. Они повалили его на землю. Бриана несколько раз толкнули в спину и плечи, а Ринго ударили так, что он уронил дорожную сумку. Наконец нам позволили подняться на борт авиалайнера. Однако атмосфера в самолете была не намного дружелюбнее, поскольку в салоне находились перепуганные и злые пассажиры, с нетерпением ожидавшие вылета в Нью-Дели. Мы рухнули на свои места, надеясь, что испытания закончились, но тут появился офицер, потребовавший, чтобы Тони Бэрроу покинул самолет для проверки паспорта. Тони под конвоем вывели из самолета. В эту минуту пилот попросил Бриана зайти к нему, и я направился вместе с ним в кабину. Пилот сказал, что нам придется взлететь без Тони. Бриан умолял его не оставлять Тони и отвлек пилота до тех пор, пока Тони наконец не вернулся в самолет. Двери быстро закрылись, и огромный авиалайнер поднялся в воздух, оставляя внизу здание аэровокзала.

Наша гастрольная группа забилась в салон первого класса и пыталась унять дрожь. Из иллюминатора мы видели разъяренную толпу, которую выпустили на взлетную полосу. Люди продолжали размахивать кулаками и выкрикивать проклятия.

Бриан перенес инцидент очень тяжело. Его тошнило, и у него поднялась температура. К тому времени, когда мы подлетели к Нью-Дели, он настолько ослаб, что ему потребовалась помощь, чтобы дойти до ожидавшей нас машины. Врач приходил в отель «Интерконтиненталь» ежедневно, в течение всего срока нашего пребывания.

Битлы негодовали, считая Бриана виновным во всем случившемся. Они пили у себя в номерах, курили травку по кругу и обсуждали жуткие события в Маниле и истерическую сцену в самолете. Общее мнение было таково, что Бриан «выдохся и больше не может контролировать ситуацию».

«К черту, — сказал Джон. — С меня хватит. Мы прекращаем гастроль».

Они сообщили Бриану о своем решении в самолете, летевшем из Нью-Дели в Лондон. Это так расстроило Бриана, что все тело у него покрылось сыпью и пятнами. «Что я буду делать, если они перестанут гастролить? — лихорадочно спрашивал меня

Бриан. — Что мне остается?» «Не будь смешным, — отвечал я. — У тебя масса дел». И я говорил правду. Для Бриана открылись такие потрясающие перспективы, каких не было еще ни у кого в шоу-бизнесе. Но Бриан считал, что если «Битлз» не будут заполнять все его время, ему ничего больше не останется. Слышь оказалась крапивницей, и Бриана уложили в постель на месяц. Доктор Норман Кауан прописал ему отдых. Он отправился на северное побережье Уэльса — самое подходящее место для того, чтобы отдохнуть от Лондона. Все давали ему один и тот же совет: «Попробуй не волноваться».

3

Но бедному Бриану довелось пробыть в Портмерione всего четыре дня. Из Америки долетел слух, что «Битлз» попали в эпицентр страшного скандала. Все началось довольно невинно несколько месяцев назад, когда журналистка Маурин Клив в «Ивнинг Стэндард» поместила очерк о Джоне Ленноне. Прошлой весной ей разрешили побывать у каждого из битлов дома, взять подробные интервью и познакомиться с их женами. В разговоре в Джоне Клив коснулась тем, которые обычно не обсуждают с поп-звездами. Говоря о несостоятельности официальной религии, Джон заявил: «Христианство уйдет. Оно уйдет. Оно ответвет и опадет. Я не стану дискутировать на эту тему. Я прав, и время докажет, что я прав. Сейчас мы популярнее Иисуса. Я не знаю, что уйдет в первую очередь — рок-н-ролл или христианство. Иисус был хорош, но его ученики примитивны...»

В Англии эти высказывания не комментировались ни общественностью, ни прессой. Для англичан это был лишь очередной пример непочтительности Джона к авторитетам. Но через несколько месяцев беседу перепечатал американский журнал для подростков «Дэйбук», и разразился жуткий скандал. Религиозная американская общественность вооружилась. Общество евангелистов, взбешенное замечаниями Джона, буквально и фигурально начало охоту на «Битлз». Пластинки сжигались, мусорные урны расставлялись вдоль домов сплошным ковром, магазины грампластинок перестали принимать пластинки «Битлз». В течение первых пяти дней бойкота более тридцати пяти радиостанций под давлением религиозных групп наложили запрет на музыку «Битлз». Пастор новой баптистской церкви в Кливленде Баббс пригрозил, что проклянет любого своего прихожанина, если тот посетит концерт «Битлз». В Южной Каролине Великий Дракон ККК прибил альбомы «Битлз» к пылающим крестам и поклялся, что они не будут в безопасности, если приедут в Америку. Даже газета Ватикана сочла необходимым прокомментировать замечания Джона и предостерегла, что «к некоторым предметам нельзя относиться непочтительно, даже в мире битников».

Хуже всего было то, что все американские организаторы концертов, подписавшие с «Битлз» контракты на следующее лето, грозили их расторгнуть.

Бриана привезли в Честерский аэропорт, где его уже ждал

частный самолет. Он вылетел в Нью-Йорк, где его встретил лимузин и доставил в контору Ната Вайса. Не прошло и двенадцати часов с тех пор, как первый телефонный звонок известил о беде.

«Во что обойдется аннулирование гастролей? — спросил Ната Бриан. — Ребята достаточно натерпелись за этот год».

«За миллион долларов наличными ты, может быть, и рассчитаешься с организаторами, а они, в свою очередь, заработают на этом миллионы долларов», — ответил Нат.

«Я заплачу, — упорствовал Бриан. — Аннулирую все концерты. Я оплачу все до последнего цента из собственного кармана. Если с ними что-то случится, я этого не переживу».

Нату все же удалось убедить Бриана, что нет нужды аннулировать турне целиком. И все можно уладить мирно, если Джон принесет публичное извинение. Бриан воспользовался телефоном, стоявшим у Ната на рабочем столе, позвонил Джону в Уэйбридж и изложил свой план. Джон вышел из себя при одной мысли, что ему надо извиняться за свои убеждения. После долгих уговоров Джон согласился разъяснить на пресс-конференции, что он имел в виду.

Тем временем Бриан собрал свою пресс-конференцию в Нью-Йорке и обратился к репортерам:

«Заявление, сделанное Джоном Ленноном для лондонской газеты примерно три месяца назад, было процитировано в отрыве от контекста всей статьи, которая фактически являлась комплиментарной в отношении Джона Леннона как личности и была написана исключительно для «Ивнинг Стэндард». Не предполагалось, что отрывки статьи могут в таком виде попасть на страницы американского журнала для подростков».

Вернувшаяся в Лондон Маурин Клив, огорченная тем, что стала причиной стольких несчастий, тоже сделала заявление для прессы: «(Джон), конечно же, не сравнивал «Битлз» с Христом. Он просто заметил, что положение христианства настолько непрочное, что многим людям «Битлз» известны лучше. Он был скорее огорчен этим, чем доволен».

Когда «Битлз» 11 августа прибыли в аэропорт О'Хара, их уже поджидала кучка злобных газетчиков и диск-жокеев. Вечером всех пригласили на пресс-конференцию, организованную в гостинице. Джон взял микрофон. Он был бледен и нервничал.

«Если бы я сказал, что телевидение популярнее Иисуса, все бы обошлось. А поскольку я говорил о другом, я употребил слово «Битлз» как абстрактный пример, не так, как я вижу «Битлз», а как их видят другие люди. Я просто сказал «они», то есть те, кто имеет большее влияние, чем остальные, включая Иисуса. Но я сказал это так, что слова прозвучали неправильно. Я не говорю, что мы лучше или известнее Иисуса как человека или Бога как вещи или что он там такое есть. Я просто сказал то, что сказал, а это было неправильно или было понято неправильно, и вот теперь все закрутилось».

Сбитые с толку репортеры переглянулись. Немедленно последовал вопрос: «Но вы готовы принести извинения?» Джон полагал, что он уже сделал это. Он начал закипать. «Я не против

Бога, Христа или религии. Я не говорил, что мы более знамениты или лучше. Я верю в Бога, но не как во что-то конкретное, не в старика на небесах. Я верю, то, что люди называют Богом, есть в каждом из нас... Я не говорил, что «Битлз» лучше Бога или Иисуса. Я воспользовался понятием «Битлз» для примера, потому что о них мне было легче говорить».

Продолжались настойчивые вопросы. Неужели он будет упорствовать? Бриан бросал ему обеспокоенные взгляды.

«Мне действительно жаль, что я это сказал, — говорил Джон. — Я не имел в виду ничего плохого, я не против религии... Я приношу свои извинения, если это сделает вас счастливее. Правда, я до сих пор так и не понял, что такого натворил. Я попытался вам объяснить, что именно имел в виду, но если вам хочется, чтобы я извинился, если это вас сделает счастливыми, ну, тогда о'кей, я извиняюсь».

Джон переживал кризис: он устал от рекламы, заискивания перед прессой и публикой, от необходимости все время скрывать свои чувства и мысли. Он дал себе клятву, что больше этого не будет. И действительно, через несколько минут на пресс-конференции Джон сделал свое первое политическое заявление о вьетнамской войне и американском участии в ней, оставшееся, к сожалению, незамеченным.

Извинение Джона по поводу «недоразумения с Иисусом» помогло усмирить бушующую стихию, но не сняло полностью напряжения. Американское турне приобрело форму такого же кошмара, что и предшествовавшие ему гастрольные по Японии и в Маниле. 14 августа «Битлз» выступали на муниципальном стадионе в Кливленде под проливным дождем. Бриану пришлось остановить концерт из опасения, что их убьет электротоком. Тускло выглядело выступление группы в Вашингтоне и Торонто. 19 августа битлы выступали в Теннесси. «Мемфис Колизеум» пикетировали ККК. Именно тогда возникла реальная опасность, что в аудитории окажется снайпер, и полицию попросили организовать вооруженную охрану. В середине выступления на сцену бросили шутиху, она взорвалась, и Джордж Харрисон чуть не потерял сознание от страха. Во время концерта в Цинциннати 20 августа Пол так нервничал, что уронил декорации. Двадцать четвертого они вернулись в Нью-Йорк, чтобы выступить на стадионе «Шеа», все билеты были распроданы заранее. Когда им за кулисы принесли в подарок огромный торт, Джон спросил, нет ли внутри голый женщины. Узнав, что там ничего нет, он заявил: «Не надо нам вашего дурацкого торта», — и гордо отвернулся. Двадцать пятого августа «Битлз» выступили в Сизтле, а затем улетели в Сан-Франциско, чтобы дать последний концерт в Кау-Пэлас.

4

«Я должен сделать заявление, — сказал Бриан Нату Вайсу, когда они сидели в гостиной отеля «Беверли-Хиллз». — Завтра вечером в Сан-Франциско «Битлз» дадут свой последний концерт».

«Я тебе не верю», — ответил Нат, полагая, что это одно из фаталистических пророчеств Бриана. В последнее время Бриан только и делал, что изрекал что-нибудь драматическое. Он так и не оправился после крапивницы, и его состояние усугубилось

привычным употреблением транквилизаторов. Его любовные связи стали более открытыми, но и более опасными. Ночной портье неоднократно останавливал неопытных визитеров, направлявшихся в номер Бриана. Обычно Бриан сам спускался в фойе, чтобы уладить дело. «Этот человек — мой дорогой гость», — говорил он, провожая молодого рабочего со стройки к лифту. В конце визита отель выставлял ему счета за следы, оставленные башмаками рабочего на ковре у дивана в гостиной.

«Но это правда, они послезавтра перестают гастролировать», — настойчиво повторил Бриан, наливая Нату шотландское виски. — Они сказали, что больше не хотят этим заниматься. Всегда найдется что-нибудь, чтобы меня утешить. Дизз Джиллеспай мне звонил. Он здесь, в Лос-Анджелесе».

Сначала Нат не поверил, потом рассердился. «Бриан, ты не должен иметь ничего общего с этим парнем...»

«Ну, ну, — перебил Бриан, — он проделал такой путь, чтобы разыскать меня. Он сказал, что приехал потому, что любит меня».

Они встретились с Диззом в доме на Беверли-Хиллз. Для Бриана это был один из коротких идиллических моментов. Впервые они были вдвоем, не было ни слуг, ни прессы, ни битлов. Позднее Бриан с Диззом отправились в местный супермаркет, чтобы купить что-нибудь к обеду.

За обедом он вновь сказал: «Я должен сделать заявление. Завтра вечером «Битлз» дают последний концерт, и я хочу, чтобы вы оба туда пошли». Нат все еще не верил ему, но согласился присоединиться к Бриану и Диззу в Сан-Франциско.

На следующее утро, проведя ночь в арендованном доме, Дизз вернулся к Бриану за забытым чемоданом. Когда Бриан с Натом пришли домой, Дизза уже не было. Не было и кейсов Бриана и Ната. У Ната в кейсе находились важные деловые документы, и их пропажа сулила серьезные неприятности, а в кейсе Бриана был большой запас неизвестных таблеток, с подложины любовных записок с именами, полироидные фотографии его молодых друзей и, наконец, 20 000 долларов в коричневом пакете, полученных от последнего концерта и предназначенных для выплаты премий. Любое из этих разоблачений сделало бы «скандал Джона с Иисусом» веселым праздником Пасхи.

Нат уже много раз наблюдал, как у Бриана меняется настроение, но никогда ему не доводилось видеть, чтобы он так страшно переживал. Ему была ненавистна мысль, что его снова обвели вокруг пальца и втянули в скандал, грозящий разоблачениями.

Нат Вайс настаивал на необходимости известить полицию, но Бриан и слышать ничего не хотел. Он не желал рисковать, опасаясь скандала. Лучше пусть все останется у Дизза — бумаги, деньги, таблетки, чем допустить возможность, чтобы в этом копались газетчики. Бриан уже представлял себе заголовки. На следующее утро он вместе с «Битлз» улетел в Лондон.

Не успел Бриан подъехать к своему дому, как ему позвонил из Нью-Йорка Нат Вайс. Нат получил письмо от Дизза Джиллеспая, требовавшего еще 10 000 долларов наличными в обмен на фотографии и письма Бриана. «Заплати ему, — упрямо повторял

Бриан.— Просто отдай эти чертовы деньги». Ничего не сказав Бриану, Нат нанял частного детектива в Лос-Анджелесе и по телефону договорился с Диззом о встрече. Дизз Джиллеспай не пришел, а прислал своего молодого сообщника, которого частный детектив и передал полиции. Сообщник «привел» их к кейсу в обмен на обещание не взимать штраф. В кейсе все еще лежали 12 000 долларов, но уже не было ни таблеток, ни компрометирующих писем и фотографий. Дизз забрал 8000 и скрылся.

Теперь Бриан жил под постоянной угрозой, что когда-нибудь Дизз обнародует письма и фотографии в газете. Он был настолько подавлен, что его личный врач Норман Кауан попросил меня под любым предлогом пожить несколько дней на Чэпел-стрит.

Однажды вечером после обеда Бриан ушел к себе в комнату. Поскольку это было для него не характерно, я через полчаса заглянул к нему проверить, все ли в порядке. Мне показалось, что он спит, и я попытался разбудить его. Но Бриан не спал, он был без сознания. Я похлопал его по щекам, а когда это не помогло, позвонил доктору Кауану. Доктор посоветовал вызвать «скорую помощь» и отвезти Бриана в ближайшую больницу Сент-Джордж, чтобы ему сделали промывание желудка.

Я все тщательно обдумал и отказался. По опыту с «Битлз» я знал, что больницы и полицейские участки имеют штат платных осведомителей, которые информируют газетчиков, если там появляются знаменитости, и попросил доктора Кауана приехать.

Мы с доктором и шофером вынесли Бриана через главный вход и аккуратно уложили на заднее сиденье серебристого «бентли». А я в машине д-ра последовал за ними. Шофер гнал «бентли» на бешеной скорости всю дорогу до Ричмонда, в то время как д-р Кауан делал Бриану искусственное дыхание. В Ричмонде Бриану промыли желудок и уложили в постель.

«Бриан, что с тобой? Зачем ты это сделал? У тебя же столько всего, ради чего стоит жить», — говорил я ему.

«Это просто глупый несчастный случай, — слабо ответил Бриан. — Я принял на таблетку больше. Я не хотел этого».

Но, вернувшись в тот вечер на Чэпел-стрит, я узнал, что это не было несчастным случаем. На ночном столике Бриана рядом с пустым пузырьком из-под таблеток лежала предсмертная записка, которую я раньше не заметил. Там были такие слова: «Это все для меня чересчур, я не могу больше этого выносить». Далее шло короткое завещание, по которому он оставлял свой дом, дело и деньги матери и Клайву. Мне он тоже оставил небольшую сумму.

На следующий день я принес письмо Бриану в больницу и потребовал объяснений. Он был благодарен, что я никому о нем не сказал, и забрал письмо, обещая сжечь его.

Когда Бриана выписали из больницы, было решено, что он некоторое время отдохнет в специальной клинике в Патни.

Рассказом о последних гастролях «Битлз» мы заканчиваем публикацию глав из романа «Любовь, которую ты отдаешь».

Отныне каждый из музыкантов пойдет своей дорогой...

Перевод с английского ТАТЬЯНЫ ШАШКОВОЙ.

(Публикация подготовлена по коллекционным материалам московского т/о «Диалог».)

Привет
с Большого
Бродува"

Про группу «Дюна» ходит множество слухов, но то, что она очень популярна и дает до двадцати концертов в месяц — факт проверенный. Кроме того, ребята собираются выпустить уже четвертую пластинку под названием «Утренний синдром».

Виктор Рыбин — основатель коллектива — совмещает несколько должностей: он — продюсер и спонсор, вокалист и барабанщик, композитор и текстовик. Иногда в шутку говорит: «Группа «Дюна» — это я!»

— Виктор, как называется все то, что вы вытворяете на сцене?

— Я бы назвал это «дворовый фолк» или «бич-шок-шоу». Когда спрашивают, какого стиля мы придерживаемся в музыке, обычно отвечаю: «Если то, что играет «Аквариум» и «ДДТ» называют роком, то мы играем «джаз-рок с полу-блатным мотивом».

— Значит ли это, что вы и в жизни такие же, как на сцене?

— Именно такие: «дурни», «зайчики 170-килограммовые». Конечно, на сцене все несколько преувеличено, но не намного.

— У вас своеобразный сценический имидж. Насколько мне известно, почти каждой группе создать его помогает какой-нибудь известный модельер. Видимо, и ваши костюмы, если не «от Кардена»...

— Скорее «от меня». Я сам «нашел» клетчатый пиджак «а-ля выпускной вечер 78-го года», брюки «прощай, Одесса», детскую панамку и значки с темой «достижений народного хозяйства СССР». Как сейчас помню: вечер в Долгопрудном, стол доминошный во дворе, гармонь наигрывает, а на скамеечке сосед сидит, в клетчатом пиджаке, при медалях, в белой панамке в цветочек, и рассуждает о «достижениях народного хозяйства».

— Когда-то Долгопрудный называли городом дирижаблей...

— Да, их там строили. Моя бабушка была шеф-поваром у конструктора Папанина. До 1960 года в Долгопрудном стояли бараки, поэтому барачный уклад жизни сохранился до сих пор. Этакая большая деревня, где все про всех известно. Если у кого-то в доме свадьба, то гуляет весь дом. Не то, что в Москве — даже соседи не здороваются друг с другом. Поэтому ни я, ни наши ребята в Москве жить не хотим.

— Вы автор всех песен, исполняемых «Дюной». На первый взгляд кажется, что они очень просты...

— Да. И сочиняются просто. Сначала в голову приходит какая-нибудь бессмысленная, но смешная фраза, например: «Ох, что ж я маленьким не сдох!» Вся песня, как на клею, держится на этой фразе. Начинаем прикидывать — «почему не сдох?». Нечего есть? Или попал в аварию? А может, от несчастной любви? Конечно! Любовь без взаимности. Вот текст и готов.

Мои песни рассчитаны на любую аудиторию — от детсадовцев до профессоров. Главное — чтобы люди, приходящие на наш концерт, обладали чувством юмора. И даже те, кто видят и слышат «Дюну» впервые, воспринимают нас с недоверием только вначале, но уже со второй песни начинают понимать, куда они попали.

Открывает наше шоу всегда Саша Иванов — этаким 170-килограммовый конференсье в элегантно-костюме и кокетливом галстуке. С серьезным выражением лица он начинает объяснять публике: «Концерт мы задержали, так как решали, кому вести программу. Как вы понимаете, конференсье должен быть умным, красивым и строй-

ным». Зрители, глядя на Сашу, начинают смеяться. И тогда он продолжает: «Зря смеетесь, вы еще не видели остальных участников группы!» А затем «поставленным» шепелявым голосом начинает декламировать частушки типа:

*Из закрытых магазинов
Все везут на лимузинах.
Раз зашел туда и я,
Мне не дали ничего.*

Затем появляемся мы и начинаем свой «лечебно-оздоровительный сеанс «Привет с Большого Бодуна». Люди веселятся. И к концу вечера сцена полна танцующих, даже бабушки не стесняются выходить на площадку.

— Такие песни может сочинять только большой фантазер...

— Да нет. По натуре я не фантазер, а вот идея имеется. Хочу учредить в России День толстяка, чтобы в этот день толстым людям уступали место в городском транспорте и бесплатно кормили. Мы даже песню записали для толстяков:

*Толку с тощего не будет,
Как он ни куражится.
А вот толстый раз полюбит
Мало не покажется.*

— Кто-нибудь из членов вашей группы имеет музыкальное образование?

— «Дюна» — симбиоз следующих специальностей: телефонист, повар, шофер, массовик-затейник и военный моряк. Моряк — я. Но в году 76-м увлекся музыкой. Тогда мы с другом Сергеем Катиным сочинили свой первый хит. Послушать его приезжали даже из Москвы. Песня «Бар пивной», конечно же, была дурацкая:

*Бар пивной, бар «Ладья»,
Не заржавеет кружка моя.
Там муха с мухой
ведет хоровод,
Там сильный духом
пиво пьет...*

Припев был такой:

*Эй-ей-ей,
чао, бамбино, сорри!*

Лучше мы ничего не могли придумать. Сочиняли песни про Брежневца, про покойников. Темы затрагивали самые неприкосновенные. За это мать Сергея — она работала заведующей отделом культуры в горкоме — чуть с работы не уволили. Репетировали... на губах. У нас не было ни аппаратуры, ни помещения. По вечерам мы бегали на танцплощадку и просили у музыкантов инструменты, чтобы поиграть. Позже Сергей Катин купил бас-гитару. Мы над ней так тряслись, будто это была скрипка Страдивари. Потом я поступил в Северо-Двинское военно-морское училище, а Сергей — в автодорожное. На некоторое время наши пути разошлись. А когда вновь встретились, Сергей уже имел опыт работы в коллективах «Здравствуй, песня!», «Рапсодия», «Альфа», «Арсенал». Мы объединились, чтобы играть рок-музыку. Записали песню «Лимон» в рок-н-рольном варианте. Попробовали петь, нам не понравилось. Оставили фонограммы на студии и разъехались по домам. Через некоторое время по телевизору выступала Лариса Долина. И неожиданно для меня исполнила три наших песни — «Лимон», «Фирму» и «Деревню». Как к ней попали наши фонограммы, до сих пор не знаю! Но тогда пришла идея: слова песни «Лимон» не спеть, а прочитать, как частушки. На следующий день мы записали песню, сами сняли клип. И 31 декабря 1989 года клип впервые показал Андрей Комаров в передаче «Музыкальный лифт». Этот день мы и считаем днем рождения «Дюны».

**Беседу вел
ВЛАДИМИР ПОЛУПАНОВ.**

АНДРЕЙ ЕФИМОВ

КАЗНЬ

ГРУЗИНОВЫХ

Рисунки ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

середине 1800 года созрел уже замысел свержения императора Павла и злоумышленники обсуждали детали черного дела.

Во главе заговора стоял умнейший человек своего времени граф Пален. Правую его рукою были граф Панин и действительный тайный советник граф Самойлов. Все три графа пользовались исключительным вниманием императора, но особенно граф Пален, который был в то время петербургским военным губернатором и ежедневно по утрам являлся с докладом к Павлу.

Для осуществления намерения прежде всего надо было устранить от императора самых преданных и верных ему людей. Несмотря на все легенды об его ужасном характере, самодурстве и нетерпимости, Павел умел привлекать к себе сердца. Возле императора были: верный раб Кутайсов, преданный Аракчеев и, наконец, полковник гвардии Грузинов.

Этого Грузинова мало кто знает, история сохранила о нем очень смутные сведения, вероятно, потому, что дело Грузинова и его страшная смерть являются самой позорной кровавой страницей той поры нашей истории.

Грузинов, родом из донских казаков, стал приближенным императора Павла еще в Гатчине. Выслужившись среди гатчинских солдат из строевых рядовых, он приобрел исключительное внимание сперва наследника, а потом императора Павла, который произвел его в звание полковника гвардии и приблизил к себе, как самого верного слугу и друга. Евграф Осипович Грузинов стал одним из самых доверенных при нем лиц. Павел любил с ним болтать, доверял самые сокровенные свои мысли и планы, возил его с собою всюду, поручал ему самые секретные дела и, наконец, не мог спать без его общества. Верный Грузинов ложился в его спальне на жесткой походной постели, и иногда далеко за полночь Павел поверял ему свои мысли.

Евграф Осипович был красивый статный мужчина лет тридцати, лицо его было открыто, добродушно. Все, знавшие его, отмечали необыкновенную доброту его сердца, его мягкую отзывчивость и особенное умение обращаться с императором, причем он быстрее, чем кто другой, успокаивал Павла в моменты его гневных вспышек. Понятно, такой человек, бесконечно преданный государю, был невозможен для заговорщиков в деле составления их плана; никакой план не мог быть осуществлен, пока Грузинов находился так близко от государя. Аракчеев почти постоянно пребывал в Гатчине, Кутайсов, будучи честолюбцем, более занимался своими делами; что же касается Грузинова, то это был верный и преданный раб государя; почти таким же являлся и брат Петр Осипович Грузинов, в ту пору в чине простого капитана. И эти-то люди и стояли поперек дороги злоумышленникам.

Андрей Ефимов — псевдоним популярного исторического писателя конца прошлого — начала нынешнего века Андрея Ефимовича Зарина. Публикуемые здесь рассказы «Казнь Грузиновых» и «Клейменная графиня» найдены в давней журнальной периодике, практически недоступной современному читателю, но они представляют, как нам кажется, определенный интерес и сегодня.

С того момента, как заговор созрел, участь их была решена. Евграфа Осиповича Грузинова надо было отдалить от государя, лишить его доверия, уничтожить, смести с дороги, — и травля началась. Ни одного доклада графа Палена не проходило без того, чтобы он не намекнул на Грузинова и его подозрительную верность. При каждом удобном случае граф Панин и граф Самойлов умели тонко намекнуть императору об опасности держать возле себя честолюбивого Грузинова, но Павел не слушал этих наговоров и пропускал мимо ушей всякие намеки и наветы: иногда даже он, смеясь, говорил Грузинову:

— Смотри, сударь, на тебя мой Панин что-то зубы точит.

Добродушный Грузинов, ничего не понимая, широко улыбался и отвечал:

— Пусть точит, укусить не укусит.

Но когда несколько человек упорно стремятся к одной цели и против них нет никакого противодействия, то в результате цель будет всегда достигнута; особенно это было достижимо в отношении императора Павла, который к тому времени стал уже болезненно подозрителен.

Пален, Панин, Самойлов не дремали, и каждый раз, при каждом случае они говорили Павлу об опасности держать возле себя Грузинова. Однажды Пален сказал:

— Ваше величество, если бы мы сделали испытание, то сомнения у вас не осталось бы в том, что я, ваш верный слуга, предохраняю вас от серьезной опасности.

— Какое испытание? — спросил Павел.

— Поплите Грузинова на родину, предложите ему свободу действий, и вы увидите все его замыслы.

Эти слова запали в душу императора. В первый же вечер, оставшись наедине с Грузиновым, он сказал:

— А посмотрю я на тебя, сударь, устаешь ты все время со мною; поехал бы да отдохнул.

— Мне некуда ехать, ваше величество, и я не чувствую никакого утомления подле вашей особы, — ответил просто Грузинов.

— Ну, как некуда? А к себе на родину, сударь. Разве у вас там никого не осталось?

Император Павел, когда был весел и добродушен, часто менял «ты» на добродушное «вы».

— Никого, государь. Есть только один отец, разбитый параличом и лишенный возможности и слышать, и понимать меня. Подле него находятся верные слуги, а я для него не буду радостью.

Павел нахмурился. На следующий вечер он снова возобновил свое предложение Грузинову побывать на родине, и Грузинов снова отклонил его.

— Может, вы, сударь, стесняетесь средствами? — сказал Павел. — Так я вам буду в помощь.

Грузинов вспыхнул:

— Государь, единственное мое желание — остаться подле вас.

Павел уже начинал раздражаться, а в это время и Пален, и Панин, и Самойлов продолжали говорить ему:

— Видите, государь, он уклоняется и чувствует опасность быть подсмотренным или подслушанным.

— Так! Ну, тогда он уедет,— решил Павел.

И не прошло недели, как он твердо сказал Грузинову:

— Сударь, я хочу, чтобы ты ехал, я тебя ассюрирую на дорогу, и поезжай к себе на Дон. Вернешься оттуда и снова станешь со мною вместе проходить службу родине. Такова моя воля.

Грузинову оставалось только поклониться и сказать:

— Слушаю, государь, ваша воля для меня закон.

В конце августа 1800 года Грузинов поехал в свое родовое имение, на Дон. Этого только и надо было злоумышленникам. Едва Грузинов уехал, как началась черная работа заговорщиков. Они быстро сплели ряд небывлиц, возмутительных по своему содержанию и еще более по своей нелепости; они сумели подкупить и склонить дворовых людей Грузинова к подаче ложных показаний под присягою; они сумели выдумать самые невероятные, гнусные наветы на верного слугу императора. Для подозрительного Павла легко было составить картину черной измены, и Пален сумел дождаться, когда император был в особенно удрученном состоянии духа.

В этот день все было неудачно. Император, суеверный от рождения, проснулся в дурном настроении, увидев ночью дурной сон; вахт-парад не удался до такой степени, что он, раздраженный, закричал на наследника:

— Вам, сударь, свиньями командовать, а не солдат водить!

142 И после этого, пройдя в свои апартаменты, он мрачно сидел в своем кресле. Пален выбрал эту минуту и заговорил о Грузинове. Император восторженно: что-то невероятное, нелепое услышал он о своем любимце. Охваченный честолюбивыми планами, его верный слуга, его любимый Евграф Грузинов будто бы замышляет поднять весь Дон и, как Стенька Разин, пройти по всей России на Москву, а потом на Петербург; его друг и наперстник Грузинов вдруг с насмешкой прогоняет крестьян, подаренных ему императором в знак особенной милости; его друг и наперстник Грузинов издевается над его царским величеством перед своими дворовыми и называет его (ужасно вымолвить!) «этот курносый».

Император вспыхнул, лицо его перекошилось от гнева, он вскочил со своего кресла и тотчас же визгливым резким голосом отдал приказание немедленно арестовать Грузинова, заковать в кандалы и предать суду особой комиссии.

Пален немедленно исполнил его повеление и, отдавая приказ, распорядился арестовать и брата Грузинова, Петра Осиповича. Тотчас же полетели курьеры в догонку ничего не подозревавшему Евграфу Осиповичу.

Он арестован был на дороге, грубо схвачен, закован в кандалы и, изумленный, потрясенный, оскорбленный, доставлен в Старочеркасск под крепкую стражей.

На другой же день следом за курьерами скакали в Старочеркасск назначенные императором для суда и следствия два генерала Репин и Кожин, оба ставленники графа Палена и графа Панина.

Прошло немного времени, и 8 сентября комиссия из так называемых лучших донских людей под председательством генералов Репина и Кожина открыла свое страшное заседание, и после первого же заседания к делу были привлечены есаул Дементьев, хорунжий Чеботарев и сотник Афанасьев. Это все были якобы заговорщики на жизнь императора. Все обвинение представляло собою сплошную нелепость, а следственные судьи с серьезным видом пытали и допрашивали братьев Грузиновых и захваченных заодно близких и преданных им людей.

— Говори, Евграф Осипович Грузинов, хвалился ли ты, что возьмешь Константинополь, что населишь его людьми всех вер и исповеданий и учредишь там свой сенат и управление?

Что было ответить на это Грузинову? Он усмехнулся и только сказал:

— Я не буду говорить перед вами в кандалах, снимите с меня цепи и тогда я буду отвечать.

Следственные судьи приписали это великой продерзости законченного преступника.

— А скажи, Евграф Осипович Грузинов, собирался ли ты пройти всю Россию, да не так, как Стенька Разин или Емельян Пугачев, а так, что и Москва затрясется?

И опять отвечал Грузинов, что такую глупость и говорить-то совестно, и если бы государь услышал такие нелепые слова, то не поверил бы этим клеветническим наветам.

— А скажи, Евграф Осипович Грузинов, разве ты не поносил государя, разве ты не отказался от дареных тебе крестьян, сказав, что они тебе не нужны, и не прогнал ты их взапой, когда они пришли к тебе из Минской губернии?

И опять Грузинов ничем не мог ответить на это обвинение, кроме презрительной улыбки. Второй и третий раз его спрашивали о том же, с пристрастием, и точно так же он презрительно отвечал, что нет и слов, чтобы ответить на такие глупые наветы.

Вероятно, и сами судьи сознавали всю нелепость таких обвинений, но продолжали свое следствие, и все ответы отписывали в Петербург графу Палену. Каждый день они допрашивали самого Евграфа Грузинова, брата его Петра, мучили есаула Дементьева, хорунжего Чеботарева, сотника Афанасьева и под тяжкими пытками, под плетью и кнутами продолжали настаивать на нелепых обвинениях Грузинова, но ответа никакого не получали, кроме совершенного незнания. Ни одно из обвинений не нашло подтверждения в показаниях несчастных людей. Тем не менее граф Пален умел представить императору доклады следствия в таком виде, что Павел все более и более погружался в мрачные мысли.

Наконец месяц спустя, 20 октября 1800 года, Репин и Кожин с торжественным видом объявили следствие законченным и постановили решение суда о предании всех пятерых смертной казни, причем Грузинова присудили к битью плетью нещадно, с лишением всех чинов, орденов и звания, а остальных четырех — к казни через отсечение головы. Спустя два дня после объявления им смертного приговора, фельдъегерь прискакал в Старочеркасск и привез именную бумагу императора, в кото-

рой объявлялось всем обвиняемым Высочайшее помилование, но Репин и Кожин имели тайный приказ от графа Палена и, нисколько не стесняясь, спрятали эту бумагу, поспешив назначить исполнение приговора на 29 октября.

Хотя следствие и велось под покровом глубочайшей тайны, все же среди жителей Старочеркаска и в окрестностях успел распространиться слух о невинно осужденных. Братья Грузиновы пользовались на месте большой популярностью как добрые, честные помещики. Волнение понемногу распространялось по всему Старочеркасску. Толпы народа встречали несчастных колодников и громкими голосами выражали им свое сочувствие. Перед домом, где велось тайное следствие, постоянно стояла толпа, и Репин с Кожиным, выходя из дома, нередко встречали озлобленные лица и сверкающие угрозою взоры. Они были не на шутку смущены и стали торопиться со страшною казнью.

В ночь с 28 на 29 октября в Старочеркасск были стянуты местные войска, которые окружили городскую площадь густою цепью. По углам площади, на которой замышлялось кровавое дело, были поставлены четыре пушки, направленные в стороны толпящихся жителей; все грозило ужасом. День был холодный, пасмурный. Следственная комиссия приехала рано утром, еще до света; на площади уже высились эшафот с кобылою и плахою. Палачи уже были на местах; вскоре, под усиленным конвоем, привели пятерых осужденных на смертную казнь.

Впереди всех закованных в кандалы, с открытым лицом, с гордо поднятой головою, шел Евграф Осипович Грузинов; за ним шли его брат и несчастные их якобы сообщники: Дементьев, Чеботарев и Афанасьев в длинных рубахах и с колпаками на головах. Этих четверых выстроили перед страшным эшафотом, а на эшафот ввели Евграфа Осиповича, и помощники палачей быстро расковали его.

Прежде всего было совершено лишение его звания и достоинств. Палач грубо сорвал с него позументы и пуговицы и сломал над головою его шпагу. Затем его заклемили и после этих мучений положили на кобылу, привязав крепкими сыромятными ремнями.

Едва солнце поднялось из-за горизонта, как раздался первый удар плети по обнаженной спине Грузинова.

— Господи, помилуй, — громко произнес он, и в тот же момент раздался второй оглушающий удар.

— Господи, помилуй, — громко повторил Грузинов и повторял это после каждого удара.

Наказание плетью принадлежало в то время к одним из самых тяжелых наказаний. Плеть представляла четырехколенный ременный кнут, причем четвертое колено было сделано из узкого крепкого сыромятного ремня с загнутым острием кончиком. Палач зажимал четыре колена в руку, отходил на три шага, со свистом развертывал плеть и затем наскоком наносил страшный удар по телу, причем сыромятный ремень ложился на спину и, быстро отдернутый, вырывал целую полосу кожи и мяса.

Удары сыпались на Грузинова один за другим, и после каждого удара раздавался громкий голос несчастного:

— Господи, помилуй!

Солнце поднялось и стало немилосердно печь, а удары сыпались на спину Грузинова, и среди онемевшей толпы в безмолвной тишине слышалось, как хлопает ремень по окровавленному мясу и громко раздается внятный голос Грузинова:

— Господи, помилуй!

Первый палач, утомленный, сменился вторым. Второй палач продолжал, в свою очередь, страшную работу и, наконец, когда обессилел, его заменил третий палач.

Во время этого ужасного зрелища с Петром Грузиновым два раза случился обморок; каждый раз приносили ведро воды и обливали его, после чего ставили на ноги и снова заставляли смотреть на мучительную казнь его брата.

Измучился, измотал руки и третий палач, бросил плеть и отошел в сторону, шатаясь от усталости.

Было уже два часа пополудни; значит, казнь продолжалась восемь часов. Грузинов еще невнятно бормотал свои отходные слова: «Господи, помилуй». На кобыле лежал не человек, а обезформленная, окровавленная гора мяса. Репин и Кожин торопливо вызвали четвертого палача, но его не оказалось, а первый отказался продолжать свою работу, говоря, что у него руки уже *намотаны*. И тогда прибегли к последнему средству — Грузинову дали стакан холодной ключевой воды. Он выпил и тут же умер от разрыва сердца.

Его сняли.

На эшафот ввели друг за другом остальных четырех и отрубили им головы.

И когда была совершена эта ужасная казнь, Репин поднялся на эшафот и громким голосом прочел присланный ему указ о Высочайшем помиловании осужденных.

Толпа ахнула, все застыли в немом ужасе. Не было человека, который не понял бы, что совершено страшное кровавое преступление, помимо воли государя.

Репин и Кожин сошли с эшафота, быстро собрались в дорогу и направились в Петербург. Перегоняя их, поскакал фельдъегерь сообщить графу Палену об исполнении его приказаний.

Народ медленно расходился. Трупы палачи положили в гробы и отвезли на местное кладбище, где похоронили всех в одной яме.

Когда до императора дошла весть о страшной казни, гневу его не было предела; он немедленно велел арестовать Репина и Кожина, лишить их чинов и орденов и предать суду. Они были схвачены на дороге, привезены в Петербург и заключены в Петропавловскую крепость.

Пален притворился возмущенным и каждый день докладывал императору о следствии, которого в действительности не вел.

Репин и Кожин пользовались в Петропавловской крепости всеми удобствами не заключенных, а временно находящихся под домашним арестом.

Следствие тянулось четыре месяца.

Четыре месяца миновало, и когда на престол взошел Александр I, и Репин, и Кожин были немедленно выпущены и им обоим были возвращены чины, ордена и прежний почет.

БРАУН
РАФ
КЛЕЙМЕНТ

Странная и загадочная эта история случилась в пору религиозных исканий, когда в блистательной столице империи появилось множество сект и толков, когда первые салонные дамы и виднейшие мужи света принимали участие в *радениях*.

К числу основательниц одной из сект принадлежала и баронесса Крюднер, у которой дважды в месяц представители высшего общества собирались на раут, где хозяйка умно и искусно вербовала новых последователей и последовательниц. Мистические же собрания происходили у нее ежедневно, но на них присутствовали только посвященные.

В числе приглашенных на раут был между прочими и грек Карузо, красивый мужчина лет тридцати пяти, с энергическим лицом. В петербургском свете он появился внезапно и сумел занять даже положение, хотя никто не мог ничего сказать ни об его происхождении, ни об источниках средств к жизни, которую он вел довольно широко. К г-же Крюднер привез его один из его адептов, молодой граф Зарубин, который сдружился с Карузо и посвятил его во все закулисные тайны общества.

Гости входили один за другим. Граф Зарубин называл их всех по именам и про каждого весело рассказывал какой-либо анекдот или сплетню.

В гостиную быстрой походкой вошла пожилая женщина с умным, красивым лицом и ярко горящими глазами. Она не обратила бы на себя особого внимания, если бы не ее эксцентричный костюм, состоящий из серой юбки и какой-то мужского покроя куртки, что сразу выделяло ее из роскошно одетых дам. Гладко причесанные короткие волосы были просто охвачены золотым обручем, в то время как у других дам были прически, достигающие чуть не аршина вышины.

Хозяйка поспешила навстречу гостье, и та тотчас заговорила по-французски с таким оживлением и так быстро, как только могут говорить парижанки.

— Кто это? — быстро спросил Карузо.

Граф Зарубин улыбнулся.

— Интересная личность. Графиня Гаше, как все ее знают, а в действительности... Мне говорил про нее дядя Куракин...

— Кто же она?

Граф Зарубин нагнулся к Карузо и стал рассказывать ему вполголоса. Лицо Карузо побледнело, потом вспыхнуло, потом загорелось.

— Изумительно! — воскликнул он. — И вы уверены, что это правда?

Зарубин пожал плечами.

— Дядюшка — дипломат, он никогда не врет без политических целей.

— Представьте меня ей! Пожалуйста!

— Сделайте одолжение.

И, улучив минуту, граф Зарубин представил Карузо графине Гаше...

Известная англичанка мадам Бирг оживленно беседовала

с императрицею Елизаветой Алексеевной, когда в комнату вошел Александр I и тоже принял участие в беседе.

Бирг рассказывала о своих впечатлениях в Петербурге и сказала:

— Я особенно обрадовалась и немножко удивилась, встретив здесь графиню Гаше.

— Гаше, графиня? Кто такая? — спросил Александр. — При нашем дворе ее нет?

— Вероятно, нет. Она живет довольно замкнуто и очень эксцентрична. Она при мне вышла замуж за графа и скоро овдовела. Сама она из Парижа... Это не кто иной, как...

Бирг назвала ее имя, и лицо Александра вспыхнуло. Он быстро спросил:

— Вы уверены, что это она?

— Государь, я познакомилась с нею, едва она появилась в Лондоне.

— Она здесь! — воскликнул государь. — А сколько раз меня спрашивали о ней, и я всегда отвечал, что ее в России нет.

Бирг улыбнулась.

— Наполеон Бонапарте желал бы до нее добраться для своей Жозефины.

— Вы должны привезти ее ко мне. Завтра же. Непременно, — сказал Александр вставая.

— Слушаю, государь, — ответила Бирг.

Прямо из Зимнего дворца она поехала на далекую Кирочную улицу, проехала мимо сада Потемкина-Таврического, выехала на Садовую улицу и там остановилась подле маленького, чистенького деревянного домика, окруженного палисадником.

Выйдя из экипажа, она поднялась на крылечко, позвонила и вошла в маленькую переднюю, где ее встретила высокая, красивая француженка с серьезным лицом.

— Мадам Ланге, — сказала Бирг, — мне надо видеть графиню.

— Вы для нас всегда дорогая гостья, — ответила француженка и ввела гостью в изящно убранную гостиную, где стояли клавесины и арфа.

Из внутренних комнат к англичанке быстрой походкой вышла графиня Гаше и пылко поцеловала Бирг.

— Ах, душа моя, как я рада! Мне счастье на хорошие встречи. Вчера у Крюднер я познакомилась с очень интересным господином Карузо. После Калиостро я не встречала таких людей. Вы тоже не оставляете меня своей дружбой?

— В настоящую минуту, — сказала Бирг, — я приехала по поручению государя. Он услышал, что вы здесь, и очень желает вас видеть. Я обещала ему привезти вас завтра во дворец.

Графиня Гаше побледнела, глаза ее выразили ужас, она всплеснула руками и заметалась по комнате.

— О мой Бог! — вскричала она с отчаянием. — Какой ужас! Теперь я пропала. Он сделает меня нищей. Он отдаст меня Наполеону! Эмилия, Эмилия, собирай вещи! Мы бежим!

В комнату вбежала Ланге.

— Что случилось?

— Мы бежим. Царь узнал меня и хочет меня захватить!

— Какое безумие! — вскакивая, закричала Бирг. — Государь — джентльмен. Чтобы арестовать вас, он не решился бы просить меня быть предательницей. Вы не должны безумствовать.

— Что же, что же мне делать? — спросила графиня.

— Завтра ехать со мною во дворец, — ответила Бирг, — но никак не бежать. Государь настолько могуществен, что тогда вы, наверное, будете схвачены.

— Но я английская подданная...

— Тем более вы должны быть покойны.

Графиня обессилела. Она опустилась в кресло и покорно сказала:

— Хорошо, я поеду!..

Бирг уехала. Графиня страшно волновалась, но к вечеру ушла в свою комнату.

Ланге слышала, как она отперла свой ларец, и догадалась, что графиня рассматривает свои драгоценности, которых никогда не надевала на себя, но пересматривала очень часто.

Эта Ланге, бедная швейцарка французского кантона, нашла приют у Гаши и стала ее другом и компаньонкой.

Раза два графиня призывала и ее посмотреть свои драгоценности, и тогда внимание Ланге останавливали пятнадцать бриллиантов, таких крупных и ярких, каких она не видела ни в витринах магазинов, ни среди украшений английских леди и русских аристократок.

Графиня бледнела, беря в руки драгоценности и любясь игрой их граней, причем глаза ее загорались жадными огнями.

— О, они очень дорого стоят! — говорила графиня. — Мне дорого. Смотри, Эмилия, как они сверкают! Зажги свечи. Теперь смотри!

Полюбовавшись камнями, она со вздохом опускала их в ларец, запирала его ключом, который висел у нее на шейной цепочке под платьем, и говорила:

— Эту шкатулку надо беречь, как глаз. Когда я умру, я оставлю тебе письмо, кому передать ее.

Нынче она дольше обыкновенного любовалась своими камнями, поздно легла спать, и Эмилия Ланге из соседней комнаты, в которой спала, слышала, как она бредила в тревожном сне.

Бред ее всегда казался компаньонке странным и страшным.

Иногда она тихо смеялась и говорила:

— Удалось... Моё... Какие глупые люди...

Иногда вкрадчиво говорила с кем-то, иногда вскрикивала с ужасом:

— Прочь!.. Вы не смеете! — и тотчас просыпалась, зовя к себе Эмилию.

— Зажги огонь и посиди со мною. Мне снится страшный сон. Почитай что-нибудь...

Теперь она беспокойно и тревожно что-то рассказывала, но так быстро и невнятно, что молодая Ланге ничего не могла разобрать и заснула.

Бирг приехала за своей подругой рано утром.

Графиня Гаши уже оправилась, но всю дорогу молчала.

Они приехали во дворец, а адъютант, вероятно, уже предупрежденный, тотчас провел графиню Гаше в кабинет государя.

Бирг прождала ее более часа и наконец увидела улыбающуюся, радостной и оживленной.

Едва они сели в карету, как Гаше бросилась на шею англичанке и быстро заговорила:

— О, какой это государь! Сколько в нем благородства, какая душа, какое величие! Он совсем, совсем успокоил меня! Он обещал мне тайную защиту. О, я теперь спокойна! Но он прав. Я должна уехать из столицы. Здесь рыщут сыщики Наполеона. Он сказал, что, если они меня откроют, он не будет в состоянии защитить меня. Я уеду! — И до самого дома Гаше говорила без умолку, превознося безмерно государя.

Вечером у Гаше был Карузо. За несколько дней он успел так завладеть ее доверием, что она относилась к нему как к другу, и, едва он пришел, как она рассказала ему о свидании с государем и о необходимости уехать.

— Почему же уехать? — спросил он. — Вас все так любят. Теперь сам государь лично заинтересовался вами...

— О, мой друг, — ответила графиня, — не спрашивайте меня! Я не могу никому открыть эту тайну, но за мною следят все дворы и... если бы меня нашли... — Она вздрогнула, но через мгновение оправилась. — Но меня будет охранять теперь сам государь, и я не знаю только, куда мне уехать.

— Куда? — воскликнул Карузо, и его глаза сверкнули. — Да в Крым! Там, в Севастополе, на берегу бухты у меня прелестный домик. Я с радостью отдам его вам, тем более что и сам скоро оставляю Петербург.

Графиня Гаше радостно захлопала в ладоши.

— Ах, как это хорошо! Милый Карузо, моя благодарность вам не знает границ! Эмилия, мы уезжаем в Крым! Соберемся завтра и послезавтра едем!

— Если вы мне позволите, — сказал Карузо, — я озабочусь экипажем для вас и всем необходимым для путешествия.

— О, как благодарить вас! — снова воскликнула графиня и протянула ему руки, которые он горячо поцеловал.

В три дня окончила свои сборы графиня, день посвятила прощанию со знакомыми, известила государя о месте, избранном ею для жизни, и на пятый день в дорожной карете, запряженной четверкою лошадей, выехала через Московскую заставу из Петербурга.

Маленький полувоенный городок Севастополь был взволнован приездом иностранной графини.

То, что представляло общество, стремилось наперерыв залучить ее к себе, и интерес к ней возрос еще больше, когда барон Додэ — по письму из Петербурга — представился графине, отдавая себя в ее распоряжение.

— Кто она такая? — интересовались все.

Додэ пожимал плечами.

— Право, не знаю, но я получил сообщение, что ею интересуется сам государь, и приказание доносить ежемесячно обо всем, что может касаться ее.

Графиня Гаше стала дорогой гостьюю всюду и, хотя она чуждалась общества, все же не отказывалась иногда провести вечер на людях.

Тогда толпа жадных слушателей окружала ее и старалась в каждом слове или неясной фразе открыть ту тайну, которая, казалось, окружала ее. А потом долго после проведенного вечера местные кумушки взвешивали и оценивали каждое ее слово.

— Слыхали, она про короля Людовика говорила? Можно подумать, что он ее знал!

— Придворная дама!.. Я думаю, не увлекался ли ею покойный император?

— Все бы знали. Нелидова, Лопухина...

— Но почему ею интересуется государь?

— А слыхали, она также рассказывала, как увлекателен был кардинал де Роган?

— Она просто французская аристократка, бежавшая от революции.

— А как она одевается!

— Я разговаривала с ее компаньонкой, м-лле Ланге, и ничего не узнала.

— Я подкупила ее служанку Сандру, и тоже без пользы.

— Ходит к ней кто-нибудь?

— Барон да еще какой-то Мавродаки. Карузо подарил ей дом и сам сюда скоро едет.

Графиня Гаше стороной узнавала об этих толках, и ей они нравились. Иногда она сама вдруг начинала рассказывать про пышность двора Людовика XVI и красоту Марии-Антуанетты, но вдруг прерывала на самом интересном месте.

Графиня жила уединенно со своей неразлучной Ланге. У них были в услужении армянка Сандра да при доме один татарин, и большую часть времени графиня проводила в своей комнате.

Барон и баронесса Додэ время от времени навещали ее.

Кроме них, ее посещал грек Мавродаки. Он явился к ней тотчас, как она приехала, и сказал:

— Мой хозяин Карузо приказал передать вам дом и служить вам.

Черные глаза его глядели ласково, зубы сверкали, и он униженно кланялся.

Как в Петербурге Карузо, так здесь он сразу приобрел ее расположение.

Вечером он приходил через кухню и оставался у графини, пока она его не гнала.

Эмилия Ланге разливала чай, графиня раскладывала пасьянс, а Мавродаки вкрадчивым голосом передавал ей городские новости и сплетни.

— Всем хочется знать, кто я такая?

— Как не хотеться? Живете здесь, а в Петербурге сам государь интересуется вами, и сразу видно, что вы очень знатная особа, — вкрадчиво говорил Мавродаки.

Графиня смеялась. Но иногда грустила, и Ланге знала, что ночью она будет метаться и бредить.

Графиня жила в Севастополе уже второй год, когда приехал Карузо. Она очень ему обрадовалась. Карузо проводил у нее вечера, целовал руки, участливо слушал ее недосказанные туманные рассказы, а по утрам виделся с Мавродаки и подолгу беседовал с ним.

Мавродаки хвастливо рассказывал:

— Все видел. Ларец ее видел, слепок снял и ключ сделал.

— Отлично, — хвалил Карузо.

— При мне открывала его и бриллианты показывала. Очень много, и есть камни, как кулак!

— Пожалуй, и не меньше...

Перед отъездом Карузо сказал своему доверенному:

— Старуха крепка, как слон. Этак она переживет и меня. Вот тебе капли. Каждый раз капай ей в питье одну каплю. Как будет помирать, открой ларец и возьми все из него, а ларец оставь. И тогда — ко мне. Да не вздумай удрать. За тобой все время смотрят. Помни: и кнут, и ноздри вырвут, и в Сибирь пошлют по одному моему слову.

Мавродаки побледнел.

— Ну зачем так? — пробормотал он. — Я тебе всегда слуга.

— Знаю, знаю! — сказал Карузо, сверкая зубами. — Так ска- зал, для памяти.

После этого он уехал.

Графиня Гаше вдруг начала словно чахнуть. Она потеряла свою бойкость и живость движений, стала апатична, мало ела и видимо худела.

Барон Додэ с беспокойством говорил ей:

— Вам надо лечиться.

Она слабо улыбалась.

— Я ничем не больна, так только: скучная стала.

Но Додэ настоял. Пришел лекарь и не мог определить ее болезни.

Мавродаки приходил теперь каждый вечер, и она скучала без него.

Однажды ночью Эмилия Ланге проснулась от легкого шума. Она открыла глаза и увидела свет в комнате графини. Осторожно поднявшись, она подошла к комнате и увидела, что графиня сидит в кресле перед печкою и сжигает в ней свои бумаги и письма. Лицо ее было бледно и грустно.

Ланге подошла к ней.

Графиня точно очнулась.

— Я сжигаю свое прошлое. Свои ошибки, свои увлечения, свою молодость. После меня останется только эта шкатулка. Хорошо, что ты пришла. Когда я умру...

Ланге бросилась подле нее на колени и взяла ее руку.

— Не говорите о смерти. Вы такая бодрая, крепкая...

— Нет, я чувствую, что умираю. Уходит жизнь. Не плачь.

Когда я умру, ты эту шкатулку и ключ отдай барону. Ключ снимешь, когда я похолодею.

Ланге вздрогнула.

— В шкатулке письмо. Там я тебе отказываю подвеску. Ей цена 1000 фунтов, по-русски 10 000 рублей. Будь счастлива и помни меня!

Ланге заплакала. Графиня обняла ее, и они просидели всю ночь до зари.

Неделю спустя графине стало совсем плохо. Она легла в постель и велела позвать к себе Мавродаки.

— Умираю, — сказала она, — хотела сказать вам свое прощанье и передать поклон Карузо. Вы оба милые люди и забавляли меня, старуху. Я сделала своим душеприказчиком барона. Он даст вам камень и Карузо камень. Помните меня!

Мавродаки поцеловал ее руку.

— Эмилия, пошли за бароном.

Ланге вышла. Умиравшая забылась легким сном.

Вероятно, этих немногих минут было достаточно, чтобы Мавродаки успел сделать свое дело.

Когда в комнату вошел барон Додэ и графиня открыла глаза, Мавродаки откланялся и вышел.

Графиня слабо улыбнулась барону.

— Я умираю, — сказала она, — и сделала вас своим душеприказчиком. Возьмите этот ларец. Когда я умру, моя Эмилия передаст вам ключ. Вы не открывайте его. Из Петербурга придут от государя... тогда откройте!

Она утомилась и опять закрыла глаза.

Барон поспешно послал за лекарем, но уже не мог помочь умирающей. Верная компаньонка приняла ее последний вздох.

Барон поспешил домой, чтобы послать в Петербург эстафету. Эмилия Ланге позвала служанку, чтобы обмыть и одеть труп. Мавродаки исчез из города.

Сандра, раздевая покойницу, сказала:

— На ней надета куртка из кожи, словно перчатка. Снять ее?

— Понятно, снять, — ответила Ланге, — она всегда в ней ходила, боясь простуды.

Но служанка не могла снять куртки, сшитой из тонкой лосины, и Ланге подошла, чтобы разрезать ее, причем сняла цепочку с ключом с ее исхудалой шеи.

Они разрезали куртку на груди и по рукам и сняли, как со зверя шкуру.

Сандра нагнулась над трупом и вскричала:

— Смотрите, что это!

Нагнулась и Ланге.

У покойницы на плече и немного ниже было два больших пятна, словно следы от страшных выжиганий.

Лицо Ланге побледнело.

Ей показалось, что она о чем-то догадалась, что-то поняла, и она сказала:

— Не говори никому про это.

Весь город съехался на похороны графини Гаше. Она была католичка, но в городе не нашлось ксендза, и ее отпевали по русскому обряду, а похоронили на кладбище Старо-Крымской церкви. Барон Додэ взял оставленный ему ключ и пригласил жить в своем семействе осиротевшую Ланге.

Прошло около трех месяцев со дня ее смерти, когда к дому барона Додэ подъехала запыленная коляска и из нее вышел офицер.

Он поднялся к барону и сказал:

— Адьютант его величества. Прислан с поручением принять от вас имущество скончавшейся графини Гаше.

Барон поспешно достал ларец и ключ.

— Это она передала мне лично, а квартиру ее я оплатил.

— Главное — ларец, — сказал адъютант, — откройте его!

Барон всунул ключ, повернул его и откинул крышку.

Обитый внутри голубым атласом ларец был пуст. В нем лежало только два конверта: один — на имя государя, другой — на имя барона.

Барон тотчас разорвал конверт и вынул письмо.

«Дорогой барон Эрнест, — писала графиня по-французски, — прошу вас исполнить мою последнюю волю. Из имеющихся здесь камней и украшений передайте моей верной Эмилии Ланге подвеску из 7 нитей бриллиантов, возьмите себе и супруге вашей по камню и такие же передайте друзьям моим Карузо и Мавродаки. Остальное же все согласно приложенной описи вручите присланному от государя лицу».

— Но здесь ничего нет! — воскликнул адъютант. — Покойница ограблена!

Барон побледнел.

— Клянусь, я как получил ларец, так наложил печати, а уже после получил ключ.

— Я ничего не знаю, — холодно ответил адъютант, — я должен донести об этом моему государю. Вы поедете со мною. И девица Ланге, — добавил он.

В тот же день произвели тщательный осмотр квартиры покойной графини, но ничего не нашли, кроме утвари, мебели и разных костюмов, преимущественно мужских.

— Вы не знаете, кто это была? — сказал адъютант с суровым упреком.

— Мне не сообщили. Я принимал ее за графиню Гаше.

— Это была де Ламмот-Валуа, — ответил офицер.

Де Ламмот-Валуа была ловкой авантюристкой, игравшей главную роль в нашумевшем на весь мир процессе о «бриллиантовом ожерелье королевы Марии-Антуанетты». Сущность этого процесса в следующем.

Придворный ювелир Людовика XVI Бемер изготовил драгоценное бриллиантовое ожерелье. Ряд, состоящий из 17 великолепных бриллиантов величиною с орех, первый раз неплотно обхватывает шею. К этому ряду, немного отступя, прикреплен в трех местах тройной фестон с целою массою грушевидных, звездовидных и неопределенной формы подвесок; этот фестон во второй раз окружает шею; затем, опускаясь и как бы завязываясь узлом, ниспадают на грудь два тройных ряда, кажущиеся невероятно длинными. Наконец, еще два других тройных ряда, также с кисточками, соединяются в двойной великолепный ряд,

состоящий, в свою очередь, из 6 рядов бриллиантов. Это ожерелье Бемер оценивал в 1 800 000 ливров, или в 630 000 рублей.

Приобрести такое ожерелье мог только королевский дом, и Бемер предложил его Людовику XVI для королевы Марии-Антуанетты. У короля не было денег, Франция была накануне революции, и королева гордо ответила: «Мы более нуждаемся в военных кораблях, чем в ожерельях».

Бемер был в отчаянии. Ожерелье поглотило почти все его состояние. В это же время в совершенном отчаянии, но по другим причинам находился кардинал де Роган. Он был безумно и безнадежно влюблен в королеву. Тут-то и появилась графиня де Ламмот-Валуа, бывшая модистка Жанна де Сен-Реми.

Она проникает к де Рогану, успевает уверить его, что пользуется благосклонностью Марии-Антуанетты, и предлагает ему вступить с нею в переписку, берясь передавать письма. Де Роган жадно схватывается за возможность излить свои чувства и пишет королеве сотни писем, в ответ на которые изредка получает записки за подписью королевы, изготовленные неким Вильет де Рато. В этих записках очень туманно намекается на взаимность и очень ясно поручается передать де Ламмот 1000 или две ливров для благотворительных раздач от имени королевы. Де Роган в восторге, и, для того, чтобы окончательно свести с ума кардинала, де Ламмот устраивает ему ночью в Версальском парке свидание с королевой. Роль королевы сыграла девица Гэ де Олива. Де Роган успел поцеловать руку и получил розу. И вот, подготовив почву, де Ламмот намекнула Бемеру, что через де Рогана можно продать ожерелье, а последнему — что королева за помощь в приобретении драгоценного ожерелья не откажется от осознательных выражений своей благодарности.

И де Роган, и Бемер попались на эту удочку. Бемер согласился уступить ожерелье за 1 600 000 ливров с уплатой в пять сроков. Условие было подписано им и де Роганом, а потом де Ламмот отвезла его в Версаль с подписью «Bon-Marie Antoinette de France». Де Роган получил ожерелье и передал Бемеру расписку с клятвой никому не говорить об его сделке с королевой.

Де Роган по условию привез ожерелье к де Ламмот, и здесь его взял и унес тот же Вильет де Рато, одетый в придворную ливрею и якобы посланный королевой.

Ожерелье пропало...

Бемер тщетно ждал расплаты, затем обратился к королеве, а возмущенная королева пожаловалась королю. Де Роган, Ламмот, девица Олива были арестованы, и начался процесс.

Это происходило в 1785 году. Революция уже назревала, и ненавистники правительства воспользовались этим процессом, чтобы закидать грязью королевскую чету.

Процесс произвел впечатление всемирного скандала. По поводу процесса возникла целая литература. Парламент после продолжительного следствия и суда оправдал всех, кроме де Ламмот, которая была приговорена к наказанию плетьюми, клейменю и тюремному заключению на 10 лет.

Во время наказания она рвалась, металась, кусала и царапала палачей, и ей поставили второе клеймо, так как первое вышло

неясно. Вельет де Рато, как и муж де Ламмот, пойманы не были и помогли де Ламмот бежать.

По смерти мужа она вышла за графа Гаше. Иностранные источники сообщают об ее смерти в Англии, но в действительности она умерла в России, в Крыму, причем при ней находилась большая часть похищенных бриллиантов и Наполеон обещал награду тому, кто найдет ее и доставит в Париж.

Адъютант привез в Петербург пустой ларец, барона Додэ и Эмилию Ланге, но следствие не могло найти за ними вины и их отпустили.

Все же бриллианты оказались у Карузо.

В то время в Петербурге на широкую ногу жил граф В-ский. Он занимал собственный дом на Б. Морской, на углу Почтамтской, и вел громадную торговлю драгоценными камнями и изделиями.

Ювелиры Петербурга собирались у него по утрам, и в его роскошных залах совершались торг, обмен и разные сделки, причем на камни устанавливались цены, как на бирже.

Вечером же граф выезжал в нарядной польской или венгерской запряжке, в богатой собольей шубе, крытой зеленым бархатом, со звездой Станислава, и его принимали всюду в высшем обществе, не подозревая в нем торговца драгоценностями.

К нему-то и направился Карузо. Купил ли бриллианты сам граф В-ский, или он и ювелиры, точно сказать нельзя, но известно, что он потом похвалялся приобретением большей их части; у тогдашнего ювелира Я. Д. Дюваля тоже оказались редкой величины и игры камни.

Такова история «бриллиантового ожерелья» и «клейменной графини» де Гаше, а еще ранее де Ламмот-Валуа, а еще ранее девицы Жанны де Сен-Реми.

ШАНС

для многих
МИЛЛИОН

На вопросы корреспондента «Смены» отвечает народный целитель, кандидат медицинских наук **БОРИС КЛЮЕВ**.

ОНЕРА

— Вас, Борис Владимирович, называют то экстрасенсом, то аллергологом, то психоневрологом... Кто же вы?

— Я биоэнерготерапевт. Закончил мединститут, ординатуру по педиатрии. Дипломы психотерапевта, кожника, физиотерапевта — это тоже все правда...

— Что же такое биополе?

— Как атмосфера существует вокруг планеты, так и биополе — вокруг каждого из нас. Я бы только вместо понятия «биополе» предложил говорить «биополя». По утверждению йогов, скажем, помимо известного нам тела, у человека есть еще по меньшей мере три — все, что выходит за рамки традиционного физического тела, йогои называют аурой. Ее величина индивидуальна. Ну, разумеется, аура колеблется в определенных пределах. У обычных людей — это 70—100 сантиметров. Ну, а у экстрасенса — не менее трех метров. Величина ауры зависит от состояния здоровья. Если она не превышает 30 сантиметров — человек серьезно болен, его нужно срочно спасать. В коме аура бывает 15 сантиметров.

Наверное, всем уже очевидно, что возможности нашего организма не ограничены и мало изучены. Если человек переживает клиническую смерть и выживает, он часто замечает за собой необычные способности. Почему это происходит? Да просто в критический момент включаются все ранее не задействованные отделы мозга. Они включились и уже работают, так что, если человека спасти, он наверняка сможет делать что-то необычное по нашим понятиям.

У детей сенсорные способности выражены сильнее, чем у взрослых. С возрастом у нас левое полушарие мозга начинает преобладать над правым. Это значит, ло-

гика преобладает над чувствами. Так, вырастая, 99 процентов людей теряют способность к сенсорике... Сейчас модно утверждать, что любого человека можно сделать экстрасенсом путем тренировок. Несколько тысяч рублей, три недели занятий — и вы экстрасенс. Но нельзя из человека сделать экстрасенса, если его биополя недостаточно сильны. Бывает еще и такое: поле сильное, но темное. Это чрезвычайно опасно. Даже человек, который еду готовит, должен иметь светлое поле. Что же о врачах говорить!.. Знаете, я сделал попытку набрать людей для обучения. Объявил конкурс в газете. По письмам предварительно отобрал сто человек, и ни один из них не подошел для обучения. Либо поле слабое, либо оно имеет оттенки... Лжецелителей в десятки раз больше, чем истинных врачей.

— *Расскажите подробнее о «телах» человека. Тех самых...*

— Хорошо. Основные тела по йоге: физическое (то, которое мы привыкли считать телом), эфирное (точная копия физического — цвет лиловый или сероватый), астральное (переменчиво, зависит от строения, может быть выделено из физического тела при жизни человека — цвет голубоватый), ментальное (связано с мыслительной деятельностью. Легко меняет окраску. Мы говорим «черные мысли», «светлые мысли» — это о ментальном поле). После физической смерти тела покидают человека постепенно. Этапы — 9 и 40 дней. Вот видите, здесь как раз православная культура полностью совпадает с индийской...

Я что еще хочу сказать? Ощущая ауру человека, можно определить не только его теперешнее физическое состояние, но и прогнозировать здоровье. Легче болезнь

предотвратить, чем вылечить. Это знали еще древние. Иногда самые простые способы лечения более эффективны, чем труднодоступные. Вот, скажем, живая вода...

— *Это из сказок?*

— Да нет, из жизни. Просто вода обыденна, у нас нет доверия к ней. Это не мумие... Ну, к родоновым ваннам, серным мы еще относимся серьезно. А к простой воде? Между тем человек довольно долго может жить без пищи, но без воды — никак! Именно вода является лучшим дезинтоксикационным средством, то есть обеззараживающим. Очищающим, если хотите. Вода выводит шлаки из организма. Йоги советуют пить 2—2,5 литра в сутки...

Но я все-таки о «живой воде». Профессор В. Н. Сарчук сделал открытие: вода имеет память. Строго научные опыты ученых из Новосибирска доказали: по изменениям в кристаллической решетке можно узнать, с какими предметами вода была в контакте. Затем, естественно, возникла идея биологически активной воды, использование которой в терапии дает блестящие результаты.

Взять хоть заключение профессора Л. Вольфа о воздействии на воду и другие вещества знаменитого экстрасенса Нинель Кулагинной. Под действием ее рук (биополя) меняется вязкость раствора, кислотно-щелочной и другие показатели. Природа воздействия биополей на воду исследуется — есть версия, что это связано с ультразвуком и волновой природой материи в целом.

Наиболее высокие результаты дает использование заряженной (конечно, не по телевизору, не по радио!) воды при заболевании желудочно-кишечного тракта, половой и мочевыделительной систем. Хорошо рубцуются язвы, купиру-

ются болевые ощущения. Люди со сниженным электрическим потенциалом, с повышенной утомляемостью при употреблении заряженной воды чувствуют прилив сил. Часто мы наблюдаем, что вода снимает различные воспаления. Скажем, при инфекционных воспалениях я обогащаю воду ионами серебра. А при аллергии — ионами серебра и меди. Это доступно. Наверное, у каждого найдется серебряная ложка, медная монета. Я, знаете, терпеть не могу таких советов: соберите в полнолуние десять трав... Мои рецепты всегда доступны.

— *Расскажите, Борис Владимирович, о вашем центре...*

— Российский центр народной медицины поддерживает правление российского Красного Креста и ряд международных организаций. У нас в стране нет еще цельной, четкой организации системы народной медицины. Есть разрозненные структуры, которым, к сожалению, не всегда можно доверять. И есть народные целители — люди одаренные, которые могут работать, не имея специального образования. Но в таком случае наблюдение дипломированных медиков обязательно. Одна из задач нашего центра — подготовка таких вот врачей-терапевтов. Но главное, разумеется, лечение больных.

Наши филиалы — в Вологде, Нижнем Новгороде, Владимире, Сочи. А в Москве работать нам все сложнее и дороже... Нам необходимы постоянное здание, оборудованные помещения. Можем заключать договора с различными организациями, предприятиями по обслуживанию сотрудников. Вот с Юрием Владимировичем Никулиным как раз договариваемся — сотрудников цирка лечить будем. Это, между прочим, выгодно для

них — нынче ведь медицина дорогая, а наши методы лечения желчнокаменной, мочекаменной болезнью гораздо дешевле, чем в медкооперативах или в системе страховой медицины.

— *Что вы еще лечите?*

— Мастопатию (в 90 процентах случаев, если ее не оперировали), аллергии... Когда люди приходят к нам впервые, они несут медвыписки, диагнозы свои... Будет нормальное помещение, мы сами все исследования станем проводить.

— *Сколько же стоит визит к вам, доступно ли это обычным людям?*

— Безусловно! Визит стоит от 32 до 250 рублей. Пенсионеры, многодетные матери, многие другие социальные группы получают скидки. Причем, если мы назначаем курс лечения, каждый следующий сеанс дешевле. Стоимость сеанса от 250 рублей до сорока... У нас самые низкие цены в стране. И каждый может попасть к нам на прием.

Много врачей нам не нужно — не более десяти специалистов. Рефлексотерапевт, костоправ, гомеопат — все они есть. И аппаратура тоже есть...

— *Сейчас появилось немало «деятелей», выдающих себя за ваших учеников...*

— Письма мне пишут больные: мол, лечился у вашего ученика, он не помог, хочу к вам. Так вот, у меня нет учеников. И если вы, дорогие читатели «Смены», услышите от кого-нибудь, что он ученик доктора Ключева, сообщите мне, пожалуйста, об этом самозванце по адресу: **141304, Сергиев Посад-4, а/я 10**. Поймите, самозванцы в медицине очень опасны для здоровья и жизни.

— *Вы лечите рак?*

— Лечу, если он не запущен...

— А облысение лечите?

— Появится лысый миллионер, готовый реально помочь центру, вырастут у него волосы... Мне для центра нужно многое — кирпич,

трубы, шифер, оборудование... Так что жду миллионера.

— Лысого?

— Прежде всего умного и дальновидного.

НАРОДНЫЕ РЕЦЕПТЫ ИЗ «КОПИЛКИ» КЛЮЕВА

Биостимулятор

(Применяют при физической и душевной усталости, утомляемости, снижении защитных сил организма, язве желудка и многих других заболеваниях.)

Взять 375 граммов алоэ, растереть. (Растение должно быть 3—5-летнего возраста — не моложе, и его нельзя поливать в течение недели перед забором материала.) Добавить 625 граммов меда — лучше всего майского и 675 граммов красного крепленого вина — предпочтительно кагора. Смешать и поставить на одну неделю в темное место в стеклянной посуде. Принимать по 1 десертной — 1 столовой ложке 3 раза в день за час до еды в течение 3—6 недель.

Как сохранить красоту

Утром вместо умывания промассировать кожу лица кусочком льда. (Он не должен иметь острых выступов — достаточно обкатать его в руках под струей теплой воды.) Лед желателно готовить из отвара растений — календулы, липового цвета, ромашки: 2 столовые ложки измельченного сухого сырья на 2 стакана воды вскипятить, настоять 15 минут, процедить, заморозить. Затем надо сделать питательную маску: 1 столовая ложка сметаны, 1 столовая ложка творога, 1 чайная ложка морской соли. Все тщательно размешать и нанести на лицо, держать 15 минут. Смывать сначала теплой, затем холодной водой.

Народные средства профилактики и лечения зоба — заболевания щитовидной железы

В Китае «зоб» лечили морской капустой. Ее можно употреблять свежей и в консервированном виде, а также сушеном (растолочь в порошок, а перед приемом варить до мягкой консистенции). Порошок используют и в сухом виде как приправу. Доза индивидуальна, так как морская капуста является одновременно слабительным средством.

Русские знахари рекомендовали такой целебный состав: 1 килограмм

черноплодной рябины смешивается с 1 килограммом сахарного песка и употребляется продолжительное время по 1 столовой ложке три раза в день. (Так же лечили и склероз.)

Я наблюдал хороший эффект от ношения на шею янтарных бус. Здесь есть тонкость, которую многие упускают из виду. Берется нешлифованный, обязательно натуральный янтарь, нитка в несколько рядов носится непосредственно на шею, без существенного провисания. Эффект возрастает многократно, если хотя бы раз в месяц янтарь «заряжает» человек с сильным и светлым биополем. Аналогичный результат можно достигнуть и при использовании «заряженного» збонита, но здесь лечение проводится по индивидуальной, подобранной целителем методике.

Средство для лечения экземы (мазь)

Взять несколько круто сваренных яичных желтков. Надеть желток на вилку, держать над огнем свечи (не газа!) и собирать в чистую емкость выделяющийся при этом сок. Процесс длительный. Сок накладывается на пораженное место 1 раз в 2 дня, кожа прикрывается стерильной марлей, а при необходимости дополнительно сверху вощеной бумагой или пригодным для хранения пищевых продуктов полиэтиленом. Срок лечения не ограничивается. (Однако больным пищевой аллергией с повышенной чувствительностью к желтку яйца этот метод непригоден.)

Рожистое воспаление

Сравнительно легко поддается биоэнергетическому воздействию. Рецепт пригоден также для лечения воспаления вокруг трофических язв. Ржаная мука смешивается с медом и листьями бузины, мед и мука — поровну, листья — чтобы прикрывали пораженную поверхность. Прикладывать в виде компресса. (Осторожность при аллергии к меду!)

Добавить в красное сухое или слабокрепленое вино растертые в порошок и прокаленные на огне хлопья ржавчины. Также прикладывается в виде компресса.

При герпетических высыпаниях кожу смазывают взбитым яичным белком. Как подсыхает белок, смазывают снова. Смыть лосьоном.

Можно чередовать через день с накладыванием оксолиновой мази (продается в аптеках как противогриппозное средство).

Средства для улучшения сердечной деятельности

Ежедневно, лучше несколько раз в день, жевать лимонную корку. Эффект, вероятно, связан с выделением большого количества эфирных масел.

Регулярный прием водного настоя свеклы особо полезен при пороках сердца, а при сердечной недостаточности — овощные соки (кроме томатного — он показан не всем).

Из аптечных средств самым безвредным и натуральным является спиртовой настой из семи целебных трав «кардиовален». Доза подбира-

ется индивидуально. Кроме сердечных болезней, прекрасно помогает при неврозах и бессоннице.

Настой плодов боярышника. Берут 1,5 литра воды на 7—8 столовых ложек ягод, заливают крутым кипятком и плотно укутывают на сутки. Затем процеживают, выжимают сок и пьют его по стакану 3 раза в день во время еды. Можно добавлять плоды шиповника, что обогащает сок аскорбиновой кислотой и улучшает его вкусовые качества.

Умеем ли мы выбирать место для ночлега?

Большинству здоровых людей, согласитесь, эта проблема и в голову не придет, а вот больным... Дело в том, что известный болгарский врачеватель и исследователь Иван Йотов пришел к небезынтересному заключению: зачастую наше здоровье связано с неправильно выбранным местом для постели. Обследовав шесть тысяч больных онкологическими заболеваниями, он более чем убедительно показал, что все они спали в «неправильном» месте...

Чтобы объяснить читателю мысль исследователя, я должен рассказать о так называемой «геобиологической сетке» (дело в том, что издавна известны места, губительные для человека. В современной науке они носят название геопатогенных зон...). Сетка довольно густая: с интервалом около 2 метров с севера на юг и 2,5 метра с востока на запад она опоясывает всю планету. В точках пересечения энергетических линий человек длительное время находиться не должен. (Все больные раком спали точно над плюсовым полюсом сетки. Все шесть тысяч... Вряд ли здесь уместно говорить о случайности.)

164

Как определить неблагоприятное место? Проще всего для этого иметь знакомого экстрасенса. С помощью обычного маятника (например, подвешенного на нитку золотого кольца) он без труда определит места скрещения линий сетки. Над полюсовым поясом маятник вращается, как правило, по часовой стрелке. Ну а если грамотного экстрасенса среди ваших знакомых нет? Выход и тут найдется. Понаблюдайте за собакой. Это животное никогда не ляжет в «геопатогенной зоне». Совсем другое дело — кошка. Она, согласно теории, наоборот, эти зоны сама выбирает...

Дома кровать или диван, а на работе стул или кресло должны располагаться вне пересечения линий сетки, это однозначно. А вот, скажем, в гостях, где вы проводите ночь или две, положение постели уточнять не стоит — за столь короткое время геобиология не принесет вреда...

Кстати, спать лучше головой к северу, а ногами к югу.

А если кровать перенести нет возможности? Доктор Йотов рекомендует класть под нее для нейтрализации от неблагоприятных воздействий на здоровье янтарь, канифоль, асбест, мрамор, а из растений чеснок, лук, папоротник.

Не думаю, что это очень эффективно. Лучше положить под нее массивный медный лист. В любом случае не забывайте о законах геобиологии — опыт народной медицины подтверждает их справедливость.

Беседу вела ЕЛЕНА МАСЛАКОВА.

Рисунок БОРИСА СОПИНА

КОНКУРС

ДНОГО
СТИХОТВОРЕНИЯ

ФЕЛИКС ЧЕЧИК
ОЛЬГА ШИМЕНКО
ИВАН ГОЛУБНИЧИЙ
ТИНА АРСЕНЬЕВА
АЛЕКСАНДР БАЙТ

ЕВГЕНИЙ ШАРКОВ
ВЛАДИСЛАВ КИТИК
СЕРГЕЙ СМИРНОВ
СЕРГЕЙ СТРИЖЕВ
ГАЛИНА ФЕДОРОВСКАЯ

ФЕЛИКС ЧЕЧИК,
30 лет, крановщик,
Пинск

≡
Понимаю, остается мало
времени, уже рукой подать
до развязки действия,
до финала,
а затем наступит благодать.
Я — статист обычный,
о которых
говорить не принято,
своя
жизнь у них:
подыгрывать актерам
на земных подмостках бытия.
В первые стремился,
да не вышел,
в том винить не смею никого,
то ли голос свыше не расслышал,
то ли вовсе не было его...

ОЛЬГА ШИМЕНКО,

34 года, литератор,
Алма-Ата

Она семенила аллею — с юга.
К собору — на площадь, к собору — неспешно.
И вдруг поднялась голубиная вьюга,
гудящим обвалом и пламенем нежным
обрушилась вниз и ее облепила.
Под темной сосной, на скрещенных дорогах
старуха ту вьюгу с ладоней кормила
и что-то просила у неба и Бога.
И долго стояла потом на коленях,
пред храмом, пред храмом,
прижав к сердцу руки.
...Я лишь подберу в пыли шапку. И летом
приснится мне в зной голубиная вьюга.

ИВАН ГОЛУБНИЧИЙ,

25 лет, брокер,
Москва

Облетают деревья. Сквозь воздух
промоглый, сырой
Я опять проплечусь по Москве, не поняв
ни черта:
Есть ли имя тому, кто увлек нас безумной игрой,
Или все это снова, как прежде — бардак, суета?
Или все это снова — в глухой
и несчастной стране
Распинают друг друга на красных своих площадях
Под невнятные крики о новой гражданской войне
И кровавые сказки для старших
о грязных вождах.
А природа, как встарь, простодушно
меняет цвета,
Окропивши слезами последнюю жертву свою,
И бросает на грязную землю, но как на алтарь.
Эти краски смешают метели и их воспоют.
Им в ответ зарыдает косяк отлетающих птиц...
— Ты, стоящий во тьме, в стороне,
равнодушный, ответь,
Есть ли время подумать над смыслом
священных страниц?
До метелей остались недели,
до смерти — Бог весть.

ТИНА АРСЕНЬЕВА,

30 лет, учитель рисования,
Горловка

КОНЧАКОВНА

Так ведется искони:
Близко храм, да конь хромой...
Теплятся твои огни —
Жжется мой.

Буерак растеребя,
Длят расселину ручьи.
Добры кони у тебя —
Злы мои.

А как рухнет конь в браздах
Да повыщербим пожи,
О чужих мне городах
Расскажи;

В золотых моих сетях
Притомившийся силач,
О чужих тебе смертях
Не заплачь.

Застилали свет телами:
Богу — душу,
кости — псам, —
Рвется ль, тянется ли пламя
К небесам...

Тетиве или струне
Изнывать былинки боль...
На резном твоём челне —
Наша соль.

Мой ковыль, твоя ли рожь,
Тот простит, где неспроста
Тяготенья к раздорожью —
Креста?..

Где небесной белизны
Лоб, и древо,
и стена, —
Колыбельная луны
Все одна;

Во росистых ли лугах,
На рысистом скакуне, —
О чужих тебе богах,
Обо мне...

СЕРГЕЙ СМИРНОВ,

26 лет, преподаватель,
Кингисепп

Мир окутался дымкой синей.
В тучах голуби крутят сальто.
Ощущаешь с особой силой
правду почвы и фальшь асфальта.
А весна, как всегда, нелепа,
прав ее, как всегда, изменчив.
В лужах смешаны грязь и небо,
только неба гораздо меньше.

СЕРГЕЙ СТРИЖЕВ,

27 лет, студент,
Челябинск

Так чутко вслушаться в стихи,
казалось бы, никто не может.
До дрожи обнаженной кожи,
дождя, простуженной реки
играет пульс струи над камнем.
Бетонный шарф моста промок.
Стоит старик, держась руками
за осень ускользнувших строк.

ГАЛИНА ФЕДОРОВСКАЯ,

28 лет, архитектор,
Саратов

Я приду, когда сумерки спутают кровь.
Вы тяжелыми шторами ночь занавесьте.
Только знаете, это совсем не любовь.
Это просто желание быть с вами вместе.

Чтоб делить на двоих и еду, и постель,
И бояться войны, чтобы вас не убили,
Чтоб в утробе вынашивать ваших детей,
А потом целовать, называя своими.

Чтобы наших друзей посещать в выходной,
Чтобы все было так, и ни больше, ни меньше.
Чтоб в ответ на вопрос: «Вы придете с женой?»
Обнимая меня, вы сказали: «Конечно».

Чтобы, утром проснувшись, увидеть вас вновь.
Чтоб по-прежнему вам посвящать свои песни.
Только, знаете, это совсем не любовь.
Это просто желание быть с вами вместе.

ДЖОН ФАРРИС

Когда зно

НИТ МАИКО

Рисунки ВЯЧЕСЛАВА ЛОСЕВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Желтый школьный автобус округа Шейдс притормозил на углу одной из улочек. Из дверей выпорхнула Пэгги Коннелли и не спеша зашагала к владениям Коннелли. У ворот она остановилась, заметив во дворе молодого человека, ловко орудующего лопатой, и, громко шурша опавшими листьями, подошла к юноше.

— Ну, и что же это будет? — закинула удочку Пэгги.

Гарри Рендл прислонил лопату к железному столбику указателя и ладонью смахнул со лба капли пота. Глядя куда-то в сторону, он с усмешкой обронил:

— Это для твоего дохлого кота.

— Но у меня нет никакого дохлого кота!

— На твоём месте я бы не торопился с ответом.

— Ну, правда. Или ты говоришь о Сэтче?

Девочка не на шутку встревожилась и обшарила двор цепким взглядом, надеясь обнаружить Сэтча в полном здравии. И тут Пэгги разглядела фургончик доктора Бриттона. Из багажника торчали обернутые бумагой саженцы.

— А, так вот зачем ты здесь копаешь! — с облегчением воскликнула она. — Ты будешь сажать деревья.

Рендл снова взялся за лопату и несколько раз вонзил ее в землю. Усмешка не сходила с его губ.

— Из дохлых котов получается отличное удобрение. От этого деревья быстрее растут.

— Врешь ты все! Ты Сэтча и пальцем не тронешь!

— Тогда следи, чтобы и духу его здесь не было, — посерьезнев, заявил Рендл. — Я чуть не укокошил этого мерзавца час назад. — Он приподнял лопату и с силой всадил лезвие в рыхлую землю. — Раз! И нету.

Пэгги шагнула вперед и заглянула в ямку. Убедившись, что та пуста, девочка успокоилась и направилась к дому.

Гарри Рендл подрабатывал на ферме у доктора, однако раз в неделю он заглядывал и к Коннелли, выполняя самые разные поручения, на которые у хозяйки дома, Элен Коннелли, не хватало времени.

Возле крыльца Пэгги почувствовала, что Рендл идет за нею следом. Она резко обернулась и нахмурилась. Однако в этот раз никакой гадости он не замыслил.

— Чего ты дергаешься? — проворчал Гарри, наслаждаясь замешательством девочки. — Раз уж ты все равно идешь в дом, передай доктору Бриттону, что мне надо отлучиться на пару минут. Я должен забрать свою машину на бензоколонке.

Журнальный вариант

Джон Фаррис родился в 1936 году в американском штате Миссури. Первый свой роман «Школа Харрисон», имевший колоссальный успех в США и во многих европейских странах, написал в 18 лет. Затем последовали романы, продолжившие задуманную серию: «Долгий свет зари», «Король Уиндом», «Калеры», «Темные делишки», «Ярость», и, наконец, в 1967 году увидел свет нашумевший роман Фарриса «Когда звонит Майкл». В настоящее время Джон Фаррис живет в штате Нью-Йорк, он отец троих детей.

— О'кей,— кивнула Пэгги и важно зашагала к застекленной террасе двухэтажного особняка. Здесь мать держала уйму потрясающих вещей: массивные прятки, прессы для изготовления яблочного вина и даже самую настоящую старинную печь. Антикварный магазинчик Элен Коннелли совершенно не походил на другие лавки древностей. Все вещицы были скрупулезно разложены по полочкам. К Элен то и дело навевались постоянные клиенты из Сент-Луиса, Канзас-Сити и даже из далекой Оклахомы. Заглядывали сюда и известные декораторы. Элен почти всегда находила возможность удовлетворить самые изысканные и щепетильные вкусы.

Пэгги пересекла фойе, скользнув любопытным взглядом по двум витринам с настоящими раритетами, зашвырнула портфель прямо на лестницу, ведущую на второй этаж, и ворвалась в кухню. Мама вместе с доктором Бриттоном и его женой Эльзой пили кофе.

— Эх, если бы сегодня ночью похолодало,— сразу затарахтела Пэгги.— Мне уже надоела эта жарница.— И принялась рыться в коробке с печеньем.

Элен размешивала сахар в чашке и наблюдала, как Пэгги, подойдя к холодильнику, открыла его и встала на цыпочки, пытаясь дотянуться до пакета молока.

— Пэгги, не ешь стоя,— обратилась она к дочери.

— Доктор Бриттон, а у вас есть пчелы? — неожиданно спросила девочка.

Доктор улыбнулся.

— Да, именно сегодня я приобрел неплохую пчелиную семью — целый рой вместе с маткой...

— А сколько их там?

— Ну, в улье сейчас уже где-то тысяча пятнадцать, не меньше.

Пэгги восхищенно уставилась на доктора, потом присела на стул рядом с матерью:

— А что вы с ними будете делать? Зачем вам так много пчел?

— Я буду их приручать.

— А можно и мне посмотреть, как это делается?

— Конечно, приходи ко мне и увидишь.

— Но ведь это же пчелы... — неуверенно протянула Элен.

В прихожей зазвонил телефон, стоявший на маленьком инкрустированном столике. Элен сняла трубку.

— Тетушка Элен?

— Да... Да, я слушаю.

— Тетушка Элен... Я опоздал на школьный автобус. Вы можете прийти за мной?

«Наверное, кто-то ошибся номером», — подумала Элен, а вслух произнесла:

— Кто это?

— Это Майкл, тетушка Элен.

— Кто?

— Майкл.

Элен не могла вымолвить ни слова.

— Так вы придете?..

— Подождите минуточку... Кто звонит?..— Не успев договорить, она поняла, что связь прервалась.

Несколько секунд Элен стояла молча, все еще сжимая трубку и тупо уставившись во двор, затем опустила ее и вернулась на кухню.

— Элен, ты чем-то расстроена? — забеспокоился доктор Бриттон.

— Мне сейчас кто-то...— Тут она спохватилась и взглянула на дочь. Убедившись, что девочка занята своими делами, Элен продолжала уже потише:

— Ну знаете, так бывает, кто-то звонит...

— Разыгрывают?

— Нет, то есть не совсем так, Энди. Наверное, кто-то из детишек балуется. Звонил мальчик — лет десяти, как мне показалось по голосу.

— И что же он тебе наговорил? — сурово выпытывала Эльза.

— Он сказал...— На лице Элен застыло недоумение.— Он сказал, вернее просил, чтобы я его встретила. Мальчик звонил из школы, он не успел на автобус и хотел, чтобы я...

— И это все? — Эльза была явно разочарована.— А уж впечатление такое, будто тебя гремучая змея укусила.

— Но это как-то... жестоко, потому что, кто бы там ни звонил, он назвался Майклом.

— Майклом? — повторил доктор Бриттон, а повариха Бренда, перестав печь пончики, остолбенела.

— Именно так.

Воцарилось молчание. Дожевывая пончик, Пэгги удивленно разглядывала взрослых. Доктор Бриттон улыбнулся.

— Хочешь, я тебе покажу пчел прямо сейчас, малышка?

— Мне только надо переодеться,— спохватилась Пэгги и умоляюще уставилась на мать.

— Сотри с губ сахарную пудру,— проронила Элен каким-то чужим голосом.

Пэгги схватила салфетку, вытерла рот и вскочила со стула.

Когда она скрылась из виду, доктор Бриттон нарушил молчание:

— Странное дело, обычно дети не шутят таким образом. Кто бы это мог быть? К тому же десятилетние мальчики, наверное, вообще ничего не слышали о Майкле Янге.

— Не знаю,— еле слышно откликнулась Элен и закурила.

— Ну-у,— протянула Эльза, как бы подводя черту,— в конце концов он уже позвонил и, наверное, в восторге от своей выходки. Так что теперь все уже позади и волноваться тебе больше не стоит.

— А я и не волнуюсь. Но, что странно, я никак не могу выкинуть этот звонок из головы, ведь мальчик назвал меня «тетушка Элен». А меня так больше никто не называл. Никто, кроме Майкла Янга.— Она встревоженно оглядела гостей.— А вас это не удивляет?

— Да брось ты,— только и проворчала Эльза.— Интересно, зачем он это сделал?

— Вот и спроси у него сама в следующий раз,— посоветовал доктор Бриттон.

Толстуха Бренда, стоя у плиты, недовольно пробубнила что-то себе под нос.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Элен Коннелли родилась в Чикаго, затем, переехав в Уэст-пойнт, обвенчалась там в местной церквушке с молодым офицером. Не прошло и года, как ее новоиспеченный супруг отдал Богу душу. Корабль, на котором служил муж Элен, держал курс в Северную Африку и был торпедирован.

Элен перебралась в Нью-Йорк, сменив за это время уйму самых разных профессий. В душе она сохранила воспоминания о своем муже, о единственном и неповторимом Бене. Чтобы как-то забыться, Элен решила податься куда-нибудь в глубинку — туда, где на каждом шагу подстерегали трудности и ежедневная рутина, где на выколачивание «места под солнцем» уходили все силы. На первых порах обитание в округе Йеллоу-Шейдс и в самом деле оказалось для нее нелегким. Зато мало-помалу призрачная семейная жизнь и незаменимый Бен отодвинулись на второй план. И в конце концов Элен влюбилась. Сначала объектом любви стал домик в живописном местечке Шейдс, а потом, значительно позже, и один из его обитателей — Эд Коннелли.

Элен с Пэгги уже отъехали от деревенской почты на приличное расстояние, когда дочь неожиданно спросила:

— Мам, а кто такой Майкл? Ну, тот мальчик, который тебе недавно звонил?

— А, тот... — Элен чуть притормозила на развилке, потом свернула на дорогу, ведущую к дому, и продолжила: — Я действительно не знаю, кто это был. Видимо, какой-нибудь озорник.

— Но ты говорила, что это был Майкл. А как его фамилия? Элен на секунду задумалась и наконец решительно заявила: — Майкл был братом твоего кузена Крэга. Но он давно умер. Тебя тогда еще на свете не было, а Крэгу в то время исполнилось только одиннадцать лет.

— А что случилось с Майклом?

— Он убежал из дома. Майкл частенько сбегал, но в последний раз он заблудился и прямоком угодил в лапы метели.

— Его так и не нашли?

— Нашли, но только через несколько месяцев. — Элен подъехала к дому и припарковала свой фургончик на асфальтированной стоянке для посетителей магазина. — Поэтому, как ты сама понимаешь, этот племянник мне никак не мог позвонить. Видимо, какой-то шалопай решил подшутить, вот и все.

Пэгги с жаром повествовала о подробностях очередной ссоры с Розалиндой, собирая на тарелке реповую кашу в небольшой холмик. Вообще-то Розалинда была ее самой лучшей подругой. Однако уж больно частенько та задирала нос.

Зазвонил телефон. Элен встала из-за стола и по дороге в при-

хожую отметила про себя, что в доме стало прохладнее. Очевидно, температура резко упала.

— Я слушаю.

— Тетушка Элен?

«Бог мой, опять», — вздрогнула Элен, но тут же совладала с собой и строго заговорила:

— Не могу понять, зачем вы меня разыгрываете, однако должна вас огорчить: на меня это не действует. И прекратите сюда звонить, понятно?

— Тетушка Элен, почему вы не пришли за мной? — раздался в трубке детский плачущий голос.

— Послушайте!..

— Уже темно, я не могу один добраться домой. На меня мама будет сердиться...

— Кто это?

— Пожалуйста, приходите, — хныкал в трубку мальчик. На этот раз голос был совсем жалким и измученным. — Что случилось, тетюшка Элен? Вы на меня сердитесь?

— Я не... — начала Элен, но связь вдруг оборвалась, как и в первый раз. Она потеряла лоб указательным пальцем и швырнула трубку на рычаг. В этот момент Пэгги крикнула из кухни:

— Мам, кто это был?

— Призрак, — устало бросила Элен, появляясь в кухне. Она мельком взглянула на висевший термометр. — Воробушек, тебе не холодно в этом свитере?

— Нет, — нетерпеливо откликнулась Пэгги. — Какой еще призрак?

Элен подошла к плите и в который раз налила себе чашку кофе.

— Да никакой, я пошутила. Это был... какой-то озорник. Он просто дурачится...

Еще не было и восьми, а телефон уже дважды трезвонил. Каждый раз, дрожащей рукой снимая трубку, Элен внутренне напрягалась. Но оба раза нарушители спокойствия оказывались ее старыми знакомыми.

Около одиннадцати вечера снова раздался телефонный звонок. Ветер ревел за окном, а в кабинете было так тепло и уютно, что Элен, погрузившись в сладкие мечты, почти задремала. Услышав звонок, она резко выпрямилась в кресле, и взгляд ее упал на бронзовый бюстик мальчика.

— Все хорошие мальчики в это время видят уже седьмой сон, — пробубнила Элен себе под нос и с раздражением отметила, что озорник все же добился цели — она чувствовала себя не в своей тарелке.

— Ну, это мы еще посмотрим... — процедила она сквозь зубы и бросилась в холл, чтобы успеть снять трубку до того, как проснется Пэгги.

— Ну вот, ты и добился своего, — собралась было выпалнить Элен, но не смогла — в горле пересохло, и слова так и застыли на устах.

Ребенок уже просто заходился в рыданиях, и Элен не на шутку

перепугалась: так притворяться дети не умеют. В этом она была абсолютно уверена. Мальчонка стоял где-то далеко, совершенно один, перепуганный насмерть и беспомощный.

— Тетушка Элен...

— Д-да, — запинаясь, отозвалась женщина.

— Я... пришел домой... а здесь... никого нет.

— О Боже! — не выдержав, воскликнула Элен. — Прекратите немедленно. Кто бы вы ни были, я прошу...

— Никого... здесь никого нет. Где моя мама?

Ветер внезапно изменил направление и шквалом обрушился на дом. Входная дверь яростно застучала. Элен в ужасе отступила назад и облокотилась на стол. Она дрожала как осиновый лист.

— Где Крэг? Где мой брат?

— Я умоляю вас, — шепотом заговорила Элен. — Что вам от меня нужно?

Ребенок снова заплакал. Элен выронила трубку и бросилась из холла. Она ворвалась на кухню, но черные квадраты окон только усиливали беспокойство. Чуть успокоившись, Элен вернулась в фойе и снова подняла трубку. Она услышала лишь приглушенные вздохи — вернее, порывы ветра, которые поначалу приняла за чье-то неровное дыхание, и, собравшись с духом, заговорила:

— Алло. Вы хотели со мной побеседовать. Это неплохая мысль. Разумеется, мне тоже очень хочется с вами поговорить. Я знаю, что вы еще там, почему же вы молчите? Вы что, думаете, я буду...

И в этот момент она услышала провзительный детский крик.

— Майкл! — взвизгнула Элен, уже не осознавая того, что с ней происходит. — Май... — И загнулась.

— Я умер, да? Я умер! Я умер!!!

Элен выронила трубку и уставилась в пустоту. На ее глаза навернулись слезы.

— Мама? — позвала из спальни Пэгги.

— Что? Что такое, Пэгги?

— Ты с кем говоришь?

— Извини, я тебя разбудила. Пожалуйста, постарайся заснуть. Это звонил... преподобный Бартлетт. С ним-то я и разговаривала.

— Очень громко.

— Я знаю. Извини, воробушек. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

«Надо кому-нибудь звякнуть», — окончательно приуныв, решила Элен, и рука ее потянулась за сигаретницей, которая стояла тут же, рядом с телефоном.

Набирая номер, она внезапно поняла, что, возможно, именно сейчас теряет в себе уверенность. С тех самых пор, как умер ее муж, Эд Коннелли, они с Пэгги жили в доме совершенно одни. Однако за все эти долгие годы ей ни разу не пришлось в голову позвонить кому-нибудь, позвать на помощь в трудную минуту, а уж сколько было таких минут... Но теперь...

— Крэг? Извини, что беспокою тебя в такое время, но... Что? Ты еще не ложишься? Вот хорошо. Понимаешь, у меня тут что-

то неладное творится... Что? А ты сможешь? Я была бы тебе крайне признательна... Нет, только езжай не спеша. Дорога сейчас ужасная. Не такое уж срочное дело.

Попрощавшись с племянником, Элен, к своему удивлению, почувствовала себя значительно спокойней и отправилась на кухню варить кофе.

Крэг у Янгу стукнуло двадцать восемь — вполне солидный возраст для его профессии. Крэг работал психоаналитиком. Многие его коллеги в тридцать лет обладали весьма внушительной наружностью, Крэг же, к своему глубочайшему сожалению, смахивал скорее на студента-первокурсника. Он был высок — шесть футов и четыре дюйма, крепкого телосложения. Со временем на лбу у него образовалась приличная залысина, обрамленная нежным пушком. Компенсируя недостаток шевелюры, Крэг отпустил невероятные рыжие усы. Он курил трубку и был уверенным в себе молодым специалистом. Ведь ему удалось выхлопотать место в гринлифской школе-интернате для трудных детей, а не пришлось скитаться по больницам в поисках работы или продолжать чахнуть при университете.

— Кто бы ни был этот мальчик, — уверенно констатировал Крэг, наливая себе третью чашку кофе, — очевидно, он порядком наслышан и о Майкле, и обо всей нашей семье.

— Даже слишком много.

— Могу предположить, что, возможно, кто-то еще вспоминает и мою мать, и, конечно же, Майкла. Встречаются чересчур впечатлительные дети, которые склонны частенько убегать из дома, а некоторым из них смерть Майкла может показаться даже романтической, чем-то вроде подвига. Вполне вероятно, что такой ребенок, выслушав рассказ старших, впитал всю информацию и в конечном итоге вообразил себя Майлом Янгом.

— Это не просто впечатлительный мальчик, Крэг. У него невероятные способности вживаться в роль.

— Что вы имеете в виду?

— Он убежден в том, что он — Майкл. Ведь то, что я слышала по телефону, — не просто детская игра или примитивный розыгрыш. Он не притворялся. Все, что он говорил, звучало потрясающе правдиво и искренне. А как он плакал! — Элен покачала головой. — Жаль, что я уже плохо помню голос Майкла...

Крэг качнулся на стуле и скептически улыбнулся:

— По телефону у всех десятилетних мальчиков голоса кажутся похожими. Уж не хотите ли вы сказать, что у нас в округе объявился настоящий призрак?

— Он называл меня «тетушка Элен», — распаяясь, продолжала женщина.

— Ну и что? Я тоже вас так называл в детстве.

— Нет, — перебила Элен. — Ты не называл. Только Майкл. И никто другой. Я должна сознаться, что этот самозванец здорово напугал меня. Я не понимаю смысл всех этих звонков, однако очень странно — откуда он знал, что меня надо называть именно «тетушка Элен»?

Крэг задумался, а потом беспомощно развел руками и широко улыбнулся:

— Ваша взяла. Я зашел в тупик. Но все равно и здесь надо искать разумное объяснение.

— Да? — Слова племянника только сильнее взволновали Элен.

— Я работаю с трудными детьми. Вот уже шесть лет, как они стали для меня смыслом жизни. Вас поражает этот маленький самозванец, он постоянно звонит, вам даже становится страшно... И я вас не виню, но только помните: он самозванец, и все тут. Рано или поздно ему наскучит эта забава, и он предпримет что-нибудь новенькое.

— А когда ему это надоест?

— Не знаю. К сожалению, должен предупредить вас: чем глубже они погружаются в свои фантазии, тем дольше может длиться само преображение. Иногда уходят месяцы, а то и годы на то, чтобы избавить ребенка от его фантазий и вымыслов.

Элен прикрыла ладонями лицо и застонала.

— Смените номер телефона, — посоветовал Крэг, — а новый номер не давайте никому, кроме друзей.

— Видишь ли, мой мальчик, дело в том, что я занимаюсь продажей антиквариата и очень многим людям необходим номер моего телефона. А кроме того, пока поменяют номер, пройдет несколько дней. — Элен снова закурила. — Кто же это может быть? Мне казалось, я наперечет знаю каждого мальчика и девочку в городе. Но не могу поверить, что это кто-то из местных. Крэг, а может быть, это твой голубчик из интерната мне называет?

— Да, я мог бы назвать нескольких ребят, обладающих болезненной фантазией и к тому же подверженных эмоциональным взрывам, но у них нет доступа к телефону, тем более в одиннадцать вечера.

— А бывает так, что они сбегают от вас по вечерам?

— Да, бывает, но уже после второго побега мы принимаем самые строгие меры, и тогда виновники сидят подолгу взаперти.

— Ну, в таком случае, он мог сбежать из школы и...

— И в следующий раз перепоручить это дело своему другу.

Элен вздохнула.

— Я просто пытаюсь найти хоть какое-нибудь разумное объяснение.

Крэг встал и отнес чашку с блюдцем в раковину.

— Хотите, я останусь здесь на ночь?

— Что? Нет-нет, так далеко это не зашло. — Элен взглянула на большие настенные часы и тут же вскочила. — Ради Бога, извини меня, Крэг. Уже без двадцати час — тебе давно следовало напомнить о времени.

— Ну что вы! Я целую вечность не приезжал сюда.

— А как поживает Эми?

— Она уехала навестить родителей, но сегодня вечером как раз должна вернуться.

— Тогда в скором времени и соберемся все вместе, — предложила Элен, провая племянника к входной двери.

Крэг снял с вешалки свою каракулевою шубу и, на ходу облачаясь в нее, зевнул.

— Этот ветер, наверное, не уляжется до утра. Передайте привет Пэгги. Жаль, что вы меня поздно пригласили и я не смог с ней поболтать.

Элен вышла с племянником на порог и там, дрожа от ночной прохлады, дождалась, когда он сядет в машину.

В этот момент в доме зазвонил телефон, но из-за сильного ветра она не сразу услышала его. Когда же звонок, наконец, донесся до нее, Элен встрепенулась и крикнула:

— Крэг!

Племянник уже сидел за рулем, но, услышав голос тетушки, поднял голову.

— Телефон! — Она пальцем показала на дом и бросилась внутрь.

Крэг вышел из машины и несколько секунд стоял в замешательстве, а потом, захлопнув дверцу, направился к дому. Торопясь снять трубку, Элен машинально закрыла дверь. Крэг подергал ручку и понял, что она заперта. Тогда он протянул руку к звонку, но тут же, спохватившись, прислонился лицом к стеклу и начал всматриваться в сумрак. В фойе было темно, но Крэг сумел различить фигуру тетушки на фоне полоски света, падающего из кухни. Одной рукой Элен оперлась о стол, а другой крепко прижимала к уху телефонную трубку.

Крэг постукивал пальцами по стеклу:

— Элен!

Она услышала его, повернулась и, швырнув трубку на рычаг, выскочила на улицу. Крэг отметил про себя, что в этот раз Элен напугана пуще прежнего — лицо ее побелело, глаза остекленели.

— Опять шутничок на проводе? — нахмурившись, осведомился Крэг.

— Да, это звонил Майкл.

— Кто? Послушайте, Элен, вы не должны... — Крэг осторожно взял ее под руку и проводил в комнату. Здесь царил покойствие, и можно было говорить, не пытаясь перекричать ветер.

— Тетя Элен, это был не Майкл, не мой брат Майкл. Он не мог вам звонить. Пожалуйста, не позволяйте себе впадать... — Тут Крэг запнулся, ибо понял, что она не слушает его. — И что же он выдал в этот раз? — Крэг сильно сжал тетушкин локоть, и она вскрикнула:

— Осторожно, Крэг, мне больно!

— Извините. — Он отпустил ее руку. — Но вы выглядели так, будто...

— Не беспокойся. Со мной все в порядке. В этот раз он просто... сказал, что...

— Ну что же, Элен?

— Его голос звучал по-другому. Ему очень холодно. Он... послушай, я лучше присяду, если ты не возражаешь. — Она прошла в кабинет и тяжело опустилась в массивное кресло. Крэг застыл на пороге.

— Он не успел много наговорить, вы ведь находились у телефона секунд тридцать, не больше.

Элен медленно подняла глаза.

— Он только сказал: «Моя мама умерла, да? Зачем вы послали ее на смерть, тетушка Элен?»

Крэг молчал, грустно разглядывая Элен. Спустя некоторое время он наконец заговорил:

— Если мы когда-нибудь отыщем парнишку, надо будет припомнить ему и это. Наверное... я должен сообщить обо всем шерифу.

— Зачем? Какой от него толк?

— Ну... — Крэг неопределенно пожал плечами. — Наверное, и в самом деле никакого, но мне почему-то показалось, что вам так будет спокойнее.

— Бог ты мой, Крэг, я не до такой степени переживаю! — Элен улыбнулась, лицо ее смягчилось. — Извини, я сегодня слишком резка. Наверное, надо хорошенько выспаться.

— Но перед сном не забудьте обернуть телефон толстым полотенцем и запихните его в кладовку. Если нашему хулигану приспичит еще разок побеседовать с вами, пусть он натрет себе на пальце мозоль, набирая номер.

Элен кивнула.

— Я понимаю, ты не можешь точно сказать, когда наконец этот мальчуган остановится, но все же... Как ты считаешь, может быть, теперь он будет звонить пореже? А что если он не ограничится одними звонками?

— Что вы имеете в виду?

— Вдруг у него появится желание... навестить меня?

— Нет, вряд ли, Элен.

— Но он сердится на меня, Крэг. Он считает, что я его предала.

Элен уставилась на племянника, в ее глазах застыло сострадание.

— Может быть... вам с Пэгги лучше побыть несколько дней у меня, в горах... если вы боитесь оставаться здесь одни?

— Нет, тогда пришлось бы ей все объяснять. Пока что эти звонки ее не беспокоят, а вызывают лишь здоровое детское любопытство. Если Май... то есть, если этот мальчик будет опять звонить, я должна приготовиться к любой его выходке. Мне кажется, я смогу с ним справиться. Не на ту напал.

Крэг некоторое время молчал, а потом заговорил, тщательно подбирая слова:

— Я думаю, есть все основания предположить, что мы больше о нем не услышим. Он уже и так достаточно запугал вас в последний раз, когда обвинил в том, что вы — причина смерти его матери. — Элен вздрогнула от ужаса, но Крэг продолжал: — И это хорошо. Может быть, именно здесь и содержится разгадка. Очевидно, последняя фраза и стала центральным звеном его фантазии, слепленной из обрывков разговоров о жизни нашей семьи. Скорее всего у этого мальчика тоже умерла мать или бросила его, и ему совершенно не известна ее дальнейшая судьба. Теперь же объяснение получено, и он знает, кто виновен в ее смерти. Нужда в дальнейшем развитии придуманного образа сама собой отпадает. Неважно, сколько времени потребо-

валось ему, чтобы вжиться в этот образ и представить себя Майклом, теперь он может прекратить игру в один момент.

Элен недоверчиво уставилась на племянника.

— Ты же психоаналитик, Крэг. Может, ты просто хочешь меня подбодрить?

Крэг простодушно улыбнулся.

— По-моему, здесь все логично. Когда я вернусь домой, попробую еще раз разложить все по полочкам, если, конечно, вы не передумаете и не оставите меня здесь...

— Нет, Бога ради, езжай домой. Я уже начинаю засыпать и через минуту буду зевать в открытую.

— Спорю на доллар, что мы никогда больше не услышим о нем.

— Мне начинает казаться, что ты — самый гениальный психолог. Не исключено, что ты умеешь околдовывать людей.

— Тогда завтра вечером я загляну к вам. Надо же будет получить доллар,— шутливо предупредил Крэг, направляясь к двери.

— Прекрасно. И учти: ты останешься у нас на ужин, иначе Пэгги перестанет жаловать тебя.

Крэг наклонился, чтобы чмокнуть тетушку в лоб, и вышел на улицу, поеживаясь от ветра. Элен сразу же нырнула назад в дом, еле сдерживая зевоту, которой пыталась напугать своего племянника. Затем погасила свет на первом этаже, размышляя одновременно о том, когда же наконец Эми заставит Крэга сбрить эти нелепые усы. Тут ей вспомнился спор на доллар, и она тепло улыбнулась.

В этот момент зазвонил телефон.

«Проклятье!» — пронеслось у нее в голове.

Стиснув зубы, Элен подняла трубку.

— Эй, Бертрам! Привет, старина, еще не дрыхнешь?

— Приятель,— с облегчением выдохнула Элен,— вы ошиблись номером. И за это вам огромное спасибо.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Гринлифская школа-интернат располагалась в двух милях от городского центра. Здесь на целых полмили протянулась лощина, окаймленная горными хребтами, которые, будучи совершенно отвесными, вздымались на высоту от четырехсот до тысячи футов. На вершине южного хребта находились школьные корпуса, образовывавшие квадрат с таким же ровным прямоугольным двориком внутри. Весь комплекс окружала невысокая стена, подчеркивавшая целостность ансамбля.

На годовое содержание одного мальчика в гринлифской школе уходила куча денег, однако несчастные родители, находившиеся на грани отчаяния, не скупились. Тщательно подбирались и персонал: помимо высококвалифицированных учителей, специально подготовленных для обучения способных, но взбалмошных ребят, здесь работали два психиатра и два психолога. Психиатры наведывались сюда раз в неделю из Сент-Луиса, расположенного милях в ста пятидесяти от этого живописного уголка. Таким

образом, основное бремя ложилось на плечи Крэга Янга и его ассистентки Эми Лоулор, потому что более двадцати мальчиков нуждались в ежедневном лечении.

Как-то раз, обедая с Эми в школьной столовой, Крэг невзначай обмолвился о странных телефонных звонках его тетушке. Эми живо заинтересовалась этой историей и попросила Крэга рассказать ее подробнее.

— А может, это один из наших? — предположила Эми после того, как Крэг выложил ей все детали тетушкиной истории.

Крэг не спеша набил в трубку табак, раскурил и, время от времени затягиваясь, заговорил:

— Ту же самую мысль высказала и Элен, однако я с вами не согласен. Здесь, конечно, присутствует синдром потери родителей. Но я сомневаюсь, что кто-то из наших мальчиков хоть краем уха слышал о моем брате Майкле. Ведь это случилось шестнадцать лет назад. Да и кто вообще знает теперь о его существовании? Во всяком случае, сам я давно о нем не говорю, да и вспоминаю-то уже не так часто. Вряд ли у кого из местных промелькнет в памяти Майкл. Такие вещи стараются побыстрее забыть.

— Да, но тот мальчик, который звонит Элен, несомненно, знает о Майкле очень много, и фантазии его довольно складные. И страшные. На месте Элен я бы потеряла покой.

— Да, но вот сегодня он не звонил, — бодро заявил Крэг. — Я разговаривал с Элен перед тем, как мы пришли сюда. Так что мои предположения, вполне возможно, окажутся верными: мальчику надоело играть в «Майкла», и он придумал себе новое развлечение.

— Возможно, — согласилась Эми, чуть-чуть поразмыслив. — Но ведь твоя тетька была уверена в том, что звонил именно Майкл.

— Она просто не знала, что и подумать.

— Крэг, ты не веришь в привидения, но все же...

— Никогда не верил и не собираюсь.

— Да, — твердо произнесла Эми. — Я знаю. Зато я верю.

Крэг улыбнулся:

— Ну, в этом-то случае ничего сверхъестественного быть не может.

— Правда? А я как раз считаю, что наоборот.

— Ну, валяй. Попробуй, убеди меня. Ты, кстати, будешь доедать пирог?

— Нет. Если хочешь, возьми мой кусок. Крэг, ты сказал, что мальчик, который звонит тете, настолько вжился в историю твоей семьи, что и взаправду считает себя Майклом. А с другой стороны, ты сам только что уверял меня в том, что ни один десятилетний парнишка ничего не может знать о твоём брате, погибшем шестнадцать лет назад.

— Ну, на все сто процентов я не стал бы этого утверждать.

— Я это учту. Но ведь этот мальчик обращался к Элен именно «тетушка Элен», и она клянётся, что, кроме Майкла Янга, ни один человек в мире так ее не называл.

— Однако по меньшей мере человек сто слышали, как он называл ее «тетушкой Элен», когда был жив.

— Позволь с тобой не согласиться. Это не те слова, которые раз и навсегда врезаются в память, тем более если речь идет о соседях или знакомых.

Крэг подцепил вилкой последний кусок вишневого пирога и снисходительно глянул на свою собеседницу:

— Ну и какие же отсюда выводы?

— Может быть, дух твоего брата Майкла...

— Снял телефонную трубочку и несколько раз звякнул Элен. Какую трубочку? И где снял? В астральной приемной, о которой частенько судачат оккультисты?

— Если тебе так нравится подкалывать меня...

— Нет, конечно, нет. Ради Бога, извини. Валяй дальше.

Эми вздохнула. Рассудив, что повода для обиды нет, она улыбнулась и вполне серьезно продолжала:

— Дух твоего брата вполне может вселиться в самого обыкновенного мальчика, который живет неподалеку и обладает повышенной психической чувствительностью.

— Одержимостью? Ну, если бы это произошло, то не явилось бы тайной для остальных жителей городка. Родители незамедлительно приволокли бы мальчугана к нам для изгнания дьявола или чего-то в этом роде, уж не знаю, что с этими демонами принято делать.

— Не совсем так. Может быть, иногда мальчик себя странно ведет, чем озадачивает родителей, да и только. И ничего серьезного не возникало до тех пор, пока этот дух, дух Майкла, не начал заставлять свое новое тело выполнять дикие вещи. Может быть, все получается не совсем так, как этого хочет дух. Или Майкл просто желает войти в контакт со своей тетушкой.

— Боже мой, Эми, где ты набралась такой чертовщины?

— В университете у меня был приятель — настоящий медиум. Он занимался спиритизмом. Кстати, потом он стал блестящим психиатром. Так вот он, между прочим, даже не сомневается, что некоторые из душевных заболеваний вызываются именно демонами. И я с ним вполне согласна.

— И когда же в последний раз ты встречалась с демоном?

Эми махнула рукой в сторону школьных корпусов:

— Там их больше сотни.

— А конкретно?

— К счастью, мне не приходилось встречаться пока что ни с демонами, ни с привидениями. Но на спиритических сеансах я много раз слышала, как разговаривают духи.

Крэг бросил на нее умоляющий взгляд, но Эми не заметила его и лишь быстро поправила упавшую на лицо пушистую прядку волос.

— Теперь в твоем арсенале еще одна теория происхождения телефонных звонков, и я считаю, что она ничуть не хуже других. Пораскинь мозгами на досуге.

— Ты не хочешь сейчас прокатиться?

— С удовольствием. Но послушай, ты действительно со мной согласен?

— Я в восторге.

— Ну, это уже кое-что, — слегка растерявшись, пробормотала Эми.

— В восторге от того, что проведу с тобой еще целый час, — добавил Крэг и рассмеялся.

Они сели в машину Крэга и тут же выехали на городское шоссе, представлявшее собой старую, хотя и покрытую асфальтом, дорогу. Крэг окрестил ее как-то «слепой», ибо пролегла она большей частью через непроходимые леса. Спустя несколько минут психолог решил задать Эми еще парочку вопросов относительно ее теории:

— Ну допустим, это призрак Майкла. Тогда где же он пропал все эти шестнадцать лет?

— Вот этого-то я и не могу тебе сказать, потому что сама ничего не смыслу в спиритизме.

Воздух уже успел прогреться. Чистое небо поражало почти идеальной голубизной. Длинные волосы Эми разлетались по ветру, и она восхищенно улыбалась, любуясь красивой окрестностью. Они мчались сквозь тенистые рощи, тронутые осенним багрянцем, мимо древних крутых утесов, кое-где треснувших или расколовшихся от времени. Затем, оставив позади деревянную дамбу, пронеслись по старому железному мосту. Эми жестом попросила Крэга сбавить скорость.

— Мы когда-то жили неподалеку отсюда, — громко крикнул Крэг. — Вон на той горе. Там еще до сих пор стоит наш дом. Хочешь посмотреть?

Крэг впервые заикнулся о своем детстве. А разговор за обедом только распалил любопытство Эми. Ей не терпелось узнать о трагедии, случившейся много лет назад.

Крэг притормозил, не доезжая до перекрестка, где узкое, посыпанное гравием шоссе пересекало проселочную дорогу. На обочине возвышались три столбика с почтовыми ящиками. Эми успела разглядеть их. Последний ящик основательно проржавел, однако Эми без труда прочитала фамилию «Янг».

Дорога пошла круто вверх, и тут Крэгу пришлось трудновато: то и дело приходилось лавировать между ухабами и объезжать булыжники, которыми была усеяна эта Богом забытая дорога. По левую сторону до самой вершины хребта тянулся вырубленный лес. Редкие сохранившиеся деревья казались огромными и величественными. Солнце заливало землю своим сиянием. Однако, несмотря на теплую красновато-оранжевую палитру листвы, раскинувшийся справа лес удручал. Он выглядел словно непроходимая стена, от которой так и веяло каким-то враждебным холодом.

— Кто живет здесь, я не знаю, — объявил Крэг, указывая на деревянный дом. — Наверное, хозяева приезжают только на лето. А семья Крофутсов обитает в самом конце дороги. По крайней мере они там были, когда я последний раз навещал эти места.

— А когда?

— Уже не помню, — задумался Крэг. Внезапно он помрачнел, и Эми никак не могла понять причину такой резкой смены настроения. — Может, пару месяцев назад, а может, и лет.

Крэг поднялся еще футов на пятьсот по дороге, которая выглядела все более и более разбитой, а потом свернул с нее на широкую тропу, поросшую травой и мелкими кустиками. Наконец они добрались до каменной площадки на вершине хребта. Обернувшись, Эми едва разглядела внизу шоссе, а впереди, в проеме между остроконечными хребтами, известном как «Седло Кларка», расстилалась долина Шейдс — пожелтевшие участки пастбищ сменялись огненно-рыжими осенними лесами.

— Какая красота! — прошептала Эми. — Как здесь здорово!

— Я тоже всегда так думал. — Крэг вышел из машины и, сунув очки в карман рубашки, направился к заброшенному коттеджу. На полпути он остановился и, повернувшись, вопросительно посмотрел на Эми. — Ты идешь? Хотя, конечно, не больно-то здесь и интересно.

Эми быстро подошла к нему, и вскоре они очутились перед небольшим домиком, двери которого выходили на восточную сторону. Крыша отсутствовала, как, впрочем, и одна из стен. Повсюду валялись почерневшие камни. Здесь царствовал мох, все вокруг было покрыто им. Над руинами склонился гигантский древний дуб, который, хотя и пострадал от огня, все же остался на месте и, как согбенный старец, пытался прикрыть собой развалины.

Эмиavorоженно оставилась на дом, затем взглянула на Крэга и поняла, что все это время он пристально наблюдал за выражением ее лица.

— Как видишь, дом сгорел, — констатировал он.

— А что случилось?

— Из-за матери. Она и в трезвом-то состоянии не всегда нормально себя вела, ну а уж когда напивалась, от нее просто житья не было. В доме у нас был камин, и его вполне хватало, чтобы согреться холодными зимними вечерами. Но за огнем надо следить, ты же понимаешь. А мать имела привычку класть слишком много дров на угли, а потом сразу же засыпала на диване. В ту злополучную ночь несколько искр попало на ковер. К счастью, мать проснулась, более того, успела еще и нас вытащить через черный ход... Внутри показывать нечего. От дома остался один скелет. Дело было зимой, и снег с крыши в конце концов потушил пожар, иначе даже этот каркас не уцелел бы.

Эми осмотрела площадку и заметила в углу целую кучу мусора: какие-то бумажки и консервные банки.

— Похоже, здесь частенько устраивались пикнички. Кто сейчас владеет этой территорией?

— Я. Я унаследовал ее в возрасте двадцати одного года.

Эми подошла поближе к дому.

— Вот здесь и стоял этот самый Майкл, когда звонил вчера вечером твоей тетушке. Интересно, а...

— Ради Бога, Эми, — строго оборвал ее Крэг. — Пошли отсюда.

Он стремительно зашагал к машине, и Эми едва поспевала за ним.

— Я ляпнула не подумав, — извинилась она. — Я знаю, что здесь ты провел не самые лучшие годы.

Крэг посмотрел на нее, но взгляд его ничего не выражал.

— Нет, Эми, ты не права. Мы с Майклом были счастливы. Я бы даже сказал, очень счастливы. — Он прислонился спиной к машине и, доставая трубку, задумчиво разглядывал через «Седло Кларка» долину Шейдс. — Мы росли в естественных условиях, бегали по лесам, и нам было хорошо с матерью, словно она приходилась старшей сестрой. Теперь-то я знаю о ней гораздо больше, чем тогда, и, разумеется, понимаю ее вину. Она пила и... не совсем верно воспринимала мужчин, не больно-то разбиралась в них, частенько она вообще забывала о нас, но мы тогда не замечали этого. Мы знали, что если она не вернулась сегодня домой, то обязательно придет завтра и снова приготовит нам еду, постирает, уберет дом, выкупает нас и выслушает все истории про наши подвиги и приключения. Даже теперь мне кажется, что она была тогда счастлива с нами, хотя сегодня оцениваю прошлое по-другому.

— Наверное, твоя мать была очень милым человеком, несмотря на все свои недостатки.

— Да, теперь-то я знаю, что на первой стадии развития маниакальной депрессии люди бывают просто очаровательными, пока не начинаются приступы. А мы с Майклом не часто наблюдали их. Мать была умной женщиной и в такие периоды старалась уйти из дома. Возможно, она понимала, что в один из таких приступов может убить нас. И еще одна мудрая штука, на которую мать решилась: когда болезнь начала прогрессировать и постепенно у нее развился настоящий психоз, она сблизилась с тетей Элен.

Эми подошла поближе и уткнулась в его плечо.

— А что случилось с твоей матерью, Крэг?

— После того как сторел дом, Элен поняла, что мать представляет опасность и для нас обоих. Сначала она пыталась уговорить ее добровольно обратиться в психиатрическую лечебницу Кемптона. Но мать смертельно боялась подобных заведений. Поэтому пришлось отправить ее туда принудительно. Она умерла буквально через несколько часов после того, как ее доставили в больницу. Мать сразу же попыталась сбежать оттуда и погибла от кровоизлияния в мозг. Ей было всего двадцать девять лет.

— Это ужасно.

— Она относилась к тем самым обреченным людям, которые изредка и нам с тобой встречаются. Стоит только взглянуть на них, и ты нутром чувствуешь, что они умрут очень рано. Наверное, и на Майкле лежал этот отпечаток, но я сейчас плохо помню брата и не могу сказать наверняка. Он был копия матери: темноволосый, вечно напружиненный, полный энергии и легко поддающийся сменам настроения. — Неожиданно Крэг рассмеялся: — А интересно, какой вид у меня? Не слабый, вероятно, компотик из плодов со всего генеалогического древа.

— А мне очень нравится твой вид, — мечтательно произнесла Эми, закрывая глаза. — И не разрушай мой идеал. Мы знаем друг друга уже полтора года. Теперь я уверена, что уже давно люблю тебя. Полгода назад я могла сказать то же самое и о тебе.

А вот теперь я снова ни в чем не уверена и никак не могу понять, что же произошло. Может, я одеваюсь, как клуша? Или моя косметика ни к черту? А может, у меня испортилась фигура?

Крэг едва заметно улыбнулся.

— Ну, так в чем же дело?

— Эми, я тебя очень люблю.

Крэг начал целовать ее — сначала в щеки, а потом, все более распалаясь, в губы. Счастье захлестнуло Эми, она таяла в его объятиях...

Через несколько минут они уже возвращались к машине, шагая рядом и держась за руки. Лица их полыхали. У Эми в волосах застрял кусочек коры. Всю обратную дорогу хорошее настроение не покидало их. Эми уже забыла и о Майкле Янге, и о звонках, и даже о разрушенном обгоревшем коттедже, когда вдруг Крэг неожиданно заговорил:

— Скорее всего он был здесь, на пикнике, вместе с родителями и услышал эту историю от них.

— Кто?

— Тот мальчик, который названивает Элен. И, видимо, его заинтриговала история нашей семьи. Впрочем, это уже не важно. Ведь звонки прекратились. — Крэг посерьезнел. — По крайней мере я на это надеюсь.

— Да, хорошо бы. Бедная Элен. Наверное, нелегко ей пришлось. Надо ведь было воспитывать двух мальчиков.

— Собственно, я-то не причинял ей особых хлопот. Но Майкл никак не мог примириться с тем, что она взяла нас к себе. Помоему, он решил, что именно она виновата в смерти матери, а я так и не сумел переубедить его. Он то и дело удирал из дома, но я всегда отправлялся искать его и вовремя находил. Конечно, он сопротивлялся, доходило даже до драк, и хотя я был всего на полтора года старше, физически я его значительно превосходил. И каждый раз благополучно конвоировал Майкла домой. Но вот как-то ночью, месяцев через десять после смерти матери, он снова сбежал и попал в сильную пургу. Такие бураны не часто случаются в наших краях. И я не смог найти его. Его обнаружили только летом в долине, милях в пяти отсюда. Остался один скелет на дне ручья. Вот так. А осенью я пошел в школу и приезжал в Шейдс только на летние и рождественские каникулы. Может, это и к лучшему. А то я бы затосковал по Майклу.

— Но ты сделал все возможное, чтобы помочь ему.

— Ты так считаешь? — Он улыбнулся, но улыбка получилась какая-то перекошенная. — Я ведь тоже был мальчиком и не понимал, как нужно вести себя, когда у него начинались приступы депрессии. Мы хорошо уживались с ним, дружили, как братья, но в такие минуты Майкл словно отключался. Он просто вычеркивал меня из своей жизни.

— А ты знаешь, с тобой тоже такое случается иногда.

— Что именно?

— Вычеркивать людей из своей жизни. Когда ты забываешь о моем существовании, я тоже не знаю, что делать, и прихожу в отчаяние.

— Прости, Эми. Сегодня все будет по-другому.

— Да, — откликнулась она. — Я очень на это рассчитываю.

Из канавы выскочил белый щенок с коричневыми пятнами, и Элен резко крутанула руль, чтобы не задавить песика. Машину понесло на встречную полосу, и лишь на противоположной обочине ей удалось справиться со своим фургончиком. Эльза Бриттон вскрикнула, слегка ударившись о приборную доску.

— Бог мой, Эльза! Ты не ушиблась?

— Нет-нет, все в порядке. — Эльза мельком взглянула на подругу. — Да ты вся побелела как полотно. Он же был далеко.

— Это ужасно, но я сейчас — просто сплошной комок нервов.

— Ты плохо спала?

— Точнее, вообще не спала.

— В нашем возрасте бессонница — непростительная роскошь. Это сказывается на внешности, — решительно заявила Эльза, и Элен улыбнулась: Эльзе стукнуло уже шестьдесят три.

Эльза протянула руку и нежно похлопала Элен по плечу.

— Не волнуйся так. Давай-таки оставим всех психов и придурков Крэгу, он по этой части дока. Крэг ведь уверял тебя, что мальчик больше не будет звонить.

— Ну, пока он и не звонит, но в дальнейшем...

— Если ты так беспокоишься, то бери Пэгги и приходите сегодня ночевать к нам.

— Меня беспокоит то, что... — пробормотала Элен и притормозила. Они стояли у дома.

— Так что же?

— Эльза понимаешь, первое, о чем спросила сегодня Пэг, так это «звонил ли Майкл опять?».

Они вышли из машины, и Элен, открыв задний борт, попыталась извлечь оттуда два старинных стула, которые ей удалось приобрести в Глэддене.

— И еще она попросила меня показать фотографию Майкла.

— А у тебя есть? — удивилась Эльза, помогая вытаскивать стулья.

— Я и сама не помнила. Только я подумала, что, если ей показать снимок, может быть, она успокоится и быстрее обо всем позабудет. Поэтому перерыла все старые альбомы и наконец нашла снимок. Майкл там в четвертом классе.

— Ну, она осталась довольна?

— Эльза, она лишь мельком взглянула на фотографию и заявила буквально следующее: «Все правильно, я его видела».

— Это вполне естественно. У девочки отличное воображение.

— Не думаю, что это воображение. Пэгги говорила вполне уверенно и, кроме того, упомянула, что этот мальчик не из их школы. Понимаешь, этот мальчик — Майкл — не ходит в школу Шейдс.

— А где она его видела?

— На школьной спортивной площадке. Помнишь, на прошлой неделе она оставалась после уроков на репетиции? Ну они готовились к празднику города. Собираясь забрать Пэгги, я еще опоздала к ней на целый час. Так вот, она оставалась на этой площадке совершенно одна до самой темноты. Я хочу сказать,

что, кроме нее и этого мальчика, больше никого там не было. Пэгги уверяла, что он подошел сзади и стоял буквально в нескольких шагах от нее, а когда она повернулась, мальчик бросился бежать в сторону леса.

Эльза попыталась улыбнуться.

— Наверное, он из Гринлифа, — предположила Элен. — Но, видишь ли, в такое позднее время у них бывает проверка по комнатам и все мальчики обязаны находиться на своих местах. Эльза, ты хорошо помнишь Майкла?

— Да, очень хорошо. — Эльза подняла один стул. — И я так же ясно помню его похороны.

— Нет-нет, не надо, — запротестовала Элен. — Я сама все занесу в дом, не волнуйся. Энди небось голову ломает, куда же ты запропастилась. Спасибо, что составила мне компанию.

— Да что ты, мне очень понравилось, — возразила Эльза. — Будь так добра, сделай мне небольшое одолжение. Выкинь из головы всех этих призраков и прочую чертовщину.

— А я и не думала о них. Но вот в последнее время что-то уж больно много совпадений. Ну, теперь иди, а то Энди начнет обрывать телефон и задаст мне порядочную взбучку.

— Он, наверное, и не заметил моего отсутствия, — отмахнулась Эльза. — У него по горло работы: надо красить сарай, а тут еще эти пчелы... Его на обед-то можно теперь только пушечным выстрелом зазвать. Никогда не предполагала, чтобы мужчине так могло затянуть его увлечение. Ну, спокойной ночи, Элен. Позвони мне сегодня, если что не так.

Элен проводила Эльзу до машины, которая была припаркована у дома, а потом, прихватив один стул, направилась к крыльцу, где ее уже поджидала разъяренная Бренда.

— Ужин давно готов, а я никак не могу дозваться эту хулиганку Пэгги. Она мне даже не отвечает.

— А где она, Бренда?

— Смылась в свою халупу на дереве. И молчит как рыба.

— Ну, я ее сейчас приведу. Подавай на стол.

Элен оставила стул у крыльца, принесла туда же второй, потом заперла машину и, обогнув дом, направилась в сад. Темнело, идти приходилось медленно, иначе можно было очень легко споткнуться о корень дерева и вывихнуть ногу.

— Пэг! — позвала Элен, подойдя к старому ореховому дереву, где девочка соорудила себе из досок маленький домик наподобие собачьей конуры. Но ответа не последовало. Элен решила, что дочка, возможно, заигралась где-нибудь в другом месте.

И тут она услышала плач.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ферма Бриттонов, расположенная млях в четырех от города на восточном склоне Блу-Ай-Ноб, славилась на всю округу. Когда-то Энди Бриттон был здесь единственным врачом. Ближайший госпиталь находился в сорока трех млях отсюда, подъездные дороги к нему были в плачевном состоянии, и больным стоило больших трудов добраться туда. Теперь же и в самом

городке построили собственную больницу на тридцать коек. Там, помимо Энди, работали еще три молодых доктора. Энди же, основавший эту больницу, являлся сюда лишь один раз в неделю на осмотр пациентов. На ферму Энди выкроил из своего драгоценного времени два дня, остальную же часть недели ею занимался помощник, человек надежный и настолько опытный специалист, что стадо неизменно приносило немалые прибыли.

Таким образом, у доктора оставалась уйма свободного времени, и он посвящал его либо охоте или рыбалке, либо с головой уходил в свое любимое занятие — пчеловодство.

Для этой цели на территории фермы были оборудованы четыре здоровенных амбара, где и содержались в зимнее время пчелы. Температура и влажность поддерживались здесь в надлежащем режиме, который соблюдался, пожалуй, даже более неукоснительно, чем на молочной ферме.

С утра до вечера доктор разгружал сегодня сено вместе с Гарри Рендлом, единственным работником на ферме, который не боялся заходить в пчелиные амбары. Здесь временами роилось до полумиллиона насекомых.

Для доктора Рендл был тягловой лошадкой. Молодой человек числился у Бриттонов вот уже почти год и, если не считать их самого толкового помощника Сэма Клэйпула, являлся наиболее способным и старательным работником. За все это время Гарри еще ни разу не опоздал, никогда не ныл, что ему «нездоровится». Короче, он в поте лица отработывал свое жалованье. Он знал толк в сельскохозяйственной технике и время от времени чинил ее собственными руками. Кроме того, этот юноша запросто мог найти подход к самой бодливой корове, а уж такая способность, безусловно, относилась к врожденным талантам. Рендл схватывал все буквально на лету. И в конце концов доктор Бриттон решил, что помощь Рендла будет неплохим подспорьем Сэму. Однако в глубине души он все-таки колебался и не спешил предлагать Гарри постоянное место на ферме, ибо не раз слышал о нем весьма нелестные отзывы.

— Шесть ульев уже подготовлены для зимовки, — сообщил доктор, когда они перетаскивали сено в амбар. — Рабочие пчелы в основном уснули, а трутней уже давно выгнали, несколько недель назад.

— Похоже, их тут немало, — засомневался Рендл, не решаясь войти в амбар. Как раз в этот момент мимо его носа пролетела пчела.

— Это разведчики, из тех ульев, которые постоянно кормятся и будут подкармливаться в течение всей зимы. Но они тебя не тронут, к тому же не так уж их и много.

Они уложили сено и остановились немного передохнуть.

— Да тут все кишмя кишит ими, — заметил Рендл, но сказал это так спокойно, будто пчелы на самом деле нисколько не волновали его. — А откуда вам известно, что они не собираются сбиться в рой и напасть на нас?

Доктор Бриттон засмеялся:

— Если мы их не будем обижать, ничего страшного произойти не может. Но вот если, например, мы отнимем у них кормушки...

У каждой пчелы есть внутри свои собственные биологические часы, которые точно указывают, когда наступает время кормления. До еды еще несколько часов, и я наполню их кормушки. А пока надо будет обкурить ульи, чтобы все рабочие пчелы вылетели оттуда. Ты когда-нибудь работал на пасеке, Гарри?

— Да, несколько лет назад.

— А где? По-моему, ты мне никогда не рассказывал, откуда родом.

— В самом деле, никогда,— отозвался Рендл, не глядя на доктора. Бриттон дружелюбно разглядывал его и ждал, когда тот заговорит. Гарри снял свою бейсбольную кепку цвета хаки и почесал в затылке. У него была чудесная густая и темная шевелюра. Гарри улыбнулся, осознавая, что доктору и в самом деле интересно узнать о нем кое-что.

— Где я только не жил! И везде мне нравилось.

— Но ведь должен у тебя быть родной город либо деревня.

— Разумеется. Где-нибудь я наверняка родился.— Он повернулся к доктору и уставился на него, не переставая улыбаться. Однако улыбка эта скорее напоминала маску.— Но я не знаю, где именно. Я родился, потом меня бросили, потом кто-то меня воспитывал. Ну, так ведь часто бывает. Вот и начал я шляться с места на место. Надоест одно — сразу еду дальше.

— Наверное, тебе нравится у нас. Ведь ты почти год у меня работаешь, правда?

— Точно,— подтвердил Гарри, едва сдерживая зевоту и давая этим понять, что любопытство доктора пришлось ему не очень-то по вкусу.— Здесь нормально. Может, закончим лучше с сеном, пока еще не стемнело?

Они не спеша покинули амбар.

— Могу тебя заверить,— снова начал доктор,— что я очень доволен твоей работой на ферме. Я говорил недавно с Сэмом. Ему нужен помощник, и лучшего кандидата, чем ты, он мне не смог назвать.

— Вот как,— буркнул Гарри и замолчал. Он не произнес больше ни слова, пока они перетаскивали в амбар сено. Потом молодой человек внезапно остановился, стер со щеки пыль и медленно произнес, внимательно глядя на доктора: — Меня это не интересует.

— Может быть, ты мне объяснишь, почему?

— Я как раз через месяц-другой собирался сматываться отсюда,— неохотно заговорил Гарри.— Когда точно, еще не знаю.

— Понимаю. А я думал, что ты испугался взять на себя такую большую ответственность.

Рендл пожал плечами.

— Послушай, Гарри. Тебе ведь уже двадцать шесть лет. Ты не можешь бродить с места на место всю жизнь. Конечно, у меня не самая роскошная ферма в округе, но, работая здесь, ты сможешь скопить неплохие деньги. Я ведь знаю, что ты не лентяй. И мне бы очень хотелось, чтобы ты занялся более интересными вещами, чем быть тут на побегушках, как до сих пор.

Гарри перестал улыбаться и помрачнел.

— А почему это вас беспокоит?

— Потому что так будет лучше для тебя. Ты совсем неглупый парень, и у тебя все должно получиться. А когда-нибудь ты даже сможешь построить свою собственную ферму.

Рендл усмехнулся:

— Ну уж нет, спасибо!

Доктор Бриттон грустно улыбнулся:

— Ты уверен, что правильно поступаешь, Гарри?

— Я не хочу быть привязанным к одному месту. Нет уж, спасибо.

— Ну хорошо.— Они снова вышли из амбара. Солнце уже скатывалось за горы.

— Ну, раз уж мы с тобой разоткровенничались,— снова подал голос доктор,— то позволь мне дать тебе совет, Гарри.

— Пожалуйста,— согласился Гарри, вовсе не потому, что обожал выслушивать советы, а просто приличия ради. Он был крайне напряжен.

— Ты ведь недавно отсидел срок в тюрьме, верно?

Гарри Рендл на секунду застыл на месте, собираясь поднять очередную перевязанную охапку сена.

— Я думаю, вам это известно не хуже меня,— с какой-то наигранной легкостью отозвался он.— Именно так оно и было. Три года. Я угнал машину.— Бриттону даже показалось, что Рендл произнес это с некоторой гордостью, словно совершил подвиг.

— Ты только глянь, какой туман поднимается! — воскликнул Бриттон, желая закончить разговор.

В округе Шейдс из пяти осенних сезонов четыре обязательно выдавались туманными. Доктор посмотрел в сторону своего дома, который находился всего футах в пятидесяти от амбара, и увидел, что тот весь окутан дымкой.

Как только Гарри Рендл ушел, доктор сразу же направился к амбару и, войдя внутрь, плотно прикрыл за собой стальную дверь. Все здесь было залито ослепительным электрическим сиянием. Лампы располагались в потолок таким образом, чтобы освещалось все помещение вплоть до самых потаенных уголков. И горели они все двадцать четыре часа в сутки. Бриттон медленно двинулся вперед по дощатому полу, с удовольствием осматривая ульи, которые были выкрашены в цвета, без труда различаемые пчелами: синий, желтый, черный и белый. На столах стояли разноцветные кормушки.

Несколько насекомых-разведчиков кружили над пустыми кормушками. Бриттон улыбнулся. Одна из пчел вдруг взлетела и устремилась к ульям. Доктор проследил за ней взглядом, а когда снова повернулся к столам, ощутил внезапно какую-то перемену. И тут же понял: в амбаре резко потянуло холодом. Бриттон огляделся по сторонам и заметил, что вторая дверь, расположенная в задней стене, приоткрыта. Похоже, оттуда и сквозило. Доктор нахмурился: дверь всегда запиралась на замок, причем изнутри, а сам он крайне редко пользовался ею. Бриттон торопливо подошел к двери, распахнул ее и выглянул наружу.

За амбаром начинался спуск длиною футов тридцать. Далее

извивалась тропинка, поросшая с обеих сторон молодыми деревьями. Тропинка вела на гору Блу-Ай.

Но сейчас, в тумане, различить дорогу не было никакой возможности. Лишь деревья неясными силуэтами маячили где-то вдаль.

Поблизости располагалась оранжерея. Сейчас она пустовала и выглядела непривлекательно. Кроме того, здесь находился и еще один недостроенный, но весьма любопытный отсек, представляющий собой стеклянную клетку размерами примерно десять на двенадцать футов. Передняя стенка этого сооружения была оборудована скользящими рамами. Именно отсюда наблюдал доктор в свой мощный цейсовский бинокль пчел в момент роения. В этой клетке Бриттон разместил и рабочий стол, и многочисленные ящички, и только-только приобретенный новенький улей.

В тот момент, когда доктор запирает деревянную дверь, зазвонил телефон. Бриттон поднял трубку.

— Энди? Я только что вернулась, так что ужин будет готов не раньше половины седьмого.

— Вот и хорошо, я тут как раз успею пометить парочку пчел. Ну, как себя чувствует Элен?

— Все еще не может прийти в себя.

— Вот это плохо. Звонки продолжаются?

— Нет, будем надеяться, что они действительно прекратились. Тогда, я думаю, через пару дней она отойдет.

— Это было бы здорово. Перезвони мне, когда все приготовишь.

Поговорив с Эльзой, доктор уселся за стол и принялся за работу. Он достал с полки, уставленной множеством различных баночек и пузырьков, одну бутылочку янтарного цвета, на которую был надет пульверизатор и наклеена этикетка с надписью «Хлороформ». Потом выложил на стол несколько баночек с красками и тоненькие кисточки. Пометить насекомых — дело простое, но довольно кропотливое. А нужны эти метки для того, чтобы следить за отдельными пчелами. Сначала пчелиную колонию необходимо усыпить, затем, не торопясь, выбрать подходящих особей. С помощью элементарного цветового кода, где красный означал единицу, желтый — двойку и так далее, доктор мог пометить до шестисот пчел, используя при этом всего пять основных цветов и нанося несмываемую краску на брюшко каждой пчелы.

Доктор нацепил на лицо марлевую повязку, прикрывшую нос и рот, осторожно сдвинул крышку улья, одной рукой взял лупу, а другой — бутылочку с хлороформом и не спеша начал опрыскивать внутреннюю часть улья.

Бриттон не заметил, как вылетела первая пчела, тут же ужалившая его. Но даже теперь доктор не встревожился. Такое встречалось и раньше. На некоторых пчел не сразу действовал хлороформ, и, вылетая, насекомые инстинктивно устремлялись к свету. Кроме того, ужаленное место не болело, словно это был просто укол булавкой. Не доверяя повязке, доктор задержал дыхание и отступил назад, чтобы выждать несколько секунд,

пока хлороформ заполнит соты. А затем приоткрыл верхнюю заслонку.

Целый сгусток черных пчел тут же поднялся из образовавшейся щели и молниеносно облепил незащищенную руку Бриттона. Десятки жал вонзились в кожу. Доктор отдернул руку. Весь улей, перевернувшись, рухнул на пол, крышка отвалилась, и внутренняя часть улья моментально обнажилась.

В ужасе Бриттон начал стряхивать пчел с руки, давя и размазывая десятки жужжащих телец. Но из упавшего улья в воздух поднимались тучи насекомых. Доктор отупевшим взглядом уставился сначала на пчел, а потом на бутылочку с хлороформом, которую до сих пор удерживал в руке. Затем скинул марлевую повязку и понюхал пузырек. И тут вместо хлороформа в нос ему ударил совершенно иной запах — сладковатый аромат спелых бананов.

Вскрикнув от испуга, доктор повернулся и бросился к двери. Но запах бананов уже пропитал его одежду, и пчелы плотной массой со всех сторон облепили Бриттона.

Когда доктор подбежал к двери, он уже не помнил себя от боли, Бриттону казалось, что его жгут раскаленным паяльником.

И тут они добрались до глаз.

Доктор Бриттон издал душераздирающий вопль и упал на деревянный пол. Он слишком хорошо разбирался в пчеловодстве, чтобы оценить ситуацию. Бриттон понял, что сейчас умрет. Однако ужас и инстинкт самосохранения заставляли его сопротивляться. Он катался по полу, давил пчел, но их, похоже, даже не убавлялось. Каждый раз, когда ему удавалось подняться, они снова и снова валили его с ног. Бриттон разъярил их этим банановым запахом, и теперь пчелы обезумели. Они ослепили и оглушили своего хозяина, забив его нос и рот и покрыв его тело страшной коркой. Казалось, что вся его одежда внезапно ожила и зашевелилась.

Бриттон снова упал и через несколько секунд замер.

Эльза собралась было разогреть отбивные, как вдруг в кухне зазвонил телефон.

Она вытерла руки о фартук и сняла трубку.

— Эльза? Это Элен. Я не знаю, надо ли было звонить, но Пэг до того расстроена...

— Что с Пэгги? — перебила Эльза.

— Нет-нет, с ней-то все в порядке. Но... Эльза, мне опять звонили. Снова этот Майкл. Как раз в то время, когда мы с тобой возвращались из Глэддена. Не знаю, где в эту минуту находилась Бренда, наверное, в подвале, потому что к телефону подошла Пэг.

— Она разговаривала с ним? Что-то у тебя голос...

— Да, она с ним говорила, Эльза. А где Энди?

— Возится со своими пчелами. А что такое?

— Майкл сказал Пэгги, что... в Шейдс с одним нашим другом случится беда.

— Что-что? — заволновалась Эльза, тут же забыв про отбивные.

— Вот поэтому я и хочу знать, где Энди. Майкл сказал, что... он сказал, что Энди...

Но Элен не успела закончить фразу. Эльза выронила трубку и бросилась к окну. Сквозь густой туман она едва различала огни в окнах пчелиного амбара, с трудом проглядывали и контуры самого строения. Несколько секунд стояла Эльза, как громом пораженная, всматриваясь в туман, а потом вернулась к телефону.

— Я тебе скоро перезвоню, — резко бросила она Элен в трубку.

— Что-нибудь не так?

Эльза не ответила и, нажав на рычаг, сразу же набрала три цифры — телефонный номер пасеки. Вцепившись в трубку, Эльза стояла не шелохнувшись целую минуту. Так и не дождавись ответа, она швырнула трубку на рычаг и бросилась к задней двери, споткнувшись по дороге о ножку стула.

— Энди! — в страхе закричала она.

До амбара было рукой подать, но дорога шла под уклон, а Эльза вдобавок не разбирала пути в тумане и двигалась наобум. Два раза она споткнулась о корни и чуть было не упала. Сердце ее разрывалось на части. Эльза холодела от мысли, что Энди постигнет очередной сердечный приступ, но пуще всего ее испугал зловещий звонок от Майкла. Эльзе было необходимо сию же минуту увидеть мужа, если с ним все в порядке... Что ж, она согласна выглядеть полной дурой, лишь бы все было в порядке.

— Энди? — еще раз позвала она.

Эльза попыталась отворить стальную дверь, но та никак не открывалась. Она пнула дверь ногой. Наконец дверь поддалась, и Эльза шагнула внутрь амбара.

В ослепительном сиянии перед ней предстал кошмар — смерть в облике роящихся и обезумевших пчел.

У двери на стене висела сетка пасечника, защитные перчатки, комбинезон из плотной джинсовой ткани и красный цилиндр, по виду напоминающий огнетушитель, в котором находился инсектицид. Спустя мгновение, показавшееся Эльзе вечностью, женщина нацупала рукой сетку, накинула комбинезон и открыла клапан баллона с инсектицидом. В эти минуты Эльзе казалось, что сердце ее не выдержит подобного испытания.

«Сейчас я умру», — пронеслось в ее голове, и неожиданно для самой себя Эльза начала молить Бога о смерти, потому что Энди не двигался.

Отравленные пчелы, все еще пытаясь ужалить ее, падали на пол и уже не взлетали. Самые стойкие доползали до ее сапог, а она медленно продвигалась в глубь амбара. Пчелы градом сыпались на сетку и соскальзывали с комбинезона. «Он сильный, — мелькнула вдруг мысль, — он выживет...»

Но, увидев его лицо, Эльза поняла, что надежда оказалась тщетной.

Эльза стояла над мужем и разбрызгивала яд во все стороны, пока чад внутри амбара не стал таким же густым, как и туман на улице. Наконец все насекомые погибли или запрягались в щели. Внезапно Эльза выронила из рук баллон. Неуклюже опустившись на колени, она с трудом приподняла мужа и подта-

щила его к ближайшей двери. Эльза на мгновение отпустила тело, отперла замок, а когда вновь нагнулась, то почувствовала, что силы оставляют ее. Собрав всю свою волю в кулак, женщина снова поволокла тело. Эльза выбралась из амбара, и холодный туман начал обволакивать ее. Она повернулась и сквозь белую пелену заметила, что невдалеке кто-то стоит.

«Помогите! — воскликнула Эльза, но по про себя, ибо сил произнести это вслух у нее не осталось. — Помогите мне».

И тут она увидела его. Туман вдруг рассеялся. Мальчик стоял молча, юное круглое личико ничего не выражало, а печальные темные глаза вопросительно уставились на Эльзу. Вид у него был настолько жалкий и потерянный, словно его одного бросили в этом тумане. А ведь именно так он всегда и смотрел на Эльзу.

— Майкл! — в ужасе выдохнула она и без чувств свалилась подле мужа.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Доремус Брайтлоу заглянул на почту и отправил несколько писем. Одно из них адресовалось сестре Доремуса, живущей в Бервине, неподалеку от Чикаго. Он писал ей каждую неделю, а раз в год обязательно навещал. Другое письмо предназначалось для Владислава Арценко, который жил под Москвой. Доремус понятия не имел, в каком уголке карты затерян этот городок, где проживал его приятель, но желания навестить его до сих пор не испытывал. Подойдя к своему почтовому ящику, Доремус выгреб оттуда почту. Он тщательно просмотрел письма и половину из них, даже не вскрывая, тут же выбросил.

— Так можно и упустить свой шанс, — резюмировал кто-то сзади.

Доремус оглянулся.

— Видишь ли, Хэп, это просто необходимо. Я и без того, наверное, один из счастливейших людей на белом свете. Деньги так и сыплются ко мне, если я играю в лотерею, то обязательно выигрываю. Боюсь, что если начну участвовать во всех розыгрышах сразу, то государственному казначейству придется открывать филиал прямо у меня на дому.

Хэп Уошбрук прислонился к почтовым ящикам, просунув толстые пальцы под широкий кожаный ремень. Именно благодаря португее да еще лихо заломленным широким полям своей шляпы Уошбрук как две капли воды смахивал на шерифа из одного популярного телесериала. Этот выдавший виды телевизионный шериф был невероятно падок на всякого рода подкупы и взятки. Почерневшее на солнце лицо вкупе с усталым выражением глаз еще больше усиливали сходство. Однако на самом деле Уошбрук был честным малым, да к тому же и неглупым. В свое время он состоял в военной полиции и к моменту демобилизации дослужился до полковничьего чина. В округ ежегодно наезжало не менее четверти миллиона отдыхающих, и большинство из них составляли охотники. Разумеется, они прихватывали с собой и ружья. При этом частенько выходило так, что целились они почему-то не в дичь, а друг в друга. И далеко не всегда

подобный выстрел оказывался непредвиденным. За двадцать лет у Хэпа выработалось безошибочное чутье, и он с первого взгляда мог отличить несчастный случай от преднамеренного убийства. Кроме того, Хэп являлся докой по части огнестрельного оружия и не хуже любого эксперта разбирался в ранениях.

— Да-а,— задумчиво протянул Хэп.— Если бы мне повезло, и я бы выиграл «кадиллак», набитый деньгами, то я бы сразу перегнал его в Мексику, в Акапулько. Я уже целую неделю мечтаю о Мексике. Ты что-нибудь знаешь об Акапулько?

— Ровным счетом ничего.

— А у меня это золотая мечта детства. Там солнце жарит напропалую, и куда ни плюнь — всюду самые что ни на есть роскошные фемины. Ну, разумеется, эти детские грезы овладевают моим разгоряченным воображением именно в тот момент, когда охотничий сезон уже на носу. Впрочем, я, пожалуй, согласен жить в любом другом месте, хоть у черта на куличках, но только не в округе Шейдс во время охотничьего сезона. А как насчет чашечки кофе?

Доремус согласился. Они неторопливо вышли на улицу и направились в самый центр городка мимо небольшого местного театра и антикварного магазина Уэлдона.

— Вот уже недели две я что-то не изволю лицедреть тебя в городе,— проронил вдруг Хэп.— А ведь я тешил себя мыслью о том, что у Вашего Величества есть задумки остаться навсегда в этом райском уголке.

— Хэп, я ведь обитаю в здешних местах вот уже два года и считаю, что по праву являюсь жителем округа Шейдс.

— Кроме того, я очень рассчитывал на то, что ты наконец решишься открыть здесь частное сыскное агентство.

Доремус улыбнулся, но так ничего и не ответил.

— Причем агентство, самое процветающее на всем Среднем Западе,— не унимался Хэп.— Я и сам не прочь открыть такое дельце.

— Хэп, а вот тебя заставили бы носить на работу галстук. И к тому же все это — жуткая тягомотина. Примерно то же самое, что торговать обувью.

— Сегодня утром я и обувью торговать был бы рад-радешенек.

Войдя в кафе, они заняли отдельный кабинет, и Хэп подозвал официантку. Доремус заглянул в усталые покрасневшие глаза шерифа и встревожился:

— Что-то серьезное, Хэп?

— Вчера вечером умер Энди Бриттон. Ты его знал?

— Доктор? Он меня зимой лечил от обморожения. А что стряслось?

— Его пчелы зажалили насмерть.

— Медоносные пчелы?

Хэп бросил сердитый взгляд на Доремуса.

— А я-то, дурак, и не знал, что бывают другие. Ну, в общем, там этих тварей собралось не меньше полумиллиона, и они все разом набросились на Бриттона.

— Ни с того ни с сего?

— Наверное, он не слишком осторожно с ними обращался. —

Подошла официантка и поставила перед ними кофе. — Долорес, принеси мне еще булочку с вареньем, — попросил Хэп.

— А давно он разводил пчел? — поинтересовался Доремус.

— Эльза говорила, что, насколько помнит свою семейную жизнь, пчелы у них водились всегда, а женаты они уж тридцать восемь лет. Именно она нашла его в амбаре и сразу же потеряла сознание. В общем, у нее случился сердечный приступ. Ночью ей стало хуже, но я уверен, что Эльза выкарабкается. Эти немки такие живучие. — Он мрачно уставился на дымящийся кофе. — Сама по себе смерть — это уже несчастье. Но тут дело гораздо серьезней. Если интересно, я расскажу.

— Конечно, Хэп.

Торопливо и несколько запутанно шериф поведал Доремусу о телефонных звонках некоего мальчика, называющего себя Майклом. Потом вкратце изложил историю семьи Янгов, а в заключение огорошил заявлением, будто бы Эльза мельком видела возле злосчастного амбара «Майкла собственной персоной».

Когда он закончил, Доремус достал из кармана крохотную сигару, раскурил ее и только после этого заговорил:

— И ты веришь, что именно пчелиный яд явился причиной смерти Бриттона?

— Ты бы видел его тело! Уж я точно удивился бы, узнав, что это не так. Конечно, на всякий случай тело будет сегодня же отправлено на вскрытие. Еще кофе?

— Нет, Хэп, спасибо. А тот мальчик, которого видела миссис Бриттон, он не мог оказаться их соседом?

— Нет, она уверяет, что видела его впервые. В том смысле, что он не живет здесь. Более того, Эльза абсолютно уверена, что это был именно Майкл Янг.

— Да, а что с тем мальчуганом, который предсказал несчастье и разговаривал с дочерью Элен Коннелли?

— Это еще не выяснено до конца, — признался Хэп. — С утра пораньше я отправился к Элен Коннелли, чтобы поговорить с Пэгги и выяснить, что она помнит об этом звонке, но девочка находилась в страшной депрессии. Она переживала гибель доктора и отказывалась с кем-либо общаться. Пэгги ведь не знала своего настоящего отца, и доктор в какой-то мере заменил его девочке.

— Миссис Коннелли вдова?

— Ее муж, Эд Коннелли, был моим закадычным другом. Он работал егерем и погиб много лет назад во время очередного весеннего наводнения. Вот о чем я подумал, Доремус... Мне очень важно узнать подробности того телефонного разговора между Пэгги и неизвестным мальчиком. Ты ведь так легко находишь с детьми общий язык. Я так не умею. Вот если бы ты...

— Хэп, ты же знаешь, я больше не служу в полиции.

— Да-да, я понимаю. Но разве это похоже на ежедневную полицейскую рутину?

— Ну, даже и не знаю... Конечно, буду рад помочь тебе, Хэп. Но эта маленькая девочка точно так же может не захотеть разговаривать и со мной...

К дому Коннелли они поехали в машине Хэпа. Однако вос-

пользовались они не полицейским, а его личным автомобилем. Элен все еще находилась на ферме Бриттонов, ухаживая за Эльзой. На пороге дома их встретили Крэг и Эми.

— Доремус работал раньше в чикагской полиции, — сообщил Хэп после того, как представил всех друг другу.

Крэг внимательным взглядом окинул Доремуса. Казалось, он заинтересовался бывшим полицейским.

— В самом деле? — изумился он. — А в каком отделе?

— Я работал следователем.

— В отделе расследования убийств, — уточнил Хэп.

Крэг улыбнулся, а это со всей очевидностью означало, что к последней фразе он отнесся с должным трепетом.

— А что привело вас в Шейдс, мистер Брайтлоу? Вы в отпуске?

— Нет, я живу здесь уже два года, у озера под названием «Гармония».

— Мы с Доремусом зашли сегодня выпить по чашечке кофе, и я рассказал ему о смерти Энди Бриттона...

— Вы считаете, что это был несчастный случай, шериф? — вклинилась в разговор Эми.

— А мне больше ничего не остается, Эми. Пока, возможно, не раскроются иные обстоятельства дела.

— Наверное, — начала Эми и смугилась, заметив, что Доремус пристально смотрит на нее своими внимательными и добрыми глазами. — Наверное, вам необходимо будет выяснить, кого же вчера видела Эльза.

200 — Да, мальчик здорово будоражит мое воображение, но на этот счет у меня пока нет никаких предположений. Однако сейчас самое главное — телефонные звонки, поэтому-то я и попросил Доремуса заехать к вам. Может быть, ему удастся разговорить Пэгги.

— О, это вряд ли, — засомневался Крэг. — Все утро напролет я понапрасну пытался успокоить ее и уговорить выбраться из этого домика на дереве.

— Домик на дереве, — повторил Доремус. — А где это?

— На заднем дворе. Там рядом с гаражом растет огромное дерево, я вам покажу.

— Не надо, я найду его сам. — Доремус сунул руки в карманы своей штормовки и не спеша направился к выходу.

Эми взглянула на Крэга, но тот лишь усмехнулся.

— Похоже, он чувствует себя как дома, — заявил он, когда Доремус скрылся из виду.

— Я и раньше видела его в городе, — задумчиво произнесла Эми. — Значит, когда-то он работал следователем. Эх, кожа да кости. Но вообще ужасно милый. Интересно, Элен, успеет застать его здесь?

Доремус приблизился к дереву и, вглядываясь в густую крону, медленно обошел вокруг мощного ствола. Под ногами шуршали опавшие листья.

— Эй! — позвал вдруг Доремус, задумчиво изучая лестницу, приставленную к дереву. Наконец он решил и начал караб-

каться вверх, отчего ступеньки под ним жалобно зашкрипели.

Лаз в домик был крохотный, рассчитанный на ребенка, и Доремус едва ли просунул бы туда даже плечи. Он заглянул внутрь и увидел Пэгги. Девочка забилась в дальний угол домика и, как затравленный зверек, уставилась на незваного гостя. Доремус тут же прикинулся, что его интересует не Пэгги, а ее необычное восхитительное сооружение.

— Потрясающе,— заявил он, прищурив глаза.— Чуть тесноват, правда. Если бы я строил на деревьях дома, я бы поднимал крышу немного повыше. И вообще сделал бы домик попросторней, чтобы хватило места и для моей собаки. Она все время торчит на деревьях, вот я и подумал: хорошо бы и у нее была крыша над головой. Как ты считаешь?

Помолчав, Пэгги равнодушно возразила:

— Собаки не умеют лазать по деревьям.

— Большинство собак действительно не умеют лазать по деревьям. Но к моей это не относится.

Пэгги задумалась, почему в ее домике нет такой собаки. Однако объяснение этому прискорбному факту было моментально найдено:

— Мою собаку задавила машина.

— Как жаль.

Девочка выглянула из маленького окошка, которое находилось возле нее.

— Правда, это была ужасно непослушная собака,— сообщила она и вздохнула.— И еще она кусалась.

— Собаки не всегда кусают по собственному желанию, им частенько приходится это делать.

— Все равно она кусалась. А ваша собака кусается?

— Нет, она уже очень старая.

— А у меня есть... старый кот.

— А вот у меня никогда кота не было.

— И он тоже... непослушный. Он царапается.

— Коты тоже не всегда царапаются по своему желанию,— заметил Доремус.— Так же как и пчелы не всегда хотят ужалить.

— Нет... всегда! — воскликнула Пэгги, и по щекам ее заструились ручейки слез.— Ненавижу пчел!

— Иногда, Пэгги,— это, правда, случается редко — пчелы сильно жалят людей на пасеке. И люди даже умирают. Никто не знает, почему это происходит.

Пэгги не переставала всхлипывать.

— Это Майкл их заставил!

Ей так хотелось разрыдаться, но присутствие Доремуса удерживало девочку. Стиснув зубы, Пэгги вытерла слезы.

— А он тебе говорил, что заставит их, Пэгги? Он говорил, что доктора Бриттона будут жалить пчелы?

— Он сказал... что произойдет несчастье. И еще он сказал, что оно произойдет с Энди... Это он во всем виноват, он все подстроил! Я ненавижу Майкла!

— А ты его хорошо знаешь? — осторожно закинул удочку

Доремус. Он не торопил Пэгги с ответом и в то же время не допускал, чтобы та погрузилась в тягостные раздумья.

— Нет.

— А вот я знаю одного мальчика по имени Майкл — это Майкл Ландерс, кузен Арона. Ты с ним дружишь?

— Да, ему двенадцать лет.

— Правильно. Но ведь ты не с ним разговаривала вчера?

— Нет. Вчера был Майкл Янг.

— Это он тебе так сказал?

— Он сказал... что его зовут Майкл, и еще он сказал, что уже разговаривал с мамой. Я знала, кто это.

— Но раньше ты с ним не разговаривала?

— Нет, но я его однажды видела. На школьной площадке. Но Майкл сразу же убежал.

— И даже не поговорил с тобой? — удивился Доремус.

— Нет, он просто... убежал.

— Мне бы очень хотелось его увидеть, — задумчиво произнес Доремус. — Ты ему это передашь, когда снова будешь с ним разговаривать?

— Я не хочу... я вообще не хочу с ним больше разговаривать, — вскричала Пэгги и замотала головой.

— Ну, он всего лишь маленький мальчик, Пэгги. И он никому не может сделать ничего плохого. Может быть, он вовсе не хотел тебя пугать. Ему плохо, потому что он один-одинешенек на всем белом свете.

— Совсем-совсем один?

— Да, кто бы он ни был, мне кажется, что он очень одинок.

— Вы думаете, он мертвый?

— Нет, Пэгги, я так не думаю.

— Мама показывала мне его фотографию, — вспомнила вдруг Пэгги, но Доремус чувствовал, что ей уже надоело говорить про Майкла. Девочка перестала плакать, и слезы в детских глазенках успели подсохнуть. — А вы будете строить домик на дереве? — спросила она.

— Да, я серьезно раздумываю над этим.

— А где вы живете?

— У озера «Гармония». Слыхала про такое?

Пэгги кивнула.

— Эми и Крэг возили меня туда летом купаться.

— Значит, ты видела и мой дом. А меня зовут Доремус. Доремус.

— До-ре-мус, — повторила Пэгги, тщательно выговаривая каждый слог.

— Как ты думаешь, твоя мама даст мне попить, если я ее попрошу?

— Конечно. Только ее сейчас, наверное, нет. Она ушла к...

— Ну и ладно. Тогда я сам найду стакан, если ты, конечно, поможешь мне.

— Я вам помогу, — тут же согласилась Пэгги. Она встала и поспешно юркнула в лаз. — Осторожней, когда будете спускаться, — предупредила девочка. — Я один раз упала отсюда, и мама целую неделю не пускала меня на дерево.

Очутившись на земле, они сразу же направились к заднему крыльцу.

— А вот и мама! — радостно воскликнула Пэгги и бросилась вперед к идущей навстречу Элен Коннелли. Женщина была одета в строгое платье из черной шерстяной ткани.

— Привет, воробушек. — Элен нагнулась и поцеловала девочку, а потом, взглянув на Доремуса, приветливо улыбнулась. Следователь заметил, что издали эта женщина выглядела несколько моложе. Ее шею избороздили многочисленные еле заметные морщинки, но по-прежнему густые и прекрасные волосы отливали на солнце медным блеском. А взглянув на стройные ноги Элен, легко было предположить, что в молодости эта женщина, несомненно, слыла красавицей.

— Он хочет попить, — объявила Пэгги.

— Доброе утро, миссис Коннелли. Меня зовут Доремус Брайтлоу.

— Рада познакомиться, мистер Брайтлоу. Не хотите ли пройти в дом? Мы обычно собираемся на кухне.

После того, как Пэгги вышила стакан молока, мать увела ее наверх, чтобы девочка приняла ванну. Возвратившись, Элен обнаружила, что Доремус оживленно беседует с Крэгом, обсуждая телефонные звонки «Майкла».

— Миссис Бриттон уверяет, будто видела мальчика, очень похожего на Майкла Янга, каким она его помнит, — объявил Доремус. — И Пэгги встречала неизвестного мальчугана, которого считает Майклом. Конечно, это, возможно, никак не связано с таинственными звонками. Более того, даже смерть доктора Бриттона может оказаться случайной.

— Как вы можете говорить такое? — неожиданно вскинулась Эми. — Ведь вчера этот телефонный хулиган сообщил, что Энди должен умереть, и буквально через час его нашли в амбаре, насмерть укусанного собственными пчелами.

— Ну пока что, — вступил в разговор Хэп, — у нас имеются лишь показания Эльзы, будто какой-то мальчик действительно появился перед ней. А ведь в этот момент Эльза находилась в тяжелом состоянии — на грани обморока. Как же можно верить в то, что ей, возможно, померещилось. Вполне вероятно, это мог оказаться какой-нибудь подросток, которому вдруг взбрело в голову срезать путь к дому, вот он и поплелся на ферму.

— А я верю Эльзе, — уже спокойнее заявила Эми. — Не исключено, что это было привидение, но именно Майкла, а не кого-нибудь постороннего.

Крэг уныло покачал головой.

— Ну вот, опять призраки.

Элен протянула Доремусу небольшую фотографию.

— Мистер Брайтлоу, вам, наверное, будет интересно взглянуть на этот снимок. Это школьная фотография Майкла Янга, ее сделали за пару месяцев до его гибели.

Доремус, внимательно рассмотрев снимок, передал его Хэпу. Эми и Крэг через плечо полицейского тоже изучали фотографию.

Крэг внезапно помрачнел, а Эми, бросив на него виноватый

взгляд, неуверенно улыбнулась. Она не могла простить себе, что завела этот глупый разговор о привидениях.

— Он мне чем-то напоминает среднего сына Бойеров, — пробормотал Хэп. — Только этот еще более тщедушный.

— Видите ли, в этом возрасте мальчики часто похожи друг на друга, — вмешался Крэг. — Некоторые наши ребята... — Тут он неопределенно пожал плечами.

— Скажите, а ваши мальчики из Гринлифа находятся под постоянным надзором? — поинтересовался Доремус.

— Нет, мы стараемся давать им как можно больше свободы. Но если бы тот парнишка оказался нашим подопечным, ну, тот, которого увидела Эльза, то меня поставили бы в известность. Ведь для того, чтобы добраться с фермы, ему пришлось бы отмахать миль двадцать, и тогда он непременно опоздал бы на вечернюю проверку — в восемь тридцать.

— Если, конечно, он не поймал попутную машину.

— Да, это я упустил из виду, — вежливо согласился Крэг, и Доремус улыбнулся.

Хэп встал из-за стола.

— Элен, если вы не возражаете, я пока подержу у себя эту фотографию. Мне надо будет показать ее кое-кому.

— В том числе и Эльзе? — насторожилась Эми.

— Боюсь, что да.

— Хэп... — начала было Элен, но замолчала и опустила глаза.

— Доремус, ты не хочешь проехаться со мной до фермы Бриттонов? — спросил Хэп, не рассчитывая на положительный ответ. Однако Доремус охотно принял его предложение.

Элен проводила мужчин до дверей.

— Мистер Брайтлоу, — обратилась она к Доремусу. — Спасибо вам за Пэгги. Вам так легко удалось успокоить ее.

— Ну что вы, миссис Коннелли. Пэгги — очень симпатичная девочка, и с ней совсем нетрудно разговаривать. Она мне понравилась.

В серых глазах Элен мелькнула печаль.

— Вы нам поможете? Хэп говорил, что вы раньше работали следователем.

— Все верно. Хотя сейчас я даже не представляю, чем смог бы помочь вам.

— Майкл снова позвонит, я точно знаю...

— Если это случится, — прервал ее Хэп, — сразу же свяжитесь со мной, в любое время дня и ночи. — Он нахмурился. — Жаль, что вы сразу не сделали этого.

Они сели в машину шерифа и поехали на ферму Бриттонов.

До самой фермы Доремус не произносил ни слова. Лишь когда Хэп указал на амбар, где обнаружили тело доктора Бриттона, он оживился.

— А можно заглянуть внутрь и походить вокруг этого сарая?

— Конечно, амбар не запирают. А я пойду переговорю со старушкой Эльзой. Только ты там поаккуратней, внутри еще до черта живых пчел.

— Скажи-ка мне вот что, Хэп. Где именно находился доктор, когда на него напали пчелы?

— В рабочем кабинете. Ты его увидишь.

Доремус кивнул и, выйдя из машины, направился к амбару. На секунду замешкавшись, он потушил сигару.

Войдя в амбар, Доремус какое-то время постоял, не двигаясь. Он внимательно изучал все вокруг, затем медленно шагнул к тому месту, где погиб доктор. Этот участок уже успели огородить кольщиками, обтянутыми проволокой. Амбар был залит ослепительным сиянием люминесцентных ламп, отчего все предметы казались какими-то неестественными. Доремус окинул внимательным взглядом опрокинутый баллон с инсектицидом и, достав из брючного кармана перочинный нож, присел на корточки. Рядом с баллоном валялось несколько пчелиных трупиков. Доремус осторожно подцепил один из них лезвием и, прищурившись, поднес к глазам. Затем он вынул коробку сигар, снял с нее целлофановую оболочку и опустил погибшее насекомое в этот импровизированный пакетик. Сунув пакетик в карман, Доремус несколько раз прошелся вдоль кольщиков. Пол амбара был усеян мертвыми пчелами. Время от времени он опускался на корточки и подбирал трупики лезвием ножа. Наконец его пакетик наполнился мертвыми пчелами, и он выпрямился. От частых приседаний заныли колени. Доремус направился в сторону ульев. Не колеблясь, он приподнял на одном из них крышку и осмотрел соты и пчел.

206 Проверив таким образом пять ульев, Доремус пошел в недостроенное здание оранжереи, служившее доктору Бриттону рабочим кабинетом. Дверь в стеклянное сооружение с плоской крышей оказалась открытой. Доремус с опаской приблизился к ней и тут же, возле стола, увидел разбитый улей. Тот лежал на полу с отломанной крышкой, а вокруг с жужжанием носились оставшиеся пчелы. В воздухе стоял резкий запах инсектицида, который постепенно проник в самые укромные уголки амбара, уничтожая всех насекомых без исключения. Убедившись в том, что дверь позади него так и осталась отворенной, Доремус шагнул в кабинет, осматриваясь, пытаясь держаться подальше от рухнувшего улья. Он заметил, что оставшиеся в живых пчелы начали заново обживать свое разбитое пристанище.

Доремус исследовал содержимое всех баночек и пузырьков, расставленных на полках, затем на столе обнаружил краски и тряпицу, напомилавшую хирургическую повязку. Он нахмурился и несколько минут стоял в оцепенении, раздумывая над чем-то. Затем нагнулся и на полу заметил пузырек с пульверизатором. Видимо, тот упал со стола и закатился под нижние полки. Доремус достал его и прочитал на этикетке: «Хлороформ».

Тогда он поднес бутылочку к носу и глубоко вдохнул. Но вместо хлороформа почувствовал совсем другой запах и остолбенел от удивления. Он чуть было не прыснул немного жидкости на руку, и только инстинкт удержал его от этого рокового шага. Доремус еще раз внимательно оглядел разбитый улей, поставил пузырек на стол и вышел из оранжереи, с задумчивым видом шагая к машине Хэпа. Шериф уже вернулся из дома и что-то передавал по рации в участок.

— Ну, выяснил что-нибудь насчет пчел? — окликнул он Доремуса, укладывая на место радиомикрофон.

— Нет. — Доремус достал из кармана самодельный целлофановый пакетик и показал его Хэпу. — Вот, я тут парочку одолжил, если, конечно, не возражаешь!

Хэп поморщился от отвращения.

— Да забирай хоть всех. В любом случае Эльза намеревается съесть их. Ты обнаружил что-нибудь стоящее?

— Точно не уверен. Но есть одна загвоздка, которая не дает мне покоя. Что могло заставить насекомое внезапно напасть на опытного пчеловода?

— Даже вскрытие не могло точно определить этого. А что здесь необычного?

— Черт возьми, все необычно. — Доремус засунул пакетик в карман штормовки и глубоко затаился, рассеянно вглядываясь в безоблачное небо. Хэп нервно покусывал ноготь большого пальца.

— Но ведь это просто несчастный случай, да?

— Думаю, доктор был достаточно опытен, чтобы избежать опасности, открывая улей с немецкими пчелами. Может, его преследовал злой рок или что-то в этом роде. Кто-то ведь растревожил пчел, Хэп. Я пока не могу понять, почему произошла трагедия, но, если хочешь, я это выясню.

— Значит, его все-таки убили?

— В этом-то и вся загвоздка. Похоже, здорово придется покорпеть, доказывая, что произошло именно убийство.

— Проклятие! — с отчаянием в голосе выпалил шериф. — Что же теперь?

— Ну, до начала оленьего сезона еще уйма времени, Хэп. В любом случае ты пока не больно-то перетрудился.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Возвратившись с фермы Бриттонов, Доремус провел остаток дня на коленях, в поте лица приколачивая доски к ступеням своего новехонького крыльца. В доме зазвонил телефон. Это был уже десятый звонок за сегодняшний день. Доремус вздохнул, поднялся с колен и прошел в дом. В трубке раздался голос Элен Коннелли:

— Мистер Брайтлоу, мне так неловко беспокоить вас... Видите ли, дело в том, что... вы сегодня так мило поговорили с Пэгги, что я подумала... — Женщина замолчала, а потом неожиданно выпалила: — Она не у вас?

— Нет, миссис Коннелли, с тех пор, как я от вас уехал, мы не виделись. А разве девочка не дома?

— В том-то и дело, что нет. Сегодня днем я отвезла Пэгги и еще несколько соседских ребятшек в церковь. У них там проходят репетиции к празднику города. В общем, сначала все торжества хотели отменить из-за происшедшей трагедии, но потом Эльза узнала об этом и воспротивилась. Энди не допустил бы, будь он жив, срыва праздника. Ну вот, я оставила детей в церкви, а сама помчалась к Эльзе. Сначала я намеревалась

остаться у нее на часок, не больше, но когда увидела ее, то поняла, что Эльзу нельзя сейчас надолго оставлять одну. И поэтому я вернулась домой только что, а Пэгги здесь нет. Моя соседка обещала привезти ее обратно, но в церкви было столько детей — буквально сотни, и они могли растеряться...

— А не соорудила ли Пэгги где-нибудь укромный уголок, где любит прятаться?

— Я вас не поняла.

— Ну, кроме домика на дереве.

— А, теперь понимаю. Нет, только этот домик. Я уже обзвонила всех, с кем она дружит, но Пэгги ни к кому сегодня не заглядывала. Потом я соединилась с церковью, и преподобный Бартлетт вспомнил, что видел ее с Мэйси Дункан, вот поэтому я и решила позвонить сразу же вам. — Элен неуверенно засмеялась, но в голосе ее продолжала звучать тревога. — Пэгги — послушная девочка и никогда без разрешения надолго не отлучается... Придется, видимо, садиться в машину и ехать на поиски. Еще раз извините за то, что...

— Миссис Коннелли, я хотел бы помочь вам разыскать Пэгги, если, конечно, вы не против. Может быть, у вас появились какие-нибудь предположения, где может сейчас находиться девочка?

— Понятия не имею. Может быть, позвонить шерифу?

Доремус почувствовал, что женщина вот-вот запаникует, и поспешил ее успокоить:

— Ну что вы, пока в этом нет никакой надобности. Минут через десять я выйду, а вы выезжайте в направлении моего дома...

— Уже еду, спасибо вам, — согласилась Элен.

— Хорошо. Мой дом находится в самом конце Компетишен-роуд.

Когда Элен Коннелли добралась до жилища Доремуса, солнце уже опускалось за лес, а сам Доремус ждал ее, прислонившись к темной веранде.

Отъехав от дома, Элен опять засомневалась:

— Не понимаю, что заставило Пэг уйти куда-то без разрешения. Не больно-то она любит приключения. Наверное, Пэг все еще взбудоражена Май... то есть тем мальчиком. Я, как могла, пыталась убедить ее в том, что Майкл Янг умер много лет назад, но она заупрямилась. Пэгги считает, что разговаривала по телефону именно с Майклом, и для нее он существует реально, как любой другой мальчишка. — Элен натянуто улыбнулась. — Впрочем, и для меня он тоже, кажется, начал существовать.

— Может, она заболталась с какой-нибудь подружкой? — спокойно произнес Доремус. — Ужин не за горами, вот тогда-то Пэгги и вспомнит, что пора возвращаться. Отправляйтесь-ка домой, потому что Пэгги может позвонить в любую минуту.

— Нет, так не пойдет, — отсутствующим голосом произнесла Элен. — Вот чего я начинаю бояться... Она ведь хотела отыскать Майкла. А вместо этого он сам нашел ее. Опять. Но на этот раз он никуда не убежал.

Доремус резко повернул голову в ее сторону.

— Ну-ка расскажите поподробнее.

— Когда я показала Пэгги фотографию Майкла Янга, дочка сказала: «Ну да, я его видела». А потом я поинтересовалась, где именно... — Элен замолчала и широко раскрыла глаза. — Я знаю, где она! Пэгги говорила, что две или три недели назад видела мальчика, похожего на Майкла Янга, на школьной спортивной площадке. Значит, она будет искать его именно там.

Школьные корпуса, где училась Пэгги, расположились у подножия горы Контебль, в полумиле от того места, где они сейчас находились. Возле каждого здания имелась асфальтированная стоянка, а между корпусами и за ними — несколько спортивных площадок. И фасад школы, и все стоянки прекрасно освещались. Элен с Доремусом объехали все четыре корпуса, но Пэгги нигде не замечали. Элен притормозила у кафетерия. Доремус вышел из машины и обвел взглядом спортивные площадки, за которыми возвышались поросшие лесом хребты.

— По-моему, там кто-то есть, — заявил он. — Посигнальте.

Элен дала длинный гудок, опустила стекло и позвала девочку.

В ту же секунду из темноты выскользнула Пэгги. Она задыхалась от быстрого бега, лицо ее покраснелось. Увидев дочь, Элен одновременно и рассердилась, и обрадовалась.

— Я ищу тебя везде, — взорвалась она, выплескивая скопившееся напряжение. — Мы всю округу объездили.

Пэгги удивленно посмотрела сначала на Доремуса, потом на мать, но ничего не сказала.

— Ладно, садись в машину, — приказала Элен.

— Извини, что заставила тебя волноваться.

— И очень сильно.

— Я хотела повидаться с Майклом, — тихо пробормотала Пэгги.

— Пэгги... — строгим голосом начала было Элен, но Доремус перебил ее:

— И ты его видела?

Пэгги оценивающим взглядом окинула Доремуса и тут же безошибочно смекнула, что обретает в его лице союзника.

— Нет. Он живет в лесу. Но сегодня он не приходил. Я хотела сказать ему... — Тут Пэгги еще сильнее покраснела, и уголки рта у нее опустились. — Я хотела сказать, чтобы он оставил нас в покое. И чтобы больше... никому ничего плохого не делал.

Девочка опустила глаза и виновато уставилась в землю.

— Воробушек, — ласково заговорила Элен, — пожалуйста, садись в машину.

— Я не хочу... если ты будешь продолжать на меня злиться.

— Я уже не злюсь. Давай побыстрее все забудем. И про Майкла тоже.

После ужина Пэгги демонстрировала Доремусу свои самые любимые антикварные безделушки. Элен тем временем убирала со стола посуду. Составив грязные тарелки в посудомоечный автомат, она наскоро выпила еще одну чашку кофе. Доремус в гостиной устроился на миниатюрной скамеечке, попыхивал сигарой и внимательно слушал подробнейшую лекцию Пэгги о назначении старинных серебряных плошек.

— Пока ты все это будешь расставлять на свои места, Доремус успеет позвонить дяде. Это очень важно, — сказала Элен, входя в гостиную.

— Ну, тогда я начинаю, — весело откликнулась девочка.

— Телефон у нас в холле, — объяснила Элен Доремусу, поднявшемуся со скамеечки, — но провод длиннющий, и я могу перетащить телефон в свой кабинет. Это совсем не трудно...

— Ну что вы, в этом нет никакой необходимости. Я собирался звякнуть дядюшке Суэну и задать ему всего несколько вопросов относительно пчел. — С телефоном в руках он опустился на ступеньки лестницы и, тщательно уравновесив на носке ботинка сигару, так, чтобы та не соскользнула, соединился с Висконсинном.

— Дядюшка Суэн? Это Доремус... Да-да, Доремус... Нет, я не в Чикаго, я у себя в... Да, все здоровы, насколько мне известно, все семеро... А вы и не слышали? Нет, их уже семь. Я уверен, вам послали открытку. Карл этим летом свалился с дерева и сломал руку... Нет, то случилось прошлым летом, а в этот раз — руку... Нет-нет, слава Богу, не правую. Дядюшка Суэн, я вот по какому поводу вам звоню. Вчера в нашем округе пчелы до смерти зажалили одного человека, и... немецкие пчелы, дядюшка... Да, именно такие, как вы говорите... Нет, он знал, чем занимается, он разводил пчел уже несколько лет подряд. Все это произошло в амбаре, он опрыскал пчел какой-то дрянью, которую принял за хлороформ. Он собирался проделать с ними какие-то опыты. Но только это оказался не хлороформ, как я полагаю. Совсем другой запах. Как у спелых бананов.

Доремус ни разу не перебил своего дядю, и Элен решила было, что прошла целая вечность. За все это время лицо его несколько раз менялось. В конце концов он нахмурился, сразу посерьезнев.

— Хорошо, дядюшка Суэн, спасибо за информацию. И вот еще что: какой эффект может произвести призрак на улей, полный пчел? — Доремус усмехнулся и отставил от уха трубку так, чтобы и Элен смогла услышать безудержный хохот дядюшки Суэна из Висконсина.

Когда дядюшка успокоился, Доремус снова заговорил:

— Только стаканчик черносмородинового винца после ужина, дядюшка Суэн. Еще раз спасибо за информацию. Я сразу же дам вам знать, буквально в ближайшие дни... Нет, я все еще в отставке. Просто любопытствую по поводу одного дела, которое, как мне кажется, связано с убийством.

Он повесил трубку, все еще улыбаясь, но когда увидел посерьезнее лицо Элен, то опустил глаза, почувствовав, что слишком далеко зашел в своей откровенности.

— Как могло случиться, что Энди убили? — тихонько спросила Элен, оглянувшись по сторонам. Она опасалась, что Пэгги может оказаться где-нибудь поблизости.

— Я в этом не уверен, — тут же пошел на попятную Доремус, — но зато точно знаю теперь, отчего все это произошло. Энди считал, будто усыпляет пчел хлороформом, и смело опрыскал целый улей, а вещество оказалось далеко не снотворным: это была эссенция пчелиного яда. Одного его запаха достаточно,

чтобы пчелы взбесились до состояния массового самоубийства.

— Наверное, Энди просто ошибся и открыл не тот пузырек, — с грустью заметила Элен.

— В принципе это возможно. На пузырьке была этикетка «Хлороформ», а на полках стояло много бутылочек из такого же стекла, с наклейками и без них. В какой-то навверняка должен находиться хлороформ. Я выясню это утром. — Доремус взглянул на сигару, поморщился и, решив, что уже вволю накурился, потушил ее в пепельнице. — Простите, что я сказал «убийство», это опрометчиво с моей стороны. Но только попытайтесь предположить, будто кто-то хорошо знал доктора, а заодно и его привычку заниматься пчелами. Этот «кто-то», пронюхав кое-какие особенности пчелиной жизни, поменял этикетки на пузырьках. Ведь подобная выходка — то же самое, что приставить к виску доктора обрез. Только такое убийство гораздо безопаснее. Конечно, возможен и другой вариант: кто-то из его рабочих заглянул в амбар по какой-нибудь надобности, испугался пчел и, запаниковав, сбил с полок несколько баночек, а потом перепутал этикетки и наклеил их не туда, куда следовало. Надо бы отправить эти пузырьочки химику или фармацевту и тщательно исследовать содержащиеся в них жидкости, а также то, насколько соответствуют им этикетки. По-моему, Хэп может это устроить.

— А что, если только на бутылочке с ядом оказалась неверная этикетка?

— Тогда я буду склонен считать, что ее наклеили умышленно.

Элен оглянулась, заметила рядом стул и тяжело опустилась на него, сложив на коленях руки.

— Но... но кто? И зачем? Энди Бриттон был... я не могу представить себе, чтобы хоть кто-то мог желать ему смерти, причем такой страшной.

— Ну, мотивы могут оказаться самые банальные. Например, давняя злоба или зависть. Я бы ограничился банальными мотивами, но ведь остается еще Майкл. Кто он такой, и что ему известно? А что нам известно о нем? Как говорит ваш племянник Крэг, этот мальчик весьма изобретателен, с безудержной фантазией и склонностью причинять зло. А еще он умеет внезапно появляться и как раз в нужный момент — поэтому я начинаю верить, что миссис Бриттон видела именно его, когда вытаскивала из амбара тело своего мужа. — Доремус задумался, взвешивая в уме это предположение. — А может, мы имеем дело не с одним, а сразу с тремя разными мальчиками, которые внешне похожи друг на друга. Ну, имеется, конечно, еще один вариант: тут не обошлось без сверхъестественных сил, как считает мисс Лоулор. Но это противоречит здравому смыслу и сводит на нет все логические изыскания следователя. Расскажите мне о Майкле Янге. Сколько времени прошло до того, как отыскали его тело?

— А тела, собственно... и не было. Нашли только его одежду и кости. Прошло, как мне помнится, месяцев семь, прежде чем все это обнаружили в лощине, где он и замерз. Какие-то люди отправились туда собирать ягоды, ну и...

— А как он был опознан? По стоматологической карте?

— Нет. Я узнала клетчатое пальто, в котором он убежал в ту ночь. И этого... оказалось достаточно.

— Сейчас ему было бы двадцать шесть лет, верно?

— Да, — подтвердила Элен.

— Если бы он остался жив, — отчеканил Доремус, и от этих слов Элен даже чуть приподнялась на стуле, — если бы Майкл Янг остался жив после всего, что случилось, тогда мы нашли бы ответы на многие наши вопросы. Но такая возможность исключается, потому что она тоже противоречит здравому смыслу и... — Тут он встретил взгляд Элен и зашнулся на полуслове, заметив, как близко к сердцу воспринимает она все сказанное. — Простите, у меня ужасная привычка рассуждать вслух. Ох ты! Уже половина девятого. Вы, наверное, мечтаете от меня избавиться.

Элен протестующе замахала руками, однако в действительности головная боль исподволь начинала одолевать ее, к тому же Элен сильно расстроилась. Не оттого, что Доремус ей не понравился, нет. Разумеется, он представлял собой личность несколько странную, но при этом человек он был симпатичный и занимательный. Просто Элен здорово задела манера Доремуса обсуждать смерть Энди, как будто все это происходило не в жизни, а на киноэкране. Доремус словно забавлялся, выдвигая все новые и новые версии. Неужели он забыл, что Энди был ее близким другом и она до сих пор мучительно переживает его смерть? Оставшись одна, Элен часто плакала, вспоминая Энди. Однако на людях, и особенно в присутствии Пэгги, она неизменно брала себя в руки.

Элен почувствовала необходимость остаться сейчас в одиночестве. И хотя — приличия ради — она и предложила Доремусу побыть у нее еще немного, тот прекрасно понял ее состояние. Им даже ничего не надо было объяснять друг другу. Элен предложила Доремусу отвезти его домой, а Пэгги сбегала наверх и принесла плащи себе и матери.

Доремус вглядывался в ливневые потоки за окном машины, погруженный в глубокие раздумья, то и дело окутывая себя сизыми клубами сигарного дыма.

Элен же с огорчением размышляла о том, что предстоит нудная обратная дорога. И еще о том, как печально закончился этот чудесный поначалу вечер.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

По дороге домой Элен заметила, что дождь ослабел, а затем и вовсе прекратился. Пэгги, прикорнувшись на сиденье рядом с матерью, уже мирно посапывала. Воздух остыл и повлажнел. Сквозь рваные тучи пробивалась луна. Внезапно Элен заметила, что впереди на дороге, в низине, разлился ручей. Машина с ходу влетела в него и буквально поплыла.

Вода захлестнула лобовое стекло. Не растерявшись, Элен резко сбавила скорость и ехала так до тех пор, пока они не выбрались из низины. «Слава Богу», — мысленно перекрестилась Элен. Они только что избежали серьезной опасности: их могло занести чуть

в сторону, и тогда они, попав в самое глубокое место, просто пошли бы ко дну.

Дорога круто взмыла вверх. Элен притормозила и решила перевести дух, чтобы прийти в себя после всего пережитого. И пока она так сидела, фары внезапно погасли. Мотор заглох.

Элен взглянула на Пэгги. Та сладко дремала, даже не проснувшись в тот момент, когда они въехали в разлившийся ручей. Девочка подложила под щеку ладошку и блаженно улыбалась во сне. Она так вымоталась за сегодняшний день, что было немудрено отключиться прямо в машине. Элен вздохнула и попыталась завести мотор. Как ей хотелось очутиться сейчас вместе с дочкой дома!

После четвертой попытки Элен окончательно потеряла надежду завести машину. Погасла даже приборная доска. Элен ровным счетом ничего не смыслила в устройстве автомобиля, однако понимала, что без электричества машина просто не сдвинется с места. Очевидно, какие-то провода намокли, когда их занесло в растреклятый водный поток. И никуда они с Пэгги отсюда не уедут на этом умершем фургоне. Оставалось одно: ждать попутную машину. Хотя Элен понимала, что в этот поздний час вряд ли кто поедет такой дорогой.

Тихонько, чтобы не разбудить Пэгги, она открыла дверцу и выбралась из фургона. Впереди, в нескольких футах от машины, Элен заметила столб с тремя почтовыми ящиками и гравиевую дорожку, убегающую наверх, в горы. Вокруг стояла гробовая тишина, и было слышно, как срываются с листьев дождевые капли.

«Итак, три дома на вершине холма», — рассуждала про себя Элен. Один из них сторел еще шестнадцать лет назад и теперь пустовал. На полпути к нему стоял другой особнячок, принадлежавший семье Кутнер. До него было рукой подать — около двухсот ярдов, но Элен не помнила, обитали в нем хозяева круглый год или же домик являлся летней постройкой. Однако, даже если там никого нет, Элен может проникнуть в дом и по крайней мере воспользоваться телефоном. В противном случае ей оставалось будить Пэгги и брести в темноте по пустынной дороге добрую милю до того места, где дорога пересекала шоссе.

Женщина замедлила шаг, вглядываясь вдаль. Она надеялась увидеть огонек в доме Кутнеров. Светящееся окошко помогло бы ей сориентироваться в окружающей темноте. Но дом, похоже, пустовал.

Внезапно Элен разглядела еле заметное свечение на вершине холма, как раз в том месте, где, по ее подсчетам, никто не должен был жить. Она, как бабочка, устремилась на свет этого крохотного маячка, который то манил ее, то прятался в листе растущих на вершине холма деревьев. Женщину словно околдовал этот волшебный огонек, она восприняла духом и чуть было не проскочила темный особняк Кутнеров.

С минуту Элен постояла перед входом, переминаясь с ноги на ногу и размышляя, как ей поступить. Глаза ее успели привыкнуть к темноте, и Элен заметила, что окна в доме либо заколочены досками, либо закрыты деревянными ставнями. Похоже,

Кутнеры давно покинули свое жилище, и ожидать их здесь раньше мая не имело смысла. А дверь взломать будет трудно, зато далекий маячок продолжал манить Элен. Он словно гипнотизировал ее. Может быть, она заблудилась? Или же кто-то поселился там, наверху, с тех пор, как Элен проезжала этой дорогой в последний раз? Она тут же отменяла последнее предположение. Ведь всеми угольями на вершине холма заправлял Крэг, насколько было известно Элен, а уж ее племянничек вряд ли разрешил бы кому-либо поселиться на своих землях.

Выкинув из головы все опасения, Элен зашагала в гору на огонек. Дорога заметно испортилась, гравий расползался под ногами, глина облепляла сапоги и мешала идти. Элен дважды поскользнулась, а один раз, споткнувшись, упала на колени. Но она даже не ушиблась, потому что была одета в брюки из плотной ткани. Элен уже почти поднялась с колен. И тут в каких-нибудь ста футах от себя она увидела мальчишеский силуэт. Он четко выделялся на фоне леса, окутанного светящимся туманом.

Этот четкий, неподвижный силуэт обладал такой же колдовской силой, как и огонек на вершине холма. Поэтому в первое мгновение Элен не успела осознать весь ужас происходящего. Она остолбенела, вглядываясь в отчетливые контуры мальчишеского тела. Внезапно туча набежала на луну, и фигура впереди растворилась, слившись с черным безмолвным лесом. У Элен от напряжения защипало глаза, она протерла их, и в этот момент страх стальной хваткой вцепился ей в горло. Элен чуть было не задохнулась от ужаса. Она рванулась с места и помчалась вперед, не разбирая дороги. Элен бежала куда глаза глядят. Падая и вновь поднимаясь, она летела, забыв обо всем. Исчез и крохотный огонек — последняя ее надежда на спасение.

Внезапно Элен остановилась, еле переводя дух, и оглянулась. Луна выскользнула из-за туч, но мальчика уже не было и в помине.

— Я видела его! — упрямо повторяла Элен. — Я видела!

Язык не поворачивался произнести имя.

Возвращаться было уже слишком поздно. Элен поняла, что отмахалась уже три четверти пути. Дорога больше не взлетала так круто вверх, как прежде, и идти стало неизмеримо легче. Неведомый огонек дружелюбно подмигивал сквозь листву — теперь он был уже большой и яркий.

«Там обязательно кто-то есть, — убеждала себя Элен. — И этот «кто-то» непременно поможет нам выбраться отсюда».

Дом плотным кольцом окружали кусты боярышника, сумаха и кизила, разросшиеся здесь за те долгие годы, пока жилье находилось без хозяина. Кусты перегородили и дорогу. Элен уже еле брела, с каким-то животным отчаянием продираясь сквозь колючие и мокрые заросли. Она промокла до нитки и, ко всему прочему, умудрилась потерять свой шарф. То и дело спотыкаясь о корни, Элен со стоном отдирала от лица цепляющиеся на каждом шагу колючие ветки. Наконец она выбралась на поляну, где, как сказочный драгоценный камень, сверкал в доме огонек.

В доме, в котором когда-то жил Майкл Янг. Этот огонек все еще манил Элен. Она дотронулась до оцарапанной щеки и вдруг онемела от ужаса.

Так и застыв всего в нескольких футах от освещенного окна, Элен колебалась. Теперь свет казался ей почему-то неземным. Ведь внутри дома все выгорело, там никого не могло быть.

Осколки разбитого стекла внезапно фонтаном полетели прямо в лицо Элен, и свет погас. В оконном проеме мелькнула тень.

Элен вскрикнула и, повернувшись, бросилась прочь от этого дома, но кто-то уже вскарабкался на подоконник... Вот он спрыгнул с него и помчался следом за Элен, стремительно нагоняя ее...

Споткнувшись, Элен рухнула на колени.

Чья-то рука схватила ее за плечо.

— Боже мой, — послышался голос. — Элен? Что вы здесь делаете?

Она прищурилась от яркого света фонарика, бывшего ей прямо в глаза.

— Крэг?

— Давайте, я помогу вам подняться. Вы меня насмерть перепугали.

— Я... перепугала тебя?

— Вы не ушиблись?

— Нет... все в порядке... Я... у нас фургон застрял... он там, внизу, а я решила пойти посмотреть, может, кто из дачников еще не уехал... А потом увидела этот огонек. Я не хотела идти сюда, но... — Элен не договорила, в испуге уставившись на своего племянника. — Крэг, ты здесь... уже давно находишься?

— Ну, минут двадцать. Один из помощников Хэпа уверял меня, будто сюда повадились какие-то мальчишки. Они вроде безобразничают в старом доме. Вот я и решил разобраться с ними. И положить этому конец.

— Мальчишки? — эхом отозвалась Элен. — Крэг, я видела... По-моему, я видела одного... там, чуть ниже, в лесу. Он стоял между деревьев и смотрел на дорогу. Ему, наверное, лет десять, не больше, и он там совершенно один.

— Вы точно уверены, что видели его?

— Крэг, ну, не с пнем же мне его спутать. Говорю тебе, это был мальчишка. Пожалуйста, не бросай меня здесь. Мне никогда еще не было так плохо. У меня просто ноги подкашиваются... Я его видела возле дома Кутнеров. И он был в двух шагах от меня, Крэг.

— Хотелось бы мне сейчас отыскать его. Наверное, он как раз из той компании, которая перебралась сюда.

— Перебралась?

— Сейчас я вам все покажу, — мрачно произнес Крэг и повел Элен за домик, где когда-то находилась задняя дверь. Женщина неуверенно следовала за племянником, но тот рассеял ее страхи, высветив мощным лучом внутренность дома.

На кухне возле обугленной и вздувшейся стены стояла новенькая койка армейского образца. Над этим углом чудом сохранилась крыша, здесь было даже уютно и относительно сухо во время дождя или снегопада.

— Я не знаю, сколько времени проторчала здесь эта кровать,— проворчал Крэг.— Видите, металл уже немного заржавел, а матрас начинает плесневеть. Сдается мне, что этим маленьким негодьям все равно — ведь сверху можно набросить одеяло, и все в порядке.

— Крэг, но тот парнишка, которого я видела... он, по-моему, еще слишком мал для таких дел.— Элен вдруг умолкла, задумчиво разглядывая кровать.— Крэг, зачем ты разбил окно? Разве ты не видел, что это я?

Крэг усмехнулся.

— Я видел только, что кто-то приближается, и решил дать отпор неожиданному гостю. Или хотя бы напугать его. Извините, я же не мог подумать, что...

— Ну, конечно, нет.

— А эту коечку я собираюсь спустить с горы,— поклялся Крэг, указывая пальцем в глубь пустого дома,— а когда-нибудь потом, когда у меня заведутся деньжата, я восстановлю здесь все, как раньше.

— Сомневаюсь, чтобы Эми...— начала было Элен, но внезапно осеклась, сообразив, что сует нос не в свое дело, и тут же перевела разговор на другую тему.— Мне пришлось оставить Пэг одну в фургоне,— объяснила она,— и теперь я опасаюсь, как бы она не проснулась. А меня нет рядом. Но я не видела твоей машины...

— А я ее специально спрятал, чтобы не спугнуть молодежь. Она там, с другой стороны поляны. Ну как, вам уже немного лучше?

— Гораздо лучше.

— Так что случилось с вашим фургончиком?

— Там ручей разлился, а я не заметила, и мы чуть не утонули. Наверное, в машине что-то промокло.

— Ну, ее-то мы заведем. А если нет, можете воспользоваться моей, а за мной приплете потом кого-нибудь из города.— Крэг осветил дорогу, и они направились к поляне, переступая через булыжники, гнилые бревна, минуя старый искалеченный дуб, который, как молчаливый страж, застыл перед заброшенным домом. А дом этот интересовал сейчас, пожалуй, на всем белом свете одного только Крэга.

Пэгги проснулась и резко села на сиденье. Она поняла, что машина застряла и что уже наступила ночь. Кругом было тихо. Внутреннее чутье подсказывало девочке, что, не доехав до дома, они остановились где-то на поддороге.

И тут Пэгги услышала странные звуки. Она повернула голову и догадалась, что кто-то пытается открыть дверцу машины.

— Мам, это ты?

Крэг притормозил, когда они спускались с холма, и Элен указала место, где возникла странная детская фигура. Крэг долго высвечивал фонариком этот участок, но они так никого и не обнаружили.

— Кто бы он ни был,— заявила Элен,— я надеюсь, ему есть

где переночевать. Мне он показался одиноким, как будто... как будто он стоял вот так и ждал здесь целую вечность.

— Наверное, вы просто плохо его разглядели, — хладнокровно обронил Крэг.

— Дело не в этом, Крэг, я просто почувствовала его одиночество.

Голос Пэгги они услышали одновременно. Он был далекий и глухой, словно девочка кричала из глубины колодца:

— Мама! Мама!..

Крэг завел мотор, и они рванулись вперед. Светящиеся фары то и дело выхватывали из тьмы высокие деревья по обеим сторонам черной и мокрой от дождя асфальтированной дороги.

— Вон она! — воскликнула Элен. — Крэг, остановись, дай мне выйти!

Пэгги бежала навстречу машине, и Элен, распахнув дверцу, выскочила из автомобиля и прижала к себе дочку.

— Я видела его, мамочка! Майкл был здесь! Он подошел совсем близко к машине!

Элен крепко обняла девочку, но та попыталась вырваться.

— Mam, давай отыщем его! Он только что был здесь!

— Крошка...

Крэг присоединился к ним.

— Что случилось? Ей приснился кошмар?

— Дядя Крэг, я видела Майкла! Он посмотрел на меня через окошко, а потом исчез!

— Он что, убежал? — изумился Крэг.

— Нет, он просто исчез. Как призрак.

— Пэгги... Пэг, — успокаивала ее мать. — Ну что ты? Расскажи теперь поподробнее, что же здесь все-таки произошло?

Но Пэгги никак не могла успокоиться, хотя и заговорила теперь более внятно:

— Я проснулась, а тебя нет. И тогда я услышала, что кто-то хочет открыть дверцу в машине. Я повернулась и увидела Майкла. Когда я посмотрела на него, он исчез. Я вышла из машины, но его уже нигде не было.

Крэг бросился к фургону и начал тщательным образом изучать гравий справа от дверцы машины, а потом, освещая все вокруг фонариком, добрался до асфальтированной дороги. Элен взяла дочку на руки и понесла к машине.

— Mam, он точно был здесь! — не унималась девочка.

— Да-да, конечно, я тебе верю. Но сейчас его нет. Пэгги, он ушел и больше не вернется. Поэтому можем поехать домой, как ты считаешь?

— А можно, мы поедem утром? Я хочу его еще раз увидеть.

Элен находилась на грани отчаяния. Она еле сдерживала подступающие слезы.

— Ну, я не знаю... может быть, он не хочет, чтобы мы его видели. Мы... поговорим об этом днем.

— Mam, с тобой все в порядке? А где дядя Крэг? Где ты его нашла?

— У нас машина остановилась, я пошла за помощью и, к счастью, встретила его.

— Я просила Майкла, чтобы он подождал. Я еще сказала, что ничего плохого ему не сделаю. Я же сказала! Почему он убежал?

Вернулся Крэг. Элен с надеждой взглянула на племянника, но тот только пожал плечами и неуверенно покосился на Пэгги.

— Никаких следов... кроме ваших, Элен.

— Дядя Крэг, что случилось с Майклом? Он сердится на нас?

Но Крэг не отозвался, будто не слышал вопроса.

— Элен, дайте мне ключи от машины, я посмотрю, удастся ли нам завести эту колымагу.

Он отпер дверь и сел за руль. Повернул ключ зажигания, но безрезультатно. Выйдя из машины, Крэг поднял капот, повозился там какое-то время и, захлопнув его, снова забрался в фургон. На этот раз фары ярко вспыхнули. Все превосходно заработало.

— Я там что-нибудь напортила? — неуверенно пробормотала Элен.

— Нет, просто не было контакта, — успокоил ее Крэг. — Только будьте осторожны на дороге, и доберетесь без приключений. Однако с утра пораньше проверьте-ка еще разок проводку.

— Ну, а теперь по коням, крошка, — скомандовала Элен, подталкивая дочку и усаживая ее на сиденье. Затем ласково положила на плечо племянника руку.

— Не оставайся здесь, Крэг. Пожалуйста, не надо! Отправляйся домой или поезжай к Эми. Но только не броди здесь один.

— Элен, да вы просто...

— Я просто насмерть перепугана, — закончила за него Элен.

Последний автобус, развозящий учеников по домам, отъехал от здания гриндифской школы в пять пятнадцать.

Эми забежала в свой кабинет. Она здорово вымоталась за сегодняшний день, но тем не менее находилась сейчас в приподнятом настроении. Ей так хотелось скинуть с себя этот строгий, подобающий торжеству костюм и облачиться во что-нибудь уютное и домашнее.

Эми натянула облегающие брюки и шерстяной свитер, а на волосы повязала красную косынку. Из письменного стола извлекла маленький подарочный сверток, направилась по коридору административного здания к кабинету Крэга и тихонько постучала. Не услышав ответа, толкнула дверь и вошла внутрь.

Крэг, развалившись в массивном кожаном кресле, сидел в углу своего кабинета и что-то оживленно строчил в блокнот.

— По-моему, ты сегодня переработал, — объявила Эми, и Крэг тут же оторвал взгляд от блокнота.

— А, это ты, Эми. Который час? — Он снял очки в черной оправе и опустил их на колени, где у него лежали какие-то исписанные листки.

— Пора выходить, иначе мы все пропустим.

— Пропустим, — как эхо, повторил Крэг и зевнул. — Восемнадцатый раз один и тот же праздник. Каждый год. Пока что могу сказать, что он ничем не будет отличаться от семнадцатого. Обязательно хлынет ливень, и в конце концов мы все равно

явимся в школу, запрем все двери и, до ниточки вымокшие, начнем восхищенно обсуждать в этих казенных неуютных кабинетах, какой чудесный праздник состоится-таки в нашем городе в следующем году.

Эми подошла к окну и раздвинула шторы, впуская в комнату лучи заходящего солнца.

— Нет, туч я сегодня не вижу, — возразила она. — Боги, ответственные за праздники, наконец-то благоволят нам. — Крэг даже не шевельнулся в своем кресле, и тогда Эми, подозрительно взглянув на него, добавила: — Я вижу, тебе это безразлично. Похоже, сегодня мне придется развлекаться в одиночку.

— Ну... если ты не возражаешь, Эми, пока у меня рабочий настрой... я хотел бы закончить с этой писаниной. Она займет не больше часа.

— Мы же договорились встретиться с Элен в половине шестого, ты что, забыл?

Крэг растерянно заморгал:

— Теперь вспомнил. Обещаю найти вас на празднике. — Тут только он заметил в ее руках подарочный сверток. — Это для Пэг? По какому же случаю?

— Нет, здесь кое-что для Питера, деревянная головоломка. Три дня я с ней провозилась, но так и не разобралась до конца. Уверена, что Питер соберет ее еще до вечера.

— Кажется, сегодня его должны выпустить из лазарета.

— Миссис Кейгл говорит, что температура у Питера еще держится, и доктор не разрешает ему вставать. Мне ужасно жалко его — ведь мальчик пропустит такой праздник, а уж ему-то как никому другому необходимо развлечься. — Эми раскрыла сумочку и вынула оттуда открытку. — Подпиши, пожалуйста. Если этот подарок будет от нас обоих, он станет намного ценнее.

— Разумеется. — Крэг расписался и грустно улыбнулся. — Хотя, увидев мои закорючки, он вообще может забросить куда-нибудь твой подарок. В последнее время отношения у нас с Питером, похоже, совсем разладились. Он настроен ко мне даже несколько враждебно. Хотя, может быть, я слишком много от него требую. Но хотелось бы, чтобы он стал чуток пообщительней, ведь Питер — мальчик очень умный.

— Ты всего добьешься, — заверила его Эми. — Не отчаивайся.

— Прощел уже целый год, но я не уверен, что мы с ним действительно подружились.

— Если уж доктор Томлинсон удовлетворен твоими успехами, то, думаю, все в порядке. И еще я думаю, что тебе все-таки стоит отложить свои бумажки и немного проветрить мозги на празднике.

— Я обещаю тебе, Эми. Максимум — один часик.

Несколько секунд Эми молча стояла, наблюдая за Крэгом. Но он выглядел таким робким и застенчивым, что девушка не удержалась и, нагнувшись, поцеловала его.

Выйдя из кабинета, Эми сразу же отправилась в лазарет, где ее встретила дежурная медсестра Кейгл.

— Питер спит? Я бы хотела оставить для него вот этот сверток.

— Нет-нет, Эми, он не спит, заходите. — Распахнув стеклянную дверь, они вошли в сумрачную палату. Сегодня Питер Мэтис находился здесь совсем один. Мальчик сидел в кровати среди подушек и держал во рту термометр. Это был худенький девятилетний парнишка с большими карими глазами и длинными темными волосами. Кожа его поражала бледностью, под глазами темнели синяки. С первого взгляда на Питера Эми поняла, что эти глаза говорят о многом. Мальчик стал ее любимцем, но подружиться с ним оказалось делом нелегким.

— Я слышала, ты пошел на поправку, — начала Эми.

Мальчик не изменился в лице. Он пристально смотрел на Эми с того самого момента, как они с медсестрой вошли в палату.

Эми положила сверток на кровать возле мальчика.

— Я подумала, что, когда тебе надоест читать, эта штучка развлечет тебя. Хотя, может быть, с ней тебе будет весьма непросто разобраться. Это головоломка, и очень сложная. Я сама пыталась ее составить, но у меня ничегошеньки не получилось.

Всего сказанного, похоже, с лихвой хватило, чтобы заинтересовать Питера. Мальчик схватил сверток, и глаза его заблестели. Потом он заморгал, давая понять, что благодарит Эми.

— А вот и твой обед, — объявила миссис Кейгл, услышав звонок, и направилась к выходу, чтобы занести поднос.

— О, сегодня у нас спаржа и отбивная, — воскликнула Эми, восхищенно принюхиваясь. — Я приду завтра и прихвачу тебе что-нибудь из города. Ты любишь жареные пирожки? Я тоже, а на ярмарку привезли палатку, там их и будут продавать. Я таких вкусных никогда не пробовала. — Эми указала на подарок. — А ты мне покажешь, как справиться с ним. Ну, мне пора бежать.

Праздничная ярмарка, протяженностью в целых три квартала, расположилась на центральной магистрали округа Шейдс. Движение транспорта на улице пришлось перекрыть. Восточная сторона ярмарки представляла собой всевозможные карусели и кучу других аттракционов, принадлежавших братьям Бринкли. Здесь мелькали и вспыхивали разноцветные огни, звенели и лязгали цепи, зазывая прохожих от души повеселиться в этом шумном ярмарочном балагане. День города праздновался осенью, в самый разгар туристского сезона, да и вечер выдался теплый и ясный, поэтому и аттракционы, и торговый палаточный городок были битком набиты посетителями.

Хэп Уошбрук с удовольствием присоединился к Элен, Пэгги, Эми и Доремусу. Компания завалилась по дороге в кафе, где в гриле запекались аппетитные цыплята, и Хэп угостил всех ужином. Перекусив, они отправились в сторону аттракционов. Мужчины оставили Элен с Эми вдвоем, а сами вместе с Пэгги устремились к каруселям. Здесь они вдоволь накрутились и теперь размышляли, куда направиться дальше.

— Ну и куда теперь, Пэгги? — осведомился Хэп, помогая девочке сойти с карусели. Пэгги, деловито осмотревшись, указала на огромное «чертово колесо», грохочущее и сияющее неона-

выми огнями. Элен побледнела, но Доремус сразу же взял Пэгги за руку, и они направились к колесу.

В этот момент к Хэпу подошел один из его помощников — высокий сутуловатый молодой человек. Из кобуры у него торчал внушительный пистолет с массивной рукояткой, инкрустированной перламутром.

— Шериф, — тихо шепнул юноша, — Инок просит вас заглянуть в участок на пару минут.

— Что случилось?

— Вас кто-то спрашивает по телефону.

— Боже мой! — запиел Хэп. — Я занят. Пусть передаст, что ему надо.

— Он и передал Иноку.

Хэп мучительным взглядом окинул помощника и упавшим голосом спросил:

— Ну и что там?

— Инок мне не сказал. Говорит, найди шерифа и пусть срочно подойдет в участок.

Хэп с сожалением посмотрел на заманчивое «чертово колесо», а потом повернулся к Эми. Он громко заговорил, стараясь перекричать и карнавальную музыку, и голоса ярмарочных зазывал:

— Девочки, мне надо отлучиться. Я вас найду минут через десять. — И в сопровождении своего долговязого помощника зашагал прочь.

Хэп сидел в машине с выключенными фарами и радиоприемником. На автомобиле отсутствовали опознавательные полицейские знаки. Битый час он напряженно, до рези в глазах, вглядывался в мощный бинокль, пытаясь уловить хоть малейшее движение на том или другом берегу реки Компетишен.

Пока все шло по плану. Рано или поздно незнакомец, назначивший встречу, потеряет терпение, начнет нервничать. Короче, так или иначе выдаст свое присутствие. Но, похоже, происходило все как раз наоборот. Нервничать начал сам Хэп. Да и бесполое ожидание изрядно вымотало его. В какой-то момент Хэп вдруг решил, что его просто жестоко разыгрывают.

Спина разламывалась, и нестерпимо хотелось курить. Вокруг ни души. Ни в крошечном заколоченном домике поблизости, ни на мосту над рекой, величественно несущей свои спокойные воды вдоль гигантских валунов, окаймляющих ее берега.

Шериф в который раз поднял бинокль, пристально всматриваясь вдаль. Впереди, у камней, мелькнула вдруг бледная тень — словно лунный облик на фоне пыльного зеркала, мелькнула и вновь растаяла... Было ли это чье-то лицо?

Хэп Уошбрук облегченно вздохнул и выругал себя за излишнюю доверчивость. Ох уж эти анонимные телефонные звонки! Теперь он почти уверовал в то, что его разыграли, хотя поначалу ему было не до шутки. Поэтому-то он в буквальном смысле подкрался к условленному месту и целый час выжидал, заставляя себя поверить в то, что разговаривал он не с призракком.

Крики толпы, доносящиеся даже сюда, начали стихать, и Хэп

невольно взглянул на светящийся циферблат своих часов. Без десяти девять.

Черт! Вот-вот начнется фейерверк.

Хэп возмущенно засопел и отстегнул от приборного щитка большой электрический фонарь на шести батарейках. И тут взгляд шерифа упал на двустволку, которую он почти всегда возил с собой на переднем сиденье.

— А зачем? — сам себя спросил Хэп, обдумывая, стоит ли брать с собой ружье. Однако сомнения с новой силой одолели его, и шериф, осторожно вылезая из машины, прихватил с собой и двустволку.

Он приблизился к заколоченному домику рядом с мостом. Дом действительно оказался запертым. На двери висел замок. Ровным счетом ничего особенного.

«Наверное, надо перейти по мосту на другую сторону», — решил Хэп.

На середине моста он остановился, внимательно рассматривая огромные отколовшиеся глыбы известняка, которые громоздились прямо на берегу, влажные и сверкающие от брызг.

Хэп заметил летящий камень лишь за мгновение до того, как тот попал в него. И как раз вовремя, чтобы выбросить вперед левую руку, иначе бульжник угодил бы ему прямо в лицо. Камень оказался небольшим, однако больно ушиб Хэпа. Шериф принялся обшаривать лучом фонарика окрестности, но так ничего и не обнаружил. Следующий камень просвистел совсем рядом и, ударившись о паранет, упал в реку.

Пригнувшись, Хэп поспешно бросился прочь от этого проклятого места и чуть было не поскользнулся о каменную глыбу возле самого берега.

Тишину нарушило шипение ракет, которые с каким-то особым остервенением выплонули в небо кучу пурпурных угольков. Даже речные валуны окрасились внезапно ярким, мерцающим багрянцем.

— Ну хорошо, вот я и пришел! — сердито крикнул Хэп. — А сам-то ты где?

Шерифу вдруг показалось, что чуть дальше по течению раздался странный всплеск, словно кто-то свалил в воду бульжник. Хэп сделал шаг вперед и, очутившись по щиколотку в реке, осветил фонарем водную гладь. Он опять заметил мелькнувшую на берегу тень и выбрался из воды, проклиная себя за то, что прихватил эту дурацкую двустволку — теперь она только мешала ему. Внезапно шериф подвернул ногу и, споткнувшись о мшистый бульжник, растянулся и до крови ободрал костяшки пальцев. Он снова выругался. Осветив берег, Хэп различил длинную косу, покрытую галькой, и поросший высокими деревьями горный хребет, круто вздымающийся над самым берегом.

— У меня заряжено ружье, — крикнул Хэп. — Я буду стрелять!

Сквозь плеск волн шериф вдруг отчетливо разобрал и другой звук — чье-то тяжелое и учащенное дыхание. Сердце его бешено заколотилось.

Что-то похожее на бейсбольную биту с чудовищной силой ударило его по руке. С хрустом сломалась кость чуть выше

локтя. Застонав от страшной боли, Хэп выронил ружье, и оно с грохотом упало на камни у его ног. От удара Хэп поскользнулся и, не удержав равновесия, рухнул в реку. Стекло фонаря разбилось, а сам Хэп очутился по грудь в ледяном потоке.

Холодная вода моментально привела его в чувство и слегка ослабила боль. Шериф еле справлялся со стремительным течением, увлекающим его вниз по реке, к водопаду. Зажав в руке фонарь, Хэп кое-как, шаг за шагом, выбрался на берег. Вытянув вперед руку, он осветил фонарем камень, на который чуть было не наткнулся.

И тут Хэп увидел его. Шериф застыл на месте, пораженный ничуть не меньше, чем в тот момент, когда услышал по телефону его голос. Голос Майкла. Хэп был настолько потрясен, что даже не осознал в первый момент одну страшную деталь. Двустволка, которую он только что выронил на берегу, была теперь нацелена ему прямо в лоб.

— Ты ведь любил мою мать, верно? Ты, как подлый трус, тайком занимался с ней любовью, однако защищать ее тебе и в голову не пришло.

Хэп почти не разбирал его слов. Он сосредоточился лишь на том, чтобы снова не соскользнуть в воду. Боль в руке становилась невыносимой, однако ему и раньше доводилось не раз испытывать ее. Он понимал, что надо сконцентрироваться и не обращать на боль никакого внимания.

— Эта штука может убить, — услышал Хэп свой голос. — Ради Бога, прошу тебя, только не стреляй.

В этот момент грохнул дуплетный выстрел, и две пули одновременно пропоролы грудь шерифа. Поток хлынула кровь, и умирающий Хэп рухнул в стремительные воды равнодушной реки.

Всеобщий восторг достиг, кажется, апогея. Небо было расцвечено сияющими огоньками, то и дело слышался треск взрывающихся петард, распускающихся многоцветными яркими букетами. Пэгги забралась на плечи Доремусу. Она здорово устала за сегодняшний день. Разглядывая ослепительный фейерверк, девочка сонно зевнула.

Наконец раздался последний залп, и небо погасло. Зрители, толпящиеся около огромного стофутowego водопада, начали понемногу разбредаться, двигаясь в сторону выхода.

И тут пенящийся поток вынес на поверхность тело. Труп стремительно приближался, затем вдруг замедлил движение и, развернувшись на подводных камнях, понесся дальше, увлекаемый быстрым течением. Голова трупа была неестественно наклонена вбок, руки раскинуты. Достигнув водопада, тело сорвалось вниз и на какое-то время задержалось у основания.

Люди застыли, словно пригвожденные к месту. Уставившись на труп, они как будто ожидали, что им вот-вот растолкуют смысл этой глупой шутки. Ибо никто в эти минуты не мог смириться с тем, что труп настоящий. Опускание торжества не покидало людей, хотя сам праздник уже завершился.

Еще несколько минут тело то появлялось, то исчезало в кипя-

щей пене водопада. Но вот поток вытолкнул труп, и его снова повлекло вниз по реке. Внезапно перед остолбеневшими от ужаса людьми мелькнула разорванная зеленая рубашка и на ней — блестящий шерифский значок, знакомый каждому горожанину. Взгляд шерифа, словно погруженный в бесконечную задумчивость, застыл и был обращен в небо.

— Боже мой! — воскликнула Элен и закрыла лицо руками, чтобы не видеть, как в страшной, неестественной позе проплывает мимо тело Хэпа Уошбрука.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ночью, в час десять, у дома Коннелли остановилась патрульная машина. Из нее вышел Доремус. Элен уже поджидала его и сразу же проводила бывшего следователя на кухню, где Крэг и Эми пили виски. Доремус таким жадным взглядом уставился на бутылку, что Элен тут же без слов налила ему стаканчик.

Крэг и Эми сходу засыпали следователя градом вопросов.

Доремус походил сейчас на выжатый лимон. Все это время он общаривал берег, и, когда поднял стакан, отливающий радужным сиянием, руки его задрожали. Не ответив ни на один вопрос, Доремус сделал большой глоток и раскурил сигару.

— Машина Хэпа припаркована неподалеку от мостика у заброшенного дома, — наконец заговорил он. — Она была надежно спрятана, словно Хэп боялся оказаться замеченным. Место, откуда Хэп упал в реку, мы быстро нашли: он выронил фонарь, но тот все еще работал. Там же лежала и его двустволка, стреляли из нее. По ранам можно определить, что в Хэпа стреляли с очень близкого расстояния.

— Но кто? — вскричал Крэг.

Доремус снова отхлебнул виски.

— Он сам, — пробормотал следователь.

На лице Эми отразилось крайнее изумление, она недоверчиво покачала головой. Доремус уловил этот взгляд и пояснил:

— Похоже, Хэп искал там что-то. Или кого-то. Он потерял равновесие и выронил ружье. Оно выстрелило либо в тот момент, когда падало из его рук, либо когда Хэп попытался поднять его. Это ближе всего к истине. Утром патруль прочешет там каждый дюйм, а к вечеру будет готово заключение патологоанатома. Тогда, возможно, у нас появятся и другие версии. Пока еще не установлено, убийство ли это...

— Убийство или несчастный случай... Самое ужасное, что Хэп погиб, — подхватила Элен. — И похоже, Шейдс становится веселеньким местечком. — Она опустила на стул и нервно сжала кулаки.

Крэг взглянул на Эми, та кивнула, и они одновременно поднялись.

— Уже очень поздно, — спохватился Крэг. — Нам пора. Элен, завтра же перебирайтесь все ко мне, а? — Скользя взглядом по Доремусу, Крэг секунду поколебался, а потом добавил: — И вы, Доремус.

— Спасибо, — поблагодарил Доремус. Лицо его осветилось

улыбкой. Однако она не скрыла его напряженных раздумий.

— Вы сами доберетесь домой? — поинтересовалась Эми.

— Разумеется.

— Крэг, я не уверена насчет завтрашнего дня, — торопливо заговорила Элен. — Я тебе еще позвоню.

— Хорошо, договорились. Нет, не надо нас провожать.

Доремус опрокинул третий стакан виски и почувствовал, как живительное тепло разливается по всему его телу. Весь вечер напролет Элен сидела как воды в рот набравши. Она тщетно пыталась выкинуть из головы образ Хэпа — перед ее мысленным взором то и дело пенящийся поток выносил труп шерифа.

— Не желаете ли еще выпить, Доремус? — вежливо осведомилась Элен.

— Нет, благодарю вас, — отказался Доремус. — Еще немного виски, и я начну буяннить. Или, что еще хуже, превращусь в отвратительного зануду.

— Сегодня вечером Хэпу звонил Майкл, да? — уверенно произнесла Элен, и следователь после секундного замешательства печально кивнул.

Элен горько усмехнулась.

— А потом он убил Хэпа.

— Я не знаю, что происходило там, у реки. Пока Майкл — это только голос в телефонной трубке, не более.

— Что же он сказал Хэпу?

— Об этом знал только сам Хэп. Помощник, который поднимал трубку — как его? Инок... Инок Милс, знаете такого? — так вот, он ничего не смог нам сообщить.

— Но это точно был Майкл. Вот вы говорите — голос в трубке. А он может оказаться где угодно. Он видит нас всех и хочет убить!

— Почему вы так говорите?

Элен не знала, что ответить. Страх вновь овладел ею.

— Он вам угрожал? Может быть, он звонил вам еще раз, но вы забыли мне рассказать?

— Нет...

— Тогда почему вы считаете, будто он хочет вас убить?

— Потому что он должен ненавидеть меня! Он то и дело сбегал из дома. И вот однажды, когда он в очередной раз вернулся, матери уже не было в живых, она умерла... она умерла в больнице, куда отправила ее я, и он обвиняет меня, так было всегда, и он... — Элен тряхнула головой и не договорила, беспомощно уставившись на Доремуса. — В общем, надо перестать думать о нем, — тихо добавила она.

— Мальчики были просто неуправляемы, — попытался возразить Доремус, — и ваша сестра с ними не справлялась. Если верить Хэпу, то она и со своими слабостями не могла справиться. — Элен вздрогнула, услышав последние слова, но Доремус, словно не замечая этого, продолжал: — Другого выхода, кроме как поместить ее в психиатрическую больницу, у вас не было. Да, она там умерла, и это прискорбно, но вы ведь искренне хотели ей помочь.

— Теперь я жалею, что вообще приехала сюда, в Шейдс. —

Элен встала, подошла к стеклянной двери и через нее посмотрела на улицу. — Хотя нет, это, наверное, не так. Я любила Эда. И что бы я сейчас делала без своей Пэгги? Но я сомневаюсь, что мне хватит... мужества пережить такое еще раз. Бедная, насмерть перепуганная Алиса, и Майкл, непослушный, своенравный, постоянно сбегаящий из дома. Я ничем не могла ему помочь. — Элен опустила голову. — Мне самой хочется бросить все к чертовой матери, забрать из школы Пэгги и рвануть отсюда куда глаза глядят. Но этим я бы только напугала дочь, и, кроме того, я не уверена, изменилось бы от этого что-нибудь.

— А какие отношения были у Майкла с доктором Бриттоном? Они ладили между собой? — поинтересовался Доремус.

— Ладили?... Да они почти не виделись. Пару раз, кажется, Энди лечил Майкла от простуды или какого-то детского заболевания, но я точно не помню. Я ведь и сама плохо знала доктора в те годы.

— А Хэп был уже тогда шерифом?

— Да. — Элен, не дожидаясь следующего вопроса, затараторила: — И Майкл знал его немного лучше, чем доктора. Пару раз, когда Майкл убегал из дома, сотрудники Хэпа находили его и приводили к шерифу; Хэп сам доставлял Майкла домой. Он хорошо относился к мальчику, я бы сказала, с сочувствием. Хэп даже пытался подружиться с ним, но никому из нас так и не удалось сойтись поближе с Майклом.

— Давайте предположим, что Майкл жив. Могут ли у него возникнуть причины желать этим людям смерти?

— Как это — жив? — Элен вздрогнула. — Неужели вы считаете...

— Я сам ничего не знаю, — грустно вздохнул Доремус. — Я просто так, с потолка, беру самые невероятные теории и пытаюсь добраться до истины. Ну так что, Элен? Я уже понял, что мальчик сердился на вас, но что он мог иметь против доктора и Хэпа? Попробуйте вспомнить какую-нибудь мелочь, которая со временем могла бы перерасти в повод для мести. Ведь людей убивают по многим причинам, и совсем не обязательно, что убийцей оказывается закоренелый преступник. Хотя... подождите-ка секундочку. — Глаза следователя заблестели. — Наверное, я задаю дурацкие вопросы. Ведь дело не в том, как они относились к Майклу. Их отношение к его матери — вот что важно! Мог ли в те годы доктор Бриттон быть любовником вашей сестры?

— Что вы такое несете! Конечно, нет.

— Может, вы просто ничего об этом не знали. Ведь доктор был знаком с Алисой, и довольно близко, а у нее, как известно, частенько менялись дружки. И если эта связь продолжалась некоторое время, то его жена обязательно должна знать об их отношениях. Надо будет спросить у нее.

— Да как же вы сможете даже заикнуться об этом в присутствии Эльзы!

— Запросто. Я ко всему привык на своей работе. Ну, что касается Хэпа, то он от рождения бабник. Я это точно знаю. И такую симпатичную женщину, как ваша сестра, он бы не пропустил.

— Я в этом не уверена, — напряженно произнесла Элен. — Во всяком случае, если поначалу она и явилась для Хэпа очередным развлечением, то под конец шериф вел себя так, будто искренне полюбил мою сестру, несмотря на все неприятности, которые ему пришлось из-за нее перенести. И Хэп не хуже меня понимал, что ей необходима помощь психиатра. В тот день, когда я перевозила Алису в больницу, он поехал с нами. Всю дорогу Хэп развлекал ее, шутил и пытался отвлечь от грустных мыслей. Ведь Алиса считала, что ей придется жить в заточении, как в настоящей тюрьме.

— Итак, вы с Хэпом решили поместить ее в психиатрическую клинику. Но для этого необходимо специальное заключение терапевта, подтверждающее недееспособность Алисы.

— Да, все документы подписал Энди.

— Человек с больной психикой счел бы подобное заключение вполне веской причиной для того, чтобы убить доктора, — ведь тот фактически подписал ей смертный приговор, — рассуждал Доремус. — Скажите, а вашу сестру поместили в больницу после суда?

— Да. Судью звали Скофилд, но он умер несколько лет назад. — При этих словах Доремус с любопытством взглянул на Элен, и та продолжала: — По-моему, у него был сердечный приступ. Просто невероятно, чтобы Майкл выжил после той метели. Да и пальто нашли, я сама опознала его. Кроме того, обнаружили и скелет. А принадлежать он мог только Майклу.

— Насколько мне известно, не проводилось никаких медицинских экспертиз, которые бы установили, как долго пролежали эти останки в лощине. Никто, например, не идентифицировал зубы по стоматологической карте мальчика. В этом Хэп, безусловно, проявил небрежность. Не исключено, что найденные останки принадлежали совершенно другому мальчику, например, из гринлифской школы. Этот мальчик мог точно так же убежать и погибнуть, но случилась эта трагедия гораздо раньше, много месяцев тому назад, а то и лет. Это легко проверить. Думаю, ваш племянник поможет мне в этом.

— И все равно я не верю, что Майкл жив, — стояла на своем Элен. — Если так, то где же он пропал все эти годы? И как ему удалось выжить?

— Он вовсе не глуп, — развивал свою теорию Доремус. — Ведь когда он исчез, то был уже вполне самостоятельным человеком. Из собранных фактов напрашивается вывод, что мальчик очень решителен, хорошо знает лес и безошибочно в нем ориентируется. Такой не пропадет. — Следователь вертел в руках незажженную сигару и размышлял вслух. — Мне как-то проще поверить в живого, реально существующего Майкла, нежели в его призрак, — уверенно добавил он. — Похоже, что Майкл Янг — умный и изворотливый маньяк-убийца. У него есть свои причины, чтобы скрываться и чтобы убивать. Теперь он по-настоящему пугает меня.

— А что вы скажете по поводу телефонных звонков, Доремус? Ведь мне звонит не взрослый человек, а маленький мальчик.

— Да, и это тоже меня здорово тревожит. Долго же он, види-

мо, вынашивал свой план! Все тщательнейшим образом продумано. Ведь то, что он позвонил сначала именно вам, вовсе не случайно.

Элен бросила на Доремуса непонимающий взгляд.

— Я уверен, что он получил огромное удовольствие, разделившись с доктором и Хэпом, но тем не менее они явились случайными персонажами в трагедии его матери. Именно вы должны понести самое тяжкое наказание за то, что с ней произошло. Ведь он считает, что из-за вас ее отправили на верную смерть...

Внезапно Элен вскочила и бросилась из кухни. Доремус тут же последовал за ней. Но заметив, как женщина заспешила вверх, на второй этаж, он догадался, что сейчас происходит в ее душе, спокойно вернулся на кухню и, задумавшись, взял в руки стакан с виски. Сделав глоток, он поставил стакан на место, затем убрал со стола посуду и начал мыть ее. К этому времени Элен вернулась. Она была по-прежнему бледна, но, похоже, немного успокоилась.

— Простите, я подумала, что... Мне надо было проверить, как там Пэг.

— Ну и как она там?

— Спит крепко. — Элен встревоженно посмотрела на следователя. — Вы же сами сказали, что Майкл хочет заставить меня страдать. Как вы думаете, сможет ли он что-нибудь сделать с Пэгги? Если он ненормальный, то способен на...

— Я даже предположить не могу, каким будет его следующий шаг, — признался Доремус. — Пока что ему хватило ума и осторожности, чтобы не появляться вблизи вашего дома. Но если мои догадки верны и вы — следующая жертва в страшном списке, то ему волей-неволей придется объявиться.

На лице Элен ровным счетом ничего не отразилось, но, когда она схватилась за спинку стула, Доремус заметил, как дрожат ее побелевшие пальцы.

— Как же нам его найти? — в ужасе выдохнула Элен. — Прежде, чем он позвонит, прежде, чем он появится здесь. Я не знаю, стоит ли мне, может быть...

— Утром я переговорю с Иноком Милсом, — не повышая голоса, перебил ее Доремус. — Я пару раз видел его и с точностью могу сказать, что это неплохой полицейский. Будучи первым помощником шерифа, Милс может заняться расследованием по делу Майкла Янга и помочь вам. Я попрошу его об этом и попытаюсь убедить, что это крайне необходимо. Милс тщательно проверит всех, кто может носить личину Майкла... Правда, на это потребуется время, и я не больно-то рассчитываю на успех. А пока самым разумным было бы отправить Пэгги к родственникам.

Некоторое время Элен не отвечала.

— Это невозможно, — вымолвила наконец она. — Лучше нам уехать с ней вдвоем на несколько недель или на все это время, пока вы будете разыскивать Майкла.

— Нет, Элен, вы, к сожалению, должны остаться здесь.

— Что вы хотите этим сказать? — возмутилась Элен. — Остаться и ждать, пока он меня прикончит? Какой смысл...

— Если вы покинете Шейдс, Майкл, разумеется, последует за вами, и тогда у меня не останется ни малейшей возможности помочь вам. Пока вы здесь, защита будет обеспечена. А если все хорошенько обмозговать, то и Пэгги лучше никуда не уезжать. Пока она находится в школе, за ней будет постоянно следить один из помощников шерифа. Таким образом, мы не спугнем Майкла. Ничего не должно отвлекать его внимание от вас — и от меня тоже.

— И что же вы намерены предпринять?

— Я хочу дать понять Майклу: если он собирается причинить вам зло, то для начала ему придется убить меня. — С этими словами Доремус раскурил крохотную сигару, которую вертел в руках. — Сдается мне, Майкл примет вызов.

— Откуда вам известно, что он попытается вас убить?

— У него не останется другого выхода. Потому что с этого момента я буду находиться рядом с вами двадцать четыре часа в сутки. — Услышав такую новость, Элен нахмурилась. — Он неглуп и сразу смекнет, почему я не выпускаю из виду ни вас, ни Пэгги. А так как до сих пор ему везло, Майкл непременно захочет довести свое дело до конца и отомстить. И насколько я его понимаю, мое присутствие вряд ли серьезно озадачит его, поэтому нам остается выжидать момент, когда Майкл допустит какую-нибудь оплошность.

— И вы собираетесь остаться со мной? — спросила Элен, стараясь подавить в голосе испуг.

— Я предпочел бы первый этаж, — рассеянно откликнулся Доремус.

— По-моему, там нет подходящей комнаты...

— Я смог бы воспользоваться вашим кабинетом. О лучшем уголке и мечтать нельзя. Помнится, там стояла какая-то кушетка или диванчик... — Доремус двинулся по темному холлу, Элен беспомощно следовала за ним. — А это что — вход в подвал? — Следователь распахнул дверь и, мельком взглянув на замок, нахмурился. — Не годится, — пробормотал он. — Надо поставить прочный засов. С утра пораньше я займусь этим. — Доремус закрыл дверь и направился дальше. — А там, под лестницей, ванная комната, верно?

— Почти. Самой ванны там нет, только душ, и он, честно говоря, не очень...

— Ну, там-то мне придется только бриться, — бодро отозвался Доремус, поворачивая в фойе выключатель. На пороге кабинета он остановился и по-хозяйски окинул взглядом великое множество антиквариата. Диван, о котором он упомянул, оказался прелестной — викторианского стиля — кушеткой пяти с половиной футов в длину.

— Великолепно, — прокомментировал Доремус. — И здесь нет окон. Вот это мне уже нравится.

— Если нужно, я могу кое-что отсюда убрать...

— Не стоит беспокоиться, здесь просто прекрасно. А если вдруг утром у вас выпадет свободный часок-другой, можно будет сгонять ко мне за вещичками. Наверху у вас я заметил великолепные старинные шахматы. Если не возражаете, я позаим-

ствую их на несколько дней. Можно, я поднимусь вместе с вами?

— Зачем?

— Мне надо изучить планировку дома.

— А-а...

Они медленно шагали вверх по лестнице.

— А где спит Пэгги? — прошептал Доремус.

Элен указала ему комнату. Следователь осторожно отворил дверь и заглянул внутрь, а потом, так же тихонько закрыв ее, повернулся к другой комнате, расположенной напротив.

— Это кабинет моего мужа, — объяснила Элен, подходя к нему с целым ворохом простыней и чистых полотенец. — Там до сих пор остались его вещи, и я...

— Я там ничего не трону, — пообещал Доремус и вошел внутрь. — Неплохая коллекция оружия.

— Мой муж был егерем. А вы любите оружие?

— Нет. Но я знаю, как с ним обращаться. — Он указал на автоматический «кольт» 22-го калибра. — Вот этот подойдет, если, конечно, у вас есть к нему патроны.

Элен удивленно взглянула на следователя.

— Если он вдруг придет, возникнет необходимость стрелять, — терпеливо пояснил Доремус.

Элен раскрыла стеклянные дверцы шкафа и достала пистолет, а потом выдвинула ящик, где хранились боеприпасы.

— Они лежат здесь уже долгие годы, — заметила она, с сомнением разглядывая коробки с патронами.

— Это не имеет значения. — Доремус осмотрел пистолет. Тот был хорошо смазан и, следовательно, вполне пригоден. Доремус с удовольствием засунул его себе за ремень. Затем, взяв простыни и полотенца, поспешил в коридор. — Вам нет необходимости спускаться со мной, Элен. Я прекрасно управлюсь сам. Спокойной ночи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Эми проснулась на рассвете от шума мотора. Внизу тархтел автомобиль Крэга. Девушка повернулась, с трудом разлепив глаза, провела рукой по простыни, где Крэг только что лежал. Простыня была еще теплой. Эми обеими руками обняла его подушку и, прижав ее к обнаженной груди, вздохнула и снова погрузилась в сладкий сон.

Через некоторое время она опять проснулась — на этот раз от телефонного звонка.

Эми села в кровати.

— Крэг? — позвала девушка и тут же вспомнила, что он недавно уехал. Эми взглянула на часы — без четверти восемь.

— Что же ты меня не разбудил? — сердито пробормотала она.

Телефон не умолкал. Эми широко зевнула, потянувшись, и сняла наконец трубку.

— Алло?

— Я хочу поговорить с Крэгом.

— Что?

— Дайте мне Крэга, — повторил детский голос.

— Крэга... — пробормотала Эми, собираясь с мыслями. — А Крэга здесь нет... Сейчас только восемь часов. С какой стати ему здесь быть? Кто это говорит?

— Он был здесь, — с отчаянием в голосе выдохнул мальчик. — Он спал рядом с вами. Куда он уехал?

— Ты звонишь из школы? — Эми почувствовала, как ужас исподволь начинает заползать в душу. — Кто ты?

— Майкл, — выпалил мальчик, — и я хочу...

— Майкл?

— ..поговорить с Крэгом.

— Майкл Янг? — Несколько секунд оба напряженно молчали. Когда Эми наконец заговорила, ей вдруг почудилось, будто у нее внезапно пропал дар речи. — Что?.. Зачем тебе нужен Крэг?

— Мне надо ему кое-что рассказать, — нетерпеливо выкрикнул мальчик.

— Но его... его, правда, здесь нет. То есть он уже уехал. Я в это время еще спала, но слышала, как он заводил машину и отъезжал. Докажи, что ты Майкл Янг.

Тишина, которая последовала за этими словами, с каждой секундой сгущала страх в душе Эми. В какой-то момент девушка решила было, что мальчик повесил трубку. И тогда он снова заговорил. Голос его был озорным, но в нем явственно звучали злобные и угрожающие нотки:

— Когда мама была маленькая, она любила играть с тетушкой Элен. Они играли в парикмахерскую. И моя мама остригла тетушку наголо. До этого волосы у той были рыжие, а когда снова отросли, стали почему-то темно-коричневые. Спросите тетушку Элен. Она подтвердит.

— Ну хорошо. Весьма занятная история, если она, конечно, действительно имела место. Непременно спрошу Элен. — Но Эми уже знала, что мальчик не обманывает ее. Теперь она была убеждена, что разговаривает именно с Майклом Янгом. — А другие доказательства у тебя есть?

— Я не хочу больше с вами говорить, — разозлился мальчик.

— Вчера вечером... страшная штука приключилась с шерифом Уошбруком. Тебе об этом что-нибудь известно?

— Да, — угрюмо буркнул Майкл.

— Ты там был?

— Он получил по заслугам. Может быть, вы все-таки позовете Крэга?

— Майкл, где ты находишься? — в отчаянии воскликнула Эми. — Я хочу увидеться с тобой и поговорить.

— Я уже сказал, что с вами не буду разговаривать! — стоял на своем мальчик. Казалось, он вот-вот расплачется.

— Ну, прошу, выслушай меня. Крэга здесь нет, но если ты хочешь ему что-то передать, скажи мне, и я его разыщу.

Эми вдруг осеклась, испугавшись, не сболтнула ли она лишнего. Наверное, нельзя было требовать от Майкла так много, но вот он снова заговорил, чуть слышно, с хныкающими интонациями:

— Передайте ему... я хочу, чтобы он умер.

— Нет! Нет, Майкл. Ты не можешь хотеть этого.

— Я хочу, чтобы он умер. Я ненавижу его.

— Ты не можешь ненавидеть всех, Майкл. Это просто невозможно! Крэг любил тебя, он всегда о тебе заботился... — У Эми перехватило дыхание, она никак не могла отыскать подходящие слова. Мальчик плакал теперь навзрыд. — Майкл, — взмолилась Эми, — я очень хочу помочь тебе. Пожалуйста, скажи мне, где ты находишься, и я к тебе приеду.

— Я нахожусь... — промямлил мальчик, но тут связь неожиданно оборвалась.

Эми сидела, зажав в кулаке трубку и подтянув к груди колени. Ее начало знобить. Внезапно девушка почувствовала, что по щекам заструились слезы. Она вытерла их уголком простыни и положила трубку на рычаг. В комнату пробивались солнечные лучи, но Эми то и дело зябко поеживалась. Она встала с кровати и, отыскивая в шкафу самый теплый халат, тут же облачилась в него. Она попыталась собраться с мыслями и закурила. Подойдя к телефону, Эми решительно набрала номер Крэга, но тут же передумала и, поникнув головой, опустила трубку.

— Боже мой, что же мне теперь делать? — надрывно воскликнула Эми.

Но план уже созрел. Девушка торопливо потушила сигарету, натянула брюки и лыжный свитер и, забыв обо всем, бросилась в старенький гараж.

Доремус в который раз заставил Эми повторить разговор с Майклом, пока не удостоверился, что она пересказала все слово в слово. Наконец он задал вопрос в упор:

— А почему, собственно, разыскивая Крэга, Майкл звонил именно вам?

Эми покраснела.

— Ну, хорошо, тогда скажите, в котором часу Крэг уехал?

— Понятия не имею, — смущенно пробормотала Эми. — Но на улице было уже светло. Может быть, в половине седьмого, а может, и в половине восьмого. Но не позже. Я слышала, как он заводил мотор, но так и не проснулась до конца.

Вошла Элен и налила всем троим кофе.

— Как же нам объяснить все это Крэгу? — расстроилась она.

— Я считаю, что ему вообще не следует передавать этот разговор, — вставил Доремус.

— Да, но ведь Майкл грозился убить его! — запротестовала Эми.

— Тут вы не совсем правы. Если не ошибаюсь, Майкл выразился иначе: «я хочу, чтобы он умер». А это вовсе не угроза.

— Нет, лично я уверена, что это и есть самая настоящая угроза. К тому же он добавил, что ненавидит Крэга.

— Возможно.

— Ну разве из этого не следует, что он намеревался...

Доремус покачал головой.

— Не знаю, что заставило его позвонить именно вам. Мне казалось, что это не входит в его планы. Но то, что Майкл успел сообщить, вполне похоже на него. Однако я по-прежнему уверен, что следующей жертвой в его кровавом списке должна стать Элен.

Эми чуть не выронила чашку из рук и испуганно уставилась на Элен. Но та лишь грустно улыбнулась и вкратце пересказала Эми версию Доремуса, пока он увлеченно намазывал пирожное маслом.

— Неужели Майкл жив? — изумилась Эми и повернулась к следователю. — Ну, знаете ли, «невероятно», будет, видимо, слишком мягко.

— Странно. Похоже, вы охотнее поверите в привидения и прочую ерунду. А вот разумное объяснение вам никак не подходит.

— Разумное, ничего себе! Ваше «объяснение» не учитывает массу фактов. Ведь многие уже видели маленького мальчика. А Пэгги — целых два раза, да и бедняга Эльза... К тому же сегодня утром я разговаривала именно с мальчиком, а никак не со взрослым мужчиной.

— Вероятно, он просто подделал голос, — предположил Доремус.

— Нет уж, — упорствовала Эми. — Вы уж меня извините, но я работаю с такими мальчиками и слышу их голоса восемь, а то и десять часов в день. Здесь уж меня не провести. Я слушала Майкла и могу с уверенностью констатировать, что со мной говорил именно мальчик.

Элен кивнула.

— Тут я с Эми полностью согласна. Не знаю, был ли это один и тот же голос, но я убеждена, что...

— По телефону можно запутать кого угодно, — возразил Доремус.

— Я потребовала у него доказательств, что он — Майкл Янг, и он их мне представил.

Доремус встрепнулся.

— Вы что-то забыли мне рассказать?

— Да. Я попросила, чтобы мальчик доказал, что он на самом деле Майкл Янг. После долгой паузы мальчик заговорил, и довольно самоуверенно, — вы же знаете, какими противными мальчишки бывают в этом возрасте, — Майкл рассказал, что когда его мать и Элен были маленькими, они любили играть в парикмахерскую. Да, именно так. В парикмахерскую. И однажды Алиса взяла ножницы и обкорнала Элен, отхватив чуть ли не все волосы. До этого у Элен была рыжая шевелюра, а когда волосы снова отросли, их цвет поменялся на темно-каштановый.

Элен онемела от ужаса.

— Все правильно. Я еще помню, как рассердились родители на Алису за эту выходку. Хотя мне, по правде говоря, было почти безразлично — ходить лысой или с волосами. Зато уж Алиса вволю покуражилась — между нами всегда возникало что-то наподобие соперничества. Нет, сдается мне, я об этом никому не рассказывала.

— Возможно, сама Алиса и поведала мальчикам эту леденящую душу историю, — предположила Эми и повернулась к Доремусу. — Ну, что вы теперь скажете?

— Я склонен придерживаться собственной теории, — стоял он на своем.

— Скажите, а как долго вы намереваетесь оставаться здесь? — неожиданно заинтересовалась Эми.

— Трудно сказать.

— Может быть, лучше за домом понаблюдает помощник шерифа?

— Лучше меня вряд ли кто-нибудь сможет охранять Элен с Пагги, — возразил Доремус.

— Однако пока в опасности жизнь Крэга, а вам, похоже, и дела до этого нет.

— Может быть, вы правы, — согласился Доремус. — Хотя я могу и ошибаться.

— Вы признаете, что его могут убить, и пальцем о палец не ударяете, чтобы защитить Крэга? Потом-то вы, конечно, признаете свою ошибку над его трупом!

— Эми! — укоризненно осекла девушку Элен.

— Я не смогу промолчать! Я должна рассказать Крэгу про Майкла. — Эми немного помолчала и добавила: — Может быть, я смогу ему как-то помочь.

— А почему бы не пригласить Крэга вечером сюда? — предложил Доремус, обращаясь сразу к обоим женщинам. — Надо растолковать ему, зачем я здесь торчу, какие у меня дальнейшие планы и соображения. Не исключено, что и Крэг подкинет мне парочку дельных советов. — Доремус зевнул и поднялся из-за стола. — Кстати, неплохо было бы проведать Инока Милса. А вдруг они нашли в городском парке что-нибудь стоящее? — С этими словами Доремус, попыхивая сигарой, удалился.

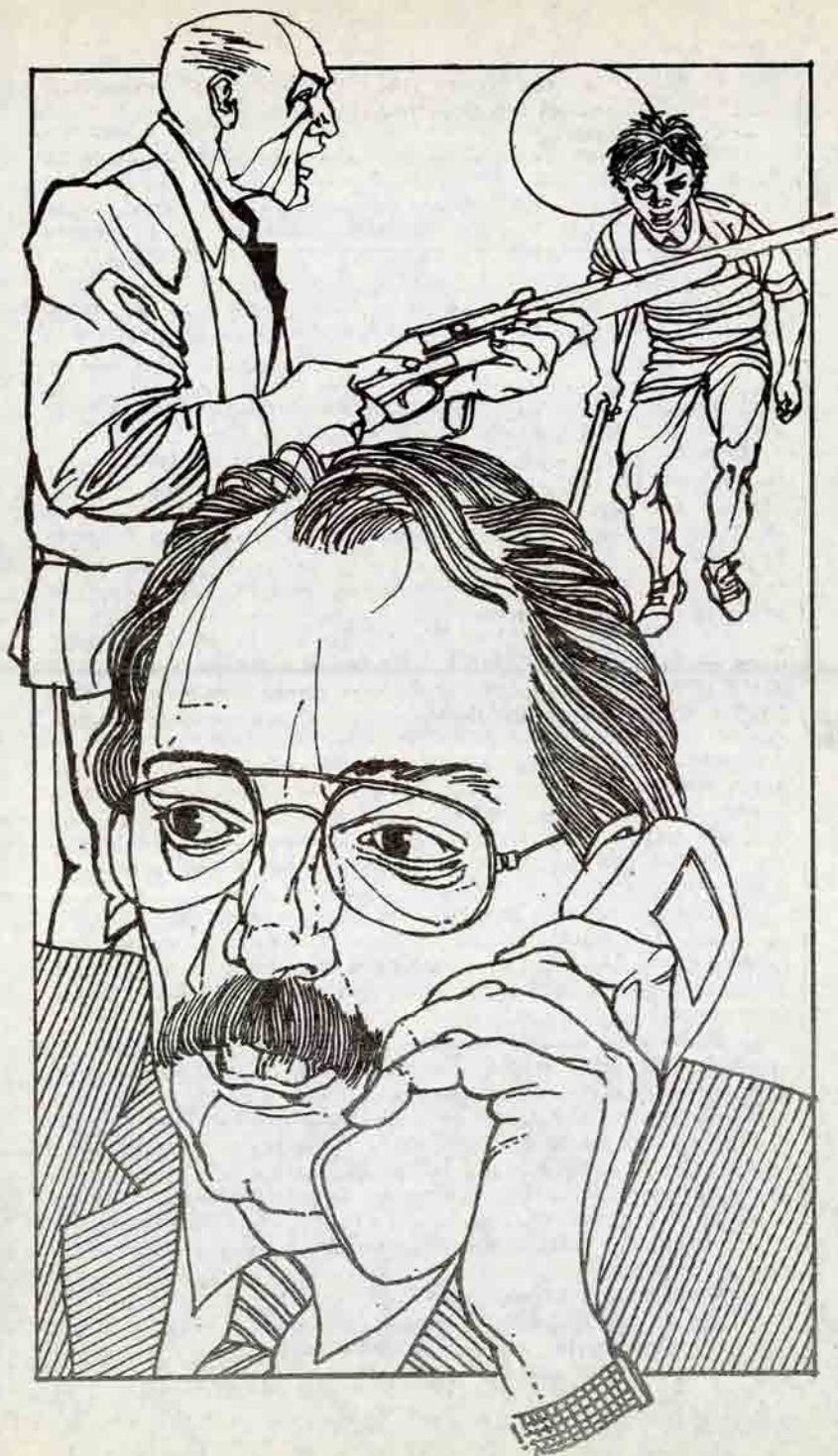
Крэг приехал к Элен вечером. Он с каменным лицом выслушал подробный рассказ Эми о телефонном звонке Майкла. К ее ужасу, Крэг не проронил ни единого слова. Он только бросил на Эми такой взгляд, который мог означать одно из двух: либо Крэг счел все это выдумкой, либо решил, что Эми действительно спятила. Потом в разговор вступил Доремус и подробно изложил свою теорию о том, что Майкл, вероятно, жив. Эта версия сразу же заинтересовала Крэга, и он начал задавать Доремусу бесчисленные вопросы, все более оживляясь с каждой минутой. В конце концов Крэг так разволновался, что вскочил со стула и начал взад-вперед метаться по кухне.

— Это уже кое-что! — бормотал он себе под нос. — Скорее всего так оно и есть. Майкл не погиб тогда в пургу. Я немедленно начну поиски документов. Надо обязательно проверить, не пропал ли из гринлифской школы какой-нибудь мальчик в ту же самую зиму, что и Майкл. Вы уже спрашивали об этом Инока Милса? У шерифа должны храниться документы о пропавших без вести.

Доремус кивнул.

— Да. Правда. Милс не сообщил мне ничего утешительного, но это не имеет решающего значения. О пропавших детях ведь не всегда заявляют.

— Может быть, Майкл, конечно, и выжил, — резко бросила Доремусу Эми, не задумываясь над тем, что о ней подумает Крэг, — но тем не менее во всей этой истории замешан мальчик.

И я не понимаю, как можно упускать это из виду или так легко отмахнуться от подобного факта.

Доремус внезапно обернулся к Эми, и девушка так и застыла с открытым ртом. Решив про себя, что следователь — просто неудачник и растяпа, Эми была поражена его взглядом. Глаза Доремуса сверкали, как у волка, напавшего на след. Эми тут же почувствовала, что в этом человеке заключена недюжинная сила, а также безошибочная профессиональная интуиция.

— Я ничего не упускаю из виду, — спокойно парировал Доремус. — Но пока вынужден ждать и бездействовать. И еще надеяться, что мои суждения верны и я нигде не допустил серьезного просчета.

Около двух часов ночи Элен внезапно проснулась. Она была уверена, что в ее спальню кто-то зашел.

Небо затянули тучи, и тусклая луна еле-еле пробивалась сквозь них. На стене спальни, как гигантская ночная бабочка, шевелилась тень от дерева. И тут Элен заметила вдруг чью-то крадущуюся фигуру. От неожиданности женщина чуть было не закричала.

— Мам! — раздался внезапно жалобный голосок Пэгги. — Мне плохо. У меня живот болит.

Элен облегченно вздохнула и направилась за лекарством. Уложив дочку и вернувшись к себе, она поняла, что сон как рукой сняло. Женщина решила выпить чашку крепкого горячего кофе и спустилась в гостиную.

236 Она собиралась бесшумно проскользнуть в кухню, чтобы не потревожить Доремуса, но только сделала несколько шагов, как дверь в кабинет распахнулась, и перед Элен возник следователь с пистолетом в руке. Лампу в комнате он чем-то прикрыл, и перед взором Элен предстал лишь маленький квадрат света, выхватывающий из тьмы шахматное поле, которое, видимо, и изучал несколько секунд назад Доремус.

— Не сварите ли и мне чашечку? — попросил он.

Когда Элен занесла поднос с кофе в кабинет, Доремус уже снова с головой погрузился в шахматы, склонившись над доской. Черный «кольт» лежал тут же, всего в нескольких дюймах от его левой руки.

— Вы играете сами с собой? — поинтересовалась Элен.

— Нет. Вот эти фигуры — мои, а черные принадлежат моему приятелю Арценко. Это русский филолог, он работает в Московском университете. Мы играем с ним уже несколько лет подряд, с того самого дня, как встретились в Чикагском университете. Сейчас мы сражаемся по переписке. За четыре года я только раз выиграл у него, но мне кажется... уж нынче-то победа останется за мной. Это выяснится весной. — Он взглянул на Элен и принял из ее рук чашку с дымящимся ароматным кофе. — А вы, я полагаю, не играете?

— Мы с мужем играли иногда, но я...

— Это замечательно! — загорелся Доремус и смел с доски фигуры. — Не хотите ли партию прямо сейчас?

— Ну, а как же мистер Арценко?

— Он подождет. На обдумывание хода у меня еще целых три дня.

Доремус принялся заново расставлять фигуры. Элен, внезапно вспомнив о теплой разобранной постели, чуть слышно вздохнула.

— Ну, если только одну партию... А вообще-то я играю так себе...

Это вполне соответствовало истине: через двадцать минут она получила мат. Доремус тут же в мельчайших подробностях объяснил Элен все ошибки, тщательно разобрав партию. Элен помимо воли широко зевнула. Доремус изумленно взглянул на часы, стоявшие рядом на столике.

— Вы знаете, Элен, а у вас есть способности к этой игре, — заявил он. — Вот моя жена так и не смогла научиться... — Доремус сунул руку в карман в поисках сигары и обнаружил, что уже выкурил последнюю. Он в отчаянии откинулся на спинку кресла, безразлично уставившись на шахматную доску. Элен составляла чашки из-под кофе на поднос. Заметив рассеянный взгляд Доремуса, она сочувственно присмотрелась к нему и вдруг спросила:

— А когда умерла ваша жена, Доремус?

— Три года назад.

— Ее звали Марианна?

— Да. — Он помолчал некоторое время, а потом задумчиво посмотрел на Элен: — Вы были просто молодцом. Я имею в виду ваше отношение к моему переезду и все такое прочее. Ведь это было очень непросто. Но другого выхода не оставалось. Мне необходимо пока что находиться в вашем доме.

— Я все понимаю.

— Может быть, он и не явится сюда... Но если все-таки придет, то вы встретите его не одна. А вот Марианна была совершенно одна. Она пыталась сопротивляться, но как она могла справиться? — Доремус замолчал, погружившись в тяжкое раздумье.

Элен, услышав такие слова, пришла в замешательство. Она никак не осмеливалась спросить Доремуса, что же все-таки произошло с его женой. Постепенно напряжение спало, и тот снова заговорил:

— Мне пришлось вылететь в Де-Мойн вслед за подозреваемым, чтобы провести следственный эксперимент. Обычно, когда я отсутствовал, Марианна всегда переезжала к моей сестре и ждала меня там, но на этот раз она помогала соседу: у него скоро должна была состояться свадьба, и моя жена решила остаться, чтобы подсобить. Марианна чувствовала себя уверенно: дело было весной, а места у нас тихие... Впрочем, где сейчас в этом подлунном мире можно найти тихий уголок?

В четыре утра самолет приземлился в Мейфилде, а в шесть я уже закончил дела с подследственным и около семи явился домой. Подойдя к подъезду, я увидел молочника, взял у него бутылки и сразу же засунул их в холодильник. Затем я быстренько пробежал глазами «Геральд Трибюн» и, наконец, поднялся наверх. Никаких признаков взлома не было, иначе я бы сразу

заметил это. Так что, ничего не подозревая, я вошел в собственный дом. — Доремус заморгал и потер рукой слезящиеся глаза. — Что меня поначалу поразило — так это кровь на стенах. Она казалась такой свежей... В комнате царил жуткий хаос. А Марианну я обнаружил чуть позже — она лежала за кроватью, вернее, была зажата между спинкой кровати и стеной. Убийца нанес ей пятьдесят ножевых ударов и в конце концов сломал лезвие.

Остолбенев, Элен уставилась на следователя широко раскрытыми глазами. Лицо ее посерело. Так и застыв на пороге, она не могла оторвать от Доремуса полный смтения взгляд.

А тот, будто не замечая хозяйку дома, продолжал:

— Мальчишка находился в ванной, передвигаться он уже не мог. Не знаю, как она отбивалась от его ножа, но я частенько демонстрировал ей самые разные приемы, в том числе и те, которыми пользуется уличная шпана. Кроме того, моей жене наверняка хватило храбрости, чтобы дать отпор малолетнему хулигану. Им оказался соседский мальчишка, которому мы оба искренне хотели помочь. Скорее всего, узнав, что за дверью стоит именно он, Марианна и открыла. Другого объяснения я не нахожу. Он лежал на полу в ванной, потому что не мог даже ползти. Стены были забрызганы и его кровью. Кое-где с его головы был сорван скальп, один глаз выдран, а зияющая глазница заполнена свернувшейся кровью. Зрелище чудовищное. Лицо его походило на застывшую маску, но только я вошел, он грязно выругался. Видимо, я тогда плохо соображал, потому что, медленно достав револьвер, я в упор всадил в него пять или шесть пуль, а потом спокойно покинул ванную.

Элен стояла как громом пораженная. Так и не найдя слов утешения, она молча вышла, сполоснула в раковине чашки и блюдца, а затем вернулась к Доремусу. Задумавшись, следователь расставлял шахматные фигуры. Внезапно он натянуто улыбнулся Элен.

— Поверьте, я не хотел огорчать вас своими воспоминаниями.

— А вы еще кому-нибудь рассказывали об этом?

— Я никогда никому не доверял свою трагедию. Мне казалось, что на это не хватит ни сил, ни мужества.

— Не надо было держать все это в душе, — с легким укором пробормотала Элен.

Какое-то время они с теплотой смотрели друг на друга. Доремус улыбнулся и, водружая на нос очки, заметил:

— Спасибо, кофе получился отменный.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Далеко за полночь он свернул на запад и промчался мимо спящего городка, затем вырулил на сбегавшую вниз извилистую улочку под названием «Белая Церковь». За окном мелькали окутанные ночным сумраком домишки. Стояла безлунная ночь.

Добравшись до особняка Коннелли, Гарри припарковал автомобиль на обочине под густыми кронами старых вязов. Он тщательно осмотрел дом, заглушил мотор и тут почувствовал, как тревожно забилось сердце. Ладони стали липкими от холод-

ного пота. Это означало лишь одно — пора начинать. Рядом с ним на сиденье лежало все необходимое, и Гарри осторожно поднял вещи. Здоровый бельевой мешок с тугой резинкой, какими обычно пользуются в прачечных, Гарри засунул под свой черный свитер. Нож с пружинным лезвием — в правый карман брюк. Он тихонько приоткрыл дверцу, выскользнул из машины и решительно двинулся вперед.

Три ступеньки отделяли его от двери. «Самая обыкновенная стеклянная дверь», — с презрением подумал Гарри. Он прекрасно знал, что замок на двери сломан и, даже если его успели починить, все равно он, Гарри, за считанные секунды окажется внутри... Просто на это уйдет чуть больше времени.

Распахнув лезвием ножа старый разболтанный замок, он без труда открыл дверь и бесшумно проник внутрь. Неплохо сработано.

Гарри вдруг живо представил себе женщину, спящую наверху, и злобно ухмыльнулся, прикинув в уме, как она перепугается, когда увидит его с ножом в руке. Да, многое отдал бы он за один только страх.

Но это никак не входило в его планы.

Он уже почти миновал гостиную и остановился, чтобы перевести дыхание. Вдруг гостиная озарилась ослепительным светом: он бил прямо из-за спины Гарри.

— Стой и не двигайся! — скомандовал Доремус. — Только шевельнешься — я продырявлю тебе обе ноги, Майкл.

Лезвие ножа сверкало всего в нескольких дюймах от правой руки. Молниеносный взгляд на нож... Сомнения... И рука Гарри инстинктивно поползла к ножу...

— Я не шучу, — предупредил тот же голос. — А сейчас сделай шаг назад, повернись ко мне лицом — и без глупостей!

Сила и решительность, прозвучавшие в этом голосе, словно околдовали Гарри. Он медленно повернулся и тут же зажмурился от нестерпимо яркого света, бьющего прямо в глаза.

— Ну все, все! Вы же меня ослепите!

— Стой спокойно! — Доремус шагнул к лестнице и поставил фонарь с мощной лампой на журнальный столик. Удерживая пистолет в одной руке, он другой набрал телефонный номер. Трубку, видимо, долго не снимали. Наконец следователь заговорил:

— Инок? Извини, что беспокою в такое время. Я поймал его... Да-да, Майкла Янга.

— Чего-чего? — нахмурился Гарри.

— Да, в доме. По-моему, он собирался наверх, в спальню. — Несколько секунд следователь молчал и слушал помощника шерифа. — Ну хорошо. Тогда встретимся прямо в участке.

— Какого черта!

— Заткнись! — рассвирепел Доремус, с ненавистью окинув взглядом нож Гарри.

— Что еще за Майкл Янг? Вы что, хотите сказать, что тот ублюдок, который...

В этот момент Доремус включил верхний свет и обернулся. По ступенькам спускалась Элен Коннелли. Она в недоумении пере-

водила взгляд с Доремуса на Гарри Рендла и обратно. Внезапно Элен заметила в руке следователя «кольт».

— В чем дело? И почему Гарри...

— Ну, а теперь поздоровайся со своей тетушкой Элен, — подсказал юноше Доремус.

— Миссис Коннелли, он что, свихнулся?

Элен все еще не могла ничего понять. Она удивленно уставилась на Гарри. Юноша замолчал и испуганно заморгал.

— Но... Доремус... как же так?.. Вы уверены?

— Я уверен в том, что этот тип ворвался ночью в ваш дом без приглашения. И еще я уверен, что он не забыл прихватить с собой нож.

— Послушайте, — с отчаянием в голосе начал канючить Гарри. — Моя фамилия Рендл. Рендл, понимаете? Я никогда раньше не слышал про Майкла Янга, пока доктор Бриттон... — И тут на лице Гарри отразился ужас. Он ошалело воззрился на Доремуса, холодея от внезапной догадки. — Да что здесь происходит? Вы хотите сказать, что... Почему вы все время называете меня Майклом?

— А я считаю, что ты и есть Майкл Янг. И сегодня ты явился сюда, чтобы убить Элен.

— Боже милостивый! — пролепетал Гарри. Казалось, сейчас в его голове осталась лишь одна мысль — рвануться к двери и сломя голову бежать отсюда.

Доремус будто прочел в его глазах это желание.

— За каждый шаг ты получишь по две пули, — напомнил он. — Пули, конечно, не Бог весть какие тяжелые, но пока ты доберешься до выхода, ты чуток прибавишь в весе.

— Боже милостивый! — повторил Гарри. Лицо его побелело как полотно. Он нервно облизнул пересохшие губы, неопределенным жестом указал куда-то в сторону улицы и, запинаясь, продолжал: — Я ведь собирался уехать из этого города... Все, хватит, теперь уже навсегда отсюда. И поэтому... План-то у меня созрел давно. Ведь я частенько помогал завозить сюда разный мусор и, конечно, сразу же обратил внимание на всякие безделушки, которые есть в доме, — ну, эти старинные драгоценные камушки и украшения... Вот я и подумал, что когда решу убраться отсюда, то по дороге непременно загляну в этот дом и... Ну, в общем, прихватчу с собой кое-какие цацки. Я даже и мешок припас — вот он у меня, под свитером, можете сами убедиться. Я бы за пять минут с этим управился, ну, а потом сбыл бы все это где-нибудь за несколько сотен. — Гарри бросил на Элен смущенный взгляд, а затем перевел его на Доремуса. Теперь в глазах юноши застыла мольба. Он оттянул свитер, и пустой мешок вывалился на пол.

— Ну вот же! Видите? Да не вру я! А машину я оставил возле дома, чуть подальше. Я знал, что дверной замок уже еле дышит, но все равно, чтобы открыть его, мне был нужен нож. А убивать я никого не собирался! Да я ее почти и не знаю, просто подрабатывал здесь иногда. Мистер, меня зовут Гарри Рендл! Гарри Рендл!

— Заткни-ка свой фонтан, а то разбудишь Пэгги, — рявкнул

Доремус, тщательно взвешивая в уме слова Гарри Рендла. Только теперь сработала интуиция, и сомнение закралось в его душу.

— Пойду-ка я поставлю кофе, — предложила Элен. Она прошла мимо Доремуса и, поравнявшись с Рендлом, пристально взглянула на него.

— Вы сами это скоро выясните, — мрачно буркнул Гарри. — Я вам ни слова не соврал. Вот выясните, кто я на самом деле такой. А с убийцей меня не путайте.

— Вот в одном ты точно не ошибся. В ближайшие сутки мы узнаем о тебе столько, сколько ты и сам о себе не знаешь. Тебе хоть раз приходилось иметь дело с детектором лжи, Рендл?

— Нет, — после долгой паузы выдавил из себя Гарри. — Но я не против такой проверки. Потому что мне нечего скрывать.

У ворот притормозила полицейская машина, и Рендл нервно оглянулся. Доремусу снова показалось, что у юноши мелькнуло желание убежать, но в следующий момент Гарри обмяк и, вперив в пол опустошенный взгляд, уже безвольно поджидал полицейских.

Инок Милс с Доремусом устроили Гарри перекрестный допрос и, выпытывая мельчайшие детали его прежней жизни, терзали юношу до тех пор, пока тот не потерял дар речи от усталости. Доремус оказался прав. К шести часам вечера они уже знали о Гарри такие подробности, которых тот сам либо не знал, либо успел уже порядком подзабыть. В конце концов сыщикам пришлось констатировать, что Гарри Рендл на самом деле есть не кто иной, как Гарри Рендл, сирота, воспитанием которого занималась сначала улица, а затем и тюрьма. Детектор лжи выявил, что Гарри не является убийцей, а в момент гибели шерифа Уошбрука юноши поблизости не было.

— Да, жаль, что он — не Майкл Янг, — заявил Милс, когда они с Доремусом, покинув участок, заглянули в ресторанчик, чтобы выпить по чашечке крепкого кофе. — А теория ваша мне пришлась по душе. Ну, а теперь... что же, снова поползут слухи о привидениях и прочей чепухе. А настоящий убийца будет преспокойно разгуливать на свободе.

— Пусть я оказался не прав в отношении Гарри, — подхватил Доремус. — Во всяком случае, теперь надо быть начеку. Раз нам не удалось поймать Майкла Янга, значит, он до сих пор бродит где-то рядом и ждет своего звездного часа. Вполне возможно, он явится сегодня ночью. А может, и нет.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Элен с Пэгги уехали в школу на родительское собрание. Дом теперь находился в полном распоряжении Доремуса. Он отыскал в библиотеке какой-то ковбойский роман и устроился в кабинете, предвкушая приятный вечер. Вдруг зазвонил телефон. Насчитав восемь звонков, Доремус отложил книгу и поднялся. Когда раздался десятый звонок, следовательно уже находился в полной уверенности: человеку на другом конце провода непременно надо поговорить.

— Магазин Коннелли, — хрипло произнес следователь.

— Вы хотите встретиться со мной, так?

Губы Доремуса скривились в ледяной усмешке.

— Совершенно верно, радость моя.

— Мы можем увидаться через полчаса на мельнице у фермера Хока.

— Полчаса. А тебе хватит этого времени, чтобы материализоваться, или что там еще с вами, призраками, происходит?

— И приходите один, иначе вы меня не увидите.

Следователь медленно опустил трубку на рычаг и в задумчивости посмотрел на часы. Начало десятого. Мальчик говорил быстро, в его голосе чувствовалось напряжение. Видимо, он не меньше Доремуса жаждал этой встречи.

— Так, значит, на той старой мельнице? — вполголоса пробормотал следователь. — Похоже, ты что-то задумал, парень.

Он снова потянулся к трубке и решительно набрал домашний номер Июка Милса.

— Говорит Доремус, — представился следователь, услышав знакомый голос. — Мне только что звонил Майкл Янг. — Тут Доремус вспомнил, что мальчик не назвался, однако его это почему-то несколько не смутило, и он продолжал: — Майкл уже что-то припас и для меня, только вот я никак пока не могу сообразить, что именно... Да, помощь мне может понадобиться. Элен Коннелли увезла Пэгги на родительское собрание. Час тому назад. Наверное, неплохо было бы послать кого-нибудь из ваших людей в школу: пусть приглядывает за ними, но только осторожно, не привлекая внимания. Ну, а я никак не могу отказать себе в удовольствии посетить старую мельницу, ту, что стоит на ферме у Хока... примерно через двадцать пять минут я уже должен быть на месте. Нет, этого не надо. Выжди, ну, скажем, часок, а потом мчись туда на всех парах. Час-то я продержусь в любом случае. К тому же он должен думать, что я один. Иначе мы его не увидим.

Мельница на речушке Айронуолли была выстроена еще в сороковые годы прошлого столетия, и хотя ее жернова по-прежнему изо дня в день перемальвали муку, тем не менее эта старинная мельница служила теперь приманкой для падких на старину туристов.

Притормозив на обочине, Доремус слез с мотороллера и по тропинке направился к реке, освещая дорогу фонарем. Лево́й рукой следователь крепко сжимал девятизарядный револьвер.

Кустарник здорово мешал движению, но Доремус не торопился. Внезапно над его головой показалось гигантское мельничное колесо. Он остановился, прислушиваясь к плеску воды под колесом, и сделал несколько шагов вперед, к освещенной лунным светом мельнице. Доремус на глаз прикинул ее высоту и заметил, что самые верхние окна заколочены досками. Пристегнув фонарь к ремню, следователь двинулся к входной двери. Толкнув ее, он, как змея, проскользнул внутрь.

И тут послышался торжествующий детский смех. Доремус

застыл на месте, нащупывая большим пальцем выключатель на фонаре.

— Ну ладно, — негромко начал он, — давай поговорим. Однако мне бы хотелось взглянуть на тебя.

Пол на мельнице был земляной, во всяком случае, в том месте, где находился сейчас Доремус. Мимо проשמыгнула крыса, плепая лапами по грязи. Доремус не обратил на нее внимания. Он прислушивался к другим звукам. К тем, которые мог издать только человек.

И снова раздался смех — громкий и злорадный. Резко вскочив на ноги, Доремус включил фонарь. Луч света описал дугу, выхватив из мрака поленья, старые жернова, лестницу, ведущую наверх... На ступеньках Доремус увидел мальчика, одетого в спортивную форму.

Мальчик, застигнутый врасплох этой внезапной вспышкой, прикрыл лицо руками, но быстро пришел в себя и рванулся вверх по ступенькам. Он так стремительно взлетел по лестнице на второй этаж, что следователь не успел удержать его в луче своего мощного фонаря.

Добравшись до лестницы, Доремус остановился и направил пучок света вверх.

— Майкл! — Доремус начал медленно подниматься по лестнице, останавливаясь на каждой ступеньке. — Я не собираюсь играть с тобой в прятки, Майкл! Давай поговорим!

Пара ступенек отделяла Доремуса от заветного второго этажа, когда вдруг сверху на него свалились вилы. Они упали совершенно вертикально. Произошло это так внезапно, что, казалось, злой умысел здесь совершенно ни при чем. Вилы ударили Доремуса по запястью, и он выронил фонарь, пытаясь тут же подхватить его. Это ему не удалось, и фонарь грохнулся где-то на первом этаже. И тогда Доремус наугад три раза выстрелил. У него и в мыслях не было задеть мальчика. Следователь хотел лишь напугать его. Затем Доремус быстро взобрался на второй этаж и, наткнувшись на стенку, остановился, чтобы перевести дыхание.

— Ты выиграл, — немного погодя произнес следователь. Он уже успел прийти в себя.

Мальчик рассмеялся, но Доремус тут же смекнул, что и он изрядно вымотался от всей этой беготни.

Стараясь не издать ни звука, следователь достал из нагрудного кармана маленький фонарик, напомилавший по форме карандаш, включил его и, шагнув в пустое пространство, направил луч прямо перед собой.

Мальчик стоял неподалеку — футах в десяти от следователя. В глазах его застыл страх. Приоткрыв рот, он, как за гипнотизированный, уставился на фонарик. Вдруг мальчик пошатнулся и исчез.

Доремус стремительно рванулся с места, молниеносно перебросив револьвер в правую руку. Левая рука вцепилась в детскую курточку. Но уже в следующий момент мальчику удалось вывернуться.

И тут Доремус почувствовал страшный удар по голове. Теряя сознание, он рухнул на пол.

Придя в себя, он попытался встать, но не смог. Мозг лихорадочно работал. Доремуса охватила паника. Что произошло? И где сейчас его револьвер? Все еще в руке или он его выронил? Следователь попытался перевернуться на спину. Чудовищная боль моментально прострелила его, и Доремус опять потерял сознание. Вновь очнувшись, он мысленно выругался, проклиная себя за беспечность. Боль в затылке мучила, не давая сосредоточиться.

Рядом послышались шаги. И еще какие-то булькающие звуки. Словно где-то отвернули кран с водой. Доремус инстинктивно свернулся калачиком, прикрывая руками голову. Внезапно он почувствовал, что кто-то поливает его ноги. В нос ударил резкий запах.

«Бензин, — пронеслась в голове жуткая мысль, и Доремус вновь сделал попытку подняться на ноги. — Бензин». Следователь закашлялся и отвел руки подальше от лица, потому как бензиновые пары начали разъедать глаза. Горючее уже стекало с его волос. Доремус громко застонал.

В дверном проеме появился дрожащий оранжевый язычок пламени, осветивший каморку. Увидев спасительный выход, Доремус тут же метнулся к нему. И в тот же миг ужас сковал его тело.

На пороге стоял Майкл и равнодушно смотрел на следователя. В руке мальчик сжимал горящий факел.

Похолодев, Доремус отступил назад. Он вцепился в пуговицы промокшей рубашки, пытаясь расстегнуть ее. Пуговицы не поддавались, и Доремус разорвал ткань. Но бензин, просочившись сквозь нее, уже стекал по телу.

— Послушай, приятель, — вымолвил следователь, продолжая отступать, — ведь мы сейчас оба полыхнем. Так что лучше не подходи.

Казалось, Майкл не слышал его. Он медленно и неотвратно приближался шаг за шагом, и в глазах его словно плясали дьявольские искры.

— Ты чего, рехнулся? Сейчас бензиновые пары вспыхнут! — выпалил Доремус. — Немедленно брось факел, затопчи его ногами, слышишь?

Следователь уперся спиной в стену и шагнул в сторону. Майкл на секунду замешкался, будто раздумывая, правильно ли он поступает. А потом, криво ухмыльнувшись, решительно двинулся на Доремуса, выбросив вперед руку с факелом. Губы у него затряслись.

Следователь забился в угол. Дальше отступать было некуда. Факел пылал так близко от него, что Доремус всей кожей ощущал его жар.

— Нет! — в отчаянии выкрикнул он.

Внезапно старые, насквозь прогнившие доски позади Доремуса хрустнули и через мгновение затрещали, словно поленья, брошенные в костер. В ту же секунду следователь потерял равновесие. Упругий поток свежего воздуха, а также ощущение невесомости исторгли из его горла отчаянный вопль. Старая мельница, покачнувшись, начала заваливаться куда-то вбок, как

показалось Доремусу, и вскоре вовсе исчезла. Небо стремительно закружилось, потом невесть откуда взялись кроны деревьев, и в следующий миг он камнем рухнул в спокойные воды пруда.

С головы до ног облепленный скользкими водорослями, Доремус выбрался на берег. Запах тины смешивался с резким запахом бензина. Следовательно был до того потрясен всем происшедшим, что в изнеможении повалился на холодную землю. Сильнейший озноб охватил Доремуса, он дрожал всем телом.

Так он и лежал, то проваливаясь в небытие, то вновь приходя в сознание. Он даже не пытался отодрать от себя налипшую корку из водорослей и почти подсохших осенних листьев.

Внезапно Доремус услышал голоса. Собрав последние силы, он пополз. К горлу то и дело подкатывался тошнотворный комок, тело не слушалось, но Доремусу удалось добраться до расчищенной площадки перед мельницей. В глаза ударил яркий свет фонаря.

— Лежите спокойно, мистер, и не шевелитесь. У нас тут два обреза!

— Вы его видели? — чуть слышно пробормотал Доремус. — Он еще там, внутри? Я имею в виду мальчика.

— По-моему, с ним что-то стряслось, отец. Нюхни-ка. Кажется, он весь в бензине!

— Что это вы тут химичите у моей мельницы? — послышался грозный голос старшего Хока.

Из кустов появился юноша и, подойдя ближе, воскликнул:

— Па, кого это вы тут выловили?

— Какой-то придурок, Виллис, — проворчал Хок. — Ну, вы, вставайте, что ли...

— Я же пытаюсь вам объяснить! — не унимался Доремус. — Здесь только что был маленький мальчик. Вот он-то как раз и собирался спалить вашу мельницу... а заодно и меня. Ему примерно лет десять, темные волосы, бледное лицо. Одет в кроссовки и спортивную куртку. Не знаю, куда он убрался, но мы должны его найти!

— Па! — вмешался вдруг один из сыновей Хока. — По-моему, этот старый хрыч вывалился из окна. Вон там, в пруду, доски плавают.

Второй сын почесал в затылке и неуверенно обратился к Доремусу:

— Маленький мальчик, говорите?

— Да-да, вы его видели?

— Какой-то парнишка пару минут назад улепетывал отсюда, как заяц, через пастбище. Только я его не успел хорошенько разглядеть.

— А в какую сторону? — Доремус напрягся.

— На север. К ферме Овермейера. Па, тебе не кажется, что он тут нам лапшу на уши вешает?

Целая вечность понадобилась Доремусу, чтобы объяснить, кто он такой, но, стоило ему упомянуть Инока Милса, у мистера Хока в тот же момент отпало пламенное желание пристрелить Доремуса на месте, и фермер заговорил, растягивая слова:

— Ну-у, до фермы Оверме-ейера я с вами, пожалуй, прогуля-

юсь. Вреда не будет. Джек, вы с Виллисом пока сгоняйте на мельницу, гляньте, все ли там в порядке. Да, Виллис, одолжи-ка этому мистеру свою куртку, а то он, чего доброго, околеет от холода.

— Па, но это же совсем новая куртка.

— Ничего, он тебе ее вернет в целостности и сохранности. Пойдемте со мной, мистер, а вы двое делайте то, что я сказал.

Поблагодарив, Доремус застегнул куртку, отороченную овчиной, и последовал за фермером.

До пастбища было рукой подать, и они очень скоро добрели до луга.

— Вот это и есть владение Овермейера, — объявил старый Хок, вытянув вперед грязный указательный палец.

— А чьи земли дальше, внизу у дороги?

— Некого Брюннеля. Он то ли художник, то ли скульптор, черт его знает! — С этими словами Хок повернулся лицом к владениям Овермейера. — Сдается мне, что нам в эту сторону, хотя, похоже, все это как мертвому припарки.

— А почему бы нам не разделиться? — предложил Доремус. — Скорее всего мальчишка побежал к Брюннелю: там ведь густые деревья, где можно надежно спрятаться.

— Да, конечно, хотя вряд ли. Если он хорошо знает эти края, то уж точно туда не сунется — вон там, за старым амбаром, сплошное болото.

— А если он все же решился заскочить к Брюннелю? Разрешите мне воспользоваться вашим фонариком?

— Что? Ну, конечно же, а то вы еще, чего доброго, извозите курточку Виллиса. Мистер, послушайте, я надеюсь, вы точно знаете, за какое дело взялись.

— Абсолютно точно, — подтвердил Доремус, бросившись по тропинке вниз, пока Хок не спеша двинулся в сторону фермы. Фонарь помог Доремусу обойти топь, и, миновав трясину, он с легкой душой зашагал к большому амбару с заостренной крышей, расположенному на вершине холма.

Казалось, в этих Богом забытых местах не должна обитать ни одна живая душа. Однако ярдах в ста в крохотной хибарке мерцал огонек. Ни собачьего лая, ни возни скота в сарае не доносилось оттуда. Доремус взглянул вверх, и в его сознании возникло смутное недоброе предчувствие. На противоположной стороне крыши сарая был установлен прожектор, но поначалу Доремус почему-то не заметил его.

Следовательно немедленно выключил фонарь и подошел к амбару, стараясь все время оставаться в тени. Главные ворота были заперты. На стене рядом с ними Доремус заметил небольшую табличку и, осторожно приблизившись к ней, прочел: «Галерея Брюннеля, вход сзади».

Доремус окинул дом быстрым цепким взглядом. Внимание его привлекло единственное освещенное окошко. Следователю вдруг показалось, что там, внутри, кто-то метнулся. Изнутри амбара доносились странные звуки, напоминавшие лязг металла.

Доремус обогнул дом, пройдя мимо темных окон, и очутился у двери. Перед ней находилась широкая вымощенная каменны-

ми плитами площадка. На стене висела еще одна табличка, но Доремус даже не удосужился прочесть ее, потому что дверь оказалась распахнутой настежь. Включив фонарь, следовательно решительно шагнул вперед и сразу же разглядел на верхней ступеньке лестницы мальчугана. Перепачканный с ног до головы, мальчик притаился и тяжело дышал, не мигая уставившись на фонарь.

Доремус вздохнул:

— Ну ладно. А теперь спускайся.

Внезапно мальчик вскочил и бросился прочь из освещенного круга.

— Что ж, мне придется подняться к тебе, — произнес Доремус и двинулся по лестнице на верхний этаж галереи, тщательно высвечивая каждую ступеньку. — Ну, хватит играть в кошки-мышки... Майкл. Успокойся, я не сделаю тебе ничего плохого.

Слома голову мальчик помчался по лестнице. Доремус рванулся было за ним, но вдруг в амбаре вспыхнул яркий свет, и на пороге показались двое мужчин. Один из них, лысеющий толстяк с прямо-таки фантастических размеров бородой, судя по всему являлся владельцем студии. Другой — им оказался Крэг Янг — с трудом удерживал насмерть перепуганного рыдающего мальчугана. Психолог в недоумении уставился на Доремуса.

— Слава Богу, вам удалось поймать его, — пробормотал следователь, медленно спускаясь вниз по лестнице.

— Питер, — обратился Крэг к мальчугану. — Питер, что стряслось? Что ты здесь делаешь, и вообще как ты сюда попал?

— Так вы его знаете? — нахмурился Доремус.

— Разумеется. Это один из моих подопечных. Его зовут Питер Мэтис.

— Сдается мне, что именно он-то и разыгрывал всех нас по телефону... Его изобретательности, похоже, и конца не видно: сегодня вечером он пытался убить меня.

— Это невозможно. — Крэг начинал сердиться.

— Неужели? Тогда пусть все расскажет сам.

— Не знаю, что он делал так далеко от школы, но уверен лишь в одном: Питер не мог никому звонить по телефону.

— Не мог? Отчего же вы так в этом убеждены?

— Потому что Питер немой, — отрезал Крэг и принялся успокаивать плачущего мальчика.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Доремус одолжил у скульптора Брюннеля рабочие штаны цвета хаки, а также чистую, хотя и видавшую виды рубашку. Он сидел в кабинете директора гринлифской школы-интерната. Ботинки пришлось снять — они оказались слишком грязными, и Доремус опасался наследить на синем бархатистом ковре. После падения в пруд шея словно одеревенела и постоянно ныла, однако все невзгоды тут же отошли на задний план, как только Инок Милс предложил Доремусу хорошую сигарету, и теперь тот нисколько не сомневался, что сможет спокойно работать дальше.

— Питер никак не мог выбраться с территории школы и при этом остаться незамеченным,— настаивал директор. Фамилия его была Куинлэн, а осанистая выправка, бодрость и оптимизм этого стареющего джентльмена безошибочно свидетельствовали о его военном прошлом. Лицо Куинлэна покрывали многочисленные морщины, а когда он замолкал, губы его чуть заметно дрожали.

— Но ведь в субботу занятий в школе нет,— удивился Инок Милс.— И многие ребята отправляются в город.

— Обычно оно так и бывает, шериф. Но в эту субботу у нас проходил весьма ответственный футбольный матч, поэтому лишь несколько мальчиков оставались на территории школы. А большинство учеников находились у своих родителей или других родственников.

— И Питер весь день был здесь? — поинтересовался Доремус.

— Я абсолютно в этом уверен. Обедали в половине шестого, а игра закончилась за двадцать минут до этого. Если бы он не обедал, я непременно узнал бы. А сразу после обеда показывали кино. Фильм длинный — почти два часа. Потом все мальчики разошлись по своим комнатам. В том корпусе, где живет Питер и другие ученики младших классов, вечернюю проверку проводят в восемь сорок пять, а в девять часов уже гасят свет. В корпусе для старшеклассников мы позволяем ребятам ложиться спать на час позже.

— Итак, без четверти девять Питер лежал в своей постели.

— В противном случае мне немедленно доложили бы о его отсутствии.

— И тем более он не мог улизнуть ночью из школы, когда крутили кино? — вмешался в разговор Милс.

Куинлэн отрицательно покачал головой.

— Но Доремус утверждает, что меньше чем через час после начала фильма,— продолжал Милс,— Питер уже находился на ферме Хока, а ведь до нее около пяти миль.

— Послушайте, а мог ли кто-нибудь из товарищей Питера подменить его во время ночной проверки? Ну, скажем, накрыться с головой одеялом, притворившись спящим?

— Такие уловки нам знакомы,— улыбнулся директор.— Но дело в том, что товарищей по комнате у Питера нет. Он живет один.

— Я хотел бы осмотреть его комнату,— попросил Доремус.

— Разумеется. Я провожу вас.— Директор достал из ящика большую связку ключей и повел Милса и Доремуса через окутанный туманом двор.

— Скажите, а у вас есть ночной сторож у главных ворот?

— Да. Три-четыре раза за ночь он обходит весь двор, но делает это, когда ему вздумается.

Доремус внимательно разглядывал здания интерната, их остроконечные крыши. Жилые корпуса, куда они направлялись, располагались под прямым углом друг к другу. Они оказались четырехэтажными. Эти строения соединялись со зданием столовой и спортзалом аркой. За столовой находилась автомобильная стоянка, но со стороны корпусов ее не было видно и попасть туда

можно было только через главные ворота, по неосвещенной и извилистой асфальтированной дороге, огибающей прямоугольный двор. За школьной территорией зловеще возвышались пологие лесом горные хребты.

Директор уже отпирал дверь жилого корпуса, когда в административном здании дважды прозвонил колокол. Отсюда, со стороны ворот, вход в здание хорошо просматривался. Он был ярко освещен. Кроме того, внутри коридоры также купались в люминесцентном сиянии.

— Сколько имеется таких ключей, как ваши? — осведомился Доремус, изучая массивную дубовую дверь.

— Три. И я могу точно сказать, где в данный момент находится каждый из них. К тому же вы, вероятно, успели заметить, что двери запираются исключительно снаружи.

Они поднялись наверх, туда, где жил Питер. Здесь замок был попроще, и директор легко отпер его запасным ключом.

— Каждое такое помещение представляет собой комплекс из двух спален и рабочего кабинета, — шепотом пояснил директор, когда все трое осторожно заглянули внутрь. — Давайте-ка посмотрим... По-моему, Питер обитает вот в этой.

Раздвинув занавеску, они вошли в небольшую спальню с двумя кроватями и шкафчиком, смахивавшую скорее на казарму, чем на детское общежитие. На одной кровати не было никакого белья, даже матраса. На другой же, очевидно, кто-то совсем недавно спал.

Доремус вдруг почувствовал, как внутри у него все похолодело. С замирающим сердцем он двинулся к окнам. Здесь их было три — каждое со ставнями, шириной в двадцать четыре дюйма. Одно из них оказалось приоткрытым. Снаружи протянулся довольно широкий карниз — около восьми дюймов. Доремус глянул вниз — высота футов сорок. Кладка была неровная, каменные плиты кое-где выступали, но не более чем на пару дюймов. Так что спуститься из окна по стене было невозможно. Кроме того, Доремус не обнаружил ни одного выступа, за который можно было бы ухватиться руками.

Следователь перевел взгляд направо. Здесь покато спускалась крыша, а у самого ее края Доремус заметил желоб для стока воды. Он вполне мог служить опорой. Следователь поставил на карниз ногу и попробовал было вылезти из комнаты, но не смог этого сделать. Тогда он по пояс высунулся из окна, стараясь как можно внимательнее осмотреть выпуклую красноватую крышу.

— Нет, таким образом Питер никак не мог выбраться отсюда, — запротестовал директор. — Уж больно рискованно. И всем мальчикам это хорошо известно. Мы ведь каждый год читаем специальные лекции. Предупреждаем, что забираться...

— Я больше чем уверен, что воспитанники следуют вашим указаниям. Все они, похоже, очень послушные мальчики, однако Питер — исключение. Я теперь почти убежден, что выбирался он именно этим путем. И теперь так же возвращался назад. Причем не однократно, а по меньшей мере раз десять, а то и все двенадцать. Ну все, нам пора.

Оказавшись во дворе, Доремус посмотрел на окна Питера.

— Стоит преодолеть вон тот опасный участок, пока крыша не станет более плоской, и тогда путешествие по ней — вообще дело плевое. А на фоне темного леса мальчика вряд ли можно заметить. Самый сложный отрезок пути — эти двенадцать футов. Однако в кедах или кроссовках, да еще опираясь на водосточный желоб, не так-то и трудно добраться до плоской крыши. А теперь неплохо было бы отыскать то место, где он спрыгивал на землю, раз уж мы частично разобрались с его маршрутом.

Они подошли к следующему жилому корпусу. Здесь в сплошной стене одиноко чернела дверь, а дальше тянулся каменный переход в столовую. Стены его были увиты плющом.

— Вы считаете, что он спускался по этому плющу? — засомневался Милс.

— Это единственный путь, чтобы слезть с крыши.

— Да, но вы забываете, что Питер Мэтис не ахти какой спортсмен, — грустно возразил Куинлэн. — Что же могло заставить его совершать такие опасные прогулки по крышам?

Доремус задумчиво посмотрел на директора школы.

— Возможно, Крэг откроет нам эту тайну. А теперь надо проведать мальчика. Как он там себя чувствует?

Крэг и Эми покинули лазарет и сидели теперь в кабинете директора на диване.

— Сейчас он спит, — без обиняков начала Эми, как только вошли мужчины. — Но это стоило нам большого труда. Пришлось повозиться с ним не менее получаса. Давно не случалось такого в моей практике.

Крэг выглядел крайне подавленным и все время молчал.

— Можно утром задать Питеру несколько вопросов? — осторожно закинул удочку Милс, но Крэг тут же взорвался:

— Ни в коем случае!

Однако через несколько секунд он, очевидно, пожалел о своей вспышке гнева и, окинув присутствующих виноватым взглядом, начал оправдываться:

— Питеру надо сейчас хорошенько отдохнуть... Ему нужен полный покой. Скорее всего придется поддержать его на транквилизаторах несколько дней. Видите ли, я не знаю, какую душевную травму перенес этот мальчик, но постараюсь выяснить это сам в спокойной обстановке... Я расспрошу его обо всем...

— А вдруг Питер Мэтис как раз и есть ваш брат Майкл? — подал голос Доремус.

Психолог заморгал, будто ему только что пришлось выслушать какую-то дикость.

— О чем вы говорите?

— Я поясню. Может быть, он считает вас своим братом?

— Боже мой, ну, разумеется, нет!

— А ведь поначалу вы сами были убеждены в том, что мальчик, который звонил Элен по телефону, искренне считал себя Майклом Янгом.

— Да, я не отвергал такой вариант. Но Питеру ничего не известно о моем брате! Впрочем, за последнюю пару недель он и в самом деле мог набраться слухов о «призраке Майкла» и прочей чепухе, которая просочилась даже в эту школу. Похо-

же, за моей спиной уже частенько точат лясы по этому поводу. Но Питер-то не мог никому звонить по телефону. И об этом я вам уже говорил.

— Да, я помню, что он немой. Но проблемы у него психологические, а не физические, верно?

— В четыре года он перестал говорить из-за сильных эмоциональных переживаний и с тех пор не произнес ни слова.

— Возможно, он ничего не говорит, — согласился Доремус, — но ему удаются куда более необычные для его возраста вещи. А вы случайно не заметили за последнее время в поведении Питера поступков, где каким-то образом проявилось бы насилие или жестокость по отношению к окружающим?

— С тех пор, как мы познакомились, я сразу же обратил внимание на то, что у Питера время от времени случаются приступы гнева и раздражения, — охотно отозвался Крэг. — Но в этом нет ничего странного. Пару раз он даже подрался со старшеклассниками, но в каждом случае это было вполне объяснимо — его агрессивность ни в коей мере не превышала норму для мальчика его возраста. А о жестокости и говорить не приходится. Ума не приложу, зачем только ему понадобилось накидываться на вас.

— Расскажите, пожалуйста, поподробнее о Питере. Откуда он поступил в интернат?

— Из Сент-Луиса. Его детство оказалось... весьма мрачным. Мать — испорченная женщина, ненавидящая всех и вся на этом свете. Она забеременела в семнадцать лет, отказалась выйти замуж за своего любовника и переехала в дом родителей, ожидая появления на свет малыша. Скорее всего она не любила своих стариков и решила таким образом отомстить им. Если бы вы их знали, вам не пришлось бы спрашивать, за что дочь так ненавидит их. Это была пожилая обеспеченная пара. Но более бессердечных людей лично мне встречать не приходилось. Тем не менее поведение дочери не вывело их из равновесия. Может быть, в каком-то смысле это делает им честь. Они переехали в свое поместье и перестали принимать гостей, да и сами полностью отказались от всяческих визитов. И сейчас они редко показываются на людях. И вот родился Питер. Надо ли говорить, что детство он провел в атмосфере чудовищной ненависти, царящей в этом доме. Единственным утешением для ребенка оставалось то, что мать, видимо, оказалась не до конца испорченной женщиной. Она по-своему любила сынишку. Но когда тому исполнилось три года, она погибла, сгорев в собственной кровати, — не затушила сигарету. И вот тогда Питер — беззащитный и легко ранимый — оказался один на один с холодным и жестоким миром. Я уже упоминал о том, что в четыре года мальчик лишился дара речи. Можете сами сделать вывод, что пришлось перенести бедняге в доме его бабушки и дедушки. — Внезапно на глаза Крэга навернулись слезы, но голос его не дрогнул, и психолог продолжал: — Если бы природа не наделила мальчика железной волей, Питер Мэтис наверняка находился бы сейчас в сумасшедшем доме. Однако могу вас заверить, что состояние Питера понемногу улучшается: с помощью гипноза я пытаюсь

снять с его мозга блокаду, которая и влияет на способность разговаривать. Тут у нас уже наметились сдвиги. Хотя, боюсь, после сегодняшних событий нам придется начинать все сначала. — Крэг поднялся и, смахнув слезы, устался на ковер. Третьи прозвонил колокол.

Доремус, слегка склонив голову, внимательно слушал.

— Если быть откровенным, я считаю, что сегодня на мельнице на меня напал вовсе не Питер, — заявил он, осторожно коснувшись шишки на затылке ближе к правому уху. — Кроме Питера, на мельнице еще кто-то находился. — Шериф хотел было возразить, но следователь жестом остановил его: — Нет, Инок, я больше никого не видел, это чисто теоретическое предположение. Но учитывая мой рост, трудно представить, что бегущий мальчик мог нанести мне удар по голове. Ведь, пока мы там играли в кошки-мышки, он не стоял на месте, а все время удирал: да-да, для него все это явилось чем-то вроде игры. Питер не разговаривал, это верно, однако он то и дело злорадно хихикал, будто вся эта заваруха доставляла ему немалое удовольствие.

Теперь все, кроме Эми, пристально смотрели на следователя. Девушка же словно окаменела, не в силах отвести взгляд от окна.

— Понимаете, для Питера это была всего лишь игра. Он отправился на мельницу не для того, чтобы убить меня или кого другого. Даже когда он крался ко мне с факелом в руке, поведение его было каким-то странным. По-моему, он просто хотел передать мне факел, словно кто-то невидимый на каждом шагу подсказывал мальчику, что надо делать дальше. И когда я не взял у Питера факел, он выглядел довольно растерянным. — Доремус замолчал, а потом вдруг неожиданно обратился к девушке:

— Эми, вам это ни о чем не говорит?

Вопрос не застал ее врасплох. Эми оторвала наконец взгляд от окна и после короткой паузы тихо, но отчетливо вымолвила:

— Да. — Голос ее звучал решительно. — Кажется, я начинаю понимать, что все это значит. — Тут Эми снова перевела взгляд на окно. — Во всяком случае, нельзя отрицать, что Питер действительно удирал отсюда, иногда даже поздно вечером. Остается предположить, будто что-то или кто-то заставлял его спускаться в такие опасные путешествия. Другого объяснения я не нахожу. Питер одержим. Вот вам мое мнение. — Она вызывающе посмотрела сначала на Крэга, потом на ошеломленного директора интерната. — И одержим он не кем иным, — продолжала девушка, — как самим Майклом Янгом. — Глаза ее расширились, в них заметался страх, а голос стал еще тише. — Вот кто контролирует его действия. Это он заставляет Питера совершать жуткие поступки.

— Эми, не надо опять... — с отчаянием в голосе начал было Крэг.

— Это просто ТЫ не веришь в одержимость духами, а ведь она на самом деле существует! Сколько томов исписано на эту тему известнейшими людьми! Ты же сам недавно говорил, что

чувствуешь, будто в Шейдс присутствует некое зло. Будто оно вырвалось на волю, как джинн из бутылки. Не хочу утверждать, будто это именно дух Майкла Янга. Но Майкл ведь может оказаться и живым, как предполагает Доремус. В этом тоже есть доля истины, правильно, Крэг? Ведь еще пару дней назад тебя вполне устраивала эта теория. Хорошо, допустим, что Майкл Янг действительно не погиб тогда, а вырос где-нибудь в другом месте, а потом вернулся назад, в наш город. Стало быть, он живой, настоящий, ходит себе рядом с нами и убивает людей. Мы вот не знаем, кто он на самом деле... а Питер знает!

— Что-что? — только и выговорил Крэг.

— Да-да, Питер его знает, — настаивала Эми. — Он не раз встречался с Майклом в лесу, и они успели подружиться. Майкл много чего рассказывал Питеру о семье Янгов, о трагедии, разыгравшейся с его матерью, и, конечно же, сердце Питера растаяло, он проникся к Майклу симпатией и сочувствием. Ведь мать Питера тоже была несчастной женщиной — ее ненавидели, преследовали, и потом эта загадочная страшная смерть от собственной сигареты... Видите, как много у них общего. А Майкл успел поумнеть — он ведь уже не ребенок. Вот он теперь и использует Питера в своих корыстных целях. Он же мог заставить Питера сделать что угодно, пойти на любое преступление во имя, ради... — Внезапно Эми замолчала на полуслове и вдруг выкрикнула: — Элен! — Голос прозвучал необыкновенно хрипло, как будто у девушки сильно болело горло.

— С ней все в порядке. С одиннадцати часов у ее дома дежурит полицейский, — попытался успокоить Эми Инок Милс. Он скомкал свою широкополую шляпу, облизнул пересохшие губы и обратился к Доремусу: — По-моему, версия Эми выглядит самой убедительной из тех, что мне сегодня пришлось выслушать в этой комнате. Не исключено, что Питер смог бы здорово помочь нам. Но это, разумеется, зависит от того, когда нам позволят навестить его, — закончил Милс и выразительно посмотрел на Крэга, который, казалось, даже не расслышал его просьбы. — Кстати... где расположен ваш лазарет?

— На третьем этаже в этом корпусе, — поспешно ответил директор интерната.

— А ведь сегодня воскресенье, — задумчиво произнес Инок. — Как вы думаете, сколько еще проспит мальчик?

— Не менее пятнадцати часов, если, конечно, его не будут тревожить, — отозвался Крэг.

— Я считаю, у входа в лазарет тоже надо поставить полицейского. Только тогда я буду спокоен за то, что его никто не потревожит без вашего согласия. А еще лучше, отправим-ка его в городскую больницу. Не забывайте, мы имеем дело с самым настоящим убийцей, а уж он ни перед чем не остановится, если ему взбрдет в голову добраться до мальчишки.

При этих словах Эми побледнела.

— В лазарете, кроме Питера, еще три мальчика и дежурная сестра, она круглосуточно находится около больных, — возразил Крэг. — Так что здесь Питер в полной безопасности. К тому же

я лично буду дежурить возле него, пока он не проснется, а если понадобится, то и дольше.

— Чем раньше мы выясним личность его загадочного приятеля, тем лучше.

— Вполне с вами согласен.— Крэг бросил на Эми долгий взгляд.— Ну, теперь, когда мы знаем ответы на многие вопросы, я считаю, что вскоре мы разберемся с этими тайнами раз и навсегда.— Возбуждение вновь охватило Крэга. Казалось, его что-то тревожит: — Но почему же Май... Майкл ни разу не пришел ко мне? Ведь мы с ним были друзьями... Неужели он и в самом деле желает моей смерти? Как мог он измениться за эти годы? — Эми положила ему руку на плечо, пытаясь успокоить, но Крэг не замечал ни ее руки, ни самой девушки.— Мне теперь легче поверить в привидение. Или, например, в то, что у Питера выросли крылья и он может летать.— Крэг хотел было рассмеяться, но поперхнулся и надрывно закашлялся. Глаза его лихорадочно блестели, щеки пылали.— Безумие,— бормотал Крэг.— Это какое-то безумие, это невероятно... Единственное, во что я пока согласен верить, это в мальчика. В нашего беспомощного, маленького мальчика.— Эми вздрогнула и убрала руку с плеча Крэга. Движение это было таким мимолетным, что не ускользнуло лишь от внимательных глаз Доремуса.

— Я бы тоже хотела остаться здесь на ночь,— произнесла она.

— Что ты говоришь? Нет-нет, в этом нет никакой необходимости, Эми, тебе надо выспаться. А если что-нибудь произойдет, я тебе сразу звякну...— Крэг посмотрел на нее и, кивнув на прощание Иноку Милсу с Доремусом, направился к выходу.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Эми лихо управляла своим стареньким «мустангом», время от времени потирая рукой глаза и передергивая плечами, чтобы не заснуть за рулем. Доремус, слегка согнувшись, сидел рядом. Сейчас ему как никогда хотелось закурить сигару.

— Если вас не затруднит... мне бы все-таки хотелось разыскать свой мотороллер. Я оставил его где-то в кустах неподалеку от мельницы.

— С удовольствием,— согласилась Эми, хотя в голосе ее слышалось легкое раздражение.— Если не ошибаюсь, это по дороге к молочной ферме Милликан?

— Совершенно верно.— В молчании они промчались мимо опустевшей деревни. Ранний туман только-только начинал рассеиваться, в небе сияла огромная ярко-желтая луна.— Вы ведь достаточно близко знакомы с Крэгом Янгом, не так ли? — поинтересовался Доремус.

— С тех пор, как приехала в ваши места — полтора года. Сразу после окончания Калифорнийского университета.

— Наверное, вы с Крэгом скоро поженитесь. Я угадал?

Несколько секунд Эми молчала, и пауза эта показалась обоим мучительной.

— Да, вероятно, уже скоро.

По проселочной дороге они направились к молочной ферме,

поднимая за собой клубы пыли. В свете фар мелькнул еле заметный отсюда мост через ручей, и Эми затормозила.

— А я ведь собирался спросить Крэга, не приметил ли он кого на этой дороге, когда ехал сюда,— задумчиво произнес Доремус.— Странно, почему-то этот вопрос вылетел у меня из головы.

— Наверное, вы сильно переволновались. А кроме того, он ведь мог ехать по другому шоссе. К Брюннелю имеется и гораздо более короткий подъезд.

Они вышли из автомобиля, и Доремус при свете фар без труда отыскал в кустах свой мотороллер. Выкатив его, следовательно засунул мотороллер в багажник, и вдвоем с Эми они ловко привязали крышку багажника к заднему бамперу. Эми в задумчивости наблюдала, как вдали клубится туман. В лунном свете поверхность пруда сверкала, как зеркало, и Доремус сразу же узнал то место, куда он плюхнулся, проломив прогнившие доски мельницы.

— Мне хотелось бы более тщательно осмотреть это место,— заявил он и начал спускаться вниз к воде, освещая себе путь фонариком, который он одолжил у фермера Хока.

— Неужели вы оставите меня одну? — испуганно проронила Эми.

Доремус оглянулся и, широко улыбнувшись, предложил:

— Пойдемте вместе. Такая компания меня вполне устраивает.

Они остановились перед входом на мельницу.

— Куда же вы упали? — поинтересовалась Эми, и Доремус указал ей это злополучное место.

— Но это же очень высоко! Вы могли разбиться.

— Эта мысль пришла мне в голову лишь час тому назад. У меня внезапно появилось такое ощущение, что все тело изнутри охватила дрожь. А до этого я, вероятно, просто находился в состоянии шока.

Эми закусил губу.

— Пойдемте отсюда. Я так вымоталась, и кроме того...

— Ну еще хоть пять минут.— Они вплотную приблизились к мельнице.— Меня мучает один вопрос: почему именно бензин? — вслух рассуждал Доремус.— Ведь он мог преспокойно дожидаться, пока я появлюсь в дверях, и на куски разнести мне голову из того же «кольта». Зачем такие сложности — тащить с собой несчастного Питера?.. Да еще заставлять его участвовать в страшной игре?

— После того, как вы свалились в пруд, они тут же убежали, я правильно все поняла? Оба. А он, ну, Майкл, вероятно, подумал, что вы уже мертвы.

— Скорее всего да.— Теперь Доремус с Эми стояли у кустов перед мельницей.— Они побежали сюда, в сторону главной дороги. Питер рванулся в сторону пастбища. А Майкл беспрепятственно прошел через лес к основной дороге. Туда, где он заранее оставил машину. А что бы вы делали на месте Майкла?

— Я бы... просто ждала Питера возле машины.

— Ну, а если бы Питер так и не появился в скором времени, вы бы сами отправились на его поиски, так? И оказались бы у галереи Брюннеля.

— Да, — только и вымолвила Эми.

— Так вот, именно в этом направлении я и пошел в поисках Питера — к Брюннелю. Вероятно, Питер заметил меня и... Майкл, несомненно, тоже, в тот момент, когда я прятался у леса. Он сразу же оценил обстановку и смекнул, что я доберусь до Питера гораздо быстрее его и тогда его затея — коту под хвост. Поэтому он возвращается на то самое место, где оставил машину...

— И уезжает, — быстро закончила Эми.

— Нет, я так не считаю, — спокойно возразил Доремус. — Он доехал только до владений Брюннеля. И звали его не Майкл.

— Боже мой, — надломленным голосом еле выговорила Эми. — Боже, Боже, нет, нет, прекратите, Доремус! Я не хочу вас больше слушать!

— Там, в интернате, вы неплохо все подытожили, Эми. Вы по кусочкам сложили то, что было уже известно, все, о чем только могли подозревать.

— Нет! Нет, это невозможно!

— Нет в Шейдс никакого Майкла Янга, который якобы тщательно планирует убийства, пытаясь отомстить за свою мать. Майкл Янг умер в ту ночь во время бурана, а дух его сейчас пребывает на небесах. Нет никакого Майкла Янга. Он не существует в действительности. Несмотря на все отчаянные попытки Крэга вернуть его к жизни в образе Питера Мэтиса.

Доремус был готов к чему угодно, но только не к той реакции, которая моментально последовала у Эми после его монолога. Девушка набросилась на него с кулаками и, нанося беспорядочные удары, осыпала тумаками голову, плечи и грудь Доремуса.

— Я вас терпеть не могу. На всем белом свете не найти более ненавистного для меня человека. Я не шучу. Я невзлюбила вас с самой первой встречи. Вы зазнайка, бессердечный и занудный пижон. И я хочу, чтобы вы об этом знали.

Закончив тираду, Эми, слегка пошатываясь, побрела через пастбище к мельнице. Там она остановилась и зарыдала. Доремус вдруг показалось, что именно так должны плакать обиженные дети, которых не понимает никто на свете.

Он подошел сзади и, поддерживая девушку за локоть, осторожно повел вдоль ручья к машине. Всю дорогу Эми не переставала всхлипывать. Когда же они сели в автомобиль, она неожиданно обняла Доремуса обеими руками и уткнулась холодным лицом ему в плечо, в новенькую курточку Виллиса Хока, которую тот одолжил Доремусу. Следовательно не противился, он ждал, пока Эми наконец успокоится. На него навалилась смертельная усталость.

— Наверное, он... тяжело и серьезно болен. Я не знаю, как это могло произойти... Но раньше я над этим не задумывалась. Ни разу за все время. Он что-то там скрывал, странные, навязчивые мысли днем и ночью терзали его. Сколько же времени вынаши-

вал он в голове свои планы? О Господи, что я могу сделать, как помочь ему?

— Эми, теперь самое главное — всегда помнить об этом. Крэг действительно болен. И чрезвычайно опасен. Теперь же — как никогда, потому что может почувствовать, что мы близки к разгадке его тайны.

Эми отстранилась от Доремуса и испуганно обронила:

— Питер!

— Рядом с Крэгом Питер находится в полной безопасности. Пожалуй, он единственный, кому сейчас ничего не грозит.

— Как же он мог заставить Питера делать все эти чудовищные вещи? Разгуливать по крышам школьных корпусов... Ведь он мог запросто сорваться и погибнуть. И какое отношение имеет Питер к смерти доктора и Хэпа? Доремус, я ничего не понимаю!

— Думаю, все началось именно с Питера. Ведь он внешне здорово смахивает на Майкла Янга, да и лет ему примерно столько же, сколько было Майклу, когда тот погиб. Кроме того, насколько мне известно, характеры Питера и Майкла, их темперамент тоже имеют много общего. И вот в жизни Питера появляется Крэг — школьный психолог. Он пытается разрушить стену озлобленности и враждебности, из-за которой Питер потерял дар речи. Схожесть судеб сплачивает их. Ведь и у того, и у другого трагически погибли матери. В последнее время мы только и слышали, как сильно любил свою мать Майкл. Он возненавидел всех, стал непослушным, неоднократно пытался сбежать из дома. А что мы знаем об отношении Крэга к матери? Как он воспринял ее смерть? Неужели ему было все равно? Сильно сомневаюсь. Думаю, ему было так же больно и обидно за мать. Вот он и затаил злобу на тех, кто приложил руку к ее смерти, и поклялся отомстить. Как и его брат. Но мальчики отличались друг от друга и характерами, и темпераментами. Крэг, видимо, относился к тем, кто, закусив губу, сжимает кулаки и держит все в себе. Кроме того, на плечи ему легли заботы о младшем брате. Он почувствовал ответственность за братишку — ведь они остались совсем одни под попечительством малознакомой тетки, которую поначалу невзлюбили и относились к ней с недоверием. Слово весь мир восстал против Янгов, и теперь Крэгу приходится любой ценой охранять Майкла. Только представьте, как глубоко потрясла Крэга смерть брата — ведь он не уберег его, потерпев полное фиаско.

— Наверное, он чувствовал себя... виноватым. Чудовищно виноватым в этой гибели, — облизнув губы, произнесла Эми.

— Именно так. И с возрастом комплекс вины набирал силу. Скорее всего его психика не выдержала. Безусловно, все эти годы он страдал. Вы догадываетесь, что может произойти с человеком, который постоянно ощущает на себе вину, который к тому же вынужден скрывать чувства и мысли от других, ежесекундно контролируя свои поступки.

Эми немного помолчала, а потом, запинаясь, промолвила:

— Он может... сам себя уничтожить. Или... перенести часть бремени на кого-нибудь другого.

— Разумеется. Как, например, на Элен Коннелли. Или на Эндрю Бриттона. Или на Хэпа Уошбука.

— Доремус... А почему вы уверены, что это дело рук Крэга?

— Подозрение закралось в тот момент, когда я понял, в какой зависимости от Крэга находится Питер. Кстати, в амбаре, когда я преследовал Питера, произошла тоже довольно любопытная штука. Я нечаянно дернул за веревку колокола, он прозвонил десять, а может, и двенадцать раз. И в эту самую минуту Питер встрепенулся, будто... очнулся от сна. Выглядел он так, словно плохо соображал, что делает и где находится. Позже, когда я услышал бой колокола в гринлифском интернате, очень схожий с колокольным звоном в галерее скульптора, мне вдруг показалось, что все время, пока я его преследовал, мальчик находился под гипнозом. А колокол послужил как бы сигналом к его пробуждению. Ведь школьный колокол звучал точно так же. Я имею в виду, что Питер «очнулся» от навязанного ему гипнотизером сна. А потом и сам Крэг упоминал о том, что для лечения Питера он активно использует гипноз. Вот тут-то мне и пришла в голову мысль, что Питер по ночам выбирался из своей комнаты и, как кошка, путешествовал по крышам школьных корпусов. Теперь-то мне становится понятным, почему это так легко удавалось ему. Ведь он проделывал все эти трюки, находясь под глубоким гипнозом. Крэг контролировал каждое движение мальчика, кроме того случая в амбаре, когда Питер очнулся и, заметив Крэга, кинулся к нему.

— Что-то подобное и мне приходило в голову. Питеру кто-то наверняка должен был помогать убегать из интерната. Тот, кто имеет разрешение покидать школу и возвращаться на машине в любое время. У него не спрашивали пропуск, ведь его лицо было хорошо знакомо сторожу. И тогда я тоже догадалась, потому что... — Эми замолчала и, пошатнувшись, уткнулась головой в подбородок Доремусу. Он успел поддержать ее, и густые светлые волосы рассыпались у него по плечам. — Там, наверху, в изоляторе, когда Питер заболел, Крэг вышел из себя. Да, именно так. В это время я находилась в соседней палате — там, где хранят лекарства. Я хотела дать Питеру успокоительное — мальчик был невменяем — и нашла ампулу мепробамата. Медсестра у нас старенькая и без очков ничего не видит. Она тоже очень переживала за Питера. Отыскав лекарство, я передала ей ампулу, чтобы медсестра подготовила все для укола, а сама вернулась к Крэгу. Он сидел на кровати с Питером, крепко обняв его, и поначалу мне показалось, будто рядом с ними находится еще какой-то мальчик. Я ведь могла не заметить этого третьего парнишку, мало ли зачем он мог прятаться в лазарете. Потому что я услышала голос: «Не надо, Майкл, не надо... ты не погиб, ты не погиб...» И это был детский голос, голос маленького мальчика. Но в комнате, кроме нас, никого не было. Это говорил Крэг. И голос этот... я слышала раньше. Несколько дней назад, по телефону. Крэг уехал тогда от меня минут за тридцать до этого звонка. И я готова поклясться, что это был именно тот самый голос. По телефону он назвался Майклом. И заявил, что ненавидит Крэга. — Эми напряглась, и Доремус крепче

обнял ее. — Боже мой! — со стоном произнесла девушка. — Мне так страшно!

— А что случилось после того, как вы услышали, что Крэг называет Питера Майклом?

— Крэг заметил меня и, повернувшись, уже своим нормальным голосом спросил: «Ну что ты так долго возилась там? И где наконец медсестра?» Как раз в этот момент в палату торопливо вошла медсестра со шприцем и сделала Питеру успокаивающий укол. Причем дозу вкатила немалую. Я ушла. И старалась не думать о том, что услышала несколько минут назад. Я заставила себя не вспоминать больше об этом никогда. Потому что в тот момент меня словно ударили ножом прямо в сердце. Но зачем он использует Питера? Почему он уперся, настаивая, что Питер и есть Майкл? Хотя, наверное, на этот вопрос ответ может дать только он сам. Что же нам делать? Убрать от него Питера?

— Я еще раз повторяю, что Питер под опекой Крэга находится в полной безопасности. Потому что психика Крэга в огромной степени зависит сейчас от этого мальчика. Мне нужно срочно позвонить. А потом... мне понадобится ваша помощь. Необходимо доказать, что Крэг сумасшедший и способен на убийство. Это будет нелегко. И к тому же времени у нас осталось в обрез.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Утро выдалось ясное и прохладное. На заднем дворе иней уже слегка тронул желтые опавшие листья. Элен накинула свой самый нарядный халат и сбегала вниз по лестнице. Заметив вдруг, что дверь в кабинет распахнута настежь, она застыла как вкопанная, только теперь осознав, что ставший привычным запах сигарного дыма отсутствовал. Элен заглянула в кабинет. Доремус, вероятно, заходил сюда ночью и, прихватив свои пожитки, покинул дом. Одеядо, простыни и подушка, на которой он спал, лежали на диванчике, аккуратно сложенные. Сверху Элен заметила записку, а рядом с ней — желтый бланк телеграммы.

«Элен!

Как Вы, наверное, уже поняли (из телеграммы), я вынужден ненадолго съездить в Платвилл. Я ведь вырос на руках у Суэна и его жены, поэтому не смог отказать им. Я как раз успеваю на семичасовой автобус до Фор-Вуда. Оттуда — самолетом до Сент-Луиса или до Дьюбюка. А из аэропорта добраться на машине до их дома — пара пустяков. Если я уложусь вовремя, то вернусь завтра вечером (но поздно!). А вчера мы выяснили кучу прелюбопытнейших подробностей. Если они Вас интересуют, позвоните шерифу Милсу — и он введет Вас в курс дела.

Ничего не бойтесь!

Доремус».

Прочитав загадочную фразу «ничего не бойтесь!», Элен покачала головой. Она бегло перечитала записку, а затем взглянула на телеграмму: «Дядюшка Суэн серьезно болен если можешь приезжай мы тебя любим — Мэда».

Нахмурившись, Элен прошла в гостиную. Она колебалась,

раздумывая, стоит ли звонить в такой ранний час шерифу. Внезапно приняв решение, она подошла к телефону и быстро набрала домашний номер Инока Милса.

На спортивной площадке в полном разгаре кипел футбольный матч. Мальчишки, которые не испытывали интереса к игре, бесцельно шлепались вдоль школьных стен. Завидев «мустанг» Эми, они приветливо помахали рукой, но девушка, казалось, даже не заметила их.

В воскресные дни машины разрешалось парковать прямо перед административным зданием. Неподалеку Эми заметила «шевроле» Крэга. Девушка нервно затушила сигарету. Обогнув здание, она по тенистой аллее добралась до входа и решительно вошла внутрь. На первом этаже не было ни души. Слабо мерцал желтоватый свет. Эми на цыпочках направилась в свой кабинет. Выдвинув ящик письменного стола, она принялась искать ключ от кабинета Крэга, который тот вручил ей пару месяцев назад. В душе Эми надеялась, что не найдет ключ, но тот лежал на своем обычном месте. К нему была прикреплена бирка с номером.

Кабинет Крэга располагался в самом конце коридора. Эми тихонько постучала в дверь, обитую панелями из орехового дерева, и, с трудом переводя дыхание, подождала немного. Затем, постучав еще раз, убедилась, что внутри никого нет. Тогда девушка вставила ключ в замочную скважину и, повернув его, робко вошла в кабинет.

Здесь было темно. Прижавшись к двери, Эми дождалась, когда глаза привыкнут к темноте, а потом, крадучись, двинулась по ковру к окнам. Слегка раздвинув шторы, она выглянула в щелочку. Как нужны были ей сейчас доказательства, что Крэг — ее любимый Крэг! — безумен. Что Майкл Янг и Питер Мэтис непостижимым образом перемешались у него в голове. Доремус не верит, будто она сможет найти такие доказательства. Но ведь эта мысль пришла в голову именно ей, Эми. И доказательства добыть может только она. Если допустить, что Крэг останется на свободе, кто сможет предугадать его следующий шаг?

Эми рылась в ящиках письменного стола. Чего только здесь не было: и старые истории болезни, и письма, сложенные пополам. Девушка обнаружила записную книжку Крэга и внимательно пробежала ее глазами, отыскивая хоть малейшие упоминания о Питере. Копаясь в ящиках, Эми то и дело посматривала на часы, с ужасом думая, как стремительно движутся стрелки циферблата. Девушка не знала, где в данный момент находится Крэг и когда он вернется в свой кабинет. Может быть, он в лазарете, рядом с Питером. А вдруг именно сейчас Крэг на пути сюда? Эми подняла голову, взглянула на шторы и, закусив губу, выдвинула следующий ящик. В нижнем ящике стола лежала коробка с дюжиной газет. Переносной магнитофон фирмы «Воллензак» находился тут же, рядом. Эми опустилаась на корточки и внимательно просмотрела кассеты — ни на одной из них она не обнаружила наклеек. Сначала девушка решила было

прихватить пленки с собой и без всякой спешки прослушать их у себя, однако, поколебавшись, пришла к выводу, что затея эта довольно опасная — ведь хозяин кабинета мог явиться сюда с минуты на минуту... Девушка почувствовала в душе страшную пустоту. И тут взгляд ее упал на магнитофон. Крэг, видимо, пользовался им совсем недавно. Пленка была отмотана лишь наполовину. Не раздумывая, Эми нажала на кнопку и, перематывая пленку к началу, запустила ее. Лента крутилась бесшумно. Прошло несколько минут, но из магнитофона не донеслось ни звука. И вдруг из динамика послышался голос:

«Я убью тебя, шериф, я убью тебя, убью тебя, я прострелю твоё проклятое брюхо, если ты не оставишь в покое мою мать...»

Эми остолбенела, услышав грубую брань. Судя по голосу, слова произносил ребенок. Угрозы между тем не умолкали:

«Ты оставишь ее в покое, ты не прикоснешься больше к ней своими вонючими лапами. Я отучу тебя. Если ты не прекратишь...»

Эми нажала на «стоп». Она чувствовала, как кровь стынет в ее жилах. Непрошенные слезы подступили к глазам.

И тут она увидела Крэга. Вместе с Питером тот проходил мимо столовой. Мальчик брел сзади, какой-то осунувшийся, поникший и в то же время сосредоточенный. Крэг с неизменной трубкой во рту направлялся в сторону административного корпуса.

Эми стремглав промчалась вдоль коридора, добежала до своего кабинета и сходу бросилась на диван, который жалобно закрипел под ней. Теперь она поняла, каким образом Крэг мог находиться у дома Элен в то самое время, когда звонил «Майкл». Он просто записал голос на пленку. А Питер в этот момент дома у Крэга набирал нужный телефонный номер и просто запускал магнитофон.

Нетвердой походкой Эми двинулась в сторону лестницы и, пошатываясь, начала спускаться. В потном кулаке девушка судорожно сжимала ключ от кабинета Крэга.

Крэг тщательно задернул шторы и включил настольную лампу. Он сидел за письменным столом, придвинув стул почти вплотную к подоконнику. Между бровей пролегла глубокая морщинка, свидетельствующая о крайней степени сосредоточенности. Сдержанный голос звучал тихо. Питер сидел рядом в маленьком кресле с подушечками для головы, положив ноги на невысокую скамейку. Голова его безвольно склонилась набок, глаза были закрыты. В считанные секунды мальчик погрузился в глубокий гипнотический сон. Жизнь словно покинула ребенка, и его мертвенная бледность особенно контрастировала на фоне ярко-красной кожаной обивки. Питер походил сейчас на восковую фигуру.

— Твоя мама здесь, Питер, — произнес Крэг, не сводя пристального взгляда с лица спящего мальчика. — Она здесь, в комнате. И ты счастлив видеть ее. Ты очень ей рад. Она совсем близко. Ты ее очень любишь.

Постепенно лицо Питера осветила нежная улыбка, но тут же

пропала, и он зашевелился во сне. Крэг придвинулся к нему поближе и нахмурился.

— Все в порядке, Питер. Ты рядом со своей мамой. Все в полном порядке. Сегодня ты будешь с ней разговаривать. Ты очень хочешь поговорить с ней, сказать... как сильно ты ее любишь.— Тут голос Крэга понизился почти до шепота: — Это произойдет очень скоро, Питер. Сегодня ты будешь разговаривать с ней.

Крэг бесшумно поднялся со своего места и, обойдя стол, встал рядом с креслом Питера.

— Ты помнишь ее голос?.. Вот она уже беседует с тобой, Питер. Что она говорит тебе? Попробуй вспомнить, попробуй рассказать об этом и мне тоже. — Крэг напрягся, ожидая реакции мальчика. Голова Питера раскачивалась на подушке, губы приоткрылись, но из груди вырвался лишь тяжкий вздох.

На улице поднялся ветер. Он пригоршнями швырял в окна осенние листья. Крэг бросил тоскливый взгляд на окно, а затем снова сосредоточил все внимание на Питере.

— Пожалуйста, попробуй. Пожалуйста, поговори со мной.

Голова мальчика откинулась назад, будто в эти секунды он испытывал нечеловеческую боль и страдание. Питер застонал, но опять не произнес ни слова.

Крэг в упор разглядывал лицо мальчика. К горлу подступил горький комок. Крэг в отчаянии потер глаза руками.

— Ты не хочешь мне помочь, — надломленным голосом пробормотал психолог. — Питер, ты... — От сильного порыва ветра задребезжали стекла. — Ну давай попытаемся еще раз, хорошо? — И тут лицо Крэга исказилось. Ярость проступила на нем. В глазах сверкнула ненависть. Крэг резко подался в сторону мальчика. Ветер, будто угрожая, завыл еще сильнее, пытаясь остановить безумца. Вздрыгнув, Крэг застыл на месте. Нет, этот шум доносился не с улицы — это бушевал его собственный мозг. А в сердце его уже долгие годы царствовала вечная, суровая зима. Споткнувшись, Крэг рухнул на пол рядом с Питером. Внезапно в его замерзшем ледяном сердце ожил погибший одиннадцатилетний мальчуган

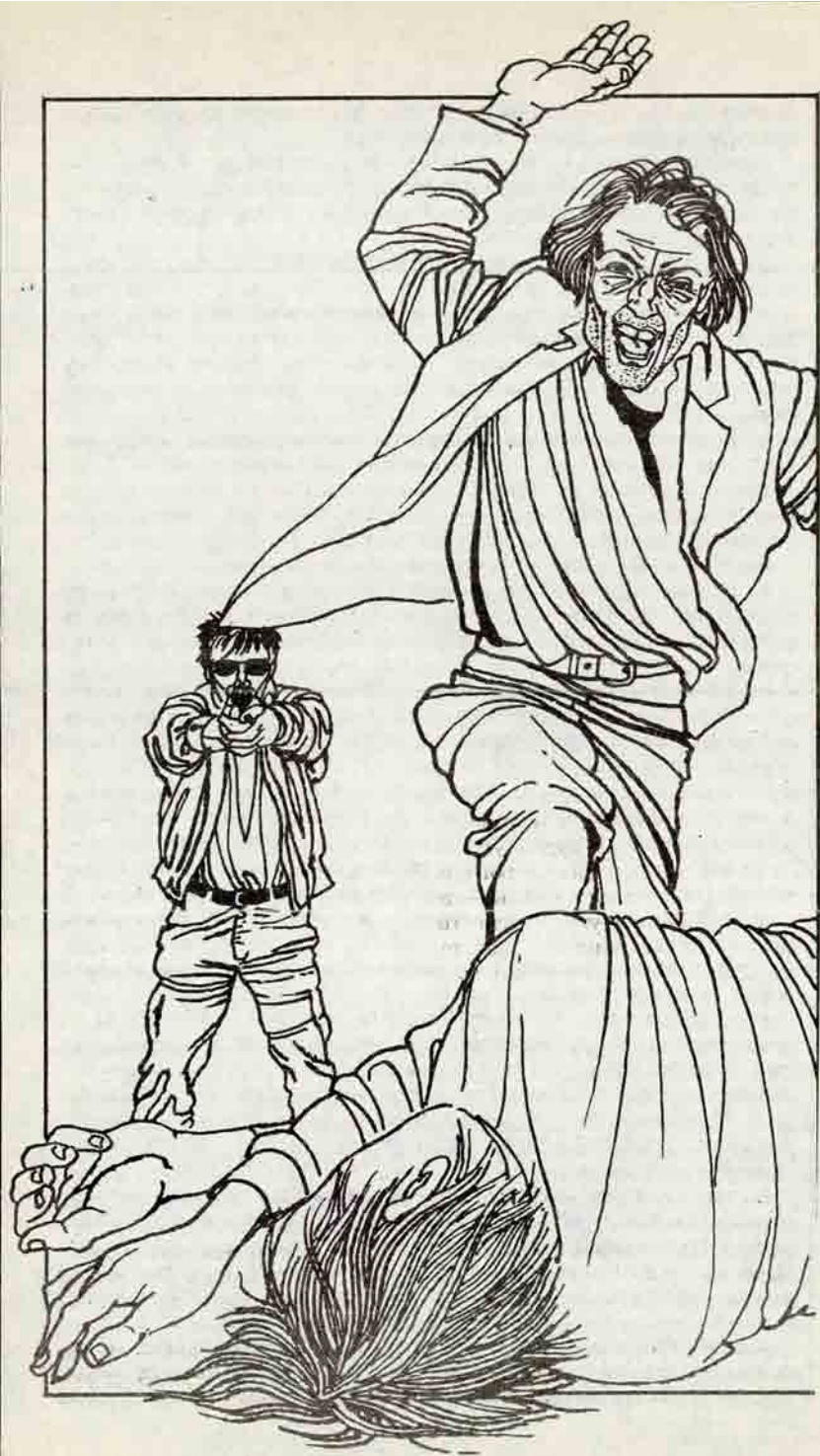
Майкл!!!

— Майкл! Майкл! — снова и снова повторял Крэг, в иступлении катаясь по ковру. — Майкл, вернись!

Крэг пополз к креслу. Каждое движение давалось ему с огромным трудом. Он попытался было встать на ноги, но не удержал равновесие и, повалившись рядом с мальчиком, расплакался. Ногами он изо всех сил молотил по ковру. Захлебываясь в рыданиях, он не мог выговорить уже ни слова, так же, как и Питер Мэтис, спящий в кресле всего в нескольких футах от него. Но вот звуки стали членораздельными — вкоре уже можно было разобрать не только отдельные слова, но и целые фразы. Но только сейчас это был совершенно другой голос — голос подростка:

— Послушай, что Майкл сделал для тебя, мамочка. А я ему помогал. Мы сегодня ходили к ручью, он так разлился — ты бы только видела! А на дереве мы видели большую черную змею. Майкл подплыл прямо под ветку, где она притаилась, а змея

ничего не заметила. А я сидел под водой и не дышал целых полторы минуты. Майкл сам считал...

Некоторое время Крэг, еле переводя дыхание, так и лежал на ковре в темном кабинете. Лицо его было спокойным, хотя сейчас на нем в избытке проступили морщины, свидетельствовавшие о мучительных страданиях.

Внезапно он сел на ковре и прислушался, широко раскрыв глаза. Внимание его снова привлек спящий мальчик. Поднявшись, психолог вплотную приблизился к креслу и с серьезным видом осмотрел своего пациента. Когда он опять заговорил, стало ясно, что фразы могут принадлежать только взрослому человеку, хотя тембр голоса оставался по-прежнему мальчишеским.

— Я знаю, почему ты не хочешь отвечать мне. Я ведь все понимаю, Майкл. Ведь это я позволил им увезти маму. — Лицо Крэга посерело от досады и ненависти, но он продолжал: — Но я ведь нашел тебя. А это очень важно. Мы все считали тебя погибшим, но оказалось, что мы ошиблись. Ты скоро отзовешься, Майкл, верно? После того, как месть исполнится.

Крэг уселся за свой письменный стол и смахивал сейчас на одиннадцатилетнего подростка, на лице которого отражалась решимость, а во взгляде появились целеустремленность и упрямство.

— Ее-то я приберегу напоследок. Я знаю, Майкл, что ты бы очень хотел помочь мне сегодня. Я знаю, ты тоже хочешь убить ее. И она вполне заслуживает смерти. Даже больше, чем все остальные. И она получит сполна. — На некоторое время в комнате повисла тишина. — Мы опять позвоним ей по телефону, и тогда я скажу так... — Голос его звучал совсем по-детски, а глаза широко раскрылись, словно готовые вылезти из орбит. — Тетушка Элен, это звонит Майкл! Я должен обязательно встретиться с вами — что-то страшное произойдет сегодня с Крэгом! Пожалуйста, приезжайте быстрее — я сейчас возле дома Крэга, пожалуйста, быстрее!

Крэг мельком взглянул на спящего мальчика и, довольный собой, хихикнул, прикрыв ладонью рот. Затем он вышел в коридор и направился к кабинету Эми. Ни секунды не колеблясь, он распахнул дверь ударом ноги и решительно вошел внутрь. Эми стояла у письменного стола. Услышав шаги, девушка вздрогнула, повернулась к Крэгу и чуть было не подпрыгнула от испуга.

— Мне помнится, я давал тебе ключ от своего кабинета. А теперь прошу немедленно вернуть его, — как можно спокойней произнес психолог.

Взгляд его словно буравил Эми насквозь. Крэг слегка пригнулся, как хищник, готовящийся к смертельному прыжку. Никогда, даже в кошмарных снах, Эми не видела его таким. Она тщетно силилась найти хоть какую-нибудь зацепку, чтобы дать ему отпор, однако на ум так ничего и не пришло. Эми лишь молча покачала головой и крепче сжала в кулаке ключ.

Улыбка на губах Крэга исчезла. Он медленно приближался к столу. Уставившись на Эми, он как будто пытался сжечь ее взглядом. Правая рука Эми лежала на столе. Девушка так

сильно стиснула кулак, что костяшки пальцев побелели от напряжения.

— Проклятая шлюха, — презрительно бросил Крэг, будто речь шла вовсе не об Эми — о той, которую он так любил. Если, конечно, верить его же собственным словам. — Ты самая обычная шлюха, не более.

У Эми перехватило дыхание. Она была ко всему готова, но только не к такому позору и оскорблению.

— За что? За что ты меня так обижаешь? — Она смотрела ему прямо в лицо, а перед глазами все расплывалось от подступивших слез. — За то, что я... любила тебя?

— Верни ключ или я сейчас сломаю тебе руку!

Эми разжала кулак, и выскользнувший ключ звякнул о стеклянную крышку стола.

— Вот. Забирай свой ключ. Крэг, я хочу... Мне необходимо поговорить с тобой. Может быть, ты присядешь?

Крэг метнул на ключ бешеный взгляд. Усмешка лишь на долю секунды промелькнула на его губах. Психолог протянул руку к ключу. Эми не следила за его движениями: ее больше интересовало выражение его глаз. На долю секунды пальцы застыли возле ключа... Вдруг Крэг схватил со стола пресс-папье размером с бейсбольный мяч — прелестная стеклянная бабочка, раскрашенная в черный и оранжевый цвета.

В этот момент Эми ласково коснулась другой руки психолога и умоляюще попросила:

— Крэг, нам очень надо поговорить...

И тут он с размаху ударил ее по уху тяжелым пресс-папье. Эми издала невнятный горловой звук и пошатнулась. Оседая, она все еще пыталась удержаться за его пиджак, уставившись на Крэга широко раскрытыми глазами, в которых застыло удивление.

Эми цепко держалась за пиджак, и Крэгу пришлось даже слегка склониться под тяжестью ее тела.

— А я не желаю с тобой разговаривать, — откровенно признался он, повышая голос. И тут же нанес второй удар — по голове. В тишине маленького кабинета раздался хруст — золотисто-оранжевая бабочка раскроила череп несчастной девушки. Та сразу обмякла и повалилась на пол. Хлынувшая из раны кровь тут же окрасила светлые волосы.

Несколько секунд Крэг в оцепенении наблюдал эту картину. Затем поставил пресс-папье на место, нагнулся и, кряхтя, поднял Эми на руки. Он опустил девушку на ковер, но только с другой стороны письменного стола. Правда, спрятать тело так и не удалось — одна нога выглядывала из-за стола. Крэг вернулся, согнул ногу в колене — теперь тело не так скоро обнаружат. Он покинул кабинет и медленно побрел по коридору, пошатываясь и едва волоча ноги.

За все это время Питер так и не переменял позу. Он по-прежнему сидел в красном кресле, безвольно сложив ручки на коленях. Крэг опустился перед ним на корточки, нежно погладил мальчика по голове и, услышав его стон, тихо прознес:

— Прости меня, Майкл, — почти шепотом начал он. — Мне очень не хочется брать тебя сегодня с собой. Но это необходимо.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

На вершине горы Доремус устроил себе отличный наблюдательный пункт. Год назад на этом месте лежал огромный валун, но совсем недавно он скатился отсюда прямо к подножию, сминая на своем пути кустарник. И сейчас ничего не мешало следователю разглядывать все то, что происходило внизу.

Доремус тщательно изучал территорию, наведя бинокль на жилые корпуса. Окон не было видно, зато металлическая крыша отливала в лунном свете серебристым сиянием. Вдруг на крыше появилась фигура мальчика. Казалось, жизнь покинула его, такой он был зачарованный. Он стоял не шевелясь, и в лунном сиянии был виден как на ладони.

Доремус почувствовал, что у него перехватило дыхание. Питер как будто прислушивался, что к чему-то, стараясь уловить звуки, известные лишь ему одному. Сильный порыв ветра чуть не сбил мальчика с крыши. Но тот удержал равновесие и быстро понесся по крыше, словно наперед зная, что делать. Добежав до стены, обвитой плющом, мальчик глянул вниз.

— Осторожней, мальщ, — тихо пробормотал Доремус, затаив дыхание. — Может, и раньше тебе не раз приходилось карабкаться по стенам, но все же постарайся проделывать эти трюки поосторожней.

Мальчик сделал еще пару шагов и, крепко уцепившись за лиану, начал сползать вниз, пока не исчез из виду. Доремус тщетно пытался определить, куда же делся Питер. И тут следователь увидел его — тот мчался по тропинке к автомобильной стоянке, огибая административный корпус. Доремус направил бинокль на «шевроле» Крэга и увидел, что психолог уже стоит рядом со своей машиной. Крэг, похоже, поджидал мальчика. Он быстро переговорил о чем-то с Питером, положив тому руку на плечо, а затем, распахнув дверцу, пропустил мальчика на переднее сиденье. Но сам почему-то не сел за руль, а торопливым шагом направился к зданию. Доремус тут же потерял его из виду. Он опустил бинокль, пытаясь дать глазам хоть минутную передышку. Может быть, в корпусе существовал и черный ход, и запасной выход, к примеру, через подвал. Но как следователь ни старался, он так ничего и не обнаружил.

Доремус мельком глянул на светящийся циферблат своих часов: девять минут одиннадцатого. И снова поднял бинокль.

В десять часов двадцать минут Крэг появился вновь. И на этот раз он нес на руках Эми.

Расстояние их отделяло приличное, и Доремус не мог определить, что с девушкой. Поднимая крышку багажника, Крэг схватил Эми под мышки. Лампочка в багажнике, к сожалению, не горела, но по тому, каким безвольным казалось тело девушки, следователь сделал вывод, что в лучшем случае Эми находится без сознания. Ну, а в худшем... это уже труп. Ненависть, которую Доремус вдруг испытал сейчас к Крэгу, походила на самый

чудовищный приступ мигрени. Ярость на мгновение ослепила и оглушила следователя. Он наклонился, подняв рацию, и положил ее на колени. Вызывая Инока Милса, он ни на секунду не сводил глаз с «шевроле» Крэга.

— Начиная операцию. Кроме того, есть кое-какие осложнения. Крэг собирается выехать с территории интерната. Питер Мэтис — в машине и скорее всего лежит. Так что сторож у ворот не заметит его. Эми находится в багажнике.

— В каком она состоянии?

— Не знаю. Полчаса в багажнике, и она в любом случае задохнется. Внимание, он тронулся. Сядьте ему на хвост, но только незаметно. И никакой иллюминации. Он может легко впасть в истерику.

— У нас все готово, — коротко отозвался Инок. — Мы уже в пути.

Прихватив рацию, Доремус зашагал вверх по склону. Он отстегнул от пояса фонарь и теперь, освещая себе путь сквозь густой кустарник, передвигался довольно быстро. Впереди, ярдах в двадцати, пролегла заброшенная, чуть заметная просека. На машине здесь, конечно же, не проехать, да и мотороллер придется частенько тащить за собой, но теперь эти сложности казались Доремусу сущим пустяком. Он уложил рацию, пристроил фонарь как дополнительную фару и, рывком заведя мотор, понижая опустил голову, чтобы ненароком не налететь на низко свисающие ветви.

Следователь потерял счет времени. В уме он, правда, прикинул, что до главного шоссе, которое пересекает дорогу, ведущую в Шейдс, ему потребуется минуты четыре. Именно на этом перекрестке Милс решил устроить засаду.

Машина стояла посреди дороги. Обыкновенный автомобиль без единого полицейского атрибута. Рядом возились двое мужчин. Ни дать ни взять забарахлил мотор, и автомобиль перегородил дорогу проезжающим машинам. План Милса сводился к следующему. Шериф, помахав рукой Крэгу, попросит того остановиться и помочь ему разобраться в моторе. Приблизившись к «шевроле», Милс выхватит пистолет и одновременно наведет на Крэга яркий фонарь. Этот план вполне мог сработать. Но, с другой стороны, Крэг ведь может и не остановиться. Он промчится мимо, задавив по дороге парочку случайных прохожих. К тому же у него наверняка есть пистолет. Однако из всех вариантов Милс с Доремусом все-таки остановились на этом. Он казался им наиболее безопасным.

— Похоже, местечко мы выбрали что надо, — начал шериф. — Неплохое прикрытие, да и фарами он нас не ослепит.

— Как только вы вытащите Крэга из машины, я займусь мальчиком.

— Хорошо, — согласился Милс.

— А ваши ребята — они не отстали от него?

— Думаю, они держатся на расстоянии ярдов в тысячу, не ближе. Крэг и не подозревает о погоне, но если вдруг решит улизнуть от нас, они сразу же преградят ему путь.

— Возможно, все будет именно так, — согласился Доремус.

Вокруг стояла полная тишина, только изредка слышалось далекое завывание ветра, похожее на стон. Мороз загнал цикад и древесных лягушек в тину, туда, где потеплее, к тому же поблизости не было ни домов, ни ферм, откуда вечно доносится собачий лай. Доремус залег у дороги.

Прошло еще минуты три. Милс, переступая с ноги на ногу, сплонул на асфальт. Его помощник начал кипятиться:

— Да где же он, черт подери?

— Может, он пину проколол? — предположил Милс.

Доремус посмотрел на дорогу. К ним приближалась полицейская машина с погашенными фарами.

— Проклятие! — мрачно выругался Милс и послышался фонарем. Полицейский автомобиль прибавил газу и затормозил рядом с ними. Доремус неторопливо поднялся на ноги. Полицейский за рулем высунул голову из окошка:

— Я думал, вы уже схватили его. Где же он?

— Тебе лучше знать.

— Вы не встретили его по дороге? — удивился Доремус.

— Да нет же, черт возьми!

— Куда же он мог деться? — обратился Доремус к Милсу.

— Понятия не имею. Чак, принеси-ка мне карту.

Двое других полицейских оставались в машине, не заглушая мотора. Когда Милс начал разворачивать автомобильную карту округа Шейдс прямо на багажнике своего «понтака», водитель включил фары.

— Тут один-единственный подъезд к этой точке от интерната, — пробормотал он, указывая лучом фонаря на одну из клеточек карты. — Эта дорога довольно грязная, с реки там бесконечно дуют ветры, а в конце вас подстерегает огромных размеров яма с водой, наполовину засыпанная гравием. Начинается через четверть мили от Биг-Даймонд и заканчивается на отметке «60».

— Значит, сейчас Крэг и едет по этой чертовой дороге.

— Возможно. Только дело в том, что полгода назад мы частично забаррикадировали эту дорогу. Весенний разлив распатал мост над речкой. Он может рухнуть в любой момент. И Крэг должен знать об этом.

— А если он все же попытается проехать по мосту?

— Так на чем он там едет? — возразил Чак. — На игрушечной машинке, что ли? Ну, тогда непременно проскочит благополучно. Лично я и пешком бы побоялся пройтись по такому мостику. А почему вы решили, что он свернул с главного шоссе?

— Вероятно, Крэг что-то заподозрил. А может, он с самого начала собирался ехать по этой дороге. Или... может, он искал место, чтобы... — Тут Милс покосился на Доремуса, и в его зеленых глазах промелькнул ужас.

— Чтобы избавиться от тела, — закончил Доремус.

— Да уж, эта яма с водой — идеальное место, — согласился Милс. — Но ведь существуют и другие укромные места, где тело не скоро отыщут. — Края карты взлетали от порывов ветра, и Милсу приходилось удерживать их обеими руками.

— Возможно и следующее. Крэг притормозил возле ваших

заграждений и выключил фары, — рассуждал Доремус. — Остановил машину и выключил фары. Потому что... скажем, ему понадобились минута или две, чтобы все тщательно обдумать. В его распоряжении уйма дорог. Крэг может находиться где угодно.

Милс подошел к полицейской машине и о чем-то переговорил со своими подчиненными. Водитель развернул автомобиль, резко взвизгнули шины, и машина умчалась прочь.

— Я велел Брайанту и Майклемору поискать его на этой стороне моста, — объяснил Милс, подходя сзади. — И еще. Если им все-таки удастся обнаружить Крэга — пусть немедленно хватают его. Но если его и там нет, они обыщут территорию интерната. Потом прочешут все дороги между хребтами Констель и Баунстаун. Вы поедете с нами, Доремус?

— Нет.

Милс пристально посмотрел на следователя.

— О чем вы задумались?

— Я думаю о том, что же все-таки Крэг сделал с Эми. Что же он задумал? Пока мы из стороны в сторону будем метаться в поисках его автомобиля, он преспокойно выйдет на следующую жертву: Элен.

— Конечно, я могу вызвать подкрепление, — вздохнул Милс. — Но что это даст? Даже если мы выставим у дома Коннелли усиленную охрану?

— Пока что этого делать не надо. Я думаю, у нас в запасе имеется еще часик — пока Крэг доберется до Элен. Пусть Брайнт и второй помощник покрутятся на дорогах... А я поеду на мотороллере в городок, надеюсь найти Элен. Боюсь, что сейчас самое время открыть Элен глаза на любимого племянничка.

На горе Бен-Ломонд стояло всего несколько домишек, потому что к ее вершине вела одна-единственная дорога, да и та неасфальтированная. Эта дорога изобиловала крутыми спусками и подъемами и время от времени размывалась талой водой. Кроме того, частые оползни заваливали бульжниками отдельные ее участки, так что дорога вообще становилась непроходимой. В одном из домов уже два года жил Крэг, и именно к этому дому подъехала встревоженная Элен. Сегодня на ее долю выпала куча испытаний: и дорога, как всегда, оказалась размытой, и звонок этот... Звонок, конечно же, от Майкла. Не колеблясь ни секунды, Элен схватила в охапку свою сумочку и плащ и тут же выскочила из дома. Уже по дороге женщина с досадой подумала, что не лишним было бы предупредить шерифа, куда она поехала. Но дело не терпело промедления. Элен серьезно опасалась за жизнь Крэга.

Его автомобиль она заметила сразу. Машина стояла на обочине. Элен затормозила и, припарковав свой автомобиль рядом с его «шевроле», выбралась наружу. Ветер в тот же миг растрепал ей волосы, чуть не сбив с ног. Элен слегка наклонилась вперед, чтобы легче было идти, и нерешительно сделала несколько шагов к дому. Она даже не сообразила, что позабыла выключить

читать фары. Внезапно ветер ослаб, словно кто-то удерживал его поначалу, а теперь выпустил, и он, как цепной пес, оказавшийся вдруг на свободе, сразу же присмирел. Элен вытянула вперед руку, коснувшись стены. В тот же момент ветер снова взвыл и, как кнутом, хлестнул ее по лицу. Спотыкаясь, Элен добралась наконец до высоких ворот. Она с изумлением подумала вдруг о том, как Крэг умудряется жить здесь под завывания ветра.

Вспомнив о Крэге, Элен опять заволновалась. В висках застучало. Женщина изо всех сил пнула дверь, которая никак не поддавалась, и наконец очутилась на территории особняка. Здесь было поспокойнее. Элен обвела взглядом длинную стену, но не увидела ни одного светящегося окна.

— Крэг! Где ты?

Ветер снова затих, и где-то поблизости Элен услышала вдруг негромкий детский смех. Она резко обернулась. И сразу же увидела мальчугана в ковбойском костюме, красной шляпе с широкими полями, завязанной под подбородком, в жилетке из искусственной кожи с шерифской звездой и расклешенных штанах из ткани, имитирующей шкуру бизона. Мальчик наставил на Элен игрушечный револьвер. Он снова рассмеялся и выстрелил. Три раза подряд щелкнули пистоны. Вздрогнув от неожиданности, Элен чуть было не свалилась с каменистой тропинки вниз, туда, где начинались железные ступеньки лестницы. Когда она пришла в себя, мальчика уже след простыл. Видимо, он с ловкостью кошки перемахнул через ограду и спрятался на одной из террас японского сада. Элен пригляделась к темным силуэтам деревьев, но так никого и не обнаружила там.

И тут за подстриженным в форме куба кустом мелькнула красная ковбойская шляпа.

— Иди сюда, — хрипло выговорила Элен. — Я хочу... Кто ты такой?

Она сама уже догадалась, кто это, но его имя никак не всплывало в памяти. Но главное, что это не Майкл. Наверняка. Элен облегченно вздохнула. На душе потеплело. Самый обычный подросток, и сейчас он просто забавляется. Разумеется, это не Майкл. Да, но ведь звонил-то ей именно Майкл.

Элен спустилась на террасу, где только что видела мальчика. Она прикрыла уши ладонями, чтобы завывания ветра не оглушали ее. Внезапно Элен снова заметила его. Мальчик стремительно выскочил из-за высокого дерева, похожего на сливу, и спрыгнул на другую террасу.

— Иди сюда... пожалуйста, подойди ко мне! Мне надо поговорить с тобой! Где Крэг? — Элен застыла в нерешительности и взглянула на дом. «Что же стряслось?» — пронеслось у нее в голове.

Вдруг неведомая волна страха захлестнула ее.

— Мальчик! — громко позвала Элен, и в тот же миг из подсознания выплыло имя. — Питер! Хватит дурачиться! Мне надо с тобой поговорить. — Обернувшись, она проследила взглядом, как Питер, словно настоящий ковбой из какого-нибудь круглого вестерна, перебегает с места на место, стараясь оставаться невидимым.

Элен направилась в его сторону. Теперь она находилась в самом центре этого странного сада, окруженная причудливыми и невиданными растениями, никогда не произраставшими на землях штата Миссури. Высоко над головой тускло мерцали далекие звезды. Элен продолжала двигаться вперед. Краем глаза она внезапно уловила движение в застекленной галерее. Собака? Но собаки не передвигаются так неуклюже. Элен подошла ближе. Позади не смолкало веселенькое хихиканье Питера, но тьма да еще эта непонятная возня на галерее до того вывели женщину из равновесия, что она перестала оглядываться на дурацкий смех Питера.

— Крэг? — еще раз позвала Элен. Тень метнулась в сторону и замерла. Женщина находилась уже в двух шагах от галереи, но темнота мешала ей разобраться, что же такое прячется там внутри. И тут она поняла: это и есть Крэг, только стоит он почему-то на четвереньках.

«Наверное, ему плохо», — подумала Элен и, не мешкая, бросилась к лестнице. И тут тишину прорезал истошный горловой вопль. Звук его, словно электрический удар, поразил Элен. Она подняла голову и увидела Крэга.

Теперь он отчетливо вырисовывался на фоне темно-серого звездного неба. На Крэге почти не было одежды, но Элен поразило не ее отсутствие, а дикий, какой-то первобытный вой, не прекращавшийся до сих пор. Она почувствовала, как ее язык словно распух и в буквальном смысле прилип к небу, а в сердце впились тысячи иголок. В затуманившемся мозгу пронеслось воспоминание. Элен поняла, где она слышала подобные безумные выкрики. Так во всех вестернах звучал боевой клич индейцев, когда те готовились напасть на поселенцев. Медленно и с достоинством, как полагается вождю, Крэг высоко поднял руку. Холодно сверкнуло лезвие большого ножа.

Крэг начал спускаться. Шаг, потом прыжок — еще один победный клич. Вот он опять напряжился, готовясь к прыжку, и через мгновение очутился футах в пяти от Элен. Она с ужасом разглядывала боевую окраску на лице и груди Крэга — длинные черные полосы. Внезапно у нее в глазах потемнело. Все вокруг приняло неясные, зыбкие очертания. И только огромный охотничий нож Элен видела отчетливо. Все внутри у нее сжалось от страшного предчувствия.

— Ну хватит, — хотела было выкрикнуть она. — Не подходи близко. Это просто смешно. — Но слова только лишь промелькнули в ее мозгу. Так же, как и ужасная догадка, что происходящее — дело отнюдь не шуточное. И что Крэг сейчас убьет ее.

Весь окутанный клубами черного дыма, Доремус приблизился к воротам. Он тут же узнал автомобиль Элен с зажженными фарами и припарковал свой мотороллер прямо за «шевроле» Крэга. В ушах звенело от завываний и треска мотороллера. Спрыгнув на землю, Доремус тут же бросился к машине Крэга.

Багажник оказался незапертым. Там, скорчившись, лежала Эми. На светлых волосах темнели пятна крови, впрочем, это

могла оказаться и грязь. Вытащить девушку оказалось делом нелегким: Доремус боялся сделать ей больно. Одну руку он просунул девушке под мышку, а другой — подхватил ее под бедра. Чуть потянул на себя, повернул на спину и наконец извлек Эми из багажника. Голова ее безжизненно откинулась назад, и Доремус грустно взглянул на перепачканное и мертвецки-бледное лицо. Он так и не смог определить, задохнулась ли девушка в багажнике. Кожа ее была холодной.

И вдруг где-то неподалеку раздался истошный и протяжный крик Элен.

Доремус рывком распахнул дверцу «шевроле» и бережно опустил Эми на сиденье лицом вверх. Захлопнув дверцу, он достал из-за пояса «кольт» и внимательно посмотрел на дом. Сначала следователь ничего не смог разглядеть. Снова раздался крик Элен, затем последовали странные звуки, похожие на треск детских хлопшек. Или это...

«Пистоны», — решил Доремус и помчался к забору. Через несколько мгновений он стоял уже возле самого дома.

Сначала следователю показалось, что в саду вообще никого нет, но вот опять подул ветер, и кроны деревьев зашелестели. И тогда Доремус увидел три застывших силуэта: Питера в ковбойском костюме, Крэга — почему-то полуобнаженного. Оба замерли на нижней террасе у подножия огромной скалы, примыкавшей к дому. Элен, видимо, упала и теперь пыталась подняться на ноги. Она находилась на грани истерики, и крики ее перешли в жалобные всхлипывания.

Доремус увидел, как над Элен склонился Крэг, а в его руке блеснуло лезвие ножа. Женщина завизжала. Доремус вскинул «кольт» и прицелился. Однако внезапно налетевший чудовищный ветер рванул в сторону руку Доремуса, и теперь дуло револьвера было нацелено на Питера, застывшего на месте.

— Убегай, Питер! — заорал следователь. — Беги отсюда!

Услышав эти слова, мальчик бросился в сторону Крэга и, как хорошо вымуштрованная мартышка, тут же оказался верхом на нем. Крэг пошатнулся и опустил руку с ножом, а Элен ничком рухнула на землю. Доремус так и не разобрал, успел Крэг нанести удар или нет. Сломая голову следователь понесся вниз по пологим ступеням, ведущим в сад.

— Майкл! — детский голосом окликнул Питера Крэг. — Ну-ка слезь с меня, Майкл. Дай мне наконец покончить с ней!

Он сбросил со спины ребенка и вновь угрожающе занес кинжал над распростертой на земле женщиной. Но в то же мгновение Питер обеими руками вцепился в его ноги и не давал сделать ни шагу. Крэг, высвободив ногу, со всего размаху пнул мальчонку.

— Не надо, — зарыдал Питер. — Мне больно! Не надо! Не надо!

Крэг поднял голову и заметил бегущего к ним Доремуса. Психолог яростно отшвырнул Питера сильнейшим ударом ноги, и мальчуган отлетел прямо к скалистой стене. А Крэг опрометью кинулся к дому. Теперь, когда Питер оказался в стороне, Доремус решил выстрелить. Прицелившись, он нажал на курок.

Осечка. Затем раздался выстрел, но Крэгу хватило доли секунды, чтобы увернуться.

Доремус бросился на нижнюю террасу, туда, где начиналась асфальтированная дорожка. Он опустился на колени рядом с Элен. Женщина лежала на земле без сознания. Следователь бережно приподнял Элен за плечо и заметил кровоточащую рану, всего в паре дюймов от шеи. Питер, раскачиваясь, как сомнамбула, сидел и однообразными движениями потирал ушибленную голову.

— Теперь ты у нас будешь шерифом, — объявил Доремус, вручая мальчику игрушечный револьвер, который тот выронил при падении.

Взглянув вверх, следователь увидел, как Крэг, низко пригнувшись, крадется вдоль галереи. Он находился уже почти у выхода, когда Доремус вскинул свой «кольт» и, наспех прицелившись, выстрелил. Пуля, просвистев перед самым носом молодого человека, выбила из стены здоровенный кусок бетона. В следующий момент Крэг, выскочив из галереи, распахнул ворота и скрылся. Очередная пуля спустя мгновение впиалась в дерево.

Доремус бросился вслед за Крэгом. Футов десять отделяли следователя от калитки, когда он услышал, как взревел мотор «шевроле». Взвизгнули шины — и Крэг рванулся с места. Внезапно послышался страшный скрип тормозов, и ночную тишину прорезал оглушительный скрежет. Две машины лоб в лоб столкнулись на полном ходу. Доремус добежал до ворот и увидел разбитый автомобиль Инока Милса с одной горящей фарой. Машины врезались друг в друга как раз на выезде, где места едва хватало для одного большого автобуса. «Шевроле», отброшенный вправо на пару футов, сбил кирпичный столбик и загубил часть бесценного забора. В наступившей тишине было слышно лишь шипение пара, вырывающегося из пробитого радиатора в автомобиле шерифа. Затем раздался протяжный металлический скрежет — это открылась дверца со стороны водителя «понтака», и оттуда, пошатываясь, выбрался помощник Милса — Чак. Он крепко прижимал к себе левую руку чуть ниже локтя. Молодой человек сделал еще пару неуверенных шагов, упал на колени и, перекатившись на бок, так и замер, прижавшись щекой к холодному асфальту.

Доремус, прихрамывая, добрался до противоположной дверцы искореженного «понтака» и распахнул ее. Инок Милс с трудом оторвал голову от приборного щитка. Нижняя губа его была здорово разбита, и кровь тонкой струйкой стекала по подбородку. Инок пару раз тряхнул головой и, словно о чем-то сожалея, заявил Доремусу:

— Кажется, нам следовало чуток повременить.

Доремус помог ему выбраться из автомобиля.

— Со мной все в порядке, — успокоил следователя Милс. — А что там с Чаком?

— Вырубился пока.

Они обошли автомобиль и приблизились к Чаку. И только теперь Доремус вдруг обратил внимание на клубы дыма, поднимавшегося вокруг «шевроле». Следователь шагнул к автомобилю

психолога и застыл на месте. Крэг Янг, словно выплыв из сизого дыма, пошатываясь, шел прямо на них. Боевая пунцовая раскраска сбита следователя с толку, и он не сразу понял, что Крэг ранен и это течет кровь из его виска. Но самым непостижимым было то, что Крэг продолжал сжимать в руке кинжал.

Доремус направил дуло револьвера прямо ему в грудь.

— Бросай! — коротко скомандовал следователь.

Крэг замер и подозрительным взглядом обвел мужчин. Рука с ножом дернулась и угрожающе поползла вверх. Доремус хладнокровно взвел курок.

— Это что еще за маскарад? — удивился Милс, изумленно разглядывая Крэга. — Где его барахло?

— Отважные воины не носят одежды. Верно, Крэг? Кстати, с твоей тетушкой Элен все в порядке. Ты только слегка поранил ей плечо. А теперь бросай нож, сыграем в другую игру. Эта уже всем порядком осточертела.

В ответ Крэг издал боевой клич и, бросившись на мужчину, метнул нож. Тот рукояткой угодил в бок Иноку Милсу, и шериф отступил назад, оседая на колени, словно его оглушили. Крэг внезапно развернулся и помчался в противоположную сторону к известняковому утесу. Доремус медленно поднял «кольт» и тщательно прицелился. И тут же опустил револьвер. Крэг ловко, по-кошачьи, карабкался вверх по крутому склону. Следователь засунул «кольт» за пояс и помог Милсу подняться на ноги.

— Куда это его черт понес? — проворчал шериф, потирая шишку на лбу.

— Я думаю, Крэг и сам не знает. Куда-то вверх. Может, он надеется улизнуть. Только вряд ли ему это удастся.

В полном молчании наблюдали они, как психолог продолжает карабкаться вверх. Судя по всему, он окончательно лишился рассудка. Они слышали, как Крэг рычит и хрипит от ненависти, как скребут его ногти мягкий, податливый известняк. Мелкие камушки градом сыпались на дорогу. Крэг находился уже на высоте футов тридцать и казался снизу хрупким существом на фоне грозной и величественной скалы. Силы, видимо, начали оставлять Крэга. Каждым дюймом своего тела он пытался вдавиться в известняк. Раздался отчаянный вопль, и Крэг сорвался вниз, увлекая за собой целое облако известняковой пыли. Он падал, словно птица, широко раскинув руки, будто из последних сил пытаясь уцепиться за что-нибудь, удержаться любой ценой... Крэг рухнул на асфальт, коснувшись его сначала ногами, а через долю секунды и голова его ударилась о поверхность дороги, в мгновение ока раскрошившей его череп.

Вдруг Доремус услышал какое-то царапанье. Звук доносился из «шевроле», который все еще слегка дымился. Открылась правая дверца, и Доремус увидел руки, растрепанные белокурые волосы... Эми с трудом выбралась из машины и встала на ноги. Пошатнувшись, она тут же оперлась о «шевроле». Девушка недоуменно уставилась на поваленный забор, затем перевела взгляд на осколки известняка у своих ног и увидела тело Крэга. Доремус только и успел подумать: «Как же я забыл об Эми?!»

— Кто-нибудь, пожалуйста, помогите мне, — ослабевшим го-

лосом взмолилась девушка. Ноги ее подкосились, и она рухнула на руки Доремуса.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Эми проснулась в коттедже, где они проводили свой медовый месяц. Сознание возвращалось к ней вместе с шумом ласковых волн, набегавших на песчаный пляж всего в нескольких ярдах от окна. Минут десять она блаженствовала, находясь где-то между сном и действительностью, в легком забытьи. Кондиционер был отключен, но все в комнате дышало свежестью, и Эми вспомнила, что ночью шел дождь. Она скинула с себя прозрачную ткань, которую лишь с большой натяжкой можно было назвать ночной рубашкой, и та плавно опустилась на громадную кровать, где всего пару часов назад спал Доремус.

Посреди ночи его вдруг одолела навязчивая мысль, будто не вся еще рыба выловлена, и он, поднявшись ни свет ни заря, побрел на рыбалку, спотыкаясь на каждом шагу.

Эми покачала головой: такое пристрастие к рыбной ловле она встречает впервые! Эми прошла в ванную, чтобы принять душ. Так приятно было стоять под прохладными струями!

После этого она пошарила в шкафу и достала голубые шорты, а также яркую блузку. Одевшись, Эми вышла на веранду и немного постояла, любуясь окружающими красотами. Солнце светило ей в спину, но пока еще было не очень жарко. На небе — ни единого облачка. А на аккуратно подстриженном газоне и на пальмовых ветках переливались радужными искрами дождевые капли. У берега покачивалась большая лодка, в ней сидели двое мужчин. Увидев мужа, она снова тепло улыбнулась.

На пороге появился высокий официант в белоснежном фраке. На голове он осторожно держал поднос с завтраком. Официант опустил поднос на маленький стеклянный столик.

— Доброе утро, мэм.

— Доброе утро, Джоанс.

— Как ваши ожоги? Сегодня, кажется, уже гораздо лучше.

Она обвела грустным взглядом покрасневшую и шелушащуюся кожу на бедрах.

— Да вроде полегче. Мне всегда казалось, что я отлично переношу солнце, но, видимо, я не умею правильно загорать.

— Да, мэм, солнце на Ямайке ядреное. Но вам еще повезло. Случаются такие ожоги, что несчастных даже увозят в больницу. А вы можете наслаждаться солнцем и здесь, сидя в тени.

— Да, — согласилась она, не сводя глаз с лодки, которая уже причалила. — Мне действительно повезло.

Официант набросил на столик накрахмаленную до хруста скатерть, составил с подноса блюда и зашагал к гостинице, расположенной неподалеку. Поднос он засунул под мышку.

Она налила себе горячего кофе и продолжала следить за лодкой. Когда наконец мужчины выбрались на берег, она стремительно бросилась к ним навстречу. Доремус в рыбацких сапогах, плавках и огромной соломенной шляпе помогал своему

напарнику вытаскивать лодку на берег.

— И кого же вы поймали? — спросила она, ослепительно улыбаясь.

Фредди — так звали второго мужчину — восхищенно кивнул в сторону лодки.

— Акулу, мэм. Настоящую акулу.

Волна окатила ее ноги, и женщина испуганно отпрянула:

— Что?!

— Это мако. Она не нападает на людей, — пояснил Доремус, нагибаясь в лодку и подхватывая добычу.

Эми внимательно осмотрела рыбину и явно разочаровалась. Конечно, акула смахивала на своих свирепых сестриц с газетных и журнальных фотографий, однако эта рыбешка была не более трех футов длиной.

— А я-то считала, что мальков принято выкидывать обратно в море, — воскликнула она.

Доремус рассмеялся.

— Да, но они не хотят больше расти. А не желаешь ли взглянуть на зубки этого «малька».

— Ух ты! Подожди, я сейчас принесу фотоаппарат. Хоть это и малек, все равно надо щелкнуть на память.

Эми помчалась обратно в коттедж, схватила фотоаппарат, подаренный им на свадьбу. Задержалась на минутку, наливая мужу кофе, и тут же кинулась обратно к лодке. Она с трудом переводила дыхание, запыхавшись от быстрого бега. Отдышавшись немного, Эми заставила мужчин подойти к акуле и сфотографировала их. Затем Фредди забросил рыбину в лодку и отчалил.

— А завтра, — весело крикнул он на прощание, — мы поплывем за скумбрией. Там ее целые косяки.

— Фредди, я на вас рассчитываю! — отозвался Доремус и, обняв жену за талию, побрел с ней в сторону коттеджа. — Я думал, ты сегодня не проснешься раньше полудня, — проворчал он.

— А я и не собиралась. В морском прибое есть что-то завораживающее, и плеск волн может вытащить из самой мягкой и теплой постели.

Эми чмокнула его в шею, ощутив на губах горьковатый привкус соли. Всего за какую-то неделю Доремус успел приобрести восхитительный золотистый загар, а ей приходилось мучиться, сидя в тени на веранде. И все из-за того первого дня, когда они только приехали сюда. Дорвавшись до моря, Эми несколько часов основательно поджаривалась на солнце. Конечно же, результат не замедлил сказаться.

Зато радовало другое: Доремус начал набирать вес. Вот и ребра не торчат, как прежде. Она легонько ущипнула мужа, чтобы еще раз убедиться в этом. Точно. Хоть чуть-чуть, но жирок постепенно нагуливается. Доремус нагнулся и сжал жену в объятиях. Рыбный дух, исходивший от него, заставил Эми отпрянуть. Она с хохотом увернулась и уселась за стол. Им принесли свежие тропические фрукты: папайю, дыню, ананас, яичницу с ветчиной и целую корзиночку с плюшками. На отдельном маленьком подносе лежали два конверта.

— А вот и почта, — радостно воскликнула женщина и вскрыла конверты. Пока Доремус принимал душ, она успела пробежать глазами оба письма. Вернувшись, он непринужденно взял руку жены и коснулся ее губами, почувствовав, как шелушится обгоревшая кожа.

— И кто же нам пишет? — поинтересовался Доремус.

— Элен.

Он широко зевнул и, резко закрыв рот, щелкнул при этом зубами. Наливая вторую чашечку кофе, Доремус спросил:

— Ну, и как там у них, в Шейдсе, дела?

— Как всегда, — рассеянно откликнулась Эми, увлекшись чтением. На лице ее промелькнула печаль. Она отложила письмо в сторону и уставилась в морскую даль.

— Что-то случилось? — заволновался Доремус после долгой паузы.

— Что?.. Нет-нет, все в порядке. — Тем не менее Эми поднялась из-за стола и повернулась к нему спиной.

— Надеюсь, у Пэгги все нормально?

— Да, все прекрасно. Они в выходные устраивали пикник. Втроем — Элен, Пэг и Питер. Элен пишет, что Питер теперь болтает без умолку, когда, конечно, забывается. А это обычно и происходит, если рядом с ним Пэгги. У них двоих теперь какой-то свой, ни на что не похожий маленький мирок. — Эми опустила голову. — А у нас — свой... Я еще никогда не была так счастлива, так почему же я никак не могу забыть всего, что произошло? Неужели этот кошмар будет преследовать меня до конца? И каждый раз я буду испытывать дрожь и страх, вспоминая о... Крэге?

Доремус опустил салфетку на стол, встал и, взяв жену под руку, повел к резной скамеечке.

— Нет, это не навсегда. Не забывай, что прошло совсем немного — всего пять месяцев. В жизни случаются такие страшные вещи, которые не скоро забываются. То, что тебе пришлось пережить, сродни ощущениям солдат на поле боя. Некоторым из них до сих пор снятся ужасы войны. Время все лечит, Эми.

Она кивнула, но внутреннее напряжение все равно не покидало ее. Доремус ласково обнял жену, и она, улыбнувшись, доверчиво приникла к нему.

— Ты знаешь, у меня иногда возникает такое чувство, что тогда я должна была умереть. Временами мне кажется, что я просто не заслужила такого счастья, что я недостойна тебя. А вдруг вместе с теми страшными воспоминаниями исчезнет и наш с тобой мир?

— Ну вот еще! Попробуй только улизнуть от меня!

— Я так люблю тебя, Доремус! По-моему, я ни на минуту не перестаю думать о тебе. А когда ты ночью сбегаешь на рыбалку, мне становится страшно. / сейчас мне хорошо. И я чувствую в себе даже храбрость и уверенность. Но, когда ты уходишь от меня, пусть даже всего на часок, я начинаю бояться. Наверное, я несущу ахиною, как...

— ...настоящая жена, — закончил за нее Доремус. — А почему ты не поела?

Она робко подняла на него взгляд:

— Ну, раз уж мы завели такой разговор, то вот о чем я давно хочу спросить тебя. Я была уверена, что ты влюблен в Элен. Мне казалось, что в этих-то вещах я неплохо разбираюсь. Все было, как на ладони. У Эми начинается период отчаяния и депрессии. Доремус женится на Элен, а несчастная Эми поступает в Армию Спасения или что-то в этом роде. И вдруг ты являешься ко мне и с ходу заявляешь: «По-моему, Эми, нам пора пожениться».

— Да, это у меня здорово получилось! А сколько романтики! — подхватил Доремус, улыбувшись. — Что ж, если разговор пошел по душам, то и я должен кое-что открыть тебе: целый день я с ужасом ждал этого момента. Я-то ведь считал себя старичком, думал, что не подойду тебе. И вполне допускал, что ты дашь мне от ворот поворот, а я так и помру холостым.

— Ничего себе! А я-то как тебя встретила, — вся зареванная. Но уже через мгновение мне казалось, что я самая счастливая девчонка на белом свете! Какой же ты старичок? Когда тебе исполнится всего сто девятнадцать, мне уже стукнет сто один. Но ты мне так и не ответил. Элен — очень симпатичная женщина, рассудительная и серьезная. У нее свое дело. И зачем тебе именно я понадобилась? Ведь не из одной только жалости ты на мне женился!

— Разумеется, нет.

— Ну, спасибо хоть на этом.

— Жалость я испытывал только к самому себе. Не мог заснуть, ворочался по ночам с боку на бок, как шестнадцатилетний юнец, не находил себе места. Даже есть почти перестал. Я искренне жалел себя, потому что все время думал только о тебе, Эми. И сейчас думаю, и всегда было так. О тебе, Эми, а не об Элен.

Она внимательно посмотрела на него:

— Все, оказывается, так просто!

— Да, и добавить, пожалуй, нечего. Я влюбился в Эми Лоулор и страшно рад, что мне хватило мужества признаться в своей любви. А теперь я голоден, как волк, и, если ты сейчас же не перехватишь что-нибудь со стола, я в один момент смету с него все съестное. А потом, когда я наконец набью желудок, можно будет прогуляться до гостиницы и дать телеграмму в Чикаго Нельсону. Надо сообщить ему, что я согласен на его предложение и с радостью возьму на себя обязанности представителя сыскного агентства в Сан-Франциско. Не забыть бы напомнить ему и о небольшом авансе, который он может переслать сюда, на адрес гостиницы. Ну, скажем, пару тыщенок, поскольку у меня сейчас медовый месяц и я собираюсь обновить жене гардероб. А после этого мы усядемся в маленький «форд» и поедем...

— Тпру! — перебила его Эми и нежно поцеловала. Доремус заключил ее в объятия и так долго прижимал к своей груди, что проходивший мимо высокий официант чуть шею не свернул, наблюдая за ними.

— А если хорошенько пораскинуть мозгами, — задумчиво

протянул Доремус, и улыбка осветила его лицо, — сдается мне, что завтрак никуда не убежит, да и телеграмму можно отослать попозже, например, днем. Или вообще завтра.

— Да-да, именно завтра, — подхватила Эми и, просняв, последовала за мужем в коттедж.

Перевод с английского
МАРИИ ПАВЛОВОЙ и МАРИНЫ ЯКОВЛЕВОЙ.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ

«СМЕНЫ»-

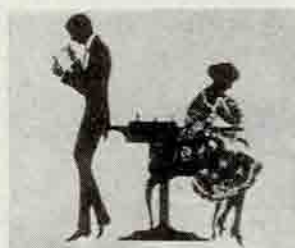
МОСКВИЧИ И ЖИТЕЛИ ПОДМОСКОВЬЯ!

Если Вы хотите и впредь читать наш журнал, но не имеете возможности платить лишние деньги почте за доставку или киоскерам, продающим «Смену» с большой наценкой, приезжайте к нам в редакцию, и мы подпишем Вас с любого номера по цене, указанной в Каталоге. При этом у Вас будет стопроцентная гарантия, что Вы получите журнал в срок.

Более подробную информацию об условиях подписки мы даем по телефонам:

257-30-55, 212-15-07

Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

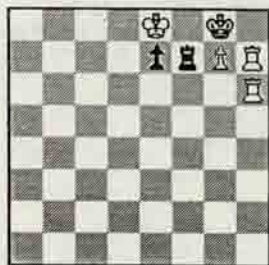
Начинаем публикацию итогов международного конкурса составления шахматных задач-миниатюр журнала «Смена» за 1992 год. В конкурсе двухходовок приняли участие 258 задач 103 авторов (опубликовано 36). Из-за предшественников исключаются из конкурса задачи №№ 12, 19, 28, 29, 38, 54, 67. Несмотря на эти потери, «традиционные» для миниатюры, уровень конкурса достаточно высокий. Присуждение — предварительное. Замечания следует присылать в течение двух месяцев после публикации. Затем итоги вступают в силу.

I — III призы

на равных присуждаются задачам:

52. В. МЕЛЬНИЧЕНКО

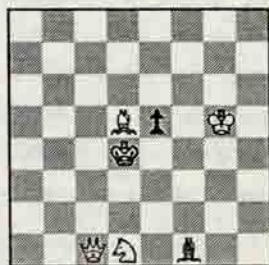
г. Котовск Одесской обл.

1. ...Лf8, Лg7 2. g7Ф, Лh8x
1. Лg6!∞, Лf8, Лg7, Крh7 2. Лh8, g7К,
Лgg7, g8Фx
Добротная задача классического стиля:
превосходное вступление, ведущее
к перемене двух матов, неожиданная
активность «заблокированной» пешки
g7.

78. В. ПИЛЬЧЕНКО

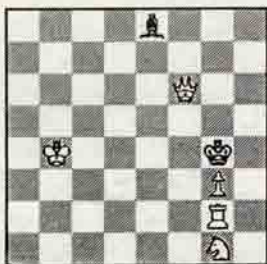
г. Сухой Лог
Екатеринбургской обл.

1. Сг3?∞, Сс4 2. Фс3, Фе3x, 1...e4!
1. Сб3!∞, e4, Сс4 2. Фе3, Фс3, Фс4x
Сложный замысел: чередование угроз
и матов в сочетании с парадоксом Дом-
бровского. Содержательная задача!
К сожалению, слабое вступление (увод
слона из-под боя) снизило оценку за-
дачи.

21. А. ЛОБУСОВ

Москва

1. ...C∞, Ch5, Kph5 2. Fg6 Ff4, g4x, но 1... cf7!

1. Lf2?∞, Kpg3 2. Fh4, Ff4x, 1. ...Kph5!
1. Lh2!∞, Kpg3 2. Ff4, Fh4x

Тема ле Гранд (чередование угроз и матов) дополнена статичной иллюзорной игрой (она не меняется и в других фазах). Еще один минус: вступление ложного следа явно симпатичнее, чем в решении.

Несмотря на отдельные недостатки, призовые задачи явно выделяются среди других конкурсных миниатюр.

1-й почетный отзыв — задаче № 37 **В. Попова** (Самара). Трехфазная миниатюра с переменной матов. В двух из них ферзь и ладья меняются ролями.

2-й почетный отзыв — задаче № 30 **В. Квятковского** (с. Киянка Житомирской обл.). Многофазная переменная игры с переменной и чередованием матов.

3-й почетный отзыв — задаче № 94 **Н. Чернявского** (Львов). Многократная переменная мата в близнецах. Однако близнецы весьма схематичны.

4-й почетный отзыв — задаче № 66 **В. Мельниченко** (г. Котовск Одесской обл.). Тема черной коррекции с хорошим засадным первым ходом.

5-й почетный отзыв — задаче № 10 **О. Грицны** (Львов). Трехфазная переменная матов. Однако фазы неравноценны.

1-й похвальный отзыв — задаче № 65 **А. Зарха** (Рига).

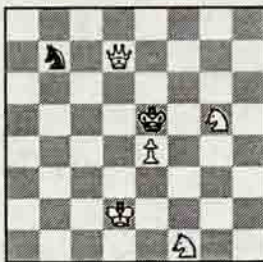
2-й похвальный отзыв — задаче № 93 **С. Ткаченко** (с. Приазовское Запорожской обл.).

3-й похвальный отзыв — задаче № 53 **В. Желтоножке** (Екатеринбург).

4-й похвальный отзыв — задаче № 92 **А. Дашковского** (г. Черкассы).

5-й похвальный отзыв — задаче № 79 **С. Цырулика** (с. Озераны Гродненской обл.).

Специальный приз — задаче № 40 **М. Марандюка** (г. Новоселица Черновицкой обл.).

б) Kpd2 — h6, в) Kf1 — a6

а) 1. Фе6 Kpd4, Kpf4 2. Фd5, Фf5x

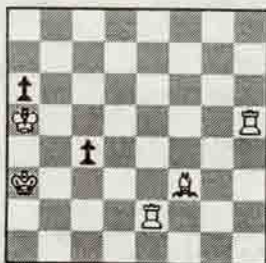
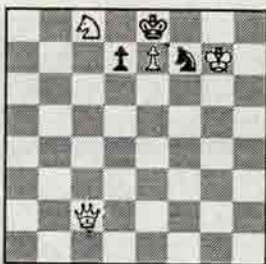
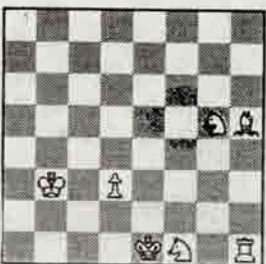
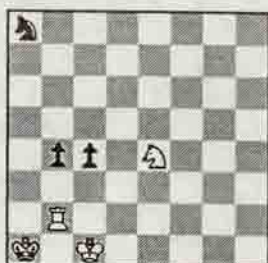
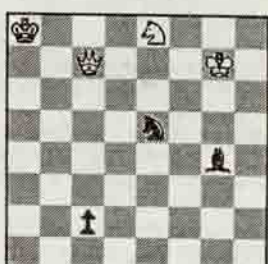
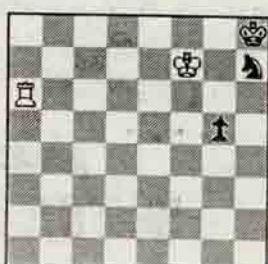
б) 1. Фd5 Kpf4, Kpf6 2. Фf5, Фе6x

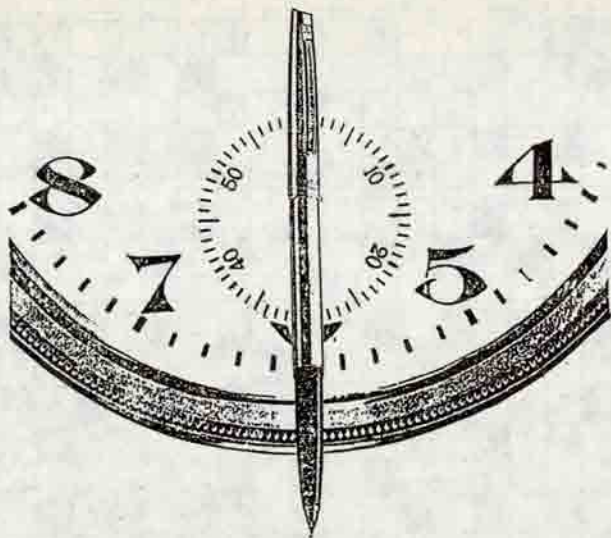
в) 1. Фf5 Kpd6, Kpd4 2. Фе6, Фd5x

Оригинальный замысел: циклическое чередование трех вступительных и матующих ходов. «Громкое» (с шахами) оформление идеи, кажется, неизбежно.

Специальный почетный отзыв — задаче № 39 **А. Селиванова** (г. Красноуральск Екатеринбургской обл.).

Специальный похвальный отзыв — задаче № 13 **А. Буланова** (Санкт-Петербург).

46. М. МАРАНДЮК*г. Новоселица
Черновицкой обл.***Мат в 2 хода****47. В. МЕЛЬНИЧЕНКО***г. Котовск Одесской обл.***Мат в 2 хода****48. В. ИВАНОВ***п. Повенец, Карелия***Мат в 3 хода***б) n.d3 - f2, в) Kpe1 - f2***49. В. КОЖАКИН***Магадан***Мат в 3 хода****50. В. МЕЛЬНИЧЕНКО***г. Котовск Одесской обл.***Мат в 4 хода****51. Ю. ЛЯЛЮШЕНКО***Екатеринбург***Мат в 5 ходов**

ВНИМАНИЮ ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ!

Реклама в «СМЕНЕ» —

ВАШ

ДОЛГОВРЕМЕННЫЙ УСПЕХ!

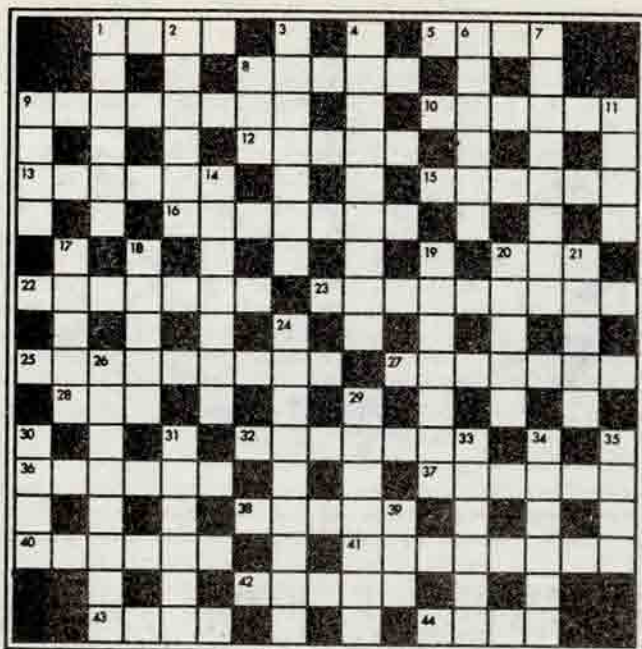
Вашу рекламу увидят миллионы в нашей стране и за рубежом. Каждый номер наши читатели не только передают из рук в руки, но и бережно хранят.

Проиллюстрированная цветными фотографиями, ярко, выразительно оформленная талантливыми художниками,

реклама в «СМЕНЕ»

ВЫГОДНА И НАДЕЖНА.

Об условиях вы можете узнать, написав по адресу:
101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14,
редакция журнала «Смена» или позвонив по телефону
250-49-98.

По горизонтали:

1. Оружие, сохранившееся в советской кавалерии до 1931 года. 5. Столица империи Сельджуков при султани Санджаре. 8. Дерпт — ... — Тарту. 9. Фамилия Татьяны, которой И. Тургенев посвятил «Утро туманное, утро седое». 10. Зимой — нет теплей, летом — нет холодной (загадка). 12. Купец на Руси, торговавший в развоз. 13. Элемент переплета, какого не было в древних книгах. 15. Один из двух металлов, из которых на Руси с 1755 года полагалось обручальное кольцо невесте. 16. «Потонула ... в ухабинах, заслонили избенки леса» (начало стихотворения С. Есенина «Русь»). 20. Обычное во времена А. Рублева название иконной доски. 22. Тень человека, по определению мудрецов. 23. «Гоголь по натуре своей был ..., не отступавший ни перед чем в эпоху увлечения» (Н. Чернышевский). 25. Самый маленький мускул в человеческом теле. 27. Минерал, аналог аметиста. 28. Электрон, удаленный из атома. 32. Раскрашенная глиняная фигурка. В Древнем Риме ее посылали в провинции, чтобы там могли узнать, что носят в столице. 36. Одна из самых омерзительных фигур сталинщины. 37. «Это не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость, она, следовательно, есть эманация добродетели» (Робеспьер). 38. Место, где можно увидеть двойной тулуп. 40. Главный враг амазонских пираний. 41. Родной город А. Дюрера. 42. Самый близкий к санскриту современный язык. 43. Сирийский военачальник, муж Семирамиды. 44. «24 капрички» Н. Паганини для скрипки соло (основной жанр).

По вертикали:

1. Самое массовое охотничье животное Америки. 2. Английский писатель; в литературу его ввел Дж. Голсуорси. 3. «К чему бы нам служили все науки? Ужли на то, чтоб жить, поджавши руки, как встарь живал наш ... Адам?» (И. Крылов. «Послание о пользе страстей».) 4. Звание, в котором Александр Колчак венчался с потомственной дворянкой Софьей Омировой. 6. Знак отличия на темени шлема, обычно из перьев. 7. Африканская обезьяна, живущая в групповом браке. 8. Швейцарский мыслитель, основавший аналитическую психологию. 9. Каждая из пышных складок, сборок на рукавах, юбках. 11. Химический элемент, выделенный Ж. Баларом из морской воды. 14. Мера веса, которую до эры колхозов не знали русские крестьяне. 17. ... плести (неумело делать, путать). 18. Персонаж греческой мифологии. Его изображали сидящим на осле и потягивающим вино из меха. 19. Издательство русских символистов. 20. Другое название русской игры в чижика. 21. Амазонская змея. В минуту опасности прячет голову под кольца тела и поднимает хвост, покачивая им. 24. Самоцвет родившихся ранней весной. 26. Имя римского издателя Джентилуччи, по идее которого оформили концертный зал, где в 1866 году впервые исполнили симфонию «Божественная комедия» Ф. Листа. 29. Шарль Луи де ... барон де ла Бред де Монтескье. 30. Зодчий, построивший знаменитый мавзолей Тадж-Махал. Правитель Монгольской империи Шах-Джахан приказал отрубить ему руки, чтобы он не смог построить ничего лучше. 31. Французский художник, заставший «великое царствование» Людовика XIV. 33. Основатель, наряду с Оствальдом, Вант-Гоффом и Аррениусом, физической химии. 34. Реки Аксу, Хотан и ..., сливаясь, образуют Тарим. 35. Женя Богорад по отношению к Вольке («Старик Хоттабыч» Л. Лагина). 39. Композитор, чью оперу «Вильям Ратклиф» Н. Римский-Корсаков сравнил с «Русалкой» А. Даргомыжского.

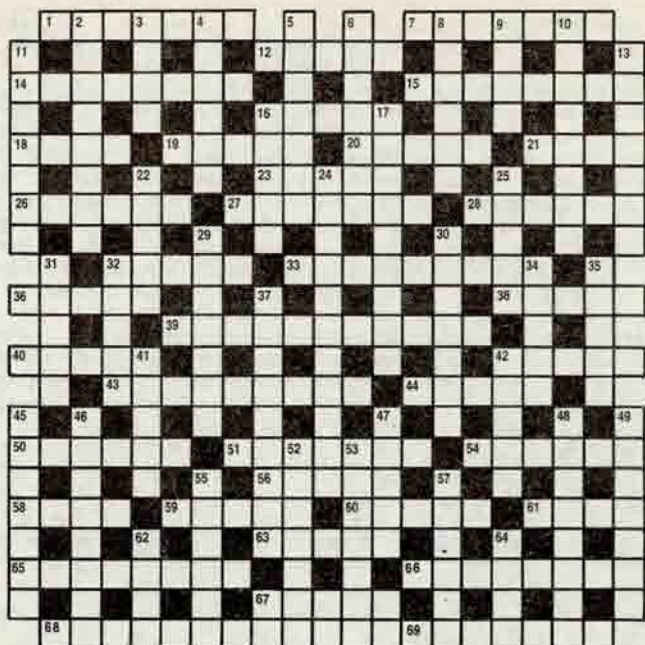
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

1. ...Шихуан... 6. Твигги. 10. Рывок. 11. Бурнус. 12. Журнал. 13. Эврипос. 14. ...нрав... 17. Фарс. 18. Репин. 19. Целла. 20. Ил. 24. Ча. 25. Нефтеюганск. 26. Велес. 28. ...судия... 29. Архиепископ. 31. Ер. 33. Ча. 35. Пихта. 36. Филип. 38. Дари. 40. Йеху. 41. Моллюск. 43. Лыжник. 44. Зинген. 45. ...звоны... 46. Квазар. 47. Чермак.

По вертикали:

1. Шубункин. 2. Харвар. 3. «Амур». 4. Тыква. 5. Полицейский. 7. Вкус. 8. Гончая. 9. Иглесиас. 12. Жолли. 15. Вестник. 16. Битюк. 21. Лемур. 22. Навратилова. 23. Ленский. 24. Чехов. 27. ...шприц. 28. Сердолик. 30. Парусник. 32. Щипок. 34. Дружба. 37. Пергам. 39. Осень. 41. Мита. 42. Чиле.

КРОССВОРД
Составил
А. СУХОРОСОВ,
Верхняя Салда
Екатеринбургской
области

По горизонтали:

1. Островная страна у древних арабов. С ней связывают четыре путешествия Синдбада-морехода. 7. Памятник в виде столба. 12. Первооснова янтаря. 14. Сложное, запутанное расположение помещений, дорог, переходов. 15. Первый в Молдавии печатный кодекс феодального права, изданный в 1646 году. 16. Вид связи для обслуживания студентов, зародившийся в средневековом Париже. 18. Египетский город, деливший в IX веке с Багдадом пальму первенства по числу горожан. 19. Духовой музыкальный инструмент. 20. «... Парижа» — роман Э. Золя. 21. «Морской дьявол» как рыба. 23. Часть плуга. 26. Дорогой компонент эликсиров бессмертия у алхимиков. 27. Священное дерево эллинов. 28. Тропический плод, богатый протеином, фосфором, витамином А. 32. Резной драгоценный камень. 33. Обувь, основа интриги в одноименной опере П. Чайковского. 36. Киргизский героический эпос. 38. «Орнаментальная» трава. 39. Краска, которую в эпоху Возрождения делали из лазурита. 40. Автор сказки «Конек-Горбунок». 42. Единица для измерения массы боксерских перчаток. 43. Поэт, о котором Анна Ахматова сказала: «И вся земля была его наследством, а он ее со всеми разделил». 44. Питьевой сосуд в декоративно-прикладном искусстве. 50. Приемник «Театра Монматра» в Париже. 51. Академик, под чьим руководством вышли тридцать томов «Флоры СССР». 54. Работник театра. 56. Один из самых дешевых в большинстве стран плодов. 58. Круглый снаряд. 59. «Панто-

вый» олень. 60. Молочный напиток. 61. Вассарга, гермиан, сабза (общее название). 63. Зодиакальное созвездие. 65. Рисуночный знак древнего египетского письма. 66. Ансамбль в Афинах, один из самых совершенных архитектурных шедевров мира. 67. Городошная фигура, какую выбивают восьмой по счету. 68. Советский композитор-песенник. 69. Мумие — это горный ...

По вертикали:

2. Спутник Урана. 3. Город в Индии с мавзолеем Тадж-Махал. 4. Придворный поэт Карла IX, которого каждый француз знает так же, как мы знаем Пушкина. 5. Архитектор, построивший пирамиду Джосера. Египтяне почитали его мудрецом и в каждом доме держали его статуэтку. 6. Горный ледник. 8. Оружие, на которое походил хвост панцирных динозавров. 9. Спортивный инвентарь. В Осло есть посвященный ему музей. 10. Язык древней Индии, слово «веда» на котором означает «знание». 11. Виноградный сахар. 13. Индивидуальный числовой показатель мастерства шахматиста. 16. Древние Афины или Спарта как государство. 17. Группа островов. 22. Плотницкий инструмент. 24. Ереванское книгохранилище. 25. Верхняя одежда кавказцев. 29. Мозаичное стекло. 30. Русское название художественной эмали. 31. Самая крупная чистиковая птица. 32. Аллюр, с которого начинается выездка. 34. Произведение древнерусского искусства. 35. Римский поэт, создавший эпос «Летопись». 37. Ступенчатое основание колоннады в античной архитектуре. 41. Бальный танец. 42. Сказка А. Афанасьева о страшном женихе и девушке-цветке. 45. Певец, первым из деятелей искусства Советской России удостоенный звания народного артиста республики. 46. Поэт и прозаик, мыслитель и путешественник, дипломат и моралист эпохи Возрождения, чьи рукописи современники ценили выше драгоценных металлов. 47. Дипкурьер в допетровской Руси. 48. Легендарная женщина-воительница. 49. Название Шпицбергена на старинных поморских картах-лоциях. 52. Мастер русского авангарда, автор картины «Черный квадрат». 53. Теннисный инвентарь. 55. Игровой дом. 57. «... и Муравей» — басня Лафонтена, чей сюжет он заимствовал у Эзопа. 62. Главный инструмент в акупунктуре. 64. Кожа мягкой выделки.

287

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

1. Окапи. 4. Бадья. 7. Кипарис. 8. Риальто. 12. Лервик. 13. Щипач. 14. Скорпион. 18. Лафонтен. 19. Папирус. 20. Гонг. 23. Игла. 24. Женевское. 25. Феникс. 28. Эмерсон. 29. Зизифус. 33. Серьги. 34. Парацельс. 35. Цирк. 39. Внук. 40. Шоколад. 41. Трионикс. 44. Шарлатан. 45. Хамса. 46. ...лошадь. 49. Смоляне. 50. «Кудруна». 51. Кокос. 52. Армяк.

По вертикали:

1. Официант. 2. ...араб... 3. Иридий. 4. Брик. 5. Делакруа. 6. Янтарь. 9. Трюфель. 10. Далансе. 11. Чигорин. 12. Люлли. 15. Негус. 16. Серебро. 17. Живописец. 21. Декоратор. 22. Петух. 26. Омега. 27. Бильярд. 30. Фроуэрд. 31. Малахай. 32. Мичиган. 33. Сиваш. 36. Кость. 37. Кораблик. 38. Воротник. 42. Башмак. 43. Услуга. 47. Янус. 48. Арум.

Окончание.

Начало на стр. 72

писи» справедливо написал, что «искусство Сомова... не дает мощных, укрепляющих и поднимающих дух образов. Рядом с великими произведениями живописи оно покажется, пожалуй, мелким, во всяком случае, болезненным, слишком изнеженно тонким». К концу творчества из работ Сомова уйдет «едкая невыдыхающаяся соль», так остро ощутимая в русский, петербургский период творчества уникального художника.

Сомов не дожил до второй мировой войны. Зинаида Серебрякова написала в мае 1939 года дочери Татьяне в Ленинград: «Мы очень огорчены внезапной смертью К. А. Сомова, скончавшегося восьмого мая от разрыва артерии. Как раз мы виделись с Константином Андреевичем в день рождения дяди Шуры (А. А. Бенуа.— Э. П.), и Сомов обещал мне прийти ко мне в понедельник к пяти часам, т. к. мы его ждали, а вместо этого пришли к нам сказать, что он умер! Он был ровесник дяди Шуры и еще полон сил,— рисовал до последней минуты портрет дамы, потом внезапно почувствовал себя плохо, впал в бессознание и через час скончался...»

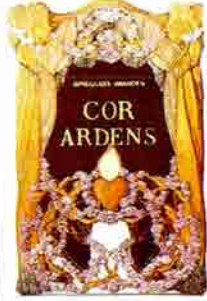
Умер художник на руках друга и мецената М. В. Брайкевича.

В его искусстве сохранились не только болезни «страшного кануна катастроф», но и преклонение перед красотой, жажда жизни, страстная любовь к природе. Сколько лиризма, восхищения и изысканного до простоты мастерства вместила его маленькая акварель ранней весны. Нашей северной, неяркой, с лишенным голубизны небом. Весны России!

КОНСТАНТИН СОМОВ. Спящая молодая женщина. 1909.

▼ Любовное письмо
(Дама в красном). 1911—1912.

▲ Фронтиспис книги стихов
В. И. Иванова. 1907.

▲ Итальянская комедия. 1914.

Музыкальная антенна представляет: